

П. Е. ЩЕГОЛЕВ . ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ИЗ ЖИЗНИ
И
ТВОРЧЕСТВА
ПУШКИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1931

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

П У Ш К И Н

**И С С Л Е Д О В А Н И Я,
С Т А Т Ь И И М А Т Е Р И А Л Ы**

Т О М В Т О Р О Й

ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКВА

1 9 3 1

ЛЕНИНГРАД

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1931

ЛЕНИНГРАД

X—5. Огиз № 40200/л.

Ленинградский Областлит № 3908.

Тираж 3000—24¹/₄ л.

Заказ № 1489

Государственная типография им. Евгении Соколовой. Ленинград, пр. Красн. Командиров, 29

В настоящей книге собраны мои работы о Пушкине, в отдельном издании до сих пор не появлявшиеся, и повторены очерки и статьи, входившие в состав вышедшей из обращения моей книги «Пушкин. Очерки» (1-е издание в 1912 году, 2-е в 1913).

Включенные в настоящий том статьи вновь пересмотрены, исправлены и дополнены.

В настоящем издании моей работы не малую техническую помощь оказал мне Л. Б. Модзалевский, которому и выражаю мою благодарность. Кроме того, считаю необходимым поблагодарить и В. В. Преснякова за отчетливое выполнение фотографических снимков.

П. Щеголев.

СОКРАЩЕНИЯ.

Различные издания сочинений Пушкина цитируются кратко лишь указанием редактора, а где этого недостаточно—и издателя: так, «Пушкин — Ефремов — Суворин» означает: «Сочинения Пушкина. Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина».

Письма Пушкина и к Пушкину цитируются по изданию Академии Наук. (Сочинения Пушкина. Переписка. Под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова; кратко—«Переписка».) При обозначении даты письма опускается указание на страницы этого издания. «Письма Пушкина, ред. Б. Л. Модзалевского, изд. Госиздата» обозначаются в цитате кратко: «Письма».

Ссылки на описание рукописей Пушкина, хранящихся во Всесоюзной библиотеке имени Ленина (быв. Румянцевский музей), сделанные В. Е. Якушкиным и напечатанные в «Русской Старине» за 1884 год, даются кратко: «Якушкин. Описание, месяц, страница».

Книги П. В. Анненкова «А. С. Пушкин. Материалы для биографии и оценки его произведений. СПб. 1873» и Л. Н. Майкова «Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина, СПб. 1902» цитируются кратко: «Анненков, Материалы» и «Майков, Материалы». Книга Н. О. Лернера «Труды и дни А. С. Пушкина, 2-е изд., СПб. 1910» цитируется: «Лернер, страница».

Слова и фразы текстов, зачеркнутые в подлиннике, приводятся в книге в прямых скобках.

А. С. ПУШКИН

С оригинала, подписанного: «К. В. 1835»
(Принадлежит П. Е. Щеголеву)

I

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков, государственный канцлер, был руководителем нашей внешней политики за все время царствования Александра II. Его активная дипломатическая деятельность началась в 1854—1856 гг., когда он в качестве русского представителя в Вене вел дипломатические переговоры во время Восточной войны. Правда, переговоры не принесли практических результатов, но «искусство и твердость», проявленные в это время Горчаковым, обратили на него внимание царя, и в 1856 году он был назначен министром иностранных дел. Когда в 1862 году во главе прусской политики стал Бисмарк, Горчаков, верный поклонник железного канцлера, поставил своей задачей согласование русской политики с политикой Бисмарка. После войны 1870 года Бисмарк уже перестал нуждаться в содействии русского министра и стал выдвигать Австрию, как противовес России на востоке. Берлинским конгрессом закончилась политическая деятельность Горчакова: тут на этом конгрессе русская дипломатия, в течение столь долгого времени руководимая Горчаковым, оказалась разбитой: русские дипломаты не только не умели достигать целей, — они не умели их даже ставить и формулировать. Министром Горчаков перестал быть с марта 1882 г. Умер он 27 февраля 1883 года в Бадене, на 85 году жизни (род. 4 июля 1798 г.).

Но не дипломат Горчаков нас интересует. Он был товарищем Пушкина по лицу. С его именем связаны четыре известные нам послания и строфа из «19 октября». Отсюда право государственного канцлера быть отмеченным в биографии поэта. Мы не причислим его к кругу друзей поэта. Пушкин был необычайно щедр, раздавая свою дружбу, и сколько теперь их, «друзей» поэта, которых он сам звал так и которых нам как-то неловко называть рядом с именем Пушкина! Горчаков был одним из таких друзей, совершенно не оценивших поэта. Даже к памяти его он не был признателем.

---

¹ Напечатано впервые в первом томе «Сочинений Пушкина», под ред. С. А. Венгерова.

Имя Горчакова было одним из тех, которые чаще других были на устах лицейстов позднейших выпусков. Редко у кого складывалась так блестяще жизненная карьера, как у Горчакова, его успехи по службе и в свете были поразительны: почти сейчас же по окончании лицея о нем, да о пресловутом бароне М. А. Корфе и В. Д. Вольховском заговорили: «идут в гору». Пушкин назвал Горчакова «счастливецом с первых дней». Таким он и был в представлении современников. Этот ореол счастья, этот блеск карьеры почти скрыл от нас человека.

Тебе рукой фортуны своенравной
Указан путь и счастливой и славной.

Успехам карьеры предшествовали тоже необыкновенные успехи в лицее. Тут о какой бы черте его дарования мы ни заговорили, — о памяти, сообразительности, прилежании, поведении, способностях, — мы везде встречаем одну и ту же оценку, так сказать на пять с плюсом. Еще в 1812 году лицейст Илличевский писал своему товарищу Фусу: «Горчаков благодарит тебя за поклон, и хотел было писать, да ему некогда. Поверишь ли? Этот человек учится с утра до вечера, чтобы быть первым учеником и, кажется, достиг своего желанья». ¹ Надзиратели и наставники, характеризую Горчакова, исчерпали, кажется, все украшающие эпитеты. В поведении Горчаков всегда был первым, а Вольховской — вторым; в учении же он уступал первое место Вольховскому. Гувернер Чириков 13 сентября 1813 года так выражался о Горчакове: «благоразумен, благороден в поступках, любит крайне учение, опрятен, вежлив, усерден, чувствителен, кроток, самолюбив. Отличительные его свойства: самолюбие, ревность к пользе и чести своей и великодушие». Профессор Кошанский 15 декабря 1813 года характеризовал Горчакова: «один из немногих воспитанников, соединяющих многие способности в высшей степени. Особенно заметна в нем быстрая понятливость, объемлющая вдруг и правила, и примеры, которая, соединясь с чрезмерным соревнованием и с каким-то благородно-сильным честолюбием, открывает быстроту разума в нем и некоторые черты гения. Успехи его превосходны». Профессор математики Карцов отмечал следующее: «Был, как и всегда, внимателен, отменно прилежен, в суждении тверд и основателен, успехи оказывает быстрые и решительные, вел себя превосходно». Инспектор Пилецкий-Урбанович писал о нем в журнале: «благонравен, благороден, ревнителен к учению и чести своей, дружелюбен, весьма чувствителен и пылок». ²

¹ Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб. 1899, стр. 57.

² Все эти отзывы помещены в приложениях к книге Селезнева «Исторический очерк Императорского лицея». СПб. 1861.

Кажется, больше и не подобрать эпитетов для характеристики Горчакова. Подчеркнуть следует «ревность к пользе и чести своей», «чрезмерное соревнование», или, проще, честолюбие, прямо поглощавшее молодого лицеиста.

Так вот какой друг был у Пушкина в лицее, у Пушкина, который являлся чуть ли не полной противоположностью Горчакову. До нас дошло три послания поэта к Горчакову и один отрывок из послания ему же. Два послания писаны еще в лицее. Были ли они данью дружбы? Едва ли: они могут свидетельствовать о хороших товарищеских отношениях в лицее — и только! Между Пушкиным и Горчаковым вовсе не было той дружбы, которая проникала, например, отношения Пушкина к Пушкину или Дельвигу. Когда перечитываешь в хронологическом порядке эти послания Пушкина к Горчакову, то начинает казаться, будто Пушкин где-то в глубине души все время осторожно сравнивает себя с избранником счастья. Сначала образ Горчакова, столь одаренного и блестящего, привлекает внимание поэта. Все, достижение чего кажется нелегким для Пушкина, все это дается Горчакову; его удачи и дарования верно сулят ему радости жизни, столь изменчивые для поэта. Любовь, та любовь, что для юноши сказала в такой безнадежности, стучится в сердце избранного. В первом же послании поэт, колеблющийся в вопросе о том, чего же пожелать товарищу — глубокой ли старости, любезной супруги или громких дней, крестов, алмазных звезд, честей (этого-то и должен был желать поэт), — вдруг останавливается на самом желанном для себя в этот миг.

Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Епикура
Провел меж Вакха и Амура.

Дай бог, чтоб в страстном упоеньи
Ты с томной сладостью в очах
Из рук младого Купидона,
Вступая в мрачный чели Харона,
Уснул... Ершовой на грудях!

Во втором послании поэт гораздо серьезнее анализирует счастливого избранника и освобождается от заколдовывающего влияния необыкновенной удачливости, счастья:

Мой милый друг, мы входим в новый свет:
Но там удел назначен нам неравный,
И разный нам оставить в мире след...

Счастливым и славным путем материального, внешнего счастья не пленяет поэта. Ему опять все кажется, что Горчакова должна увлечь «любви прелестная пора»: ведь это же лучшее, что представлялось в то время поэту-юноше. Ему «чужда счастливая любовь», и жизнь его так уныла в сравнении с той,

которой он может наделить счастливого избранника. Но ведь не от предопределения же, не от рока же эта разница судеб, ведь и радости жизни даются одному и отнимаются у другого не оттого же, что один родился в сорочке, а другой нет? Вот вопрос, которым разрешается второе послание.

Третье послание написано уже после лицей, в то время когда товарищи уже расходились. Отношения Пушкина становятся все сознательнее и сознательнее. Горчаков уже делает карьеру. Он — «питомец мод, большого света друг, обычаев блестящих наблюдатель». А Пушкин, «красоты беспечный обожатель», проводит «незнаемый досуг».

«Ты мне велишь оставить мирный круг», — пишет Пушкин. Тут речь идет, конечно, о совете Горчакова Пушкину обратить побольше внимания на карьеру и успехи в свете. Но Горчаков уже стал ясен для поэта: он не советует ему больше «вновь миртами красавицу венчать». Он предпочитает скорей быть в счастливой семье («младых повес»), чем в том обществе, которое только и признавал Горчаков. Какими необычайно резкими должны были показаться именно Горчакову стихи Пушкина:

Не вижу я украшенных глупцов,
Святых невежд, почетных подлецов
И мистика придворного кривлянья.

Честолюбию и роковой удачливости Горчакова какой большой удар в этом послании! Правда, добрый поэт смягчил эффект характеристики света заключительными стихами:

И ты, харит любовник своевольный,
Приятный лжец, язвительный болтун,
По прежнему остряк не богомольный,
По прежнему философ и шалуи,—
И ты на миг оставь своих вельмож
И малый круг друзей моих умножь.

Но и эти стихи говорят,¹ что расстояние, которое Пушкин-лицейист отмечал между собой и Горчаковым, уже существовало.

Жизненные дороги расходились все дальше и дальше. Пушкин прошел через вольномыслие эпохи, соприкасаясь незаметно для себя с таинственной жизнью политических обществ: был в ссылке на юге, находился в ссылке в Михайловском. Имя его было окружено ореолом правительственного гонения. А Горчаков «шел в гору» по коллегии иностранных дел. В 1820 и 1821 годах он находился при управлявшем коллегией в Тропнау и Лайбахе, а в 1822 году он уже был первым секретарем посольства в Лондоне.¹

¹ В качестве такового в 1826 году он явился в Эдинбург к Ник. Ив. Тургеневу и увещевал его приехать в Россию.

В Михайловском Пушкин оказался под началом и под надзором всяческих властей, светских и духовных, и между прочим и местного, опочечкого предводителя дворянства Пешурова. Пешуров доводился Горчакову дядюшкой и через него Горчаков получал сведения о лицейском товарище. В одном из писем к дяде, открытых в 1928 году, Горчаков из Парижа (от 5 февр. н. ст. 1825 года) писал: «Я с живым интересом прочел все подробности, которые вы мне даете насчет Пушкина. — Принимаю часть признательности, которою я вам обязан за заботы, которые вы приняли, чтобы вытащить его из затруднения. К тому же я очень рад, что вы не понесли ответственности за это. Не взирая на противоположность убеждений, которые мы исповедуем, я не могу не испытывать к Пушкину большой симпатии, основанной на воспоминаниях молодости и на любви, которое во мне всегда вызывало его поэтический талант. Его поведение было впрочем постоянно нелепо, и надо признаться, что одна лишь ангельская доброта государя могла не утомиться обращаться с ним со снисхождением, которое он не всегда заслуживал...»

В первой половине сентября 1825 года кн. Горчаков заехал в с. Лямоново, Псковского уезда, к своему дядюшке, предводителю А. Н. Пешурову. Здесь встретился с ним Пушкин. Свидание с лицейским товарищем не доставило радости Пушкину. Он писал после встречи кн. П. А. Вяземскому: «Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны. Он ужасно высох — впрочем, так и должно: зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гнием: первое все-таки лучше. — От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии, попроси его не говорить об них...». А 15 сентября Пушкин писал тому же Вяземскому: «Горчаков мне живо напомнил лицей, кажется, он не переменялся во многом — хоть и созрел и следственно подсох. Ты вбил ему в голову, что я объедаюсь гонением. — Ох душа моя — меня тошнит... но предлагаемое да едят».¹

Итак они, Пушкин и Горчаков, в 1825 году разошлись, и Горчаков был до прозрачности ясен Пушкину. Последняя фраза вырисовывает даже оттенок их отношений. С высоты своего благоприличия и карьеры Горчаков, очевидно, указал Пушкину все светское неприличие положения преследуемого правительством. Ну, конечно, в момент свидания с Пушкиным Горчаков чувствовал себя гораздо выше и значительнее ссыльного поэта. Мы сейчас приведем рассказ самого Горчакова о встрече с Пушкиным, а пока выразим глубокую радость по поводу того, что дошли до нас те письма Пушкина, из которых мы только что привели отрывки. Не будь у нас свидетельства самого Пушкина о свидании с Горчаковым, пришлось бы

¹ Письма, т. I, стр. 161, 163.

поверить тому, что болтал в позднейшие годы сам князь. Вот что рассказал в 1871 году князь Горчаков кн. А. И. Урусову, записавшему слова Горчакова и сообщившему их в «Русский Архив». ¹ Рассказ ведется в третьем лице.

«В 1825 году князь Александр Михайлович возвратился в Россию из Спа, где лечился. Он посетил своего дядю, Пешурова, который жил в это время в своей вотчине Псковской губернии, в селе Лямонове. Пешуров принимал большое участие в судьбе Пушкина, жившего в изгнании в деревне, в известном Михайловском. По приезде его из Одессы к поэту был приставлен полицейский чиновник, с специальной обязанностью наблюдать, чтобы Пушкин ничего не писал предосудительного. Понятно, как раздражал Пушкина этот надзор. Пешуров, из любви к нему, ходатайствовал у маркиза Паулуччи (тогдашнего рижского генерал-губернатора) о том, чтобы этот надзор был снят, а Пушкин отдан ему на поруки, обещая, что поэт ничего дурного не напишет. Ходатайство имело успех, и Пушкин вздохнул свободнее.

«Узнав о приезде князя Горчакова, Пушкин тотчас приехал из Михайловского в Лямоново, и здесь, на проселочной дороге, друзья действительно встретились и «братски обнялись». Целый день провел Пушкин у Пешурова и, сидя на постели вновь захворавшего князя Горчакова, читал ему отрывки из «Бориса Годунова» и, между прочим, наброски сцены между Пименом и Григорием. «Пушкин вообще любил читать мне свои вещи», заметил князь с улыбкой, «как Мольер читал комедии своей кухарке». В этой сцене князь Горчаков помнит, что было несколько стихов, в которых проглядывала какая-то изысканная грубость и говорилось что-то о «слюнях». Он заметил Пушкину, что такая искусственная тривиальность довольно неприятно отделяется от общего тона и слога, которым писана сцена... — «Вычеркни, братец, эти слюни. Ну, к чему они тут?» — «А посмотри у Шекспира и не такие еще выражения попадают», — возразил Пушкин. «Да, но Шекспир жил не в XIX веке и говорил языком своего времени», заметил князь. Пушкин подумал и переделал свою сцену.

«Пользуясь своим влиянием на Пушкина, князь Горчаков побудил его уничтожить одно произведение, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкин написал было поэму «Монах». Князь Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это недостойно его имени». ²

Да, не сохранись свидетельства Пушкина, пришлось бы исследователям ставить и решать вопрос о влиянии канцлера Горчакова на творчество Пушкина...

¹ Русск. Арх. 1883, т. II, стр. 205—206.

² Истории «Монаха» в связи с отношениями к Горчакову посвящена следующая статья этой книги.

Столкновение этих рассказов рисует фигуру Горчакова прозрачными и комическими штрихами...

По поводу рассказов Горчакова уместно привести содержательную характеристику канцлера, принадлежащую перу Е. М. Феоктистова и появившуюся в печати в 1929 году: «Горчаков видел на своем веку очень много и любил говорить о замечательных лицах, с которыми сталкивала его судьба, но в рассказах о них он всегда ухитрялся отводить самому себе видное место. Так поступал он даже относительно Пушкина. Из слов его оказывалось, будто он имел сильное влияние на развитие таланта знаменитого поэта, будто Пушкин особенно доверял его вкусу, читал ему свои произведения и подчинялся всем его замечаниям. Плохо верится этому, так как между натурами Пушкина и Горчакова едва ли могло быть много общего. На ученической скамье и вскоре по выходе из лицея Пушкин мог писать ему послания, но затем каждый из них пошел своею дорогой, встречались они редко и при одной из этих встреч знаменитый поэт с горечью заметил, как сильно Горчаков выдохся (письмо Пушкина напечатано в «Русском Архиве», но Бартенев не решился, разумеется, обозначать имя Горчакова). Как бы то ни было, князю Александру Михайловичу приятно было похвалиться мнимым влиянием своим на бывшего товарища, прославившего свое имя. Вообще прежде всего поражало в нем непомерное тщеславие. Не было, кажется, такой грубой, наглой лести, которую не принимал бы он за чистую монету; он нуждался в поклонении, в том, чтобы непрерывно курили ему фимиам, прославляли его доблести».¹

Но поэт был великодушен и щедр. В своем стихотворении «19 октября» он посвятил ему прекрасную строфу. Это — последнее поэтическое свидетельство об отношениях Пушкина и Горчакова. В известных нам сочинениях и письмах Пушкина мы не находим больше упоминаний о Горчакове.

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодной
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой,
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай, проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Горчаков надолго пережил Пушкина. В год смерти Пушкина он управлял делами нашего посольства в Вене, а скоро он и совсем стал сановником. Пушкин же превратился для него в совсем ничтожную величину. Правда, Я. К. Грот записал, что «Горчаков до глубокой старости гордился дружбой поэта»,²

¹ Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы 1848 — 1896. Под ред. Ю. Г. Оксмана. «Прибой» 1929, стр. 62—63.

² Я. К. Грот, дит. раб., стр. 16.

но в этом позволительно усомниться. На собрании лицеев 19 октября 1870 года было решено образовать комитет по устройству памятника. По поручению собравшихся, Я. К. Грот и Н. А. Шторх явились к кн. Горчакову с приглашением в члены этого комитета. «Но кн. Горчаков не нашел возможным согласиться на их просьбу, ссылаясь на свои занятия и, кажется, на свое здоровье». ¹

И через десять лет, в 1880 году, Горчаков отказался присутствовать на торжестве открытия памятника. Приглашал его Я. К. Грот. «Он (Горчаков), — пишет Грот, — принял меня очень любезно, выразил сожаление, что не может быть на торжестве в честь своего товарища, и, прочитав на память большую часть послания его «Пускай, не знаясь с Аполлоном», распротраиваясь о своих отношениях к Пушкину». ²

В 1825 году в стихах, посвященных лицейской годовщине, Пушкин восклицал:

Кому ж из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный друг! среди новых поколений
Докучный гость, и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальной,
Его провел без горя и забот.

Этим последним лицеистом пушкинского выпуска был князь Горчаков. Он не оправдал мечты поэта... ³

¹ Я. К. Грот., цит. раб., стр. 170.

² Там же, стр. 268.

³ Несколько слов о тексте и хронологии посланий Горчакову. Появились они в печати как-то из-под полы. Сам Горчаков не считал нужным приложить свою руку к воспроизведению посланий к нему Пушкина. П. А. Ефремов замечал по этому поводу: «как согласить слова Я. К. Грота, будто Горчаков «до глубокой старости гордился дружбою Пушкина и знал на память обращенные к нему послания знаменитого товарища». Если так, то почему же все эти послания явились в печати помимо князя, с искаженным и неполным текстом, в отрывках (как в «Рауте» Сушкова), и почему при такой «гордости дружбою Пушкина» и знании наизусть посланий князь не продиктовал полного и верного текста и даже не сообщил никаких поправок хотя бы Гроту, своему собеседнику о Пушкине». А ведь рукописи посланий сохранялись в архиве Горчакова. Хронология их совершенно произвольна: одно из них печатается под 1815 годом, без всяких к тому оснований и должно быть перенесено в стихотворения неизвестных годов лицейского периода. Второе послание печатается под 1816 годом. Начинается оно так:

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной;
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравной,
Над озером иду рука с рукой.

«Осьмнадцатую» весну Пушкин, родившийся 26 мая 1799 года, встречал конечно в 1817 году. Только весной 1817 года, окончивая курс лицея, Пушкин

Прошло 45 лет со смерти Горчакова. Прошло 11 лет великой русской революции, которая смела без остатка хозяев Горчаковых, и вдруг в 1928 году о Горчакове вспомнили и заговорили. Были найдены охраненные случаем остатки его архива, среди них автографы (числом 7) и списки стихотворений Пушкина. Важнейшей находкой была поэма «Монах»; ни одного стиха этой поэмы Пушкина мы не знали. Понятен оживленный шум вокруг этой находки. Нетерпеливое ожидание читающей массы было скоро удовлетворено Центрархивом, который напечатал «Монаха» на страницах «Красного Архива». ¹ Вопросу о поэме посвящена моя статья, которая воспроизводится вслед за настоящей работой. Наконец, и Горчаков оказался пушкинистам полезен: он сохранил свежее и яркое произведение юной музы Пушкина.

мог думать, что эта весна — весна последних встреч. Совершенно очевидно, что это послание надо печатать под 1817 годом. Наконец, третье послание отнесено к 1819 году Анненковым, причем основания приурочения не указаны: может быть они были у Анненкова, а может быть и не были, а было только его предположение.

¹ Кн. 31 и 32. Ныне выходит в издании «Горчаковский архив».

1

Первое известие о поэме Пушкина «Монах» появилось в печати шестьдесят пять лет тому назад, в статье В. П. Гаевского «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения». ² Сам лицейст и собиратель лицейской старины, Гаевский в своей работе широко воспользовался устными преданиями — рассказами лицейских товарищей Пушкина. Вот что он узнал от них о первых литературных опытах Пушкина: «По рассказам товарищей Пушкина, он в первые два года лицейской жизни ³ написал роман в прозе «Цыган» и вместе с М. Л. Яковлевым комедию «Так водится на свете», предназначенную для домашнего театра. После этих опытов он начал комедию в стихах «Философ», о которой упоминает в записках, напечатанных в его биографии Анненковым, но, сочинив только два действия, охладил к своему труду и уничтожил написанное. ⁴ В то же время он сочинил, в подражание Баркову, поэму «Монах», которую также уничтожил, по совету одного из своих товарищей. Увлеченный успехом талантливого и остроумного произведения дяди, В. Л. Пушкина, «Опасный сосед», которое ходило тогда в рукописи и с жадностью читалось и перечитывалось, племянник пустился в тот же род и кроме упомянутой поэмы написал «Тень Баркова» — балладу, известную по нескольким

¹ Первоначально в «Красном Архиве», кн. 31, и в сборнике Центр архива, «Горчаковский архив».

² «Современник», 1863, № 7, стр. 155, 157.

³ Первые два года лицейской жизни захватывают период с октября 1811 по октябрь 1813 г.

⁴ Речь идет об отрывках из лицейских записок, датируемых точно 1815 г. (Сочинения Пушкина, редакция С. А. Венгерова, т. V, стр. 411). 10 декабря 1815 г. Пушкин записал: «Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее». А 16 января 1816 г. товарищ Пушкина Илличевский писал своему другу Фусу: «Кстати о Пушкине: он пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием «Философ» (Я. Грот. «Пушкин и его лицейские товарищи и наставники». Изд. 2-е. СПб. 1899, стр. 67). Следовательно, приурочение комедии «Философ» к первому периоду лицейской жизни (1811 — 1813 гг.), сделанное Гаевским, является неверным. Не мешает отметить эту, одну из многих, неточностей Гаевского.

спискам... Все эти пять произведений, по отзывам товарищей поэта, сочинены в 1812, 1813 и не позже 1814 г...». ¹ И так по свидетельству Гаевского, поэма «Монах» написана — в подражание Баркову — в начальный период пребывания Пушкина в лицее, во всяком случае не позже 1814 г., и уничтожена по совету одного из товарищей.

Дальнейшие сообщения о «Монахе» идут от лицейского товарища Пушкина, князя А. М. Горчакова. Сам Горчаков ничего не записал ни о «Монахе», ни о Пушкине — он был слишком сановен и не мог снизойти до записей, а только «рассказывал» своим почтительным слушателям. Его рассказы записаны тремя слушателями — князем А. И. Урусовым, академиком Я. К. Гротом и редактором «Русской Старины» М. И. Семевским.

Князь Урусов посетил князя Горчакова 20 апреля 1871 г. и, вернувшись от него, тотчас же изложил его рассказ о Пушкине в письме к редактору «Русского Архива» П. И. Бартеневу. ² Семидесятидвухлетний старик, министр иностранных дел и государственный канцлер, только что получивший «светлейшего», Горчаков рассказал Урусову о том, что Пушкин вообще любил читать ему свои вещи и внимательно прислушивался к критическим замечаниям его, Горчакова, и принимал их к исполнению. Со слов Горчакова Урусов сообщил Бартеневу: «Пользуясь своим влиянием на Пушкина, князь Горчаков побудил его уничтожить одно произведение, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкин написал, было, поэму «Монах». Князь Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это произведение недостойно его имени. Эстетическое развитие князя Горчакова, его любовь к искусству (он составил себе превосходную коллекцию картин, в числе которых, по отзыву знатоков, нет посредственностей) должны были дать ему значительный вес в глазах чуткого и восприимчивого поэта». И так, по Гаевскому, Пушкин послушался совета одного из своих товарищей и сам уничтожил поэму «Монах». По Горчакову, он сам, Горчаков, взял рукопись и сжег.

8 мая 1880 г. академик Я. К. Грот посетил князя Горчакова перед отъездом своим на открытие памятника Пушкину в Москве. Восьмидесятидвухлетний светлейший князь, уже перевернувший в это время самую темную страницу своей служебной карьеры (так он сам называл свою работу на Берлинском конгрессе), был не совсем здоров. Грот записал: «Он принял меня очень любезно, выразил сожаление, что не может быть на торжестве в честь своего товарища, и, прочитав на память большую часть послания его «Пушкэй, не знаясь с Аполлоном», распро-

¹ Гаевский из пяти названных им произведений Пушкина знал только одно: балладу «Тень Баркова». Из этой «неприличной» баллады Гаевский мог привести лишь несколько строк с рядом многоточий.

² П. И. Бартенева напечатал отрывки из этого письма в 1883 году на страницах «Русского Архива», т. II, стр. 205—206.

«страшился о своих отношениях к Пушкину. Между прочим он говорил, что был для нашего поэта тем же, чем *la cuisinière de Molière* (кухарка Мольера) для славного комика, который ничего не выпускал в свет, не посоветовавшись с нею; что он, князь, когда-то помешал Пушкину напечатать дурную поэму, разорвав три песни ее...».¹ Новая версия: Горчаков разорвал три песни дурной поэмы и тем помешал Пушкину напечатать ее.

В 1881 г. (осенью) и в 1882 г. (весною) навещал Горчакова М. И. Семевский. В это время Горчаков, уже на 83-м году жизни, сложил служебное бремя и жил за границей, в Ницце. Семевский занес сейчас же по выслушании в свою записную книжку следующий рассказ Горчакова: «Славного лицеиста, нашего поэта Пушкина, я весьма любил и был взаимно им любим. С удовольствием вспоминаю, что имел на него некоторое влияние, о чем сужу по следующему случаю. Однажды, еще в лицее, он мне показал стихотворение довольно скабрёзного свойства. Я ему напрямки сказал, что оно недостойно его прекрасного таланта. Пушкин немедленно разорвал это стихотворение».² Речь, надо думать идет о том же «Монахе». Итак, третья версия: Пушкин, по совету Горчакова, сам разорвал свое стихотворение, им неодобренное.

Конечно, нельзя требовать точности от воспоминаний старца на восьмом десятке, даже если он государственный канцлер. Неважно, сжег или разорвал, но светлейший князь во всех трех версиях одно помнил твердо и одно утверждал категорически, что рукописи нет, что она уничтожена. А между тем рукописи неприличного «Монаха» вместе с другими автографами Пушкина и лицейскими реликвиями мирно хранилась в архиве Горчакова. Не стоит гадать на тему, говорил ли Горчаков эту неправду умышленно или по старческой забывчивости. Светлейший князь был человек необычайного тщеславия. Конечно, тщеславие побуждало его к рассказам о том, как Пушкин ценил его эстетические и критические замечания, чего в действительности и не было. А раз похвастав, что по его совету была уничтожена поэма Пушкина, как же можно было обнаружить наличие рукописи в собственном архиве!

Следующее, пятое по счету, сообщение о «Монахе» появилось в 1899 г. — в первом томе «Остафьевского архива князей Вяземских». Это пятое — в действительности первое хронологически известие о «Монахе»: 4 октября 1819 г. кн. П. А. Вяземский из Варшавы писал А. И. Тургеневу: «Сделай милость, скажи племяннику, чтобы он дал мне какого-то своего «Монаха» и «Вкруг я Стурдзы хожу» и все, что есть нового». Письмо

¹ Я. К. Грот, назв. работа, стр. 268.

² «Русская Старина» 1883, октябрь, стр. 164, в статье «Кн. А. М. Горчаков в его рассказах из прошлого». Статья подписана «М.-ской», но в оглавлении этого LI тома «Русской Старины» сказано: «записал и сообщил редактор», т. е. Семевский.

Вяземского привлекло внимание исследователей к «Монаху». В. И. Саитов, комментируя это письмо, высказался: «Под «Монахом», быть может, разумеется «Русалка», напечатанная впервые в издании 1826 г., или же поэма «Монах», которую Горчаков сжег — как произведение, недостойное имени Пушкина.¹ Но «Русалка» есть «Русалка», а «Монах» есть «Монах». Для предположительного отождествления «Русалки» с «Монахом» у Саитова не было никаких данных, но это предположение «обосновали» еще новыми предположениями. П. О. Морозов — «первоначально это стихотворение («Русалка»), может быть, называлось «Монах»² — и В. Е. Якушкин — «может быть, первоначально поэт даже так и назвал свою пьесу — «Монах», а потом изменил заглавие ради цензуры». ³ Против этого «может быть» совершенно справедливо восстал Н. О. Лернер в своих рецензиях на второй том академического Пушкина: «Русалка» и «Монах» совсем не одно и то же. ⁴ Действительный, но не высказанный мотив к замещению «Монаха» «Русалкой» в письмах Вяземского диктовался таким соображением: «Монах» — произведение раннего лицейского периода; «Русалка» — написана в 1819 г., а запрос Вяземского относится к 1819 г. Но решительно никакой неловкости нет, если мы пойдем слова Вяземского и так, как они написаны. Вяземский слышал о «Монахе», но ничего не знал о нем, а потому и запросил Тургенева. В изданной переписке Вяземского с Тургеневым не находим никакого ответа Тургенева на запрос Вяземского от 4 октября, но пробелов в переписке нет. По получении письма Вяземского, Тургенев писал ему 15 и 22 октября и 22-го сообщил ему: «Пушкин переписал для тебя Стансы на Свободу, но я боюсь и за него и за себя посылать их к тебе». ⁵ О «Монахе» ни слова, да Пушкин и ничего не мог сделать, так как рукопись была взята Горчаковым. Тургенев не отождествлял «Монаха» с «Русалкой», а о «Русалке», написанной в 1819 г., он писал Вяземскому много лет спустя, в 1824 г., 7 января: «Читал ли ты «Русалку»? Если нет, то пришлю, старая пьеса, прелестная...». ⁶ Это сообщение Тургенева, ускользнувшее от внимания исследователей, должно было бы удержать их от неосновательного отождествления «Монаха» с «Русалкой».

В 1908 г. Н. О. Лернер еще раз перебрал всю литературу о «Монахе» в специальной заметке,⁷ еще раз категорически

¹ Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, СПб. 1899, стр. 323 и 646.

² В издании сочинений Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 566—567.

³ Сочинения Пушкина. Изд. Академии Наук, т. II, СПб. 1905 стр. 80.

⁴ «Былое», 1906, № 6, стр. 304—305; «Русск. Арх.», 1906, № 8, стр. 603—604.

⁵ Остафьевский архив, т. I, СПб. 1899, стр. 335.

⁶ Остафьевский архив, т. III, СПб. 1899, стр. 3.

⁷ Пушкин. Сочинения. Ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 538.

высказался за раздельное существование «Русалки» и «Монаха» и сделал важное фактическое дополнение: «По некоторым известиям, «Монах» сохранился до наших дней, и владеющее рукописью лицо держит ее под спудом». Это прикровенное сообщение Н. О. Лернер разъяснил только после появления в печати известий о находке пушкинских рукописей в архиве Горчаковых. «Я знал, что поэма «Монах» хранится у «светлейших князей» Горчаковых, потомков канцлера, в их доме на Большой Монетной улице, и сделал попытку познакомиться с нею через посредство историка Н. Д. Чечулина, бывшего в дружеских сношениях с Горчаковыми. Чечулин, по моей просьбе, говорил с владельцем рукописи, но кн. Горчаков ответил, что не может исполнить мое желание, хотя и вполне сочувствует ему, потому что связан распоряжением деда, запретившего показывать рукопись кому бы то ни было из «посторонних». Мне было сообщено, что рукопись не может быть показана мне, но и никому никогда не будет показана. Так же не удалась и попытка, предпринятая потом покойным Б. Л. Модзалевским». ¹ Да, трудненько было вести дело с «светлейшими». И мне пришлось через того же Чечулина ходатайствовать о сообщении мне автографов посланий Пушкина к Горчакову: Чечулин любезно сообщил мне, что автографы имеются, но показаны быть не могут. Выходили, одно за другим, издания сочинений Пушкина, где печатались по неисправным спискам послания поэта к Горчакову; государственный канцлер любил декламировать их, но не снизошел к просьбам издателей и исследователей, хотя между ними были даже и воспитанники того лицея, который был окружен ореолом в воспоминаниях всех лицейстов — не соблаговолил даже показать, только показать эти рукописи.

2

Перед нами — три тетрабочки, три песни («три песни дурной поэмы разорвал Горчаков» — так записал Грот). Каждая тетрадка, в четвертушку писчего листа серой с синеватым оттенком бумаги, сшита цветной шелковинкой. Исправлений почти нет, немногие из них сделаны самим Пушкиным. Экземпляр, перебеленный начисто и — надо думать — поднесенный автором своему другу. Среди пушкинских автографов Горчаковского архива имеется и еще один подносный, нарядный автограф «Послания к Батюшкову»: на нем полностью Пушкин прописал «Александру Михайловичу Горчакову». Палеографические особенности рукописи, водяные знаки (1813 г.) не

¹ «Красная Газета», вечерний выпуск, четверг, 22 ноября 1928 г., № 322, заметка: «Монах» Пушкина. Для полноты обзора литературы отметим, что рассказы Горчакова повторены в статье Н. А. Гастфрейнда в книге «Товарищи Пушкина по императорскому царскосельскому лицей», т. I, СПб. 1912 г. Здесь дан биографический очерк Горчакова.

имеют большого значения, ибо они свидетельствуют лишь о том, раньше какого срока рукопись не могла быть переписана набело. А для суждения о том, когда поэма была написана, придется обратиться к иным доказательствам. Можно было бы сослаться и на приведенные Гаевским рассказы лицейских товарищей Пушкина, которые относили «Монаха» к первым двум годам лицейской жизни Пушкина и никак не позже 1814 г. Показания Гаевского не всегда точны, но это хронологическое приурочение «Монаха» к раннему лицейскому периоду следует принять, ибо оно подтверждается наблюдениями над почерком, детски красивым и неустойчивым, над языком, еще связанным архаизмами, над стихом, еще неуклюжим, над стилем, еще не дающим автору. В 1815 г. Пушкин так уже не писал. Одно достоинство следует отметить в произведении 13—14-летнего автора: совершенство композиции всей поэмы. Остановимся сейчас еще на некоторых соображениях, заставляющих отнести «Монаха» к 1814—1813 г., но не дающих возможности уточнить датировку.

Источники творческого воображения, создававшего «Монаха», сводятся к трем группам впечатлений. Первая группа дана чтением и изучением литературных образцов; вторая — созерцанием картин, которые Пушкин видел на стенах дворцовых покоев, и гравюр, которыми была так богата французская книга XVIII века, и, наконец, третья возникла из непосредственных возбуждений реальной действительности. Несколькими словами о действительности, питавшей эротику 13—14-летнего мальчика, воспитанника закрытого учебного заведения, которое казалось ему монастырем. Чувственные вождения, давшие реальную основу эротике «Монаха», шли от сцены домашнего театра графа Варфоломея Васильевича Толстого. 2 сентября 1815 года лицейский товарищ Пушкина Илличевский писал из Царского Села своему другу Фусу в Петербург: «Описать ли тебе, как я провожу время? — Наше Царское Село в летние дни есть Петербург в миниатюре. И у нас есть вечерние гулянья, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли — ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствие». ¹ По словам Гаевского, «лицейсты вместе с другими посетителями засматривались на первую любовницу доморощенной труппы Наталью, которая однако же была плохую актрисой». ² Вот этой-то Натальей и была уяз-

¹ К. Я. Грот. Пушкинский лицей (1811—1817). СПб. 1911, стр. 50. Любопытно, что при публикации этого письма в книге Я. К. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» в дату письма вкралась опечатка: вместо 1815 г. поставлен 1816. Так с 1816 годом письмо это и вошло в исследовательскую литературу!

² «Современник», 1863, № 7, стр. 139.

влена чувственность 13 — 14-летнего поэта. Яркую характеристику эротического увлечения Пушкина крепостной актрисой дает его «Послание к Наталье», появившееся в печати в полной редакции только в 1905 г. Подросток-поэт еще далек от физиологической близости к женщине и не на яву, а только в воображении дерзает пламенной рукой ласкать белоснежную полную грудь и только во сне видит с собой милую в легком одеянии, — «робко, сладостно дыханье, белой груди колебанье, снег затмившей белизной». Автор послания не без некоторого стыда и сам сознается, что он впервые чувствует себя влюбленным.

Миловидной жрицы Тальи,
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон.
Так, Наталья, признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще (стыжуся)
В женски прелести влюблен...

Автобиографичность этого признания в первой влюбленности не достаточно, пожалуй, даже совсем не оценена. К сожалению, мы не можем сделать хронологического приурочения. Мы не знаем даты возникновения театра Толстого; из письма Илличевского нам уже известно, что летом 1815 г. театр играл. Играл ли он в 1812, 1813 г., когда лицеисты начали его посещать, на это указаний пока не находим. Хронологию «Послания к Наталье», печатающегося под 1814 г., нельзя считать установленной. Единственным основанием является категорическое утверждение Гаевского: «Пушкин написал в 1814 г. на чатаные [Анненковым. Л. III.] в отделе стихотворений неизвестных годов посланья «К Наталье» и «К молодой актрисе». ¹ Но мы, к сожалению, не знаем, чем руководился Гаевский при датировке: собственными домыслами, представляющимися ему бесспорными, или определенными фактическими указаниями. Кроме того для нас ясно, что послания «К Наталье» и «К молодой актрисе» должны быть разделены значительным промежутком, а они и печатаются-то рядом: если первое относится к началу увлечения, то второе, понятно, к позднему моменту, моменту охлаждения. Да, кроме того, и по формальным достижениям второе послание стоит настолько выше первого, что говорить об одновременности их создания не приходится.

«Послание к Наталье» заканчивается саморекомендацией автора предмету своей страсти, не имеющему представления о том, кто этот нежный Целадон.

- Да кто же ты, болтун влюбленный?
- Взглянь на стены возвышенны,

¹ «Современник», 1863, № 7, стр. 139.

Где безмолвья вечный мрак,
Взглянь на окна загражденные,
На лампы там зажжены...
Знай, Наталья, — я монах.

Заключительная строка приводит нас к поэме «Монах». Лицей — монастырь, лицеист — монах; он подвержен искушениям плоти, и «Послание к Наталье» является в известной мере рассказом об искушениях, в которые ввергал лицеиста-монаха образ Натальи, тревоживший и сон и воображение. Поэма «Монах» дает рассказ об искушениях плоти, которые выпадают на долю придуманного автором монаха. В известной мере поэт объективирует впечатления собственных искушений, вызванных образом Натальи. Он и сознается простодушно в своем увлечении, называет по имени Наталью. Она есть эротическое бродило в творческом процессе создания «Монаха». Поэт жалеет, что он не владеет кистью художника, иначе он

Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венки душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.

Любопытно, что, выбирая своему монаху искушение и располагая в литературных образах целым арсеналом разнообразнейших искушений, Пушкин в процессе объективации собственных переживаний остановился на одном виде — на искушении частью женского туалета. Не женский образ привиделся монаху, а юбка — сладострастная черточка, характерная для подростка.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О, юбка, речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь.

И от этого обращения переход к действительности:

Люблю тебя, о, юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчевый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан...
Что может быть тогда тебя милее,
И ты, вися вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоятся меж розой и лилеей.

А в «Послании к Наталье» —

Скромный мрак безмолвной ночи...
Я один в беседке с нею.
Вижу... девственну лицею,
Трепещу, томлюсь, немею...

Эротика «Монаха» легко сближается с эротикой «Послания к Наталье», и эта близость дает повод к заключению, что и то и другое произведения писаны приблизительно в одно и то же время. Что написано раньше, послание или поэма? Если счесть автобиографическим момент ожидания Натальи, описанный в поэме, то хронологически первенство надо отдать «Монаху». Но вслед за волной чувственности, залившей строки послания и поэмы, пришла «первая любовь». В программе записок Пушкин пометил только «первая любовь», а в отрывках из лицейских записок под 29 ноября 1815 г. находим подробную запись. Пошли иные песни, бесконечно далекие от признаний Целадона перед Натальей и его вождедений:

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихой, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень.

«Я счастлив был!.. Нет, я вчера не был счастлив: поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу, — ее не видно было! Наконец, я потерял надежду; вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, — сладкая минута!

Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакувиной!

Но я не видел ее 18 часов — ах!

Какое положение, какая мука! Но я был счастлив пять минут».

Можно без опасения ошибки принять утверждение Гаевского о хронологии «Монаха» — не дальше 14-го года, но нет, в сущности, препятствий отодвинуть поэму к 1813 году.

3

Приурочение «Монаха» к начальному периоду лицейской жизни можно подкрепить и еще одним соображением. Из литературных источников, оказавших влияние на создание «Монаха», на первом месте надо поставить, понятно, Вольтера, а огромное воздействие Вольтера на Пушкина приходится именно на ранний период лицейского творчества: в это время он не имеет соперников, и только позже начинается влияние и других иностранных писателей.

О вольтеризме Пушкина не стоит распространяться. Тема давно поставлена и достаточно освещена. Вопрос специальный — о «Монахе» и его возможных иностранных источниках — во всех подробностях разобран в статье Б. В. Томашевского.¹ Здесь мы коснемся только общих линий. Из всех

¹ Горчаковский архив. Издание Центрархива.

произведений Вольтера наибольшее обаяние производила на Пушкина поэма «Орлеанская девственница» — «произведение самое возмутительное и нечестивейшее», по отзыву врагов Вольтера, «книжка славная, золотая, незабвенная, катехизис остроумия», по отзыву Пушкина. В 1818 году отъезжавшему в чужие края Н. И. Кривцову Пушкин подарил экземпляр «Девственницы» — «святую библию Харит». О ней писал Пушкин:

Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости молодой:
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.

Под влиянием Вольтера, его «Девственницы», Пушкин пробовал написать поэму «Бова». В ней читаем следующее обращение к Вольтеру:

О Вольтер, о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме — дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии,
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою, —
Будь теперь моею музою.

Поэма «Монах» приносит нам свидетельство Пушкина о том, чем был для него Вольтер. И в «Монахе» литературным образцом для Пушкина был Вольтер и его «Девственница». Необходимо остановиться на вступлении к «Монаху», содержащем обращение к Вольтеру и... к Баркову.

Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь!
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в «Жан д'Арке» восхищаюсь?
Где кисть твоя? Скажи, ужели век
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнасса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру
Я буду с ней всему известен миру...
Ты хмуришься и говоришь: не дам.

Так же, как и в «Бове», Пушкин горит одним желанием — творить по Вольтеру, взяв в образец его поэму об «Орлеанской девственнице». До такой степени горит желанием, что сейчас же начинает подражать «Девственнице». Вслед за только что приведенными стихами идет обращение к Баркову, но обращение это отнюдь не надо принимать по существу. Барков замещает только Шаплена в «Девственнице», бездарного и грубого автора скучнейшей, правовернейшей поэмы об «Орлеанской деве». Вольтер обращается к Шаплению:

O Chapelain, toi dont le violon,
De discordante et gothique mémoire,
Sous un archet maudit par Apollon
D'un ton si dur a raclé son histoire;
Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
Tu voudra bien me prêter ton génie:
Je n'en veux point; c'est pour Lamotte-Haudart
Quand l'Iliade est par lui travestie.

Приведем сделанный Пушкиным в 1825 г. перевод этих стихов «Девственницы», не совсем близкий к подлиннику:

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и чудотворный вкус
В былые дни бесили нежных муз!
Хотел бы ты, о, стихотворец хилый,
Почтить меня скрипцею своею,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

Издаваясь над Шапленом, Вольтер вводит в свою поэму шуточно злое обращение к своему конкуренту. Выдерживая тон подражания, Пушкин, после восторженно почтительного обращения к Вольтеру, противопоставляет Вольтеру Баркова. Сопоставим два обращения: Вольтера к Шаплену и Пушкина к Баркову в «Монахе»:

А ты, поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,¹
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу —
Последуй лишь примеру моему.

Но как Вольтер от предложения Шаплена, так и Пушкин решительно отказывается от Баркова:

Нет, нет, Барков! Скрипицы не возьму.
Я стану петь, что в голову придется.
Пусть какнибудь стих за стихом польется.

Барков не был для Пушкина тем, чем Шаплен был для Вольтера, и выдвижение Баркова не имеет ценности в сравнительно-литературном аспекте. Но отказ от Баркова в «Монахе» не единичен, не нов. В «Городке», написанном в 1814 году, Пушкин категорически отвергает возможность подражания Баркову: перебирая авторов, запретные произведения которых наполнили потаенную сафьяновую тетрадь, Пушкин останавливается на Баркове (в этих стихах Свистов обозначает Баркова):

---

¹ Вильон вряд ли был известен Пушкину, но упомянут, очевидно, ради рифмы: Аполлон — Вильон.

Но назову ль детину,
 Что доброю порой
 Тетради половину
 Наполнил лишь собой?
 О ты, высот Парнасса
 Боярин небольшой,
 Но пылкого Пегаса
 Наездник удалой!
 Намаранные оды,
 Убранство чердаков,
 Гласят из рода в роды:
 Велик, велик... Свистов!
 Твой дар ценить умею,
 Хоть, право, не знаток;
 Но здесь тебе не смею
 Хвалы сплетать венок:
 Свистовским должно слогом
 Свистова воспевать...
 Но убирайся с богом!
 Как ты, — — — — ,
 Не стану я писать.

Пушкин и Барков — тема, еще не поставленная в литературе. Речь идет, понятно, не о Баркове — Академии Наук переводчике, а о Баркове — отце барковщины, авторе порнографической стихотворной литературы, до сих пор не дождавшейся печати. Историки литературы брезгливо обходили этот род литературы, а в известной мере он заслуживает внимания, как весьма влиятельный, ибо уж очень большим распространением пользовался. Кажется, только один С. А. Венгеров пробовал разобраться в барковщине, но сквернословие, которым, действительно, уснащены произведения Баркова, раздавило исследователя. «Подавляющее большинство из того, что им написано в нецензурном роде, состоит из самого грубого кабацкого сквернословия, где вся соль заключается в том, что всякая вещь называется по имени. Барков с первых слов выпаливает весь немногочисленный арсенал неприличных выражений и, конечно, дальше ему уже остается только повторяться. Для незнакомых с грязною музою Баркова следует прибавить, что в стихах его, лишенных всякого оттенка грации и шаловливости, нет также того почти патологического элемента, который составляет сущность произведений знаменитого маркиза де-Сад... В Европе есть порнографы в десять раз более его безнравственные и вредные, но такого сквернослова нет ни одного». ¹ Но, кроме сквернословия, следовало бы отметить в Баркове простонародный юмор, реалистическую манеру и крепкий язык. В той борьбе, которая шла в литературе против высокого штиля, Баркову тоже надо отвести маленькое место. Пушкин не стал учеником Баркова: помимо его собственного отказа от подражаний Баркову, можно сослаться и на

¹ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб. 1891, т. II, стр. 152—153.

то, что барковщины, как сквернословной струи, вообще в произведениях Пушкина нет. От крепкого словца, которое встречается у Пушкина, нельзя восходить к термину барковщины. Кажется, в лицейской жизни Пушкина был период барковского уклона. Недаром лицеисты в одной «национальной» песне пели про Пушкина:

А наш Француз
Свой хвалит вкус
И матерщину порет...

Можно было бы с барковским периодом лицея связать «Тень Баркова», балладу, свидетельство о которой, исходящее от Гаевского, мы привели выше. Любопытно, что и тот автор заставляет Баркова призывать к подражаниям ему, Баркову, и предлагать свою скрипку, свой смычок.

...Изо всех певцов
Никто так . . . . .
Хвалы мне их не нужны.
Лишь от тебя услуги жду —
Пиши в часы досужны!
Возьми задорный мой гудок,
Играй, как ни полагал!
Вот звонки струны, вот смычок,
Ума в тебе не мало.
Не пой лишь так, как пел Бобров,
Ни Шаликова тоном,
Шихматов, Палицын, Хвостов
Прокляты Аполлоном.
И что за нужда подражать
Бессмысленным поэтам?
Последуй ты . . . . .
Мои благим советам.
И будешь из певцов певец,
Клянусь . . . . .!
Ни чорт, ни девка, ни чернец
Не вздремлют над тобой. ☺

Впрочем, герой баллады «Тень Баркова» — поп; ирония в том, что именно попу Барков предлагает петь барковским слогом. ¹

¹ Любопытна судьба «Тени Баркова» в пушкинской литературе. Статья Гаевского с отрывками баллады появилась в 1863 году. Ближайшее издание сочинений Пушкина вышло в 1870 году. Редактор его, Г. Н. Геннади, напечатал отрывки в примечаниях к первому тому. Вслед за этим изданием вышло в 1880 году издание, редактированное П. А. Ефремовым (первое, им редактированное). Здесь Ефремов ввел «Тень Баркова» в текст под 1814 годом (т. I, стр. 55—57), но в следующем, втором своем издании, вышедшем в 1882 году, он исключил «Тень Баркова». Мотивы исключения изложены им дважды: в 1903 году в статье «Минный Пушкин» («Новое Время» 2 августа 1903 г., № 9845) и несколько иначе в примечаниях к пятому, им редактированному и изданному А. С. Сувориным, изданию сочинений Пушкина (т. VIII, СПб. 1905, стр. 18). Ефремов передает, что когда он сообщил Гаевскому о принадлежности «Тени Баркова» другому автору, не Пушкину, Гаевский сам уже «встретил его отказом от своего прежнего предположения».

«Монаха» Гаевский, на основании отзывов товарищей, назвал поэмой, сочиненной в подражание Баркову, но и свидетельство самого Пушкина, и поверхностное даже знакомство с «Монахом» не позволяют нам принять этой неверной характеристики. Отметим, что и в области откровенно порнографической литературы Пушкин предпочитал французские образцы и высоко ставил выдающегося представителя этой литературы Алексиса Пирона. «Пирон — по словам Пушкина — хорош только в таких стихах, в которых не возможно намекнуть, не оскорбляя благопристойность». Пирон в известном смысле стоит Баркова.

Но, отвергнув решительно Баркова, Пушкин остался при Вольтере и «Девственнице». ¹ Быть может, выпады против монахов и попов инспирированы борьбой Вольтера с церковью и ее служителями. Правда, выступление против монашества не ставилось главной задачей «Монаха».

...Лира, стой! Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвение:
Бесить попов не наше ремесло. ²

Тут же Ефремов добавляет: «кто же, однако, наговорил таких подробностей, какие были приведены им при напечатании отрывков «Тени Баркова?» Очевидно у Ефремова оставалась какая-то доза сомнения в отрицании авторства Пушкина. А Гаевский в своем экземпляре статьи «Пушкин в лицее», переплетенном с приложенными страницами и находящемся ныне в моем распоряжении, записал: «По удостоверению П. А. Ефремова «Тень Баркова» не Пушкина». Таким образом он только констатировал мнение Ефремова, но не высказал своего отношения к нему. Опубликование «Монаха» дает повод к постановке и разработке вопроса об авторе «Тени Баркова». Постановку вопроса дал Н. О. Лернер в заметке «Неизвестная баллада А. С. Пушкина «Тень Баркова» («Огонек» № 5, 3 февраля 1929 г.). Он категорически высказывается за авторство Пушкина. Разработкой вопроса занят М. А. Цявловский, в руках которого находятся несколько списков полной редакции. Лернеру известен только неполный список (из Пушкинского Дома). Гаевский привел в своей статье только отрывки, — целиком же текст не мог быть опубликован. Отсутствие в печати полного текста затрудняет работу исследователей, и надо пожелать, чтобы текст был опубликован хотя бы на шравах рукописи, хотя бы в самом ограниченном числе экземпляров.

¹ Данные о влиянии «Девственницы» на творчество Пушкина собраны в статье С. Мокульского (предисловие к русскому переводу «Орлеанской девственницы», изд-во «Всемирная Литература» 1924, т. I, стр. XXXVIII—XLII) и в статье Б. В. Томашевского.

² Уместно напомнить здесь и стихи из «Городка», писанного в 1814 году.

Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою;
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы,
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю...

Приемы построения поэмы подсказаны «Девственницей» — деление на песни с подзаголовками, дающими содержание, отступления от основной темы в сторону лирических излишней, полемические выпады, авторские признания и размышления, иронический тон. Но источников литературных мотивов «Монаха» надо искать не только у Вольтера, а и у других французских авторов. Б. В. Томашавский наметил в своей работе общие линии литературной традиции, в которой развивался замысел «Монаха», и подобрал значительный материал для сближений, но подлинный источник эпизодов «Монаха» остается неизвестным, хотя, по уверенному утверждению Б. В. Томашевского, мотивы этих эпизодов являются традиционными во французской литературе. По мнению исследователя, точно указать все источники «Монаха» можно лишь после углубленного и длительного обследования литературы, известной Пушкину-лицеисту. Пусть так, но и теперь изучение схожих мест дает повод к заключению о замечательной для подростка-автора самостоятельности в распоряжении материалом, на него влиявшим. Он сам заявляет, что стремится к известной самостоятельности и только подражателем он себя не хотел бы считать.

Такую же самостоятельность он обнаруживает в отношении к иным источникам, о которых сейчас пойдет речь. И здесь пока не можем указать непосредственных источников мотивов Пушкина. Он выбирает свой сюжет, черпает подробности из окружающей его действительности, срывается с отсталыми и бездарными представителями российской словесности...

4

От иностранных источников «Монаха» перейдем к русским. Для суждения о самостоятельности Пушкина в выборе сюжета «Монаха» привлечем материал житийной литературы. Происхождение сюжета «Монаха» вскрывается легко: это обработка сказания, взятого из русской житийной литературы, именно из жития архиепископа Новгородского Иоанна.¹

Житие Иоанна Новгородского написано в самом конце XV в. Неизвестный автор, создавший житие, в свое время смущался чрезмерной легендарностью сюжета, сам «неверием одержим был».² Источники «жития» восходят к переводным легендам византийской письменности. Житие получило широкое распространение; оно известно во многих рукописях, вошло

---

¹ Это указание сделано в незаконченной работе П. Садикова и А. Суздаева о «Монахе», рукопись которой находится в ред.-изд. отделе Центрархива.

² В. О. Ключевский. Древне-русские жития как исторический источник. М. 1871, стр. 162—163.

в пролог и Четьи Мнвен.¹ Привожу краткое содержание той части жития, которую можно сближать с «Монахом». Беру его из пролога. Архиепископ Иоанн отличался благочестивой жизнью. Дьявол хотел его поугаить, но был им побежден. Начал дьявол трепетать в рукомойнике, святой же закрестил умывальницу крестом. Дьявол человеческим голосом запросил отпустить его: сила креста палила его, и он не мог дольше терпеть. И приказал святой дьяволу отнести его в Иерусалим. Верхом на бесе съездил в Иерусалим, поклонился гробу Христову и в ту же ночь вернулся и освободил беса от запрета. Бес наказал святому молчать о ночном путешествии, но Иоанн не посчитался с наказом беса, рассказал кое-кому об этом. Дьявол решил отомстить святому и обличить его в блуде. Приходили многие из первых лиц города к Иоанну за благословением, и вот дьявол много раз показывал посетителям то сапоги женские, то мниста и многое другое. Посетители сильно смущались. А раз дьявол преобразился в деву, пошел впереди посетителей, а затем забежал за келью святого и стал невидим. Новгородцы пришли в негодование и пустили плот со святым вниз по Волхову. А плот чудом божьим пошел вверх по реке, и новгородцы поняли, что святой стал жертвой бесовского искушения.²

Это «Житие Иоанна» из книжного памятника стало «народным» (в условном смысле термина), вернее крестьянским, известным. Порождением «Жития» являются многочисленные легенды. Приводим одну из таких легенд, записанную в середине прошлого века в Пермской губернии и напечатанную А. Н. Афанасьевым:³

«Какой-то архимандрит встал к заутрене; пришел умываться, видит в рукомойнике нечистый дух, взял его да и заградил крестом. Вот дьявол и взмолился: «выпусти, отче! какую хошь налож службу — сослужу». Архимандрит говорит: «своишь ли меня между обедней и заутреней в Иерусалим?» — «Свожу, отче, свожу!» Архимандрит его выпустил и после заутрени до обедни успел съездить в Иерусалим, к обедне поспел обратно. После забрали как-то справки, — все удивились, как он скоро мог съездить в Иерусалим, спросили его, и он рассказал это».

¹ См. работу Н. Н. Дурново: Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе. Древность. Труды славянской комиссии Имп. Моск. арх. общ., т. IV. М. 1907, стр. 54—152, 319—326.

² Пролог, под 7 сентября. По изданию Синодальной типографии. См. также Великие Мнвен Четьи митрополита Макария, изд. Археологической комиссии под 7 сентября. Легенда об Иоанне Новгородском напечатана Н. И. Костомаровым в «Памятниках старинной русской литературы», т. I, стр. 245—250.

³ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды, Казань, изд-во «Молодые силы», 1914, стр. 135.

Нельзя отрицать точек соприкосновения между житием и поэмой Пушкина: и в житии, и в поэме Пушкина предметами искушения являются части женской одежды, и здесь и там способ поимки беса схож — освященной водой, и наконец — это главное — и Иоанн и Панкратий, герой поэмы, совершают путешествие в Иерусалим на беса. Но все же, осторожности ради, не следует поддерживать утверждения о заимствовании Пушкиным сюжета непосредственно ни из жития Иоанна, ни из крестьянского ее пересказа.

В самом деле непосредственным источником сюжета «Монаха» нельзя признать ни жития, ни легенды. Можно говорить о заимствовании отдельных мотивов. Стоит рассмотреть, как использовал Пушкин мотивы жития и легенды. Их три: 1) искушение монаха, 2) заклятие дьявола и 3) поездка на чорте.

По первому мотиву: части женской одежды в «Житии» выполняют не ту роль, что в поэме Пушкина. В «Житии» дьявол показывает их посторонним и соблазняет их на дурное мнение о монахе. У Пушкина дьявол показывает их монаху и соблазняет его. Эта разность не позволяет считать этот житийный мотив прототипом. В литературе апокрифических житий можно указать примеры «искушения», гораздо ближе стоящих к «Монаху». Так в повести о Макарии римском рассказывается об искушении пустынноика. Макарий вышел однажды посидеть пред входом своей пещеры. И вот он видит брошенное кем-то женское платье. Пустынноик недоумевал, откуда оно; однако взял его и унес в пещеру, набожно сказав: «Господи, что ся деет в пустыни сей?» На следующий день он нашел другую вещь из женского туалета и также поднял и унес в пещеру, но после этого не мог всю ночь заснуть «от разжения беззакония»; вышедши из пещеры погулять на третий день, он увидел женщину, — и т. д.¹

По второму мотиву: приобретение власти над бесом путем заклятия — распространеннейший мотив в житийной, легендарной и сказочной литературе. В житии Иоанн Новгородский закрестил беса в рукомойнике; также и в других житиях (Авраамия Ростовского, Авел Логина) подвижники кладут крестом заклятие на демона в чаше с водой. Но в «Монахе» такого заклятия нет, есть только вольное подражание ему. Монах Пушкина не кладет креста, а заговаривает воду в кувшине («наполнил свой кувшин, забормотал над ним слова молитвы») и, обливая демона освященной заговором водой, овладевает бесом. Общая черта в заклинаниях житий и поэмы — вода, но одной воды мало, чтобы считать изображение заговора заимствованным из жития.

---

¹ У Н. С. Тихонравова в «Памятниках отреченной русской литературы», т. II, стр. 73 и сл. Ф. А. Рязановский «Демонология в древнерусской литературе». М. 1916, стр. 81.

По третьему мотиву: путешествие на бесе, обратившемся в коня. Н. Н. Дурново, занимавшийся изучением темы о заключенном бесе и попутно касавшийся жития Иоанна Новгородского, относительно этого эпизода говорит: «К путешествию на бесе, обратившемся в коня, в легенде об Иоанне Новгородском я знаю пока только западные параллели, но в последних, по большей части, такой адский конь везет человека против его воли и не туда, куда хотелось бы седоку. Впрочем, у Цезаря Гейстербахского (*Dialogus miraculorum*) есть рассказ о бесе, перенесшем по воздуху в Иерусалим в одну минуту рыцаря Эбенгарда. Путешествие в Иерусалим в одну ночь напоминает повесть Луга Духовного и Сводного Патерика об авве Георгии Синайском, причастившемся св. тайн в Иерусалимском храме Воскресенья в первый день Пасхи и вернувшемся на Синай в тот же день до окончания литургии». Мотив путешествия на чорте один из распространеннейших в легендарной и сказочной литературе, и нельзя с решительностью утверждать, что Пушкин заимствовал его именно из жития Иоанна. Он мог взять его и из французских источников — популярных книг «демонического» характера, каких было много во Франции в 18 веке, в роде «*Dictionnaire infernal*» или всяких «*Choix d'anecdotes sur les démons*» и т. д. Во всяком случае, и по отношению к предполагаемым русским источникам «Монаха» бросается в глаза самостоятельность изобретения, замечательная для 13 — 14-летнего поэта.

5

Помимо сюжета в «Монахе» имеются еще кое-какие русизмы. Монастырь, в котором спасался монах, находится под Москвой — «не в далеке от тех прекрасных мест, где дерзостный восстал Иван Великий, на голове золотой носящий крест»; монах молится «Николе пред иконой»; юбка сравнивается с белым снегом, выпавшим на каменистый берег Москвы-реки. Потом подробности царскосельские — Мария Антоновна Нарышкина, князь Д. П. Горчаков, поэт-сатирик, великосветские утехы, описанные в 3-ей песне «Монаха». (В 1815 году Пушкин собирался написать «Картину Царского Села» и там описать «жителей Царского Села».) Наконец, и в «Монахе» Пушкин не обошелся без Боброва: чтением его стихов бес усыпил монаха. Насмешливо помянут и Шаховской: в доме у него «потеют».

Особое место в ряду источников «Монаха» занимают картины. Ни в каком другом произведении Пушкин не упоминает сразу столько имен живописцев — Рафаэль, Корреджио, Тициан, Альбани, Верне, Пуссен, Рубенс. Во второй песне сновидение монаха, в третьей — воображаемый пейзаж представляются списанными с картин, которые были перед глазами молодого

Пушкина. О совпадении настроенности поэта и живописца можно судить по пейзажу, нарисованному Пушкиным:

Иль краски-б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина,
На небосклон палящих южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышет ветерок,
На серебре вкруг скал блестящей пены
Зефирами колеблемый челнок
Нарисовал бы в нем я Кантемиру
Ее красы . . . . .

Мы уже приводили выше стихи, в которых Пушкин изображает, как он нарисовал бы портрет Натальи:

Трудиться б стал я жаркой головою
Как Циприан иль пламенный Албан;
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан охватил Киприды б пояс злат . . .

Вспоминается обращение Пушкина в 1815 году «К живописцу»:

Вкруг тонкого Гебен стана
Венерин пояс повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою цариду окружи.
Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь.

Не приходится отрицать литературных влияний в послании «К живописцу», но чувствуется и реальный источник портретов, нарисованных Пушкиным: — портрет живописный. Вопрос о влиянии произведений живописи на творчество Пушкина рассмотрен в статье А. Эфроса «Пушкин и пластические искусства». ¹

6

Поэма «Монах», три песни ее, по крайней мере, нам теперь известны. Позволительно поставить вопрос: 1) такая ли это плохая и такая ли это скабрёзная поэма? и 2) имело ли хоть какую-нибудь реальную почву эстетическое и моральное возмущение князя Горчакова? На первый вопрос можно ответить только категорическим отрицанием: в ряду других лицейских произведений поэма займет не последнее место по формальным

¹ Горчаковский архив. Изд. Централрхива.

достижениям — надо не забывать, что она принадлежит перу 13—14-летнего мальчика. А если говорить о скабрёзности, то здесь ее меньше, чем во многих других известных произведениях Пушкина этого периода. Ясен по этим же соображениям ответ и на второй вопрос. Когда семидесятидвухлетний Горчаков облыжно заявил, что он уничтожил «Монаха» и устранил темное пятно на творчестве Пушкина, он, конечно, имел в виду сказать, что он сделал это давно, сейчас же по созданию поэмы, в лета далекой, розовой юности. Но если старику-канцлеру, может быть, и было к лицу прюдничество и лицемерное ханжество, то 15-16-летний лицеист вовсе не чужд был лидейскому эротизму, который таким ключом бил в Пушкине. Можно думать, что именно эротические увлечения объединяли этих в сущности чужих друг другу людей — Пушкина и Горчакова. В архиве Горчакова оказались нардадные автографы и «Монаха», и «Послания к Наталье», и стихотворения «К молодой вдове». Горчаков был миловиден в своей юности, по словам Пушкина; ему была дана нежная краса, по словам Пушкина Пушкин советовал Горчакову:

Они прошли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спеши любить — и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур велит, — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай...

И даже кончина Горчакова рисовалась Пушкину в освещении эротическом. Он желал ему, чтоб в страстном упоении и, с томной сладостью в очах,

Из рук младого Купидона
Вступая в мрачный челн Харона,
Уснул... Ершовой на грудах.

Пушкин точно предсказал сердечную жизнь Горчакова. Женолюбие его отмечают многие его современники. «Прекрасный пол у князя Горчакова играл вообще большую роль» — вспоминал барон А. Е. Врангель. «Прозорливый взгляд Горчакова привык угадывать женскую прелесть и все ее значение» — писал князь Вяземский. Если бы перед нами и не лежали три песни «Монаха», все-таки мы не могли бы, не должны бы поверить тому, что юноша-лицеист с такими замашками мог уничтожить «Монаха» за эротизм. Нет, Горчаков хранил и сохранил не совсем нравственные стихотворения своего лидейского товарища и в старости лет лелеял свои лицейские воспоминания, декламируя послание с упоминанием о грудях Ершовой.

Вот тут Пушкин ошибся с пожеланием о роде смерти, приличествующем ветренному любовнику и другу измены. Он умер на 84-м году жизни, через 46 лет после смерти Пушкина. Он оказался тем последним из круга лицеистов первого выпуска,

пережившим всех своих товарищей, о котором Пушкин в 1825 г. писал:

Кому из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный друг! Среди новых поколений
Докучный гость, и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

Вспоминал, но без особой скорби, ибо был самодоволен; пусть, наполненный самомнением, хвастался своим влиянием на Пушкина. Можно простить смешное и наивное хвастовство за то, что не уничтожил «дурной и скабрёзной» поэмы.

Общество «Зеленой Лампы» совершенно не привлекало внимания историков нашей общественности; им интересовались только биографы Пушкина, столкнувшиеся с фактом значительного влияния этого кружка на творчество и склад мировоззрения поэта. Об этом влиянии свидетельствуют неоднократные упоминания поэта о «Зеленой Лампе», а главное — ряд поэтических произведений, связанных между собой с внешней стороны тем обстоятельством, что они имеют в виду членов этого кружка, а с внутренней — единством тем и настроений. Но вопрос об истинных задачах и о действительной деятельности общества «Зеленой Лампы» окончательно не решен. П. И. Бартенев² на основании устных сплетен пустил в ход версию об оргиастическом направлении кружка «Зеленой Лампы»; П. В. Анненков, очень щекотливый и строгий в вопросах нравственности, подхватил версию П. И. Бартенева и утвердил ее своим авторитетом. Вот его рассказ о «Зеленой Лампе»: «Какие разнообразные и затейливые формы принимал тогдашний кутеж, может показать нам общество «Зеленой Лампы», основанное Н. В. Все — м и у него собиравшееся. Разыскания и расспросы об этом кружке обнаружили, что он составлял, со своим прославленным калмыком, не более, как обыкновенное оргиастическое общество, которое, в числе различных домашних представлений, как изгнание Адама и Евы, погибель Содомы и Гоморры и пр., им устраиваемых в своих заседаниях (см. статью г. Бартенева «Пушкин на юге»), занималось еще и представлением из себя, ради шутки, собрания с парламентскими и масонскими формами, но посвященного исключительно обсуждению планов волокитства и закулисных проказ. Когда в 1825 году произошла проверка направлений, усвоенных различными дозволенными и недозволенными обществами, невинный, т. е. оргиастический характер «Зеленой Лампы» обнаружился тотчас же и послужил ей

¹ Напечатано в издании «Пушкин и его современники». Вып. VII, СПб. 1908.

² «Моск. Ведомости», 1855 г., № 143, а в особенности в примечании на 128 стр. своей книжки «Пушкин в южной России», М. 1862.

оправданием. Дела; разрешавшиеся «Зеленой Лампой», были преимущественно дела по Театральной школе». ¹

С легкой руки Бартенева и Анненкова легенда об оргиазме «Зеленой Лампы» внедрилась в пушкинской литературе и долгое время повторялась писавшими о Пушкине. Влияние этого общества признавалось в высшей степени отрицательным и вредным. Правда, исследователи, искавшие фактических подтверждений, должны были взвесить тот факт, что ни Бартенев, ни Анненков, всегда очень точно указывающие свои источники, в этом случае оперлись на темные «расспросы и разыскания» у лиц, нам неизвестных. П. А. Ефремов особенно резко отзывался о рассказах Анненкова и ссылаясь на протоколы «Зеленой Лампы», с которыми он мог в свое время познакомиться.

В своем исследовании об Я. Н. Толстом (1899 г.) Б. Л. Модзалевский также отказался довериться огульной оценке П. В. Анненкова. П. О. Морозов и А. Н. Веселовский ² пытались разорвать с легендой о «Зеленой Лампе». Казалось бы, на этот кружок начал устанавливаться в специальной литературе надлежащий взгляд. Тем неожиданнее и тем печальнее было встретить в позднейшей книге о Пушкине ³ возвращение к старому взгляду и даже усугубление его.

А вопрос о «Зеленой Лампе» особенно важен для биографии поэта. Он даже имеет кардинальное значение. То или иное решение вопроса дает угол зрения, под которым нужно смотреть на творчество Пушкина 1818—1820 гг., на развитие его мировоззрения.

Казалось бы, еще скорее, чем отсутствие каких-либо фактических подтверждений, легенду должно было разрушить непосредственное обращение к произведениям Пушкина, связанным с «Зеленой Лампой». Они с совершенной достоверностью открывают, что политический характер, по меньшей мере, был далеко не чужд общению членов кружка. Исследователи, поддерживающие точку зрения Бартенева и Анненкова, должны были бы крепко помнить известные стихи, обращенные Пушкиным к Каверину, бывшему членом кружка:

Усердствуй Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с Портиком, и с книгой, и с бокалом,
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

---

¹ П. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб. 1874, стр. 63, прим.

² Статьи в первом томе «Пушкин — Венгеров», СПб. 1907: П. О. Морозова «От лидея до ссылки» и Алексея Ник. Веселовского «Период «Зеленой Лампы».

³ В. В. Сяповский. «Пушкин. Жизнь и творчество». СПб. 1907.

Вот это-то легкое покрывало безумной шалости до сих пор еще не сдернуто с разгульного и вольнолюбивого кружка.

Даже описание собраний кружка, сделанное Пушкиным в 1822 году в письме к Я. Н. Толстому, по своей прелестной выдержанности несовместимое с содомскими представлениями, не заставило исследователей сдать в архив рассказы Бартенева и Анненкова.

Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвёл
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шагуна,
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...¹

В этом кружке Пушкин отмежевывал себя

От мертвой области рабов
Капральства, прихотей и моды.

(Н. В. Всеволожскому, 1819 г.)

Покидая летом 1819 года Петербург, Пушкин уже мечтал об удовольствиях возвращения под сень «Зеленой Лампы»:

Приеду я
В начале мрачном октября;
С тобою путь мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца вельможи злова,
Насчет холопа записнова,
Насчет небесного дара,
А иногда насчет земнова.

(В. В. Энгельгардту,
1819 г. июль.)

С именами П. Б. Мансурова и Ф. Ф. Юрьева, тоже членами «Зеленой Лампы», связаны самые распушенные, с точки зрения житейской морали, стихотворения этого цикла. Но и с этими людьми Пушкина связывало какое-то единство свободолюбивых веяний. Даже в известном послании к Юрьеву, проникнутом какой-то особой беззаветностью удали, находим отблески «свободы»:

Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!
Для нас, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена!

(1819).

¹ Письма, т. I, стр. 37.

Мы, быть может, не решились бы отыскивать политику в этом послании, но «лампа надежды» заставляет нас делать это. Немного дальше мы разясним, почему. Не лишнее упомянуть, что даже в письме к Мансурову, которое и до сих пор печатается с многочисленными точками по соображениям цензурно-моральным, встречаем такой конец: «поговори мне о себе — о военных поселениях — это все мне нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизм».

Из всего цикла стихотворений встречаем только одно послание М. А. Щербинину, совершенно свободное от каких-либо политических намеков.

От свидетельств Пушкина перейдем к фактическим данным. Пожалуй, единственный факт Анненкова — ссылка на расследование Следственной Комиссии по делу декабристов: «произошла проверка направлений, усвоенных различными дозволенными и недозволенными обществами; невинный, т. е. оргиаческий характер «Зеленой Лампы» обнаружился тотчас же и послужил ей оправданием». Действительно, если бы общество имело исключительно этот характер, то в виду страха, нагнанного на всю Россию следователями Николая I, проще и естественнее всего было бы ожидать, что будут ссылаться на разгульный тон всего общества. Но при расследовании, как увидим ниже, следственная комиссия не получила ни одного указания на оргиазм «Зеленой Лампы».

В составленном в 1827 году для Николая I «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года следственною комиссиею», находим и имя Никиты Всеволодовича Всеволожского. Против этого имени записано: «по показанию кн. Трубецкого, Бурдева и Пестеля Всеволожский был учредителем общества «Зеленой Лампы», которому название сие дано от лампы, висевшей в зале его дома, где собирались члены, коими, по словам Трубецкого, были Толстой, Дельвиг, Родзянко, Барков и Улыбашев. По изысканию комиссии оказалось, что предметом сего общества было единственно чтение вновь выходящих литературных произведений и что оно уничтожено еще до 1821 года. Комиссия, видя, что общество сие не имело никакой политической цели, оставила оное без внимания». ¹ В «Алфавит» занесены и все поименованные тут лица, и против фамилии каждого из них, за исключением Я. Н. Толстого, повторяется та же самая запись. Запись же про-

¹ Эта запись уже цитировалась Б. Л. Модзалевским в его предисловии к «Запискам В. П. Зубкова», СПб. 1906, стр. 9. В 1925 году «Алфавит» был издан Госиздатом в серии Центрархива «Восстание декабристов». Материалы. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.

тив фамилии Я. Н. Толстого указывает только принадлежность его к Союзу Благоденствия и не упоминает о «Зеленой Лампе».

Никто из лиц, оговоренных Трубецким в принадлежности к «Зеленой Лампе», не допрашивался; все они оставлены были без внимания, за исключением Я. Н. Толстого, который в это время был за границей и не мог быть допрошен.

В этом итоге разысканий комиссии нет упоминаний об органистических особенностях сообщества, но обратимся к другому итогу, подведенному уже в 1827 году, более полному.

В «Кратком описании различных тайных обществ, коих действительное или мнимое существование обнаружено «следственной комиссиею»,¹ находим следующее описание общества «Зеленой Лампы»:

«В 1820 году камер-юнкер Всеволожский завел сие общество, получившее свое название от лампы зеленого цвета, которая освещала комнату в доме Всеволожского, где собирались члены. Оно политической цели никакой не имело; члены съезжались для того, чтобы читать друг другу новые литературные произведения, свои и чужие, и обязывались сохранять в тайне все, что на их собраниях происходило, ибо нередко случалось, что там слушали и разбирали стихи, прозу, писанные в сатирическом или вольном духе. В 1822 году общество сие, весьма немногочисленное и по качеству членов своих незначущее, уничтожено самими членами, страшившимися возбудить подозрение правительства. Камер-юнкер Всеволожский, равно как и прочие его сообщники, оставлены без внимания».

В этом свидетельстве встречаем указания и на тайну, соблюдавшуюся в обществе, и на сатирический или вольный дух читанных на собраниях стихотворений, и на исключительно литературный характер общества.

Перейдем теперь к тем показаниям, которыми располагала следственная комиссия, составляя свои заключения об обществе «Зеленой Лампы». Первый итог основан на показаниях Трубецкого, Бурцева и Пестеля.

Впервые о «Зеленой Лампе» комиссия услышала, повидному, от Пестеля. В своих дополнениях к ответам, данным генералу В. В. Левашову, 6 января 1821 года Пестель, между прочим, пишет: «Слыхал я еще о существовании двух тайных обществ под названием «Русские рыцари» и «Зеленая Лампа». О членах и подробностях ничего не слыхал и не знаю, уничтожились ли они или еще продолжают. О первом слыхал от ген. Орлова, а о втором, за давностью времени, никак не упомяну, кто мне говорил, ибо это было еще в 1817 или 1818 году. Но кажется, что Трубецкой о том знал». Через несколько дней Комитет предложил Пестелю «объяснить с подробностью и чистосерде-

¹ Бывший Госуд. Арх. I. В., № 332 в. Сохраняется прежняя дитация; ныне Госуд. Арх. находится в составе Централархива.

чем все то, что ему известно о существовании, действиях и взаимных сношениях с другими обществами «Зеленой Лампы». 13 января Пестель отвечал: «О «Зеленой Лампе» никак не могу припомнить, кто мне говорил, ибо сие было еще в 1818 или 1817 годах, но тогда же мне сказано, что князь Сергей Трубецкой имеет сведение о сем обществе. Я впоследствии никогда о том с Трубецким не говорил, ибо совершенно забыл о сей «Зеленой Лампе», да и полагаю, что ее общество было весьма незначущее, ибо после того никогда более ничего про нее не было слышно». ¹

Не получив никаких указаний от Пестеля, комиссия обратилась, конечно, к Трубецкому. 12 января Трубецкому был предложен следующий вопросный пункт:

«Комитет имеет определенное показание, что вы известны о существовании в России особого тайного общества под названием «Зеленая Лампа», посему требует от вас [показания]:

1) Где сие общество существует, когда возымело свое начало и кем именно основано?

2) Какая цель и намерение сего общества, какими средствами полагали достигнуть цель свою?

3) Кто именно члены сего общества?

4) С какими другими обществами оное имеет сношение?

5) На каких правилах или законах общество сие составлено?»

Князь Трубецкой дал следующие ответы на эти пункты:

1) Общество «Зеленой Лампы» возымело начало в 1818 году и основано было камер-юнкером Никитою Всеволодовичем Всеволожским.

2) Цель сего общества была просто собираться читать сочинения, которые члены приносили для чтения в оном; а политической цели никакой, сколько мне известно, не было.

3) Из бывших членами сего общества, кроме меня и Всеволожского, известны мне еще были: Удыбышев, служащий ныне в коллегии иностранных дел; Дельви́г (барон), где служит, не знаю, но известен литературными своими произведениями; Яков Николаевич Толстой, старший адъютант главного штаба его величества; кажется, был Родзянка, служивший в л.-гв. Егерском полку; Барков, служивший в оном же полку. Еще кто был, упомнить не могу. Я был недолго членом сего общества, не более двух месяцев пред отъездом моим в чужие края в 1819 году и после; когда оно расстроилось, я достоверного сведения дать не могу.

4) Сколько мне известно, оно ни с какими другими обществами сношения не имело.

5) Особых правил и законов, сколько я знаю, оно никаких

---

¹ Оба ответа приведены в книге Н. П. Павлова-Сильванского «Декабрист Пестель перед Верховным Уголовным Судом». Изд. «Донской Речи», стр. 135 и 115.

не имело; только в члены принимались не иначе как по общему согласию; каждый член был обязан сочинения свои прежде читать в своем обществе, до издания их. Собирались у Всеволожского, кажется, раз в две недели.¹

13 января члены комиссии заслушали ответы князя Трубецкого и положили «иметь в виду, не откроется ли на счет сего общества каких-либо дальнейших объяснений»,² но дальнейшие объяснения не увеличили запаса сведений комиссии. Зубков в то же время показал, что «слыхал о каком-то обществе «Зеленой Лампы», но не помнит от кого».³ 16 января полковник Бурцев в своих показаниях написал: «О других (кроме Союза Благоденствия) обществах, в России и Малороссии существующих, я совершенно ничего не знаю, кроме того, что при исследовании происшествия Семеновского полка открыто было полициею в Петербурге много тайных обществ и из них одно именовалось «Зеленая Лампа», в котором был членом камер-юнкер Всеволожский. Это я слышал от полк. Глинки. Также говорили, что есть большое общество мистическое, в котором действовал г. Лабзин. Но обо всем этом я по истине ничего точного не знаю».⁴ В виду отсутствия дальнейших сведений комиссия оставила без внимания «Зеленую Лампу», составив приведенное нами выше и прописанное в «Алфавите» заключение. Комиссия не потребовала даже к ответу влиятельного члена Союза Благоденствия Я. Н. Толстого, хотя принадлежность его к союзу была известна комиссии. Император Николай I приказал Толстого, находившегося за границей, «поручить под секретный надзор начальства и ежемесячно доносить о поведении».⁵

После окончания дела декабристов и приведения приговора в исполнение, Я. Н. Толстой, сидя за границей в самом бедственном положении, без денег, без писем с родины, под вечным подозрением, задумал реабилитировать себя. 26 июля (очевидно, по новому стилю) 1826 г. из Парижа Толстой обратился с всеподданнейшим письмом, в котором дал объяснения о своих отношениях к тайным обществам. Письмо это, очевидно, не подействовало. 17 октября того же года Толстой обращается уже с всеподданнейшим прошением и прилагает записку, в которой не совсем дословно повторяет объяснения

¹ Б. Госуд. Арх. I В. Дело кн. С. П. Трубецкого. Напечатано Госиздатом в 1925 году в серии Централхива «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. 53—54.

² Протоколы комиссии, засед. XXVIII (Госуд. Арх. I В.).

³ Записки В. П. Зубкова. Пред. и ред. Б. Л. Модзалевского, СПб. 1906, стр. 9.

⁴ Б. Госуд. Арх. I В., № 95.

⁵ Вопрос о виновности Толстого разобран мною в заметке «Из двадцатых годов. I. К биографии Я. Н. Толстого» (Пушкин и его современники, вып. II) Сведения, которые я сообщаю дальше, были мне в то время недоступны. Замечка воспроизводится в приложении к настоящей статье.

письма от 26 июля.¹ В приложениях мы даем текст письма и записки, но здесь нас не интересует история реабилитации Толстого и не занимает вопрос, как и насколько верно изображает Толстой свои отношения к тайным обществам. Мы остановимся только на его рассказе о «Зеленой Лампе». Заметим, однако, что Толстой старается свести к нулю свое участие во всех тайных обществах, предпочитая подробнее рассказать о «Зеленой Лампе». Такой метод оправдания, надо думать, был подсказан неглупому Толстому известной ему судьбой товарищей по «Зеленой Лампе», и прежде всего Всеволожского. Вот что говорит Толстой о «Зеленой Лампе». Воспроизводим рассказ письма, в скобках указывая изменения и дополнения записки, приложенной к прошению.²

«В 1818 [или 1819] году составилось общество в доме камерюнкера [Никиты] Всеволожского. Цель оного состояла в чтении литературных произведений. Я был один из первых (главнейших) установителей сего общества и избран первым председателем.— Оно получило название «Зеленой Лампы» по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались члены.— Под сим названием крылось однако же двухсмысленное подразумение и девиз Общества состоял из слов: Совет и Надежда. Причем составлены (составились) также кольца, на коих вырезаны были лампы³; члены обязаны были иметь у себя по кольду.— Общество «Зеленой Лампы» [не взирая на то] не имело никакой политической цели.— Одно обстоятельство отличало его от прочих ученых обществ: статут приглашал в заседаниях объясняться и писать [последнего слова нет] свободно и каждый член давал слово хранить тайну.— За всем тем в продолжении года общество «Зеленой Лампы» не изменилось и кроме некоторых республиканских стихов и других отрывков там читанных, никаких вольнодумческих планов не происходило; число членов доходило до 20-ти или немного более. Заседания происходили, как я выше сказал, в доме Всеволожского, а в отсутствие его в моем.— Однажды член отставной полковник Жадовский объявил обществу, что правительство (полиция) имеет о нем сведения и что мы подвергаемся опасности, не имея дозволения на установление общества.— С сим известием положено было прекратить заседания и с того времени общество рушилось. Но из числа членов находились некоторые, движимые политическими видами,

¹ Эти документы хранились в Архиве Главн. Штаба, 1826 г., л. № 562.

² Прямыми скобками [ ] обозначаем дополнения записки против письма, а круглыми ( ) изменения.

³ Такою печатью Пушкин запечатал свое письмо к П. Б. Мансурову 27 октября 1819 г. (См. Письма Пушкина, т. I, стр. 196 и Л. Б. Молдазевский, Рукописи Пушкина в собрании государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде, Л. 1929, стр. 28).

и в 1819 [или в 1820] году (кажется) коллежский ассесор Токарев и полковник Глинка сошлись на квартире первого, пригласили меня и, присоединив к себе князя Оболенского, титулярного советника Семенова и прапорщика Кашкина (последней фамилии нет) положили составить общество под названием «Добра и Правды». Уложение уже было написано кол. асс. Токаревым: оно состояло в прекращении всякого зла в государстве; в изобретении новых постановлений в правительстве и наконец в составлении конституции.

Очевидно, составитель того заключения о «Зеленой Лампе», которое мы выше привели из составленного в 1827 году «Краткого описания тайных обществ», уже имел в виду донесение Толстого. Трудно предположить, что Толстому были известны показания Трубецкого о «Зеленой Лампе», а отсутствие противоречий в его объяснениях этим показаниям свидетельствует о том, что представление об этом кружке, данное Трубецким и Толстым, соответствует действительности. Толстой только углубляет и дополняет сообщение Трубецкого. Но где же в этом рассказе сказочный разгул и разврат, о котором сообщил нам П. И. Бартенев? Вспомним о том, что Толстой написал свои объяснения с целью своего оправдания: если бы хоть на половину были верны источники П. И. Бартенева, то неужели же Толстой упустил бы случай окрасить кружок «Зеленой Лампы» в антиполитический тон? Не забудем и того, что в расчеты Толстого, основательно искажившего в своих объяснениях свои отношения к тайным обществам, входило быть искренним в рассказе о «Зеленой Лампе».

Итак, главная задача кружка — чтение литературных и, преимущественно, на политические темы, произведений. Это заключение подтверждается и рассказом П. А. Ефремова о протоколах и бумагах «Зеленой Лампы», которые ему пришлось видеть у М. И. Семевского. Покойный П. А. неоднократно высказывал пишущему эти строки сожаление, что он не воспользовался в свое время хоть частью этих бумаг.¹ Из этих протоколов и бумаг было видно, что в «Зеленой Лампе» читались стихи и прозаические сочинения членов (как, напр., Пушкина и Дельвига), представлялся постоянный отчет по театру (Д. Н. Барковым), были даже читаны обширные очерки самого Всеволожского из русской истории, составленные не по Карамзину, а по летописям. «В этих протоколах — продолжает П. А. Ефремов — я видел указание на чтение стихотворения бар. Дельвига: «Мальчик, солнце встретить должно», неоднократно приписывавшееся Пушкину, и тут же

¹ Я слышал в свое время от С. А. Панчулидзева, что в Рябове, имени Всеволожских, хранился в последнее время архив «Зеленой Лампы». После смерти владелицы и обращался к ее наследнику, Всеволожскому, но он сообщил мне, что тоже слышал об этих бумагах, но ровно ничего в Рябове уже не нашел.

приложено было и самое стихотворение, написанное рукою барона и с его подписью». ¹

В настоящее время суждение о произведениях, читанных в обществе «Зеленой Лампы», можно основывать не на отзыве Ефремова, а на ознакомлении с подлинными бумагами «Зеленой Лампы», которые нашлись уже после революции, были приобретены Пушкинским Домом и были изучены и напечатаны Б. Л. Модзалевским. ² Бумаги эти свидетельствуют об интересах не только литературных, но и политических. Б. Л. Модзалевский готов отвести последним даже первое место. «Вновь найденные бумаги, — пишет Б. Л. Модзалевский, — ценны тем, что состав их с наглядностью показывает, что главною целью организации были не преобладавшие в ней количественно литературные занятия. Кружок объединял в себе, главным образом, военную молодежь, для которой времяпрепровождением; чтение произведений весьма посредственных сочинителей (не говоря, разумеется, о произведениях двух истинных поэтов — Пушкина и Дельвига, да еще, пожалуй, Гнедича и Глинки), т. е. Я. Толстого, Долгорукова, Баркова, Токарева, Всеволожского, Родзянки, — не могло представить самодовлеющего интереса для передовых, образованных и с развитым литературным вкусом молодых людей, к тому же в большинстве военных: такое чтение было для них, в лучшем случае, по Державинскому сравнению, лишь «как летом сладкий лимонад»; центр же тяжести собраний, несомненно, лежал в чтении и в обсуждении сообщений и записок вроде приписываемых нами А. Д. Улыбышеву, в обмене мнений, в критике современности, в спорах на политические темы и т. п.». Любопытно с этой точки зрения сообщение А. И. Михайловского-Данилевского со слов А. Г. Родзянки, что в каждом собрании «Лампы» читали стихи против государя и против правительства. ³ Самое содержание политических интересов удачно определяется Б. Л. Модзалевским на основании читанной в заседании «Зеленой Лампы» записки, приписываемой одному из членов, А. Д. Улыбышеву: «эта записка как нельзя нагляднее рисует нам некоторые мечты лучших, образованнейших людей конца Александровского царствования, членов Союза Благоденствия, — будущих умеренных декабристов-конституционалистов. Через 300 лет Россия рисуется им в виде конституционной монархии, процветающей под сенью закона, отрицающего у государя лишь возможность злоупотреблять своею властью. Они мечтают о превращении мрачного по воспоминаниям о Павле I Михай-

¹ Пушкин — Ефремов — Суворин. СПб. 1905, т. VIII, стр. 135.

² Работа Б. Л. Модзалевского «К истории «Зеленой Лампы» напечатана, уже после смерти автора, в издании «Декабристы и их время». Т. I. Изд. политкаторжан. М. 1928, стр. 11—61.

³ «Русская Старина», 1890, № 11, стр. 505.

ловского замка в «Дворец Государственного Собрания». Общественные школы, академии, библиотеки всех видов на месте, прежних казарм, Русский Пантеон в здании Анничкова дворца; единая безобрядная религия; действенная защита всякого гражданина равным для всех законом; упразднение кадровых войск и замена их всеобщим ополчением; цветущие искусства, литература и театр, развившиеся на основе древней народной словесности, наконец, общее развитие благосостояния, успехи земледелия, торговли, промышленности, широкая поддержка бедных, число которых с каждым днем уменьшается, — вот те мечты, которым предавался автор записки, а с ним и его сочлены по «Зеленой Лампе». Мечты, конечно, весьма скромные и характера довольно общего, притом с оттенком некоторых масонских влияний и настроений, — но чрезвычайно типичные для ранней эпохи деятельности «Союза Благодетствия», ставившего перед собою именно такие общие задания и подготавливавшего лишь фон для будущей деятельности своих членов, более определенной и радикальной...

Общество при наличии некоторой политической пропаганды усвоило себе и некоторые особенности тайных обществ: соблюдение тайны, обмен кольцами. Но в сплетне, сообщаемой Анненковым о «Зеленой Лампе», не отразилась ли эта таинственность и обрядность в упоминании о парламентских и масонских формах? И вообще весь рассказ Анненкова не напоминает ли тех баснословных и пеленых обличений масонов, которыми была полна последняя четверть XVIII века? Анненков, которому вообще нельзя отказать в историческом чутье, был введен в обман прежде всего присущим ему ханжеством в вопросах морали и религии. Это ханжество — мы знаем — заставило его вычеркивать, да — вычеркивать, строки Пушкина из подлинных рукописей. И тут из-за этого свойства своей натуры Анненков не заметил, что разгул и разврат и Пушкина и «Зеленой Лампы» вовсе не были необыкновенны даже до грандиозности, а уместаются в исторических рамках. Время такое было, но Пушкин — не алкоголик и не садист.

Познакомившись с объяснениями Толстого, мы можем осветить два места из стихотворений цикла «Зеленой Лампы», которые до сих пор были несколько неясны. Вспомним:

Для нас, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена.

По словам Толстого, название «Зеленой Лампы» было двусмысленно, и девиз общества был: Свет и Надежда.

В письме к Толстому Пушкин о кружке говорит:

Приют любви и вольных муз,¹
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз.

¹ Вольных — отнюдь не распущенных. —

Союзники, союзы и клятвы... у Пушкина; тайное общество вольнолюбивых людей, связанное клятвами, обменом колец... в объяснениях Толстого.

Обратимся к составу «Зеленой Лампы». До опубликования официальных документов мы знали в числе членов, кроме Н. В. Всеволожского и его брата, Як. Н. Толстого, офицера л.-гв. Егерского полка Дм. Ник. Баркова, ген. штаба М. А. Щербинина, лейб-улана Ф. Ф. Юрьева, лейб-гусара П. П. Каверина, адъютанта П. Б. Мавсурова, А. И. Якубовича, В. В. Энгельгардта, А. С. Пушкина и позднее его брата Льва.¹ Теперь мы должны прибавить к ним кн. С. П. Трубецкого, Улыбышева, барона Дельвига, А. Г. Родзянко (по показаниям Трубецкого), полк. Жадовского, полк. Ф. Н. Глинку и Токарева. Пожалуй, к ним нужно прибавить и Н. И. Гнедича.² Толстой, назвав поименно только трех, говорит о 20 членах или немногим больше. Нам известно сейчас 20 фамилий. После опубликования бумаг «Зеленой Лампы» можно назвать и еще одного деятельного члена; князя Д. И. Долгорукова. Но вместе с Б. Л. Модзалевским мы считаем сомнительным членство Льва Пушкина и А. И. Якубовича.

О том, кто такие были братья Всеволожские, Дм. Ник. Барков, Ф. Ф. Юрьев, М. А. Щербинин, П. Б. Мавсуров, В. В. Энгельгардт, А. Г. Родзянко, мы знаем из комментария к сочинениям Пушкина.³ Только тут они и оставили свои фамилии. Стоит подчеркнуть участие в кружке «Зеленой Лампы» Александра Дмитриевича Улыбышева, известного знатока музыки, автора биографии Моцарта, вышедшей в 1843 году на французском языке. В период «Лампы» он служил в министерстве иностранных дел и редактировал «Journal St. Pétersbourg», в котором он помещал свои музыкальные рецензии. Искусство было главным интересом жизни Улыбышева во всем его течении. Нельзя не указать, что Улыбышев всегда высказывался против крепостного права.⁴ О полковнике Жадовском Б. Л. Модзалевский сообщил нам следующее: «Иван Евстафьевич Жадовский служил в л.-гв. Семеновском полку; 11 мая 1817 г. переведен из капитанов Семеновского полка полковником в Гренадерский

¹ См. Б. Л. Модзалевский. Як. Ник. Толстой. СПб. 1899, стр. 5—6.

² О том, что Гнедич читал свои стихи в кружке, писал М. Н. Лонгинову Я. Н. Толстой в 1856 году — см. Современник 1857, № 4, отд. V, стр. 266.

³ О Д. Н. Баркове см. в статье А. А. Чебышева в изд. «Пушкин и его современники». Вып. VI. СПб. 1908, стр. 193, прим. В последнее время сведения о них даны Б. Л. Модзалевским в его издании «Письма Пушкина».

⁴ Об Улыбышове см. у А. С. Гадисского в «Русск. Арх.» (1886, I, стр. 55 и след.) и статью Лароша «О жизни и трудах Улыбышева» в приложении к русскому изданию «Новой биографии Моцарта» в переводе М. И. Чайковского. М. 1890—1891, т. I—II.

короля прусского (потом С.-Петербургский Гренадерский) полк; состоя в этом же чине, 25 марта 1819 г. уволен от службы «за ранами, с мундиром и пенсионом полного жалования». Полк этот в 1817—20 годах большею частью был в Петербурге и его окрестностях». ¹

К тому, что мы знаем о П. П. Каверине, лейб-гусаре и Геттингенском студенте, нужно добавить, что он был членом Союза Благоденствия. ² Наковец, князь С. П. Трубедкой, Я. Н. Толстой, Ф. Н. Глинка и умерший в 1821 году в Орле в должности губернского прокурора Александр Андреевич Токарев были деятельнейшими членами «Союза Благоденствия» в то самое время, когда они появлялись в собраниях «Зеленой Лампы». Все то, что мы теперь узнали о «Зеленой Лампе», невольно наводит на мысль, что этот кружок был для них местом пропаганды их идей. Отметим, что председателем кружка был Я. Н. Толстой. Он и в стихах Пушкина отличается от других сочленов: к нему Пушкин относится с особым почтением.

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.
Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета
Златой Горадиев фиал.

Но нельзя ли еще подробнее определить те отношения, которые привязывали членов тайного общества к кружку «Зеленой Лампы»?

В цитированном нами «Кратком описании» находим следующее заключение о «вольных обществах»: «По уставу Союза Благоденствия каждые десять членов Союза, составляющие так наз. Управу, должныствовали заводить вольные общества. Сии общества, управляемые одним или двумя членами Союза, коего существование им не открывалось, не входили в состав оного. Им не была предназначена никакая политическая цель и от учреждения их ожидалась только та польза, что руководимые своими основателями или начальниками, они особенною своею деятельностью по литературе, художествам

¹ Очевидно, у брата Жаловского, Анастасия Евстафьевича, собирались лидеисты 19 октября. См. ст. К. Я. Грота в «Ист. Вести.» (1905, июль, стр. 86).

² Об этом читаем в известном «Алфавите». Каверин в виду того, что не принадлежал к обществам, возникшим после 1821 года, «оставлен без внимания». Даты пребывания Каверина в Геттингенском университете можно найти в книге М. Wischnitzer'a. «Die Univ. Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrh. Berlin (E. Ebering). 1907. Защиту личности Каверина см. у Л. Н. Майкова «Пушкин в изображении М. А. Корфа». Русск. Стар., т. ХСІХ, 1899, сент. стр. 519—520. См. Ю. Н. Щербачев. Приятель Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М. 1913.

и так далее, могли бы способствовать достижению цели Коренной Управы. Таковых вольных обществ было заведено три: два л.-гв. в Измайловском полку, одно Семеновым (надворным советником, служившим тогда в л.-гв. Егерском полку), другое кн. Евг. Оболенским и Токаревым; третье полк. Федором Гликою. Все три существовали недолго, и разрушились совершенно с уничтожением Союза Благоденствия. Члены сих обществ, не принадлежавшие Коренной Управе Союза, ниже к другим тайным обществам, по высочайшему повелению не требовались к следствию и оставлены без внимания».

Нас сейчас, конечно, не интересуют указанные вольные общества; попробуем поставить вопрос, не было ли вольным обществом «Союза Благоденствия» и общество «Зеленой Лампы». Под определение «вольного» оно подходит без всяких оговорок: один из установителей — Я. Толстой, член Союза Благоденствия; существование последнего не было открыто; особенной же своею деятельностью «Зеленая Лампа» могла бы способствовать достижению целей Союза.

Нужны были только фактические подтверждения этого предположения. Они найдутся в записках М. А. Фонвизина. «Члены Союза, — пишет он, — учреждали и отдельные от него общества, под влиянием его духа и направления: таковы были общество военное, члены которого узнавали друг друга по надписи, вырезанной на клинках шпая и сабель: «за правду», литературные, — одно в Москве, другое в Петербурге, последнее под названием «Зеленой Лампы», и две масонских ложи». ¹ Мы доверяем этому свидетельству, произнесенному не для следователей и не в застенке. Но есть и другое современное указание на связь «Зеленой Лампы» с политическим обществом. В известном доносе, поданном гр. Бенкендорфом имп. Александру I в 1821 году и не получившем никакого хода, находим следующие строки: «члены, приготовляемые мало-по-малу для Управы (Союза Благоденствия) или долженствовавшие только служить орудиями, составляли Побочные управы, под председательством одного члена Коренной, — назывались для прикрытия разными именами (Зеленой Лампой и пр.) и, под видом литературных вечеров или просто приятельских обществ, собирались как можно чаще». ²

На основании всех приведенных данных мы имеем право установить связь «Зеленой Лампы» с «Союзом Благоденствия». Мы лично принимаем кружок «Зеленой Лампы» за «вольное общество», но и несогласные с нами именно в этом не могут

¹ Обществ. движ. в России в первую половину XIX в. Т. I. Декабристы. М. А. Фонвизин, кн. Е. П. Оболенский и бар. В. И. Штейнгель. СПб. 1905, стр. 187—188.

² Эта записка печаталась неоднократно, в последнее время в книге М. К. Лемке. «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», СПб. 1908, стр. 576.

отрицать его связи с «Союзом». Кружок как бы являлся отображением Союза; неведомо для Пушкина, для большинства членов, Союз давал тон, сообщал краску собраниям «Зеленой Лампы». Пушкин не был членом Союза Благоденствия, не принадлежал ни к одному тайному обществу, но и он в кружке «Зеленой Лампы» испытал на себе организующее влияние тайного общества.

Этот вывод чрезвычайно важен для истории жизни и творчества Пушкина 1818 — 1820 годов, ибо он устанавливает тот угол зрения, о котором мы говорили в начале заметки. Басни же о «Зеленой Лампе», распушенные П. И. Бартеневым и П. В. Анненковым, должны быть раз навсегда устранены из биографии Пушкина.

Но «Зеленая Лампа», занимавшая до сих пор только пушкинистов, получает теперь интерес и для историков русской общественности. Рисуя историю общественного движения 1816—1825 гг., историк не должен забыть и «Зеленой Лампы» — этого «вольного общества» Союза Благоденствия. ¹

ПРИЛОЖЕНИЯ ²

I

В целях специально-пушкинских и общенсторических наиболее любопытным представлялось бы изучение отношений Я. Н. Толстого к тому общественному движению, конечный взрыв которого произошел на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Мы ставим вопрос и разрешаем его лишь в самой общей форме. Сведения о Толстом, как члене тайного общества, крайне скудны и глухи. Достоверно, во всяком случае, что он был членом Общества, и притом — одним из старейших и авторитетных. Об этом можно заключить по следующему отрывку из «Записок» кн. Е. П. Оболенского. Оболенский рассказывает о ходе дел Общества в самом начале 1825 года. «В это время, пишет он, по делам Общества все находилось в каком-то затишь. Многие из первоначальных членов были вдали от Петербурга: Николай Иванович Тургенев за границей, Яков Николаевич Толстой там же, Иван Иванович Пущин в Москве, Сергей Петрович Трубецкой в Киеве, Михаил Михайлович Нарышкин также в Москве. Таким образом, наличное число

---

¹ В вышедшей в 1909 году книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» кружок «Зеленой Лампы» рассматривается как раз с точки зрения истории общественного движения (стр. 435—438); автор отмечает неправильность мнения П. В. Анненкова.

² Первое приложение воспроизводит заметку «К биографии Я. Н. Толстого», напечатанную впервые в издании «Пушкин и его современники», в. II, стр. 65—76.

членов Общества в Петербурге было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишком молоды и неопытны, чтобы вполне развить собою цель и намерения Общества, и потому они могли только готовиться к будущей деятельности через взаимное сближение и обоюдный обмен мыслей и чувств в известные периодически назначенные дни для частных совещаний. Так незаметно протекал 1825-ый год». ¹ В этом отрывке нужно обратить внимание на то, что Оболенский именует Толстого среди виднейших членов Общества, отсутствием которых объясняется даже затишье по делам Общества. Оболенский противопоставляет Я. Н. Толстого и других названных лиц новым членам Общества, молодежи: первым были ведомы сокровенные цели Общества, последние только готовились к восприятию их. А говоря о том, что наличное число членов в Петербурге ограничено, Оболенский указывает на то, что хотя названные члены и не были налицо, но они сохранили связи с обществом. Следовательно, Яков Толстой не только был первоначальным членом, но остался им и после распада Общества Благоденствия; правда, он жил за границей и не принимал активного участия в деятельности Общества. Но идейные связи сохранились: и живя в Париже, Толстой был близок по своим духовным интересам к своим товарищам, жившим в России. В «Русской Старине» ² было напечатано письмо Александра Александровича Бестужева из С.-Петербурга от 3 марта 1824 года к неизвестному лицу. При самом даже поверхностном обзоре этого письма можно вполне определенно заключить, что письмо это писано к Я. Н. Толстому. Оно чрезвычайно характерно для эпохи, для автора и для адресата. Содержание письма служит доказательством, что Яков Николаевич Толстой не порвал связей со своими товарищами по обществу: к нему писали, как к человеку, для которого интересны все подробности жизни петербургских друзей, от него требовали политических новостей: «что делают либералы и каков их характер? — спрашивает автор письма. — Каков дух большей части французов? доволен ли народ? пожалуйста, бросьте при первом случае несколько строчек об этом. Вы одолжите тем всех благомыслящих».

Это письмо ускользнуло от внимания исследователей и мы считаем не лишним воспроизвести это письмо целиком и в особенности потому, что оно дышит колоритом эпохи и дает немало подробностей литературной и общественной жизни в 1824 году.

¹ XIX век. Исторический Сборник, изд. П. И. Бартеневым, ст. кн. Оболенского: «Воспоминание о К. Ф. Рылееве». Любопытно то, что в Лейпцигском издании «Воспоминаний кн. Е. П. Оболенского» («Русский Заграничный Сборник», ч. IV, тетр. V, 1861, стр. 14), фамилия Я. Н. Толстого пропущена.

² 1882 г., ноябрь, стр. 375—377.

С.-Петербург, 3 марта 1824 г. Ночь.

Долго, любезнейший Яков Николаевич, не видались мы с вами, а это время еще долее нам казалось от того, что редко имели о вас вести, — а от вас? Ну да правда и я хорош — забудем старое и поговорим о настоящем... о котором можно сказать и много и мало: я скажу, что припомню.

Летом я выдержал карантин от полугорячки; в июне вступил в должность к герцогу Виртембергскому; сентябрь и октябрь проездил с ним по северному краю России — по приезде стрелялся с ком. Рингером, который волей божию промахнулся, а я подарил ему патрон. Ноябрь присел за «Звезду» и в декабре ее с Рылеевым спекли. При этом ее прилагаю: не осудите, чем были богаты, тем и рады,¹ а теперь принимаюсь отбраниваться на бессмысленные, площадные выходы наших журналистов. Это превосходит всякое вероятие.

За моими новостями следуют новости моих друзей, и я скажу вам, что Рылеев десять дней тому назад дрался на дуели с князем Ш[аховским], офицером финл. гвардии; кн. Ш. свел связь с побочною сестрою Рылеева, у него воспитанною, и что всего хуже, осмелился надписывать к ней письма на имя Рылеевой. Сначала он было отказался, но когда Р. плюнул ему в лицо — он решился. Стрелялись без барьера. С первого выстрела Рылееву пробило [не разобрать одного слова, залито чернилами] на вылет — но он хотел драгся до повалу — и поверите ли, что на трех шагах оба раза пули встречали пистолет противника, мы развели их. Теперь он не опасен и рана его идет очень хорошо.

Жуковский пудрится, Воейков (вампир во всем смысле слова) лежит на одре недуга, разбитый лошадьми. Крылов написал 27 прелестнейших басен. Пушкина Фонтан-Слез — превосходен; он пишет еще поэтический роман: Онегин, — который, говорят, лучше его самого. Карамзин печатает два последние тома. Наконец, Кюхельбекер издает Альманах в 4 томах под заглавием Мнемозина, он еще не показался, а г-н Сленин и Дельвиг издаю на 25 год «Северные Цветы», точно то-же, что и наша «Звезда»: это спекуляция промышленности. Им завидно, что в три недели мы продали все 1,500 экземпляров — посмотрим удачи!...

Теперь политика: Дибич силен, а Волконский стал дворедким без околичностей. Поговаривают о присоединении министерств к сенату; власть Аракчеева растет, как гриб, и тверда, как пирамида. Государь ввел новую форму одежды: ходить в брюках. Михаил влюбился в свою жену. Герцогиня виртембергская вчера умерла в мосм дежурстве, и я видел, какое действие произвело это на людей, которые считают себя бо-

¹ Посылаю без переплета, чтобы вы могли по своему вкусу связать ее.

А. Б.

гами... Это была поучительная картина. В Петербурге ужасная скука.

Театры несносны и один только Freyszchoutz пленял нашу ребяческую публику. Его давали 17 раз сряду и всегда театр был полон.

Шаховской терзает Вальтер-Скотта — но об этом вы подробнее узнаете от Всеволожского.

За мой винегрет прошу заплатить в свой черед политикой и словесностью. Эти два пункта меня очень занимают. Теперь закидываю вопросный крючок — почему гг. журналисты отказались помещать вашу статью¹ об антологии.² Уже не в отместку ли за проказы Подцо-ди-Борго? Что делают либералы и каков их характер; каков дух большей части французов? доволен ли народ? Пожалуйста бросьте при верном случае несколько строчек об этом. Вы одолжите тем всех благомыслящих. Здесь же солдатство и ползание слились в одну черту и офицеры пустеют и низются день ото дня.

Много меня одолжите, почтеннейший, если пришлете, когда можно будет, издание Парри, это желание Рылеева, который здесь не мог достать его ни за какие деньги. Еще, если вам не хочется издавать Пушкина³ — то продайте его нам, мы немедленно вышлем деньги. Он говорит, что Гнедич на сей раз распустил ложные слухи. Ждем ответа.

Будьте здоровы, а об удовольствии вашем мы не сомневаемся, а произведений ваших надеемся и вас любим по прежнему. Весь ваш Александр Бестужев.

«Благомыслящие», которых Я. Н. Толстой мог бы одолжить сообщением политических новостей, по всей вероятности, были из членов Общества.

Казалось, что ближе всего было бы справиться об участии Я. Н. Толстого в движении декабристов в следственном о них производстве. Но следственные дела представляют материал, из которого чрезвычайно затруднительно извлекать достоверные данные: всякие показания нужно рассматривать сквозь призму представления о грядущем наказании. Правда, привлеченные по делу декабристов и допрашивавшиеся в высочайше учрежденном комитете по разысканию о злоумышленных обществах не скупались на имена и называли очень много членов, но все же *facit consensu*, принимали за правило по возможности выгораживать людей, которых можно было спасти. Так, на-

¹ О ней см. в работе Б. Л. Модзалевского — «Я. Н. Толстой. Биографический очерк». СПб. 1899 (оттиск из «Русской Старины» 1899, №№ 9 и 10), стр. 25—26.

² Здесь ее рвут из рук в руки. Она очень любопытна и вам предстоит еще побранить самого С. Мора за гадость его и вопреки *Journal des débats*. А. Б.

³ См. об этом в работе Б. Л. Модзалевского, стр. 12—15.

пример, благополучно избег всяких кар А. С. Грибоедов; ¹ и Я. Н. Толстой должен был благодарить судьбу за то, что все обошлось так же благополучно и для него; во время производства следствия он был за границей и к допросам не вызывался. Но его отсутствие не помешало возникновению целого дела.

Еще 21 января 1826 года кн. Оболенский в списке членов, приложенном к всеподаннейшему письму, среди множества названных им фамилий, указал и Я. Н. Толстого, добавив при этом, что Толстой «со времени отъезда за-границу прекратил все сношения с членами общества».

Комитет запросил о прикосновенности Толстого по обществу следующих лиц: Пестеля, кн. Трубецкого, кн. Оболенского и полковника Митькова.

Пестелю был предложен следующий вопросный пункт:

«В ответах своих вы называете членом тайного общества некоего Толстого. Объясните: как его имя, чин и где он служит?»

На этот вопрос Пестель дал следующий ответ:

«Я другого Толстого членом общества не знаю, как того, который в 1819 и 1820 году был председателем коренной Думы Союза Благоденствия. Имени и чина его я вовсе не знаю и никогда не знал; где он в последнее время служил, мне неизвестно, но в то время, коли не ошибаюсь, считался он по Морскому Ведомству. Более всего известен он по резному своему художеству».

Пестель имел в виду, конечно, известного художника и медальера Федора Петровича Толстого.

Почти столь же благоприятен для Я. Н. Толстого был и ответ князя С. П. Трубецкого на аналогичный вопрос. Кн. Трубецкой, по началу оговоривший было Якова Толстого, значительно изменяет свое показание.

«Названный мною Толстой служит старшим адъютантом главного штаба его имп. величества; его зовут Яков Николаевич. — Хотя я и показывал его членом тайного общества, однако-ж и утвердительно удостоверить в том не могу; ибо я не знаю, ни когда он к оному принадлежал, ни в какое время он от оного отстал. Знаю только что, во возобновлении общества, он никакого участия не принимал».

Князь Е. П. Оболенский, отличавшийся необыкновенной искренностью в своих признаниях, и тем не менее, при возможности кое-что скрывавший, дал следующие показания о Якове Толстом в ответ на запрос комитета:

«Названный мною членом общества Толстой есть действительно старший адъютант главного штаба его величества

---

¹ См. нашу работу «А. С. Грибоедов и декабристы», изд. А. С. Суворина, СПб. 1904 и в книге «Декабристы». Ленинград, 1925 г.

Яков Николаевич Толстой, лейб-гвардии Павловского полка штаб-капитан; при сем поставлю представить комиссии, что Толстой был принят мною в Общество (сколько я ныне упомянуть могу) за несколько месяцев до выступления гвардии в поход в Вильно в 1821-м году: т. е. в конце 1820 года. Сие принятие его состояло единственно в том, что в разговоре с ним об отечестве нашем и о внутреннем состоянии оного, я ему объявил, по дружеским сношениям с ним, о существовании Общества, имеющего цель достижение конституционного правления чрез несколько лет, распространением просвещения, улучшением состояния крестьян и тому подобными мерами; — после чего предложил я ему поступить в Общество, на что получил от него отзыв неудовлетворительный; я признаюсь оставался в изумлении и замешательстве, не ожидая его отказа — что видя Толстой, дабы не оставить меня в сомнении о скромности его, касательно объявленного ему мною существования Общества, объявил мне, что он готов содействовать лично цели Общества, распространением просвещения и улучшением состояния крестьян; но ни в какие личные обязательства по обществу не намерен входить и никаких личных сношений по делам оного иметь с кем либо из членов оного, исключая меня — после чего, дав мне честное слово о хранении тайны, оставался он в сем отношении со мною к Обществу, не вступая ни в управу, и (сколько я ныне упомянуть могу) не имея ни с кем из членов Общества личных сношений до выступления гвардии в начале 1821 года; — после чего он вскоре уехал в чужие края, откуда не возвращался, и со мною даже никакой переписки частной с того времени не имел. — О принятии же Толстого и о сих обстоятельствах принятия его сообщил ли я в то время кому-либо из членов Общества, я ныне упомянуть не могу; но обязанностью поставил представить обстоятельства сии Комиссии для исправления сделанной мной ошибки в названии Толстого членом Общества, в то время когда он знал лишь о существовании оного, никакого личного в оном участия не принимал и, едва несколько месяцев пробыв в сем отношении к обществу, уехал в чужие края, от коих и не возвращался, прекратив все сношения со мною».

При оценке степени достоверности этих признаний кн. Оболенского необходимо вспомнить приведенный выше отрывок из его «Воспоминаний». Но во всяком случае обстоятельства для Я. Н. Толстого складывались крайне благоприятно: комитет нашел показания трех членов Общества совершенно достаточными для выяснения дела Я. Н. Толстого в России. Но комитет интересовался знать, зачем собственно поехал за границу Я. Н. Толстой и что он там делает. За разрешением недоумений он обратился к одному путешествовавшему по чужим краям члену общества полковнику Митькову. Комитет поставил ему следующий вопрос:

«В ответах ваших вы показали, что во время бытности вашей в чужих краях вы видались с старшим адъютантом главного штаба его императорского величества Толстым.

Объясните, в чем состояли суждения ваши с ним о тайном обществе при сем свидании; что именно вы ему открыли о действиях здешних членов и о совещаниях, бывших пред вашим отъездом; какое принимал он участие в действиях и намерениях общества и в какое именно время было означенное ваше с ним свидание; также объясните, если вам известно, когда именно Толстой отправился в чужие края, какое он оказывал содействие в пользу общества во время нахождения его здесь в С.-Петербурге, как имя его и какого чина?»

Митьков отвечал:

«Сим имею честь донести. Я видал Толстова в 1824 году в бытность мою в Париже, где я с ним и познакомился, а прежде его не знал, а слышал от Николая Тургенева, что Толстой принадлежал к прежнему тайному обществу. Я ему сказывал, что перед отъездом моим в 1823 году составилось вновь тайное общество; но об оном суждений он со мною никаких не имел и мне ничего о пременах общества не говорил.

Когда именно Толстой отправился в чужие края и какое он оказывал содействие в пользу общества во время его пребывания здесь в С.-Петербурге, я не знаю. Имя его Яков. Какого чина, не знаю.

1826 года. Мая 27-го дня».

Этими расспросами и ограничились разыскания комитета о степени виновности Я. Н. Толстого. Допросы самому Толстому были сочтены излишними, и Комитет счел возможным поднести императору Николаю записку следующего содержания:

«Князя Трубецкой и Оболенский, называя Толстого членом общества, присовокупляют, что он уже три года находится за границею и со времени отбытия из России, все сношения с членами общества прекратил.

Полковник Митьков объясняет, что во время бытности его в 1824 году в чужих краях виделся в Париже с Толстым, о принадлежности которого к прежнему обществу слышал он прежде того от Тургенева. При сем свидании он ему открыл о возобновившемся обществе, но более ни о чем с ним не говорил».

Николай Павлович приказал Толстого «поручить под секретный надзор начальства и ежемесячно доносить о поведении».

Я. Н. Толстой избег кары, но все же дело не кончилось без последствий: репутация его была испорчена. В статье Б. А. Модзалевского рассказано, скольких трудов — и каких —

стоило Я. Н. Толстому добиться восстановления репутации. С ним произошла любопытная метаморфоза: член тайного общества, проникнутый высокими этическими идеалами, ранний философ, приятель Пушкина стал агентом русского правительства за границей.

II

26 июля 1826 года Я. Н. Толстой обратился с всеподданнейшим письмом, в котором он рассказывал о своих отношениях к тайным обществам. Письмо было оставлено без ответа. 17 октября того же года Толстой отправляет уже всеподданнейшее прошение и прилагает записку, в которой с некоторыми дополнениями, подчеркивающими его лояльность, повторяет свой рассказ, изложенный в письме. Результат был тот, что 25 ноября 1826 года Толстой был уволен от службы с сохранением чина. Так как письмо или записка заключают показания Толстого о тайных обществах, в делах следственной комиссии отсутствующие, и являются, таким образом, первоисточником, то мы воспроизводим целиком письмо, указывая в прямых скобках дополнения и изменения, сделанные Толстым в записке. Прощения Толстого от 17 октября не печатаем, так как исторического материала оно не содержит, а характеризует скорее личность самого Толстого в очень непривлекательных чертах.

К показанию Я. Н. Толстого нужно отнестись критически. Он старается скрыть всякую принадлежность к тайным обществам и прикидывается ничего не понимающим мальчиком, между тем, по выражению кн. Оболенского в позднейших записках, он был «первоначальным» членом, т. е. членом Союза Благодетствия и не прекращал своих сношений с членами до самого отъезда за границу в половине 1823 года, т. е. до начала организационных заседаний по реорганизации Северного Общества. Из объяснений Толстого видно, что Ник. Ив. Тургенев действительно приглашал его, по его, — Толстого, — выражению, вступить в общество, неизвестное ему даже по имени; в действительности же — не бросать Общества после роспуска. Между прочим, Тургенев ссылается в своей книге (*La Russie et les russes*, t. I, pp. 197—198) на письмо Я. Толстого, в котором тот сообщал Тургеневу, что его принял в общество не Н. И. Тургенев, а Семенов. Письмо это Толстой написал 5 июня 1827 года, а годом раньше, как мы теперь знаем, в своем прошении он весьма определенно обрисовал роль Тургенева. В Тургеневском архиве сохранилась переписка А. Ив. Тургенева с Я. Н. Толстым, о которой упоминает Н. И. Тургенев. Для сопоставления приводим и ее, причем письма А. И. Тургенева с копий, а письма Я. Н. Толстого — с подлинника. Вообще же надо заметить, что в 1826 году Толстой уже готовился к той роли, в какой мы знаем его позже.

Нам кажется, что после статьи Б. Л. Модзалевского о Я. Н. Толстом и материалов, опубликованных нами раньше (в первом приложении), на личности и деятельности Толстого до 1825 года больше не придется останавливаться ни пушкинистам, ни историкам. Для истории же Толстого № 2-й нужно будет рассмотреть кипы (буквально) его донесений из Франции, хранившихся в архиве III отделения (точнее, департамента полиции). Быть может, они представят даже интерес для историков Франции, ибо Толстой обстоятельно знакомил своих хозяев с политической жизнью Франции, с революциями и сообщал даже «списки канальям» (буквально!), принимавшим в них участие.¹

1. Всподданнейшее письмо Я. Н. Толстого от 26 июля 1826 года.

Всемиловитейший Государь!

Уповая на мудрое милосердие вашего императорского величества дерзаю изложить чистосердечное объяснение касающемся до сношений моих с тайными обществами. «Сердце царю в руде божией», от коего истекает благодать и всякое милосердие, а мы суть стадо вверенное царскому попечению, мы суть дети великого семейства, над коим он поставлен главою от бога; итак да окажет он нам отеческое снисхождение.

В 1818 [или 1819 году] составилось общество в доме камерюнкера [Никиты] Всеволожского. — Цель оного состояла в чтении литературных произведений. — Я был один из первых [главнейших] установителей сего общества и избран первым председателем. Оно получило название «Зеленой Лампы» по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались члены. Под сим названием крылось однакоже двусмысленное подражание и девиз общества состоял из слов «Свет и Надежда»; причем составлены [составились] также кольца, на коих вырезаны были лампы; члены обязаны были иметь у себя по кольцу. Общество Зеленой Лампы [не взирая на то] не имело никакой политической цели. — Одно обстоятельство отличало его от прочих ученых обществ: статут пригла-

---

¹ Эти строки написаны в 1904 году. В 1925 году Центрархивом изданы наконец донесения Я. Толстого «Революция 1848 г. во Франции». (Донесения Я. Толстого, под ред. и с пред. Г. Зайделя и С. Красного). Редакторы дают высокую оценку (мне кажется, чрезмерно высокую) донесениям русского агента. Кроме того в 1926 году была издана полностью с примечаниями С. А. Щегловой переписка Я. Н. Толстого с А. И. Тургеневым в издании Академии Наук СССР «Памяти декабристов. Сборник материалов», в. II, стр. 164—188.

шал в заседаниях объясняться и писать [этого слова нет] свободно и каждый член давал слово хранить тайну [о существовании оно]. — За всем тем в продолжение года Общества Зеленой Лампы не изменилось и кроме некоторых республиканских [вольнодумственных] стихов и других отрывков [подобных статей] там читанных никаких вольнодумческих планов [никаких законопротивных действий] не происходило. Число членов простиралось до 20 или немного более [этой фразы нет]. — Заседания происходили как я выше сказал в доме Всеволожского, а в отсутствии его у меня. Однажды член отставной [этого слова нет] полковник Жадовский объявил обществу, что правительство [полиция] имеет о нем сведения и что мы подвергаемся опасности, не имея дозволения на установление Общества. — С сим известием положено было прекратить заседания и с того времени общество рушилось. — Но из числа членов находились некоторые, движимые политическими видами, и в 1819 году (кажется) [и в 1819 или 1820 году] коллежский ассесор Токарев и полковник Глинка сошлись на квартире первого, пригласили меня и, присоединив к себе князя Оболенского, титулярного советника Семенова и прапорщика Катенина [последней фамилии нет] положили составить политическое общество под названием Добра и Правды. Уложение уже было написано колл. асс. Токаревым: оно состояло в прекращении всякого зла в государстве, в изобретении новых постановлений в правительстве и наконец в составлении конституции. [Уложение было заблаговременно написано Токаревым. Оно состояло в том, что каждому члену поставлялось в обязанность стараться искоренять зло в государстве, заниматься изобретением новых постановлений, сочинением проектов для удобнейшего средства к освобождению крестьян и присвоением новых прав различным сословиям государства, наконец в сочинении полных конституций, приспособленных к нравам и обычаям народа.] Несколько дней спустя после сего сходбища Токарев назначен был прокурором в Орел и оставил Петербург [и вскоре после того умер]. С отъездом его прекратилось и сие общество. Год после того (если не ошибаюсь) [Несколько месяцев после того] коллежский ассесор Капнист, с коим познакомил меня кн. Оболенский, предложил мне вступить в общество, составленное в Измайловском полку на тех же почти основаниях [условиях]. Я явился к нему в назначенный день; но видя из слов его, что правила общества и состав его были весьма нерассудительны, я не присоединился к ним [но замет, что Общество составлено по большей части из молодых людей, коих неосновательные суждения обнаруживали незрелые понятия о столь важном предмете; словом сказать, основание сего общества не сходствовало с моими правилами; вследствие чего я решительно отказался, не присоединился

к ним] и не был ни на одном заседании, хотя в донесении правительству я несправедливо назван установителем сего общества [хотя в донесении следственной комиссии я назван установителем сего общества, по показанию тит. советника Семенова, который, я полагаю, ошибся или не совершенно помнит сего обстоятельства]. В одно и то же время составилось другое подобное общество в доме офицера Измайловского полка Миклашевского. — Будучи приглашен к нему на квартиру, я нашел там статского советника Николая Тургенева, полк. фон-Бриггена, кн. Оболенского и титулярного советника Семенова [Семенова и полковника Глинку]. Увлечен будучи убеждением и красноречием первого, я вступил в их сообщество, цель коего была постановление конституции. — Однако же во время сего собрания я долго колебался, находя основание несоответствующим моему образу мыслей. Несмотря на то, я против воли вступил и дал подписку. [Я склонялся на приглашения их и вступил в Общество, название коего мне даже неизвестно; во цель оного была постановление конституции; прежде нежели я дал подписку, я долго колебался, с жаром оспаривал их в том, что каждый член свободен оставить Общество, не подвергаясь мщению прочих; я объявил им, что никогда не буду принадлежать сословию, где будут совершаться убийства; (тогда толковали только о мщении должествующем воспоследовать за измену и предательство неверных членов, и отнюдь и нисколько не помышляли об ужасном цареубийстве и даже о викаких насильственных и законопреступных мерах, коих я бы никак не допустил и в случае донес бы правительству с пожертвованием собственной жизни)]. На другой день назначено было сойтись у полк. Митькова, но я, чувствуя уже раскаяние, не поехал к нему. [Но обмыслив здраво, накануне безумства и опасность наших предприятий, я к нему не поехал]. С тех пор клявусь богом, честью и государем моими, нога моя ни одного раза [ни однократно] не вступала в сии сословия и не взирала на убеждения прежних моих товарищей [Тургенева, князей Оболенского и Трубцего] постоянно отказывался от сношений с ними. — Однажды объявил я Тургеньеву [этого слова нет] на приглашение его, что не могу уже соучаствовать в их сходбищах, ибо дал подписку правительству, что не буду принадлежать ни к каким масонским ни тайным обществам. — С сего времени Тургеньев совершенно ко мне охладел и перестал ко мне ходить; они называли меня недовольным потому, что я часто жаловался на службу, на которую употребил 17 лет моей жизни, расстроил состояние, утратил здоровье и не дослужил даже до штаб-офицерского чина. [Вместо последней фразы, начиная с сего времени читаем: Сии обстоятельства были некоторым образом причиною отъезда моего за-границу, где нахожусь близь трех с половиной

лет, томимый жесточайшей болезнью и мучительнейшей горестью. Яков Толстой].

Вот в чем состоит мое преступление; оправдывать я себя не дерзаю, но повергая участь мою к освященным стопам вашего императорского величества смею удостоверить, что ежели бы все подданные были столь же преданы своему государю, то конечно бы Россия благоденствовала и пагубные злоумышления не возмутили бы ни разу драгоценных минут царствования вашего величества. К величайшему несчастию моему, жестокая болезнь лишает меня средств доказать на деле всю приверженность мою к престолу.

Всемиловнейший государь!

В. и. в. верноподанный Яков Толстой,
л.-гв. Павловского полка штабс-капитан.

Париж.

26 Июля 1826 года.

2. Письмо А. И. Тургенева (черновое) Я. Н. Толстому от 31 мая 1827 года. ¹

Милостивый Г. М. Яков Николаевич,

Из рапорта следственной комиссии, так, как и из приговора верховного уголовн. суда, вам известно, что брат мой Н. Т. был обвинен и осужден между прочим и как распространитель тайного общества и что в числе тех лиц, якобы, он принял в члены общества, находитесь и вы. Вместе с сим конечно дошли и до вас слухи, что некоторые почитали брата моего сочинителем какой то статьи о тайных обществах, во франц. журнале: *La France Chrétienne* напечатанной! Слух сей, вероятно повредивший брату моему в лице нашего правительства, дошел, чрез меня, и до брата. В объяснении своем и в письмах своих ко мне он утверждает, что никогда никакой статьи в иностранных журналах не печатал.

Брат мой поручил мне просить вас, М. Г. мой, чтобы вы приняли на себя труд дать письменный отзыв, были ли вы когда-нибудь приняты братом моим в члены какого бы то ни было тайного общества.

Я же с моей стороны, слышав, что те же, кои прежде статью, во франц. журнале напечатанную, приписывали брату моему, впоследствии показали, что она сочинена вами, решил покорнейше просить вас дать также письменный отзыв: вы или кто другой сочинитель статьи, о которой я упомянул выше [появление коей содействовало, может быть, весьма много бедствию, брата постигшему.

¹ Второе и третье письмо, напечатанные мной впервые в 1905 году, в 1923 году, как новость, были еще раз напечатаны М. О. Гершензоном в «Новых Пронялях» т. I. Госуд. изд. 1923, стр. 8—11.

Сердцевидец слышит каждое слово, видит каждую мысль нашу. Он будет судить и вас и судей ваших. Одна истина наконец торжествует и только с чистой совестью, не отягченною несчастием ближнего, можно жить и умереть спокойно].¹

С полною доверенностью к вашим правилам буду ожидать вашей отзыв и не скрою от Правл. Ген-ства.

С иск. поч. ч. п. б.

М. Г. М. в. п. с. А. Т.

Париж, Мая 31 дня.

3. Ответ Я. Н. Толстого от 5 июня 1827 года.

Милостивый Государь Александр Иванович!

Письмо, коим вашему превосходительству угодно было почтить меня прошлого 31 Мая, заключает в себе следующие вопросы:—Во-первых: был ли я когда-либо принят братом Вашим Николаем Ивановичем Тургеневым в члены какого бы то ни было тайного Общества? На сие честь имею ответствовать: что никогда братом Вашим Николаем Ивановичем в члены никакого тайного общества принят не был; а полагаю, что причины, подавшие повод сему заключению Следственной Комиссии и приговору верховного уголовного суда, основаны на следующих обстоятельствах. В 1820 году секретарь Семенов пригласил меня к Г. Миклашевскому, служившему тогда офицером л.-гв. в Измайловском полку, с тем, чтобы участвовать в предполагаемом составлении тайного общества. Пришед к помянутому Миклашевскому, я нашел там, между прочим брата вашего; совещанья наши длились несколько часов, в продолжение коих я от брата вашего не слышал никакого предложения о вступлении в составляемое общество и помню только, что он (брат ваш) предлагал и в суждениях своих с жаром поддерживал один предмет, целью коего было освобождение крестьян; в прочих прениях он мало участвовал и, как мы все тогда заметили, одна мысль господствовала и управляла его разговорами, сия мысль, о коей я уже упомянул, состояла в освобождении крестьян. Впрочем, впродолжение сего совещания, никакой мятежной ниже преступной цели обнаруживано не было, сие мнимое общество в одно и то же время началось и прекратилось; ибо сие было первое и последнее или лучше сказать единственное его заседание; оно не имело никакого устава и не отличалось никаким названьем; правда, что на сем совещании, по предложению одного из присутствовавших, требовали с нас подписки для хранения тайн касательно наших совещаний, в чем я и подписался, не знаю, последовали ли

¹ Фраза, поставленная в [ ], подчеркнута.

прочие моему примеру. — После того неоднократно виделся я с братом вашим Николаем Ивановичем; но никогда от него собственно не слышал ничего относительно тайных обществ; хотя, по уверению секретаря Семенова, брат ваш препоручал будто бы ему убеждать меня не оставлять общества: но если б слова Семенова были справедливы, то почему ж брат ваш, с коим я часто виделся, сам мне о том никогда ни слова не говорил? Из сего я заключаю, что брат ваш отказался от участия в тайных обществах в одно время со мною, т. е.: после данной нами правительству подписки в том, что не будем принадлежать ни к каким масонским и тайным обществам.

Во-вторых: Касательно статьи, напечатанной в Парижском журнале: *La France Chrétienne*, сочинителем по словам вашего превосходительства, некоторые почитали первоначально брата вашего Николая Ивановича, а в последствии подозревали меня, я имею честь отвечать Вашему превосходительству, что по мнению моему статья сия не могла быть сочинена Русским, уповающим еще на справедливость и милосердие августейшего императора нашего, а вероятно родилась в голове буйного и дерзкого иностранца. Тот, кто дерзает гордиться званием изгнанника (так изъясняется сочинитель сей статьи), не может быть россиянином, отрицающим помилованье; я же ласкаю себя надеждою, что та рука, которая укротила возмущенье и спасла отечество, прольет также источники благодати и милосердия. Я с моей стороны не мог быть автором упомянутой статьи также и по той причине, что она напечатана здесь 10 апреля 1826, я же в это время находился в Неаполе, в чем удостовериться можно по паспорту моему, выданному мне в Неаполе в исходе Марта того же года. Пересылка возмутительной и противозаконной статьи из Неаполя в Париж столь же затруднительна, как и пересылка из Петербурга в сей последний город, да сверх того, в Неаполе мы в означенное время т. е. в начале Апреля, не имели еще никаких сведений о следственной комиссии, сочинитель же сей статьи говорит о труд. оной, как о деле ему известном.

Вот М.Г. ответы мои; в истине оных ручаюсь честью и готов под присягою подтвердить все то, что сказал ваш. превосх. в сем моем письме.

Мил. Гос. Ваш. Прев.

всепокорн. слуга Яков Толстой.

Париж.

5 Июня 1827.

Его Пр-ву. Александру Ивановичу Тургеневу.

4. Письмо А. И. Тургенева Я. Н. Толстому (копия) 1830 года.

Милостивый Государь

Яков Николаевич!

За две недели пред сим я сообщил брату копию с письма вашего от 5-го Июня 1827 года, в коем вы утверждаете, что вы от брата моего никогда не слыхали никакого предложения о вступлении в составляемое общество; но что секретарь Семенов приглашал вас в общество и что в единственном заседании, в коем, по приглашению Семенова, вы находились и видели брата моего, он ни о каких преступных предметах не рассуждал, а говорил только о пользе освобождения крестьян; вместе с сим вы, в виде предположения, упоминаете, что вероятно брат мой отказался от участия в Тайных обществах в одно время с вами; то-есть после данной правительству подписки в том, что не будет принадлежать ни к каким массонским и тайным обществам.

Брат, прочитав ныне письмо ваше со вниманием, отвечает мне, что он никогда не говорил об учреждении нового общества, и что этого и потому быть не могло, что в 1820 году существовало еще старое общество и что, вероятно, секретарь Семенов предлагал вам о вступлении в старое общество. Желая привести сии обстоятельства в возможную ясность, я покорнейше прошу вас Мил. Гос. мой удостоить меня отзывом на сие письмо.

Подл. подп. Александр Тургенев.

Париж 1830.

С подлинным верно Александр Тургенев.

5. Ответ Я. Н. Толстого от 6 мая 1830 года.

Милостивый Государь

Александр Иванович!

Я имел честь получить письмо вашего превосходительства, содержащее в себе два вопроса, относящиеся к пояснению прежнего письма моего, писанного к Вам в прошлом 1827 году. Отвечая на оные вопросы, я подтверждаю

Во-первых: Что приглашал меня вступить в Общество не брат ваш, а Г. Семенов, который не ясно истолковал мне, вновь ли составляется Общество или предлагают мне вступить в старое, а потому я и думал, что дело идет о каком-нибудь еще не совершенно устроенном обществе; ныне же по внима-

тельном прочтении рапорта следственной комиссии я удостоверил, что общество, в которое приглашал меня секретарь Семенов, не что иное как старое, известное под именем Зеленой книги.

Во-вторых: Касательно предположения моего, что брат ваш оставил общество в одно время со мною, я разумел, что со времени единственного собрания, о коем я упоминал, происходившего в 1820 году на квартире Миклашевского, брат ваш никогда со мною о каких обществах не говорил; следовательно, полагаю совершенно от оных отказался.

Подписка же, данная в последствии правительству, вероятно для брата вашего, так как и для меня, запечатлела твердые намерения наши впредь никогда не участвовать ни в каких обществах.

С истинным высокопочтанием,
честь имею быть милостивый
Государь Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга Яков Толстой.

Париж.
6 Мая.
1830 года.

Его Превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу.

1. Первая встреча в 1826 году. ¹

Нельзя считать исследованным и выясненным вопрос о взаимных отношениях императора Николая I и его ближайших помощников по III отделению к Пушкину. Обычное представление, возвеличивающее монарха и видящее в Бенкендорфе с его чиновниками досадное средостение, основывается на предвзятых мнениях и не является результатом документального изучения истории сношений монарха и поэта. Но из всех учреждений, работавших в помощь Николаю Павловичу, ни одно не действовало в таком согласии и такой настроенности с вершиной власти, как III отделение. Бенкендорф без хвастовства и лжи мог говорить о себе, что он пользуется полным доверием монарха. На этом основании при изучении вопроса необходимо говорить больше о царе, чем о его помощниках, даже в своей инициативе творивших волю пославшего. Прежде всего следует отделить на основании фактических данных показную сторону от закулисной и выяснить истинные, настоящие взгляды Николая I на поэта. Мы знаем ряд высказываний Николая I о Пушкине; мы встречаем ряд мнений и свидетельств о его взглядах на Пушкина. Николай I заботливо старался, чтобы окружающие его и сам поэт думали, что он относится к поэту и ценит его именно так, как он высказывался. До сих пор и исследователи освещали отношения царя к поэту как раз с той точки зрения, провести которую старался Николай I. Но это были не настоящие его взгляды. С особенным вниманием мы должны уяснить, чем был для него Пушкин и как император на него смотрел, когда был совершенно откровенен, нараспашку, как, например, в разговорах со своим братом Михаилом Павловичем или своими друзьями-слугами: Паскевичем, Бенкендорфом. Изложение отношений и мнений другой стороны — самого поэта — и легче, и сложнее. Легче потому, что

---

¹ Впервые напечатано в журнале «Русская Мысль» 1910 г., май; воспроизводится здесь с восстановлением мест, измененных редакцией по цензурным соображениям.

вообще в Пушкине не было двойственности, как не было ее и в его отношении к Николаю I, а сложнее по следующим причинам. Хотя отношения Николая I не были просты, но они легче поддаются изучению, ибо они не имели истории, ибо взгляды царя оставались такими же при кончине поэта, как они сложились к моменту первого свидания. Отношения же Пушкина, наоборот, были просты и искренни, но имели свою историю, очень сложную в своих психологических мотивах. Конечно, прежде всего, для этого нужно выяснить все фактические воздействия власти на поэта в период 1826—1837 гг., показать ту бесконечную серую пелену, которая окутала Пушкина в 1826 г., развертывалась во все течение его жизни и не рассеялась даже с его смертью. Затем придется исследовать, чем был (и как стал быть) представитель высшей власти для ума, сердца и души поэта. Скажем тут же, что «настоящих» взглядов царя Пушкин не знал, как он не знал и вообще Николая Павловича. Но ненормальность отношений он сознал довольно скоро, не мог понять, в чем дело, мучился темными подозрениями. Процесс развития его взглядов и его отношений к царю тесно связан с жизнью созданного им поэтического образа государя в его творчестве, с теоретическими представлениями о монархе и власти. Необходимо рассмотреть возникновение и эволюцию этих представлений. Только поставив и разрешив все эти вопросы, мы получим разрешение поставленной нами задачи.

Первая встреча императора Николая I с Пушкиным произошла 8 сентября 1826 г. Этому свиданию охотно приписывают значение решающего момента в отношениях царя к поэту. Мы увидим дальше, что такого значения оно не имело. В настоящей статье, на основании изданных и отчасти неизданных материалов, мы намерены выяснить то представление о Пушкине, какое сложилось у императора Николая I ко дню его встречи с поэтом и каким оно оставалось до самой кончины последнего. Начало мнениям императора Николая I о Пушкине, как и о большинстве лиц русского общества, было положено в эпоху работ по расследованию деятельности злоумышленных обществ, прикосновенных к событиям 14 декабря. Известно, что учрежденная по этому поводу комиссия действовала под ближайшим и внимательнейшим руководством самого государя. С этой комиссией мы и должны начать.

I

В то время как следственная комиссия и император Николай I производили бесчисленные аресты, чинили дознания и допросы; в то время когда в России было мало дворянских семей, которые не имели бы среди своих близких и родных, прикосновенных так или иначе к мятежу; когда панический

страх за судьбы дорогих людей охватывал русские интеллигентные круги, — Пушкин в своем захолустье беспокоился за себя, несомненно, гораздо меньше, чем его друзья о нем. Ему не передалась тревожная атмосфера столиц. Он совершенно ясно представлял себе свое положение, был убежден, что правительство удостоверится во время расследования, что «к заговору он не принадлежит и с возмутителями 14 декабря связей политических не имеет» (так писал он Жуковскому во второй половине января 1826 г.). Но совершенно уверенным в своей безопасности он не был: «все-таки от жандарма я не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных». Впрочем, от всего этого дела он скорее ожидал для себя поворота к лучшему, именно полагаясь на удостоверение комиссии в его непричастности. «Если Пушкина не замешает, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?» — писал он уже в январе 1826 г. То в серьезной, то в шутливой форме Пушкин с этих пор непрестанно забрасывал своих друзей вопросами о своей судьбе: «Пусть позволят мне бросить проклятое Михайловское. Вопрос: невинен я или нет? в обоих случаях давно бы надлежало мне быть в П.-Б.», — писал он Плетневу 3 марта. Но от всех своих корреспондентов он получал один ответ: сидеть смиренно, жить в деревне, постараться заставить забыть о себе. Было не до хлопот за поэта, когда следственная комиссия и Николай I производили свою расправу. Осведомленный Жуковский сообщал Пушкину, очевидно, по словам лиц, близких к комиссии (из них ближе всех к Жуковскому был Д. Н. Блудов) следующее: «Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством». Пушкина не потребовали к ответу в Петербург, и как только следственная комиссия закончила свои действия и составила донесение, он подал Николаю Павловичу прошение. 10 июля он писал Вяземскому: «Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились — это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные под именем Баркова. Если бы я был потребован комиссией, то я бы конечно оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру».

Посмотрим же теперь, какими данными для суждения о Пушкине располагала следственная комиссия по делу о злоумышленных обществах, начавшая свои действия сейчас же после 14 декабря 1825 г. и окончившая их 30 мая представлением всеподданнейшего донесения. Для ответа на этот вопрос мы просмотрели все огромное производство комиссии. Правда, записанные показания не исчерпывают всего материала, полученного следствием: многое, конечно, говорилось на допросах и не записывалось. Это нужно иметь в виду. Кроме того, мы

не располагаем и теми списками стихов Пушкина, о непрерывном нахождении которых у арестованных писал Жуковский Пушкину. Вещественные доказательства — письма, рукописи, взятые при обысках, — при деле, за ничтожнейшими исключениями, не сохранены. Но распространенность стихов Пушкина — факт общеизвестный (указания встретим и ниже), и слова Жуковского можно принимать в буквальном значении.

Поставив задачей выяснение источников вольномыслия, следственная комиссия почти всем привлеченным к делу задавала один и тот же вопрос: «с которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т. е. от сообщества ли, или от внушений других, или от чтения книг, или сочинений в рукописях и каких именно? Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?» Очень многие из декабристов отвечали уклончиво на этот вопрос, ссылаясь на отсутствие в них вольномыслия. Некоторые объявляли, что они обязаны образом своих мыслей своим размышлениям. Наконец, многие называли ряд авторов и сочинений, повинных в распространении мятежного духа. Из русских авторов и русских сочинений, названных декабристами, на одно из первых мест нужно поставить Пушкина и его стихи. Приведем несколько подобных ответов из показаний: их будет достаточно для характеристики того представления, которое могло сложиться у членов комиссии о Пушкине. Петр Бестужев, брат Александра и Николая, показывал: «Мысли свободные зародились во мне уже по выходе из корпуса, около 1822 года, от чтений различных рукописей, каковы: «Ода на свободу», «Деревня», «Мой Аполлон», разные «Послания» и проч., за которые пострадал знаменитый (в других родах) поэт наш А. Пушкин». ¹ Мичман В. А. Дивов записал в своих показаниях: «Свободный образ мыслей получил... частью от сочинений рукописных; оные были свободные стихотворения Пушкина и Рылеева и прочих неизвестных мне сочинителей». ² Прапорщик Бечаснов показывал: «Зная, что я охотно занимаюсь книгами и поэзией, советовали (офицеры) бросить романы, как не заслуживающие потери времени, предлагая читать хороших писателей — Трагедии — Стихи соч. Пушкина и других — постепенно разгорячивших пылкое воображение». ³ А вот ответ одного из энергичнейших заговорщиков, заплатившего смертью за свой энтузиазм, Мих. Павл. Бестужева-Рюмина: «Первые либеральные мысли почерпнул я в трагедиях Вольтера, которые к моему несчастью слишком рано попались мне в руки. После, приготавливаясь к экзамену, учрежденному на основании указа 1809 года, я тщательно занимался естественным правом гражданским, римским и политической эконо-

¹ Б. Гос. Арх., I В., № 366, л. 5 об.

² Б. Гос. Арх., I В., № 365, л. 1.

³ Б. Гос. Арх., I В., № 435, л. 19—19 об. или в издании Центрархива «Материалы по истории восстания декабристов», т. V, стр. 277.

номией (все эти предметы требуемые). Таковые занятия дали мне склонность к политике; я стал читать известных публицистов, из коих всего более вреда мне наделал пустословный де-Прадт. Между тем везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные. Это все более и более укоренило во мне либеральные мнения». ¹ Барон Штейнгель в очень резком письме из крепости к государю, рассуждая о невозможности бороться с идеями, писал: «Сколько бы ни оказалось членов тайного общества или ведавших про оное, сколько бы многих по сему преследованию ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования... Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой?» ² В этом же роде и другие ответы. Можно себе представить те чувства, которые возникли у членов комиссии по отношению к Пушкину. Не может быть сомнения, что они старались добыть сведения о прикосновенности Пушкина к обществу, но их старания не увенчались успехом. Имя Пушкина не попало даже в известный и последнее время часто цитируемый Алфавит всем, имевшим хотя бы легкое касательство к делу о тайных обществах. Алфавит этот, заключающий в себе 567 фамилий, был составлен для Николая Павловича и был его настольной книгой. Пушкин не был даже назван членом «Зеленой Лампы»: ³ названные были занесены в эту книгу. Но все-таки в делах комиссии сохранились некоторые следы, свидетельствующие о том, что комиссия не прочь была бы притянуть и Пушкина к следствию поближе. Два раза имя Пушкина было затронуто серьезно, два раза поэту грозила опасность.

5 апреля 1826 года Бестужеву-Рюмину среди множества вопросов был предложен и следующий:

¹ Б. Гос. Арх., I В., № 396, л. 25 об.

² «Обществ. движ. в первую половину XIX в.», т. I, изд. М. В. Пирожкова, стр. 490. Впрочем, в ответе на вопрос о происхождении свободного образа мыслей Штейнгель, назвав «разные сочинения (кому неизвестные?) Баркова, Нелединского-Мелецкого, Ясвижского(?)», кн. Горчакова, Грибоедова, Пушкина», прибавляет: «Сии последние вообще читал из любопытства и решительно могу сказать, что они не произвели над мною иного действия, кроме минутной забавы: подобные мелочи игривого ума мне не по сердцу». Гос. Арх., I В., № 360, л. 6. Приблизительно так же отвечал Александр Бестужев, стараясь очевидно, ослабить впечатление, которое оказалось бы вредным для Пушкина: «Что же касается до рукописных русских сочинений, они слишком маловажны и ничтожны для произведения какого-либо впечатления. Мне не случилось читать из них ничего, кроме: «О необходимости законов» (покойного фон-Визина), двух писем Михаила Орлова к Бутурлину и некоторых флесток А. Пушкина — стихами». Гос. Арх., I В., № 339, л. 4.

³ В 1925 году этот Алфавит был издан под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса в издании Централархива «Материалы по истории декабристов», том VIII.

«У комиссионера 10-го класса Иванова найдены были стихи, написанные на лоскутах и по содержанию своему означающие пейстовое вольномыслие, о коих Иванов отозвался, что получил от Громницкого; сей же объяснил, что оные дали ему вы в Лещинском лагере при капитане Тютчеве, который (равно Спиридов и Лисовский) читали их и знают, что к нему точно дошли от вас, причем Громницкий дополнил, что вы будучи у Спиридова хвалили и прочитывали наизусть сочинение Пушкина под названием «Кинжал», которое тут же написали своею рукою и отдали Спиридову, а он, Громницкий, списал для себя уже у Спиридова. Справедливость сего свидетельствуют как Спиридов и Тютчев, так и Лисовский. Капитан же Пыхачев показывает, что вы часто читали наизусть, хвалили и раздавали всем членам вольнодумческие стихи Пушкина и Дельвига.

«Поясните чистосердечно:

«1 Когда, где и от кого вы получили стихи, данные Громницкому и чьею рукою оные написаны? Точно ли оные были ротмистром Паскевичем, как вы сказывали Тютчеву?

«2 Кому еще из членов давали как сии, так и подобные оным возмутительные стихотворения и от самих ли Пушкина и Дельвига получили оные, или от кого другого?

«3 Сии сочинители не были ли членами общества и в каких сношениях находились с вами, либо с Сергеем Муравьевым?»

Вопрос был поставлен прямо. Ответ М. П. Бестужева-Рюмина не дал никаких указаний на причастность Пушкина к обществу. Для нас он ценен, как сообщающий любопытную подробность к биографии Пушкина.

«Сие показание Спиридова, Тютчева и Лисовского совершенно справедливо. Пыхачев также правду говорит, что я часто читал наизусть стихи Пушкина (Дельвиговых я никаких не знаю). Но Пыхачев умалчивает, что большую часть вольнодумческих сочинений Пушкина, Вяземского и Дениса Давыдова нашел у него еще прежде принятия его в общество.

«1 Стихи Паскевича получил я в Лещине от него самого. Одни писаны рукою Жукова с поправкою Паскевича, а другие рукою Рославлева.

«Стихи Паскевича, как их получил, так и отдал их Тютчеву или Громницкому — сего уже не помню. Но говорил о них Артамою Муравьеву и Пестелю. Списков с них никому не давал. Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло.

«3 Принадлежат ли сии сочинители обществу или нет, мне совершенно неизвестно. Я Дельвига никогда не видал. С. Муравьев с ним не знаком. С Пушкиным я несколько раз встречался в доме Алексея Николаевича Оленина

в 1819 году, но тогда еще был я ребенком.¹ С. Муравьев с тех пор, что оставил Петербург, Пушкина не видал».

Разногласия в показаниях Пыхачева и Бестужева-Рюмина по вопросу о стихах Пушкина повели к очной ставке, которая была дана им в комиссии 26 апреля. На очной ставке капитан Пыхачев «утвердил свое показание, прибавив, что кроме стихов, начинающихся: «у вас Нева, у нас Москва» и пр., других у него не было». Подпоручик же Бестужев-Рюмин «остался при своем показании».²

В другой раз комиссия сделала попытку привлечь Пушкина поближе к делу по следующему поводу. Александр Поджио, не ограничившись весьма открытыми показаниями перед комиссией, дал к ним новые и важные дополнения в письме на имя члена комиссии генерала В. В. Левашева от 12 марта 1826 года. Тут он рассказывал подробно о своем пребывании в 1823 году в Петербурге и между прочим писал: «Перед выездом моим съехались к Митькову. Между прочим был здесь и Рылеев; я в нем видел человека, исполненного решимостью. Здесь он говорил о намерении его писать какой-то катихизис свободного человека, знаю, весьма преступный; и о мерах действовать на ум народа как-то: сочинением песен, пародиями существующих иных на подобие «Боже спаси царя» Пушкиным пародированной, и песни «Скучно мне на чужой стороне».³ С умыслом или без умысла, но комиссия сообщение Поджио поняла так, будто Пушкин пародировал «Боже спаси царя» на собрании членов общества в С.-Петербурге в 1823 году — как раз тогда, когда Пушкин жил на юге России. В таком смысле комиссия и запросила о справедливости слов Поджио Матвея Муравьева-Апостола. Но Муравьев-Апостол, давая подробно объяснения, решительно заявил: «При сем совещании не было Пушкина, который никогда не принадлежал обществу».⁴

После этого ответа других членов комиссия уже и не запрашивала о том, был ли членом общества Пушкин. По крайней мере указаний на это мы не имеем. Вот и все, что мы могли извлечь из производства комиссии, непосредственно относящегося к Пушкину.

Итак, данных оказалось слишком недостаточно, чтобы можно было предъявить Пушкину обвинение в принадлежности к тайному обществу, потребовать его и наказать, но зато по этим

¹ В 1826 г. Бестужеву-Рюмину было 24 года, а в 1819 г. всего 17 лет.

² Б. Гос. Арх. I В. № 396, л. 124, 145, 150, 152, 157, 158.

³ Б. Гос. Арх. I В. 402, л. 41 об. Цитируем по подлиннику. Я имел случай (в статье «Катихизис Сергея Муравьева-Апостола» Минувшие Годы, 1908 г., ноябрь и в новейшее время в книге «Декабристы» 1925) указать, что в несправном издании М. Довнар-Запольского «Мемуары декабристов» (Киев, 1906 г., стр. 203) письмо Поджио напечатано с существенными искажениями как раз в цитированном нами отрывке.

⁴ Б. Гос. Арх. I В. № 397, л. 98.

данном члену комитета могли составить совершенно определенное представление о поэте, чьи стихи были источником пагубной заразы вольномыслия и принести столько бед и загуборщикам, и государству. Конечно, члены комитета и до 14 декабря слышали и знали о Пушкине, как авторе вольнодумческих од и посланий, но только во время следствия они увидели всю значительность и фактическую пагубность их действия, воочию убедились, что они сыграли важную роль в развитии мятежнического настроения декабристов. Из воспоминаний современников, из мемуаров самих декабристов в настоящее время мы знаем это значение поэзии Пушкина, но для членов комиссии оно, пожалуй, было и ново, и неожиданно: им блеснула в глаза сила художественного и политического слова, сила мысли. Вредоносность Пушкина не подлежала сомнению с государственной точки зрения следователей-генералов и их руководителя — царя. Быть может, в это время они осмыслили всю необходимость борьбы с силой слова и мысли, в это время они и поставили завет борьбы, которому без колебаний остались верны на всю свою жизнь. Самый дальновидный из них, Николай I, не мог не сознавать, что борьба с вредоносностью художественного слова Пушкина, с этим блестящим, обильным источником вольномыслия, не могла укладываться в рамки расправ следственной комиссии и требовала иных средств. Нужна была уверенность, что поэт не будет создавать блесков неистового вольномыслия, а этой уверенности как раз и нельзя было достигнуть ссылками, заключениями и т. п. Иное средство укрощения строптивых должно было быть примененным к Пушкину.

Все реальное, фактическое значение того обстоятельства, что члены комиссии составили себе определенное и прочное представление о политической неблагонадежности и зловерности поэтического таланта Пушкина, можно оценить, вспомнив, кто были членами комиссии. Все это люди, которым суждена была огромная роль в правительстве Николая I, которые были облечены полным доверием и имели большое влияние на него, с которыми Пушкину в последующей его жизни случалось приходиться нередко в соприкосновение далеко не дружественного характера. И прежде всего надо упомянуть об А. Х. Бенкендорфе. Проявлявшаяся им кипучая деятельность в комиссии выделила его и навсегда сблизила с Николаем I. Никто так остро не ощутил всего смысла борьбы с мыслью и словом, как он и Николай I, и никто более его не потрудился на этом поприще. Не лишнее отметить, что в самом же начале действия комитета на него был возложен разбор бумаг, взятых во время обысков. За Бенкендорфом идут великий князь Михаил Павлович, недружелюбие которого к Пушкину может быть засвидетельствовано документально; начальник главного штаба Дибич, дежурный генерал (по секретной части) Потапов, кн. А. Н.

Голицыны (ему не могли быть безызвестны «пушкинские» эпиграммы на него), генералы Голенщев-Кутузов, Левашев и Чернышев — все представители высшей и влиятельной бюрократии, задававшие тон и мнениям и поведению сановного мира.¹ Все они (не исключая и царя) были беспечны по части литературы, и можно сказать, что Пушкин-поэт для них не существовал, а был только вольнодумец и политически неблагонадежный человек. Из этих-то отношений, создавшихся в первой половине 1826 г., и надо исходить при оценке политического положения Пушкина в царствование Николая I.

Дополнение к данным, полученным официально из показаний привлеченных к делу, и укрепление создавшегося о Пушкине представления принесли допросы. Всегда была обильна доносами русская земля, а в то время доносительство достигло степеней чрезвычайных.² Во все концы России были разсланы офицеры, преимущественно флигель-адъютанты, для собирания под рукой доносчиков и сведений, не укрываются ли еще где-нибудь гидра революции и остатки вольного духа. Все эти посланцы представляли рапорты и донесения о положении дел в губерниях, университетах и т. д. К сожалению, обо всем этом мы очень мало знаем; обрывки донесений встречаются в деле следственной комиссии, но полного их собрания у нас еще нет. Был послан такой соглядатай и в прибалтийский край, в область управления эстляндского генерал-губернатора Пауллучи. Проезжая через Псков, этот агент собрал сведения о Пушкине. Но донесение в общем было благоприятно для Пушкина.³

А что Пушкин в глазах высших представителей власти был действительно опасным человеком, об этом свидетельствует дознание о связях учителя Плетнева с литератором Пушкиным, произведенное вне следственной комиссии, но, очевидно, находящееся в (неясной еще для нас) связи с ходом следствия. Дознание это приходится как раз на то время, когда комиссия занималась расследованием по сообщению Поджио и Пыхачева.

---

¹ Председателем комиссии был военный министр Татищев. Из чиновников комиссии надо упомянуть об А. А. Ивановском, который впоследствии по должности своей в III отделении объяснялся с Пушкиным.

² Любопытные образцы доносов приведены у Н. К. Шильдера «Император Николай I, жизнь и царствование». СПб., т. I, стр. 426—430 и в примечаниях, стр. 541—542.

³ Анненков слышал о посылке «особенного агента в начале 1826 года, с поручением объехать несколько западных губерний для узнавания местных злоупотреблений и, при проезде через Псков, собрать точные и положительныя сведения о самом поэте, что по связям последнего со многими декабристами было тогда мерой, входившей в общий порядок начатого следствия над заговорщиками». «Пушкин в Александровскую эпоху». СПб. 1874 г., стр. 320. В 1918 году было опубликовано А. А. Шиловым в журн. «Былое» (1918, № 2(30), стр. 67—77) донесение агента, посланного генералом Виттом, Бошняка, известного провокатора по делу южных декабристов. Ср. работу Б. I. Модзалевского «Пушкин под тайным надзором». Очерк. 3-е издание. Изд. «Атеней» 1925 г.

Отметим также и то, что все лица, принимавшие участие в этом дознании, состояли членами следственной комиссии. Первый документ, который мы имеем, относится к 4 апреля. Это — составленная, очевидно, на основании перлюстрированных писем, записка дежурного генерала Потапова, сообщающая о проекте издания «Цыган» и о том, что по сему предмету комиссионером является Плетнев. Эта записка была препровождена начальником главного штаба Дибичем петербургскому генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, который должен был дать объяснения по этой записке. 16 апреля последний отправил объяснительную записку, изложив в ней историю составления рукописи «Цыган» и характеристику Плетнева. «Плетнев — поведения весьма хорошего, характера тихого и даже робкого... особенных связей с Пушкиными не имеет, а знаком с ним как литератор. Входя в бедное положение Пушкина, он по просьбе его отдаст по комиссии на продажу напечатанные его сочинения, и вырученные деньги или купленные на них книги и вещи пересылает к нему». Совершенно ясно было, что в отношениях Плетнева и Пушкина нет и намека на какую-либо злокозненность, но все дело было доложено императору, и он повелел Голенищеву-Кутузову «усугубить возможное старание узнать достоверно, по каким точно связям знаком Плетнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по сочинениям его, и приказать иметь за Плетневым ближайший надзор». Об этой высочайшей воле Дибич сообщил Голенищеву-Кутузову 23 апреля. А 29 мая последний доносил об исполнении повеления и о результатах сугубого надзора. «Плетнев действительно не имеет особенных связей с Пушкиными, а только по просьбе г. Жуковского смотрел за печатанием сочинений Пушкина и вырученные за продажу оных деньги пересылал к нему, но и сего он ныне не делает и совершенно прекратил всякую с ним переписку». ¹ Так вот какой неблагонадежный и опасный человек был Пушкин, если даже богобоязненный и скромнейший Плетнев попал из-за невинных сношений с ним под секретный надзор.

¹ Документы о связях Плетнева и Пушкина напечатаны в «Русской Старине» (1899 г., т. ХСVIII, май, стр. 509—510) и в книге Я. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» (Изд. 2-е, СПб. 1899 г., стр. 255—256). Дознание было вчинено на основании перлюстрации писем. Вообще трудно допустить, чтобы письма Пушкина в это тревожное время не просматривались, но явное доказательство мы находим в самой же «Записке» Голенищева-Кутузова, который пишет: «относительно трагедии «Борис Годунов» известно, что Пушкин писал к Жуковскому, что она не прежде им выдана будет в свет, как по снятии с него запрещения выезжать в столицу». Письма Пушкина к Жуковскому с подобной фразой мы не имеем в «Переписке» Пушкина. (В письме к Плетневу от 3 марта есть подходящее сообщение.) Очевидно, сведения Голенищева-Кутузова идут из перлюстрации. До нас не дошло известий, как действовала вся эта история на Плетнева, конечно, осведомленного о ней; но в «Переписке» за 1826 год письма Плетнева обрываются на письме от 14 апреля. Впрочем, может быть, они случайно лишь не дошли до нас.

Теперь понятно, почему друзья Пушкина советовали ему тихо жить в деревне и не возбуждать никаких просьб. Слишком несвоевременной оказалась бы попытка просить об освобождении от наказания в тот момент, когда Пушкин на волосок висел от новых кар и нового усугубления своей участи. Отголоском суждений о Пушкине в высоких петербургских сферах служит письмо Жуковского от 12 апреля. «Что могу тебе сказать на счет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени... Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ дружить с правительством. Ты знаешь как я люблю твою музу и как дорожу твоею благоприобретенною славою: ибо умею уважать поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение) при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестию поэзии, мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый — это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное... Не просись в Петербург. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы»...

Для нас ясно, что такое письмо могло бы быть написано только на основании бесед с кем-либо из членов комиссии: до того верно оно передает те их впечатления и настроения, о которых мы писали раньше. Конечно, Жуковский мог знать, что делалось в комиссии относительно Пушкина, хотя бы от своего друга Д. Н. Блудова, который в это время уже работал на основании всех следственных материалов над составлением донесения. Значительная фраза «Пушкин уже многим нанес вред неисцелимый» не принадлежит Жуковскому, который не располагал материалами для подобного суждения. Она сказана тем, кто слышал или читал многочисленные признания о губительном действии вольнодумной поэзии Пушкина. Можно даже предположить, что это письмо — отголосок разговоров Жуковского с самим Николаем Павловичем. Тут намечен и тот мотив, который выставляли друзья, хлопотавшие об освобождении: «Пушкин — великий поэт, честь и драгоценность России». Лично для Николая I этот мотив, конечно, не имел душевной убедительности: и Рылеев был поэт.¹ Поэзия, литература, искусство

Совершенно ложно известие подложных записок А. О. Смирновой о том, будто бы Николай I не знал, что Рылеев — поэт, и сказал Жуковскому: «я жалею, что не знал о том, что Рылеев талантливый поэт; мы

не имели в его глазах никакой абсолютной ценности: даже из стыдливого изложения Н. К. Шильдера мы видим, насколько Николай Павлович по условиям воспитания и образования не мог воспринимать красот поэзии и искусства. Но такие люди, как Карамзин и Жуковский, говорили об абсолютной ценности творчества, о необходимости охранения его; указывали, наконец, что художественная деятельность Пушкина — честь и великое сокровище России. Из их убеждений Николай Павлович мог вывести хоть то заключение, что поэзия и поэты — одно из принятых при дворах королей и монархов украшений. А по части украшений своего царствования он был очень заботлив. Но если желание сохранить блестящее украшение своего царствования и могло быть сильно в Николае Павловиче, то все-таки первой задачей было устранение, уничтожение навсегда источника дерзкого вольномыслия. Мы уже указывали на то, что борьба с вредоносностью идей требовала особых путей. Положение дел подсказывало вывод: Пушкина нужно было поставить в такое положение, чтобы он сам искренно отказался писать против правительства.

Друзья Пушкина взяли на себя заботу подготовить к этому поэта. Уже в письме Жуковского намечался этот путь освобождения, а Вяземский 12 июня давал из Петербурга следующий совет: «на твоём месте я написал бы письмо к государю искреннее, убедительное: сознался бы в шалостях языка и пера с указанием однако же, что поступки твои не были сообщниками твоих слов, ибо ты остался цел и невредим в общую бурю; обещал бы держать впредь язык и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятия, которые могут быть признаваемы (а лучше всего сдержал бы свое слово) и просил бы дозволения ехать лечиться в Петербург, Москву или чужие края». Этот совет не принадлежал единолично Вяземскому: он был коллективным мнением друзей, хлопотавших за Пушкина. Еще до получения этого письма Вяземского Пушкин отправил прошение государю, написанное в духе советов друзей. «С надеждой на великодушие В. И. В., — писал Пушкин, — с истинным раскаянием и с твердым намерением не противоречить моим мнениям общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпиской и честным словом), решился я прибегнуть к В. И. В. со всеподданнейшей моей просьбой... Осмеливаюсь просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края». Ход этому прошению, отправленному псковскому гражданскому губернатору, был дан эстляндским генерал-губернатором маркизом Паулуччи. 30 июля Паулуччи препроводил прошение Пушкина графу Нессельроде, «побуждаясь в уваже-

---

еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их». Документы следственной комиссии не допускают даже мысли о подобной неосведомленности Николая Павловича.

нии приносимого им раскаяния и обязательства никогда не противоречить общепринятому порядку». ¹

Так обстояли дела Пушкина у Николая Павловича и высшего правительства в первую половину 1826 года. Настроение дара и влиятельных сановников было резко враждебно по отношению к Пушкину...

II

С самого начала действий следственной комиссии Николай Павлович обратил внимание на негодность высшей и тайной полиции и поставил своей задачей реорганизацию ее. Существенные услуги оказал ему А. Х. Бенкендорф. Уже в январе 1826 года он подал Николаю первый проект министерства полиции, за ним последовали дополнительные и разъяснительные записки. «Император Николай, — пишет Бенкендорф в своих записках, — стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления, и убедился из внезапно открытого заговора, обогрившего кровью первые минуты нового царствования, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие; государь избрал меня для образования высшей полиции, которая бы покровительствовала утесненным и наблюдала за злоумышлениями и людьми, к ним склонными. Число последних возросло до ужасающей степени с тех пор, как множество французских искателей приключений, овладев у нас воспитанием юношества, занесли в Россию революционные начала своего отечества, и еще более со времени последней войны, через сближение наших молодых офицеров с либералами тех стран Европы, куда заводили нас наши победы... Решено было учредить под моим начальством корпус жандармов. Всю империю разделили в сем отношении на семь округов; каждый округ подчинен генералу, и в каждую губернию назначено по одному штаб-офицеру. Учрежденное в то же время третье отделение собственной е. и. в. канцелярии представляло под моим начальством средоточие этого нового управления и вместе высшей секретной полиции, которая, в лице тайных агентов, должна была помогать и способствовать действиям жандармов». ²

25 июня 1826 года Бенкендорф был назначен шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой; 3 июля взамен особой канцелярии министерства внутренних дел было образовано третье отделение собственной е. и. в. канцелярии, а Бенкендорф был назначен главноуправляющим этим отделением. Нет сомнения, что фактически готовиться

¹ Н. К. Шильдер. Император Николай I, жизнь и царствование. Т. I. СПб, 1903 г. Ст. 465, 466.

² Об этом см. новые данные в книге Б. Л. Модзалевского «Пушкин», Прибой. 1929, стр. 92—94.

к этой службе Бенкендорф начал гораздо раньше только что названных официальных событий. Ведь помимо общей задачи вытравить малейшие остатки духа 14 декабря 1825 года была и очень важная частная. Предстояла коронация в Москве, а перепуганному Николаю Павловичу и его высшему правительству все казалось, что злоумышленники могут устроить какие-либо неприятности—от манифестаций до покушений. Нужно было принять меры к тому, чтобы торжественное событие прошло совершенно гладко, чтобы ни один дерзкий возглас, ни один пущенный темный слух не омрачил спокойствие этих месяцев. Организацией секретного надзора на этот случай и занялся Бенкендорф еще в то время, когда он не носил никакого соответствующего официального звания. Надлежало наметить людей, выбрать помощников, создать штаты агентов. Тут подвернулся ему генерал-майор И. Н. Скобелев, с 1818 года занимавший место генерал-полицеймейстера 1-й армии (а в 1824 г. назначенный к генерал-губернатору Балашову, генерал-губернатору пяти губерний) и специализовавшийся на политических доносах. Это был истый доносчик со всеми яркими и пахучими чертами этого типа. Его невежество и до сих пор бьет в нос; его бумаги, безграмотные до забавности, писанные елеиным стилем, можно бы и теперь приводить как примеры на доносы; свое предательство и невежество он старался осветить светом любви к отечеству и преданности престолу, тогда как в сущности, как это обычно в таких случаях, в нем лишь проявлялось узкоумие и кощеечное корыстолюбие. Одержимый манер доносительства, от доносов на мелких обывателей, писателей, офицеров он перешел к доносам на лиц чиновных и сановных, на первейших вельмож вроде Голицына, Закревского, Мордвинова, и кончил тем, что написал донос на своего ближайшего и непосредственного начальника—бывшего министра полиции генерал-адъютанта Балашова. Эту одержимость можно было бы счесть прямо болезненным явлением, если бы, впрочем, по мере достижения мест и чинов не утихала энергия доносительства и шпионства: известно, что И. Н. Скобелев скончался в чине полного генерала на должности коменданта петербургской крепости, «окруженный всеобщим почтением и облаканный благоволением императора».¹

Сам ли Скобелев предложил Бенкендорфу свои услуги, или же Бенкендорф, наслышавшись, призвал его к службе, но только сохранилась следующая записка от 11 апреля 1826 года (на французском языке): «Генерал Скобелев был у меня; кажется, что он как нельзя лучше понимает свойства и важность пору-

¹ Об И. Н. Скобелеве есть работа И. А. Кубасова (Ив. Никит. Скобелев. Опыт характеристики. СПб., 1900 г. и в Русской Старине, 1900, № 2, стр. 393—413). К сожалению, автор характеристики совершенно не останавливается как раз на самой характерной особенности этого доносчика, сохранявшего столь патриархальный вид.

чений, на него возложенных. Он рекомендовал мне Фрейганга и еще 7 других из его чиновников; я буду иметь о них попечение и к маю месяцу пошлю их в Москву». А сам Скобелев, крайне желая попасть на службу, в патриархальных выражениях писал Бенкендорфу: «Повергая в начальничеье вашего превосходительства покровительство кол. сов. Фрейганга и всех добрых сотрудников моих, коим, по похвальной цели и поведению рвення, усердия и любви к престолу преисполненным, не могу дать другого имени. Желая всем сердцем, чтобы полиция, как спасательная система монархии и полезнейший бальзам к излечению недугов ее, восприняла благие начала в осбве вашей. Желая вместе, чтобы чины, в состав полиции поступить имеющие, даром души и сердца отвечали достоинствам сей службы в равномерной цене, какую дозволяю я на самом опыте в представляемых при сем. Желая, наконец, чтобы при действиях ко благу общей возникающей полиции, добрые, не опасаясь подлой клеветы, спали в объятиях покоя, а бездельники, соскуча трепетать, обращались на путь чести. Достигнув сей точки славы, душевная благодарность верных сынов России будет неразлучным спутником вашим и за пределы жизни; а до того, следуя уважения достойному примеру, в вашем превосходительстве вчерась мною замеченному, я, до окончания коронации, буду полицейским в полном смысле слова, и, признаюсь, что вместе с вами вижу в том крайность, обязывающую меня покорнейше просить об отпращивании сих чиновников в Москву к 10 числу будущего месяца, дабы к прибытию вашему успел я, по мере возможности, ввести порядок, к предупреждению зла служить могущий, и познакомить вас со всем тем, что к сведению вашему будет необходимым». ¹ Читая эти высокопарные фразы, только удивляешься; вся эта напыщенность и торжественность тратились только для того, чтобы поставить на службу сыщиков, а самому пройти в должность их начальника!

А 7 апреля Скобелев вновь докладывал Бенкендорфу: «если справедливо, что неблагонамеренные люди (как извещен я), при неудаче произвесть какой-либо комераж в столицах, обратились к поселянам и партизанют, то все чаяния мои и опасения оправдываются, а уверяющие в совершенном спокойствии должны бы краснеть (разумея под сим неопытность)». ²

Итак, Скобелев и его добрые сотрудники прибыли в Москву и начали действовать против злоумышленников и коварных предприятий в Первопрестольной, приуготавливая ее к коронации. Нечего говорить, что о каких-либо «комеражах» в Москве не было и помину, а злонамеренные люди были тише воды, ниже травы. Но как бы там ни было, Скобелев, рисовавший столь

¹ Русская Старина. 1886 г., т. III, стр. 584.

² Там же, стр. 584.

страшные картины возможных потрясений, должен был проявлять свою деятельность, ибо вечная цель шпиона и агента — не дать поселиться в лицах, власть имеющих, уверенности в совершенном спокойствии. С этой целью, за отсутствием проявлений злоумышленной деятельности, дела создаются искусственно. Так поступил и Скобелев, создав громкое дело о распространении стихов Пушкина из элегии «Андрей Шенье» и предсмертного письма Рыльева, — дело, которое разыгрывалось довольно сильно на протяжении двух лет. Быть может, Скобелев ухватился с особенным старанием за это дело, потому что тут был замешан Пушкин, который уже не первый раз являлся предметом его злобного доношения. Еще в 1824 году, когда успехи генерала по службе сильно пошатнулись и он поневоле должен был привыкать «к имени человека, через праздноничного», он задумал поправить свои дела доносом на Пушкина, в это время жившего в Одессе. Докладывая о стихах, приписанных Пушкину («Мысль о свободе»), Скобелев 17 января 1824 года рапортовал: «не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядные свои дарования употребил в явное зло, запретить издавать развратные стихотворения? Не соблазны ли они для людей, к воспитанию коих приобщено спасительное попечение?.. Если бы сочинитель вредных пасквилей немедленно в награду лишился нескольких клочков шкуры — было бы лучше. На что снисхождение к человеку, над коим общий глас благомыслящих граждан делает строгий приговор? Один пример больше бы сформировал пользы; но сколько же напротив водворится вреда — неуместною к негодяям нежностью! Можно смело ручаться, что многие из порядочных людей без соболезнования решились бы удавить детей равномерно развратных, следовательно, большой еще перевес на стороне благочестия, — надобно только зло умерщвлять в начале рождения его». ¹

Можно себе представить, как воспринял духом Скобелев, когда его соглядатаи донесли ему, что в Москве по рукам ходит новый пасквиль вертопраха, да еще озаглавленный «на 14 декабря». Один из его «добрых сотрудников», помещик Коноплев (он же чиновник 14 класса), узнал, что преступные стихи имеются у его приятеля Леопольдова. Леопольдов в этом году только что завершил свое университетское образование. Это был очень бойкий молодой человек. Еще будучи студентом, он уже был определен надзирателем в университетский благородный пансион. Начальство к нему благоволило, профессора оказывали ему внимание или, как он выражался, «мои наставники-старцы въявь при сверстниках указывали мне дорогу». Смышленный и способный Леопольдов занимался и литературой, печатая кое-что в московских журналах. Преподавая в частных домах, он завязал связи с хорошими московскими семьями.

¹ Русск. Стар. 1871 г., т. IV, стр. 670 — 672.

Вообще он был типичным представителем мелкого разночинного и интеллигентного круга. За слоем известных писателей, тоже людей богатых или родовитых, за немногочисленным кругом европейски образованных сановников стояла толпа, читавшая писателей, критиковавшая правительство и порядки, усваивавшая и по-своему переделывавшая оппозиционное настроение верхних слоев. Это были мелкие дворяне; разночинцы, выходящие в люди; офицерская молодежь средней руки, по большей части специальных родов оружия; мелкие чиновники, канцеляристы. После того, как ушли со сцены декабристы, эти русские граждане, плохо понимавшие и не стойко защищавшие свои права, явились хранителями революционной идеи, критиками грозного Николая, смелыми на язык и робкими в расправе; они хранили и питали легенду о том, что тайный комитет декабристов не уничтожен, а в нужное время обнаружится; они устраивали кружки и общества и имитировали заговорщическую деятельность, тяжело расплачиваясь за эту свою работу, ни в каких реальных ценностях не выражавшуюся. Принято думать, что возбуждение и возмущение духа оппозиции было убито без остатков после 14 декабря, что оппозиционная мысль была тогда же уничтожена и только спустя десять лет она возродилась. Это утверждение неправильно, ибо она, оппозиционная мысль все время тлела в жалких для нас распространителях пасквильных стихов; в кружках, из которых «добрые сотрудники» устраивали тайные злоумышленные общества (дело Ипполита Завалишина в Оренбурге); в группах студенческой молодежи, устраивавших университетские истории и задумывавшихся над общественным устройством. Если в самом веру нашей интеллигенции шла теоретическая выработка основных принципов борьбы, то тут, в этих низах в формах, смешных и жалких, проявлялось действо, осуществлялись попытки фактической борьбы.

В таких-то кругах в Москве в 1826 году бурлила жизнь. Как раз в это время молодой студент университета Полежаев пускал в свет своего «Сашку» и другие плоды своей музыки, которые были тоже своеобразным бунтом против общепринятой морали и устоев. В этой среде распространились запретные строфы стихотворения Пушкина «Андрей Шенье в темнице». Оно написано Пушкиным в январе 1825 года и напечатано впервые в собрании стихотворений, которое появилось в первой половине января следующего года. Цензурное же разрешение дано 8 октября 1825 года. В мае этого года Пушкин в письме спрашивал Вяземского: «читал ты моего «А. Шенье в темнице»? Суди о нем, как иезуит, по намерению». Эта элегия имеет важнейшее значение в развитии творчества и мирозерцания Пушкина, но в настоящее время в нашу задачу не входит исследование «намерений» поэта, ибо его скрытые намерения были не при чем в возникновении интереса к этому стихотво-

рению. Цензура не пропустила целиком элегии, но непропущенные строфы распространились, получили широкую известность, а после событий 14 декабря были приурочены к этому восстанию. В той предсмертной песне, которую Пушкин вложил в уста Шенье в темнице, были стихи, фразы и слова, которые подходили к современному положению:

Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал...
...самовластия бестрепетный ответ.

Все это было отнесено к восставшим на Сенатской площади. А изображение состояния общества после гибельно окончившейся попытки, погасившей мечты о царстве свободы, русские читатели того времени усматривали в стихах:

И мы воскликнули «Блаженство!...
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей? Убийцу с палачами
Избрали мы в дари! О ужас, о позор!...

После 13 июля 1826 года, дня казни пяти декабристов, неслыханно дерзким казалось это название в приложении к Николаю I и его главным помощникам. Понятно их негодование, когда эти строфы с заголовком на 14 декабря попались в их руки. А Пушкин убийцей и палачами называл всего-на-всего Робеспьера и Конвент. Так против смысла стихотворения, вопреки какому-либо желанию автора, произошло приурочение их к 14 декабря русским читателем; но в этом нет ничего диковинного, если русские вольнодумцы в конце первой четверти XIX века вычитывали намеки на современность в «шутотрагедии» И. А. Крылова «Трумф», которая, как известно, написана была в 1800 г.

История распространения списка со стихами Пушкина, как она выясняется из следственных документов, относит начало этого распространения к штабс-капитану лейб-гвардии конноегерского полка Александру Ильичу Алексееву.¹ Откуда же получил он запретный отрывок, остается невыясненным. На следствии Алексеев показал, что он получил эти стихи в октябре или ноябре 1825 года в Москве, но от кого, не помнит. Правительство употребило меры, чтобы заставить его сказать, кто ему дал стихи. Убеждал его сознаться и Дибич и Потапов; из тюрьмы привозили его домой к больному отцу. Отец грозил ему проклятием, если он не откроет, от кого получил рукопись. Запирательство ухудшило его положение, но другого показания он не дал: «как ни был он тронут, как ни плакал, а все утверждал, что не помнит». Этот Алексеев по тому, как

¹ См. перепечатанное дальше наше сообщение «Пушкин в политическом процессе 1826 — 1828». Там изложены данные следствия.

он держался на следствии, производит приятное впечатление. Он был сын известного генерала Ильи Ивановича Алексеева и Натальи Филипповны, урожд. Вигель и, следовательно, приходился племянником известному Ф. Ф. Вигелю, автору «Записок». Его дядя оставил в «Записках» его характеристику. А. И. Алексеев учился в пажеском корпусе и был выпущен в военную службу в 1819 году, 19 лет от роду. Благодаря высокому положению отца и его связям, благодаря собственной ловкости и умению расположить к себе начальство он легко делал свою карьеру. В 1826 году — 26 лет от роду — он был штабс-капитаном л.-гв. конно-егерского полка, стоявшего в Новгороде, но он мало жил в полку, часто бывал в Петербурге и у своих домашних в Москве. Обладая счастливой наружностью, он пользовался успехом у женщин и был желанным танцором на московских балах. Ф. Ф. Вигель вспоминает о том, как он отличался на балу у Алексея Михайловича Пушкина,¹ родственника поэта. В феврале 1826 года А. И. Алексеев находился в Новгороде. К нему зашел прапорщик конно-пионерного эскадрона Молчанов, приходивший с ремонтом в Петербург.² Зашел разговор о стихах Пушкина, и Алексеев сообщил, что у него есть последнее его сочинение, и показал ему запрещенные строфы из элегии «А. Шенье». Молчанов выпросил у него этот список для того, чтобы переписать стихи для себя. С тех пор Алексеев уже не видал этого собственноручно им сделанного списка. Молчанов не вернул его, а увез с собою. В Москве в июле месяце увидал у него стихи «русский учитель» Леопольдов и попросил тоже списать. Выпустив из своих рук список Алексеева, Молчанов не получил его обратно. Неясно, с каким умыслом доставал эти стихи Леопольдов. На следствии он (может быть, желая оправдаться) показывал, что если он и не представил их своевременно по начальству, то только потому, что высшее начальство в это время по случаю предстоящей коронации переезжало из Петербурга в Москву и было не легко находимо, а кроме того, он хотел поточнее разузнать, кто распускал подобные стихи. Но Леопольдов знал, чем занимался его знакомец, калужский помещик XIV класса,

¹ В этом доме А. И. Алексеев мог много слышать о Пушкине; кроме того, был и еще источник, через который могли доходить рассказы о Пушкине. В это время командиром эскадрона лейб-гвардии конно-егерского полка, стоявшего в Новгороде, был Павел Иванович Павлищев (Л. Павлищев: «Воспоминания о Пушкине». М., 1890 г., стр. 45—46). Его брат Ник. Ив. впоследствии женился на сестре Пушкина. О нем писала Анна Ник. Вульф в письме к Пушкину от 20 апреля 1826 года из Малинников: «Il nous est arrivé encore de Novgorod un aimable jeune homme Mr. Pavlichteff, un grand musicien; il m'a dit qu'il vous connaissait». Любопытно отметить, что Пав. Ив. Павлищев был одним из судей (ассессоров) в той комиссии, которая судила Алексеева, посылала допросы Пушкину и т. д.

² Едва ли не брат Молчанова, привлекавшегося по делу о восстании Черниговского полка.

Коноплев, которому он передал стихи: «передача же, — показывал он на суде, — или временное оставление мое оных стихов у одного знакомого, через которого обнаружидись оные пред правительством, известны высокому начальству, которое положило начало сему делу». Как бы там ни было, но Леопольдов аккуратноенько переписал стихи на лист бумаги и тут же на листе прибавил к ним копию предсмертного письма Рылеева, которое получило широкую известность в то время. И до сих пор попадаетея еще немало современных списков письма. В Москву это письмо пришло очень скоро после смерти Рылеева вместе с прибывшими из Петербурга чинами, писцами и т. д. Переписанное им он вручил Коноплеву. По всей вероятности, Леопольдов в это время не думал, что придется выдавать лиц, сообщивших ему эти стихи, а просто желал и сам выиграть что-либо своим сообщением, и дать выслужиться своему знакомцу Коноплеву. Коноплев же полагал, что в силу своей службы по секретным поручениям при генерале Скобелеве он останется неназванным во всей этой истории и в стороне от всяких следствий. По крайней мере, представляя Скобелеву стихи Пушкина, он и не считал нужным рассказывать, от кого он их получил, да и генерал Скобелев тоже не интересовался. Для него было важно лишь одно обстоятельство, что стихи эти принадлежат перу Пушкина; Скобелев полагал, что ответчиком за эти стихи явится один Пушкин. Таким образом, снова Пушкин был близок к беде.

III

13 июля были повешены декабристы, 14 июля совершен очи- стительный молебен, а затем царь, двор, министры выехали в Москву. 20 июля Николай Павлович приехал в Москву, 24 состоялся торжественный въезд, а затем до 22 августа — дня коронации — царь предавался главным образом смотрам, маневрам, не переставая заниматься и государственными делами, среди них теми, которые задерживались до окончания следствия и суда над декабристами.

В начале августа (до маневров, бывших 17, 18 августа)¹ Скобелев, по болезни не выходявший из дома, препроводил стихи Пушкина к Бенкендорфу. Не сохранилось препроводительной бумаги Скобелева, но из последовавших за ней запросов видно, что Скобелев не останавливался на вопросах о распространении, ограничившись сообщением ненавистного ему имени автора. Когда он, Бенкендорф, прочел в бумаге Скобелева, что это стихи Пушкина, он вспомнил, очевидно, то впечатление о Пушкине, которое создалось в следственной комиссии. Не имея возможности «по причине крайнего недостатка вре-

¹ Th. Schiemann. «Geschichte Russlands unter Nicolaus I» B. II, S. 149.

мени и предстоящих маневров» побывать у больного Скобелева и лично объясниться, он попросил его запиской разрешить некоторые сомнения. И первый вопрос, обращенный к Скобелеву — «какой это Пушкин, тот ли самый, который живет в Пскове, известный сочинитель вольных стихов?» «Если не тот, — был другой вопрос, — то кто именно, где служит и где живет?» Наконец, третье: «Стихи сии самим ли Пушкиным подписаны и не подделана ли подпись под чужое имя? также тот лист, на котором они сообщены ген.-ад. Бенкендорфу, суть ли подлинный или копия с подлинного? где подлинник находится и через кого именно они доставлены к вашему превосходительству?» На первые два вопроса Скобелев собственноручно писал: «Мне сказано, что тот который писать подобные стихи имеет уже запрещение, но отослан к атту его». На третий вопрос Скобелев ответил: «Я представил копию которая писана рукою моего чиновника, подлинная говорят прислана из Петербурга, о чем вернее объяснит чиновник коего буду иметь честь представить».¹

Бенкендорф обратил особое внимание на это дело хотя бы уж в силу одного того соображения, что оно было одним из первых в практике новорожденного III отделения, бывшего под его начальством. Понятно, ему хотелось провести его возможно тщательнее. Кроме этого, не мог не поразить его самый тон стихов, приуроченных к 14 декабря. По характерному выражению Леопольдова: «увидав стихи, подумали: щука съедена, остались зубы; а потом возбудили вопрос: не остаток ли это духа недавно у нас погашенной булги».² Поэтому он и поспешил выяснить, кто участвовал в распространении. Сообщение же об авторе стихов приобретало особое значение в виду того, что об освобождении автора хлопотали у государя, что автор сам, заявляя о раскаянии, просил о милости во всеподданнейшем прошении. Отметим, что прошение Пушкина только 30 июля было отправлено маркизом Паулуччи к министру иностранных дел Нессельроде. В то время, когда началось дело о стихах «Шенье», прошение — надо думать — было накануне доклада. По получении в Москве, оно было передано начальнику главного штаба

---

¹ Этой запиской с вопросами Бенкендорфа и ответами Скобелева начинается обширное дело III отделения о Пушкине (Б. Арх., III отд., I эксп., № 62; началось в 1826 году и кончилось в 1854 году). Все дела III отд. о Пушкине изданы С. Сухониным, СПб., 1906 г., но в высшей степени неисправно, в чем мы убедились, сверяя его издания с подлинником во время наших занятий в арх. б. департ. полиции. Примером неряшливости может служить как раз записка, о которой идет речь. Правильно она была издана еще в 1883 году в Русской Старине (т. XXXVIII, июнь, стр. 690 — 692) См. мою рецензию на изд. Сухонина в «Былом», 1906, кн. II, стр. 229 — 301, ср. дальше прим. на стр. 98.

² Леопольдов. Автобиография. Рукоп. б. Саратовской ученой архивной комиссии. Булга — тревога, беспокойство.

и позднее им же доложено. Бенкендорф не мог не знать этих обстоятельств.

Скобелев направил к Бенкендорфу своего «добротого сотрудника» Коноплева. Он не ожидал подобного оборота дела, потому что, получив от Леопольдова рукопись со стихами, он не спросил его, от кого он получил их, и поэтому не мог удовлетворить любопытству Бенкендорфа. Ему он мог только донести, что стихи списаны для него Леопольдовым. А Леопольдова в это время уже не было в Москве: получив кандидатский аттестат, он уехал к себе на родину в Саратовскую губернию. 21 августа Коноплев получил от Скобелева приказание «в тот же час отправиться для отыскания г. Леопольдова и отобрания от него инкогнито, от кого он стихи сии получил или сам сочинил». Так впоследствии объяснял Коноплев свои действия по требованию новгородского уездного суда. «Отыскавши Леопольдова,—заканчивал свое объяснение Коноплев,—и отобравши от него сведения, возвратился в Москву и доставил оное г. генерал-майору Скобелеву, который в то же время свез оное к г. ген.-ад. Бенкендорфу, на другой же день все прикосновенные лица были взяты, а мне объявлена благодарность от начальства».

Задача, возложенная на Коноплева,—разыскание распространителей; но автор был уже назван. Правда, могло еще быть сомнение, не подделка ли имени, но Скобелев утвердил еще раз принадлежность стихов Пушкину. Но если автор действительно Пушкин, сочинитель вольных стихов, являлась сама собой мысль: значит, все преследования его не угомонили! значит, одной рукой подписывая прошение о помиловании, другой он пишет проклятия убийце с палачами (это после 13-го то июля!) значит, его обещание не противоречить общепринятому порядку неискренне! При той близости, которая была между Николаем I и Бенкендорфом; при том усиленном внимании, которое уделял царь любезной его сердцу деятельности III отделения всегда (а тем более на первых шагах этого учреждения); наконец при чрезмерно изощренной любви к сыску нельзя допустить предположения, что Бенкендорф не довел до сведения Николая I полученного им доноса Скобелева об авторстве Пушкина. Конечно, он тотчас же доложил об этом царю, перед которым лежала и просьба Пушкина. Для нас ясно, что резолюция, положенная Николаем на прошение Пушкина, находится в связи с возникновением дела о распространении стихов из элегии. Эту резолюцию 28 августа записал начальник главного штаба Дибич так: «Высочайше повелено Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне. Писать о сем псковскому губернатору». Мне всегда казалась странной эта резолюция, которую биографы и иссле-

дователи считали извещением о помиловании: «Государь излил свою милость, вызвав Пушкина сейчас же после коронации в Москву к себе» — так пишут биографы. Но стоит прочесть внимательнее резолюцию, и сейчас же бросится в глаза весьма необыкновенная манера призывать человека, на которого собираются излить милосердие и которому разрешается «ехать свободно, под надзором фельдгегера». Не помилование тут имелось в виду. Пушкин лично перед Николаем I должен был разрешить недоумение, вызываемое авторством стихов «На 14 декабря», и дальнейшая участь его зависела от его ответа. Судьба его висела на волоске, но мы знаем, что ему легко было оправдаться в обвинении, возводимом на него: стоило только указать, что все стихотворение написано им еще до 14 декабря. Для нас очевидно, что подобное объяснение было сделано Пушкиным перед Николаем и принято во внимание. Только допущением этого факта и может быть объяснена история следствия о распространении стихов в первой стадии процесса (производство в военно-судной комиссии). Правительство проявило чрезвычайную энергию и быстроту в разыскании распространителей и виновников приурочения и чрезмерную жестокость в наказаниях офицерам, признанным в этом виновными. Николай I был хорошо осведомлен о ходе дела о распространении стихов Пушкина; он сам предписывал быстроту и энергию. Но Пушкин не был потребован к делу в то время, как оно производилось в Москве в военно-судной комиссии. Он был оставлен в стороне. Но как могло бы случиться это, если бы Пушкин не дал нужных разъяснений или если бы эти разъяснения не удовлетворили Николая I? Это противоречило бы истинным традициям сыска; недаром последующие инстанции, производившие дело и не знавшие об объяснениях Пушкина, признавали ненормальным тот факт, что Пушкин не был привлечен к делу, и старались притянуть Пушкина поближе. Пушкин объяснился и считал дело поконченным; поэтому, когда его начали в 1827 и 1828 годах беспокоить допросами, он не мог не возмутиться повторением старого и отвечал с излишнею резкостью, которая и была при окончательном решении дела поставлена ему в счет.

В своем изложении мы забежали немного вперед, но мы должны были сделать так, чтобы доказать наше положение: резолюция о вызове Пушкина еще не предвещала помилования; она не была результатом предпринятого определенного решения, благоприятного просьбе поэта. Напротив, окончательное решение откладывалось. Хлопотами Карамзина и Жуковского, желанием сохранить изысканное украшение царствования, наконец, боязнию вызвать отказом вновь к жизни ненавистный источник вольномыслия была подготовлена возможность помилования Пушкина, но возможность вдруг встретила серьезное препятствие — в индигенте со стихами «На 14 декабря».

Пушкин сам должен был дать ответ, и оказался, что он действительно в стихах метил на 14 декабря, не тем бы кончилось его «призвание» в Москву. Нам приходится теперь восстанавливать связь увоза Пушкина из Михайловского с делом о стихах на 14 декабря, в славу Николая I порванную биографами, но сохранились современные известия о том, что Пушкин был затребован в Москву именно по этому делу. Таковы были предания Тригорского, о которых сообщает М. И. Севе́вский. Так рассказывает и Вигель, который мог быть осведомлен о несчастье своего племянника, пострадавшего за распространение стихов Пушкина.

IV

В то время как делали распоряжения о «призыве» Пушкина в Москву, агент Скобелена Коноплев съездил в Сердобский уезд Саратовской губернии, разыскал проживавшего у родителей Леопольдова и узнал от него, что стихи Пушкина были взяты им у прапорщика Молчанова. Леопольдов сейчас же сообразил, что при подобном обороте дела ему не пройдет даром эта история, и отправил Бенкендорфу письмо, в котором доводил до его сведения, что у него имеются преступные стихи и что очевидно злоумышления против правительства не совсем еще истреблены.¹ Вернувшись в Москву, Коноплев тотчас же доложил полученное им сведение Скобелеву, а тот в то же время «свез оно к генерал-адъютанту Бенкендорфу». Молчанов был разыскан и арестован. В тот самый день, когда Пушкин объяснялся с Николаем Павловичем — 8 сентября, — от Молчанова была отобрана начальником главного штаба следующая подписка:

«Я нижеподписавшийся получил стихи сочинения Пушкина на 14-е декабря от Александра Алексева лейб-гвардии конноегерского полка шт.-капитана, во время моего возвращения в Петербург с ремонтом в феврале месяце 1826 года».

Итак, в то время как Пушкин, совершенно удовлетворительно объяснивший свою роль в истории со стихами, отстраняется (но, — увы! — только на первых порах!) от дознания, правительство с особенным рвением стремится отыскать и наказать распространителей и приспособителей стихотворения к событиям 14 декабря. Молчанов, очевидно, во внимание к его быстрому сознанию, был переведен тотчас же из гвар-

¹ Когда Леопольдову предъявили обвинение в распространении стихов, он все свое оправдание построил на этом письме к Бенкендорфу. Своевременно-де он донес правительству о том, что у него есть стихи, а если он раньше до отъезда на родину не сообщил о них, то это потому, что не знал, где найти начальство, а кроме того хотел лучше выследить источник распространения. Бенкендорф подтвердил получение им письма от Леопольдова. Совершенно не соответствуют поэтому истине его позднейшие рассказы о том, что он написал Бенкендорфу письмо, якобы по просьбе брата Алексева, в защиту последнего.

лии (пионерный эскадрон) в армию (нижегородский драгунский полк), но с тем, чтобы до окончания дела он содержался под арестом. Приказ о переводе состоялся 9 сентября. По показанию Молчанова был найден и арестован Алексеев. 16 сентября по высочайшему повелению он был арестованным отправлен в Москву. В Москве его допрашивал начальник штаба И. И. Дибич, и Алексеев, «не отвергая того, что отдал стихи Молчанову, не только не объявил в свое время сочинения сего начальству, как того требовал долг честного и верного офицера и русского дворянина, но, не раскаиваясь в своем поступке, решительно не захотел открыть, от кого он сам получил сии бумаги». Мы уже упоминали, что на Алексеева пытались воздействовать мольбами и проклятием его престарелого отца. Запирательство Алексеева было принято за доказательство намерения «скрыть следы, по которым могли быть открыты злоумышленники, распространяющие подобные сочинения». И Николай Павлович приказал судить Алексеева военным судом с неременным условием, чтобы суд был окончен в три дня. Уже 25 сентября Дибич передал высочайшее повеление. Со стремительной быстротой в тот же день состоялась военно-судная комиссия и через три дня приговорила Алексеева к смертной казни. Стремительность была рассчитана, очевидно, на то, что Алексеев убоится и назовет лицо, от которого он получил стихи. Но он не сделал этого по той простой причине, что не мог вспомнить. Сохранилось следующее известие, записанное А. Я. Булгаковым 30 сентября: «Наташа была у Алексеевых и приехала оттуда расплаканная. Бедный отец и мать в прещалком положении; я не понимаю упрямства сына старшего. Может ли быть, чтобы он не помнил, от кого получил стихи эти мерзкие? Отец, к коему он был приведен, угрожал ему проклятием; как ни был он тронут, как ни плакал, а все утверждал, что не помнит. Кажется, это было не 10 лет назад! Все утверждают, что стихи Пушкина, однако же надобно это доказать и его изобличить». А 1 октября Булгаков писал: «Стихи точно Пушкина. Он не только сознался, но и прибавил, что они давно напечатаны в его сочинениях. Тут речь о французской революции, только многое кем-то украшено, с разными прибавлениями, и поставлено заглавие: 14 декабря. Кто этот труд взял на себя, неизвестно, а добиваются. Бешкендорф сказывал Бронеру: эти стихи так мерзки, что вы верно выдали бы своего сына сами, ежели бы знали, что он сочинитель». ¹ По поводу этих сообщений необходимо сделать два замечания. Записи, сделанные 30 сентября и 1 октября, имеют в виду события более ранние, предшествовавшие суду над Алексеевым. Свидание с отцом, убеждавшим его сознаться, происходило до 25 сентября. А из известия о Пушкине вовсе нельзя извлечь,

¹ Русск. Арх., 1901 г., т. II, стр. 402, 403.

как это делает В. Я. Брюсов,¹ указав на то, что в промежуток между 26 и 29 сентября произошел первый допрос Пушкина по делу о стихах. Во всем производстве военно-судной комиссии, пока она заседала в Москве, нет никаких следов допроса Пушкина, да и не могло быть, ибо комиссии приказано было судить только одного Алексеева и не касаться других, да кроме того объяснения, данные Пушкиным Николаю I, совершенно удовлетворили царя и положили конец дознанию о роли Пушкина. Ближайшие помощники царя — Бенкендорф, Дибич, Потапов — конечно знали об этом, знали и сущность данных Пушкиным объяснений и потому на первых порах, когда везде говорили о милости, оказанной монархом поэту, не считали возможным привлекать Пушкина к ответу. Вельзя не отметить для истории дальнейших отношений Пушкина к Бенкендорфу фразы последнего, приведенной Булгаковым: «Эти стихи так мерзки (это значит: даже и без приурочения к 14 декабря), что вы верно выдали бы своего сына, ежели бы знали, что он сочинитель». Известно, что недоразумения между Пушкиным и Бенкендорфом начались очень скоро после милости — знак, что Бенкендорф и остальные за это время узнали, как на самом деле смотрел Николай I на Пушкина. О пренебрежительном отношении к поэту Бенкендорф и остальные и помыслить не дерзнули бы, если бы они не почувствовали нот презрения в самом царе, а это пренебрежение, которое даже не всегда считали нужным скрывать под холодно-вежливыми фразами, высказано чуть ли не с первого момента появления Пушкина в московском обществе. Только таким пренебрежением и можно объяснить, что через полтора месяца после прощения Пушкина, 25 октября, Николай I утвердил мнение аудиториатского департамента по делу Алексеева, а в этом мнении департамент полагал вернуть дело в ту же военно-судную комиссию для дополнения по нескольким пунктам и между прочим для отобрания от Пушкина показания: «им ли сочинены означенные стихи; когда, почему известно ему² сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненное; в случае же отрицательства, не известно ли ему, кем оные сочинены». Но раз комиссия отбирала показания у прикосновенных к делу, то по чину она должна была произнести суждение о всех прикосновенных. Таким образом притягивался к делу и Пушкин. 4 ноября великий князь Михаил Павлович, делая распоряжения о продолжении дела, предлагал комиссии уже не только истребовать показание Пушкина, но и в случае

¹ Русск. Арх., 1906 г., т. I, стр. 327. Домыслы В. Я. Брюсова о днях допроса, о лице допрашивавшем, совершенно не соответствуют действительности.

² Комиссия вывела заключение, что стихи были написаны до 14 декабря на основании показания Алексеева, что стихи достались ему в Москве осенью 1825 г.

надобности доставить в Новгород и его самого. Несмотря на то, что военно-судная комиссия удовлетворилась показаниями Пушкина, он не был освобожден от дела и по окончании ее действий. 25 марта Николай утвердил мнение аудиториата, повторившего сентенцию Михаила Павловича о продолжении следствия в гражданском уголовном суде теперь уже над Леопольдовым, но с вменением суду в обязанность истребовать новые объяснения от Пушкина и, сообразив оные, поступить по законам. Так с необыкновенной настойчивостью высказывалось истинное мелочно-злое отношение Михаила Павловича и самого Николая I к Пушкину.

Любань.

12 января 1909.

2. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.

(Из архивных разысканий.)¹

В январе 1826 года вышли в свет «Стихотворения Александра Пушкина», разрешенные цензурой к выпуску 8 октября 1825 года. В этой книге была напечатана элегия «Андрей Шенье», написанная Пушкиным в январе 1825 года. Элегия была урезана в цензуре, выброшен был следующий отрывок — гимн свободе:·

Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило;
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Рассеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышала братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ;
Я зрел, как их могучи волны ✓
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,¹
Уже в бессмертный пантеон¹
Святых изгнанников восходили славны тени;
От пелены прѣдубеждений ✓
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: «Блаженство!»...
О, горе! о безумный сон!

¹ Эта статья появилась в издании «Пушкин и его современники», вып. XI (были и отдельные оттиски).

Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей? Убийцу с палачами
Избрали мы в цари! О ужас, о позор!...

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нет, не виновна ты:
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа —
Сокрылась ты от нас. Целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщением и славой —
И вновь твои враги падут.
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все идет вновь учиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим...
Так! он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет,
И буря мрачная мигнет...

Надо думать, этот отрывок вызвал искреннее негодование цензоров. Весной 1826 года Дельвиг, сообщая Баратынскому о запрещении цензурой нескольких стихов из его поэмы, объяснял свирепость цензуры тем, что «Смерть Андрея Шенье» перебесила цензуру.¹

Не пропущенные цензурой стихи разошлись по рукам в списках, а после событий 14 декабря среди читателей нашлись охотники, которые приурочили стихи к трагедии, разыгравшейся на Сенатской площади, находя некоторые фразы и слова соответствующими современному положению. Если при таком приурочении местами выходила явная бессмыслица, то зато некоторые фразы в роде напечатанных нами разрядкой звучали крайне резко и дерзко. В конце июля или начале августа 1826 года, в то время, когда Николай Павлович с приближенными находился в Москве, готовясь к коронации, агент по секретным поручениям генерала Скобелева, 14 класса помещик Коноплев, представил своему начальнику список этого не пропущенного отрывка, получившего уже заглавие «на 14 декабря», с прибавлением копии известного предсмертного письма Рылеева к жене. Скобелев доложил стихи Бенкендорфу, начинавшему тогда работать по III отделению. Началось дело о распространении преступных стихов Пушкина «Андрей Шенье»; к этому делу был привлечен целый ряд лиц, оно прошло несколько стадий — от тайного дознания до обсуждения в Государственном Совете, и кончилось через два года 28 июня 1828 года высочайшей резолюцией. Допрашивался по этому делу и Пушкин, которому оно доставило не мало неприятностей, и

¹ Сочинения бар. А. А. Дельвига. Изд. Е. Евдокимова. СПб. 1893, стр. 158.

для биографии поэта подробное расследование всего хода дела представляет не малый интерес.

В общих чертах сущность этого дела нам известна. Она была кратко рассказана двумя осведомленными лицами: по памяти и по документам — известным чиновником III отделения М. М. Поповым¹ и автором пресловутых воспоминаний — бароном М. А. Корфом². Краткое изложение хода процесса дано также П. А. Ефремовым³ по доступным ему документальным данным, не исчерпывающим всего дела и представленным, по большей части, в отпусках и копиях. С большими подробностями рассказал это дело А. Слезкинский в статье «Преступный отрывок элегии «Андрей Шенье»»⁴. Он пользовался копией производства дела лишь в одной инстанции (Новгородского уездного суда) и о течении дела в других инстанциях он мог сообщить лишь по путанному изложению, сделанному в этом производстве. Поэтому вкрались в статью Слезкинского довольно крупные и многочисленные неточности. Показания, например, Пушкина даны им в пересказе. Да и производство уездного суда изложено им очень сбивчиво. Вообще для научных исследований по биографии Пушкина эта статья не годится. По названным только что статьям и сообщениям весьма поверхностно и плоско рассказал об этом деле и М. К. Лемке.⁵

Перечисленные работы дают лишь весьма общее представление о процессе. Кроме них мы имеем не мало документов из различных стадий производства, по большей части не первоначальных подлинников, а официальных копий и повторений. Они способствуют уяснению дела, но по этим разрозненным бумагам трудно восстановить достоверную и детальную историю процесса на всем его протяжении, процесса, изучение которого интересно не только для биографии поэта, но и для истории нашей общественности.

Между тем, ни одно подлинное производство до сих пор систематически не обследовано и не использовано, а производства некоторых инстанций даже не были известны. Первой стадией этого дела было тайное дознание, произведенное Скобелевым и Бенкендорфом. Материалы по этому дознанию сохранились

¹ В статье «А. С. Пушкин» (Русск. Стар., 1874, т. X, авг., стр. 691—694). Эта статья, не обратившая на себя внимания исследователей, очень ценна для изучения полицейских отношений Пушкина и представляет яркое отражение взглядов III Отделения в его деле на поэта.

² В его записке о Пушкине, напечатанной в статье Л. Н. Майкова «Пушкин в изображении М. А. Корфа» (Русск. Стар., 1899, т. LC, авг., стр. 309—310) и в «Записках» его (там же, 1900, март, т. CI, стр. 547).

³ «Пушкин — Ефремов — Суворин», т. VII, 1903, стр. 259—261, 276, 286—287, 298—300; т. VIII, 1905, стр. 597—601.

⁴ Русск. Стар., 1899, т. LC, авг., стр. 312—326.

⁵ В книге «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», СПб. 1908. Очерк «Муки великого поэта», стр. 468 сс. См. мою рецензию об этой книге в журнале «Минувшие Годы», 1908, кн. 2, стр. 314—318.

в архиве 6. III Отделения, ныне в Центральном архиве, и изданы С. С. Сухониним.¹ Вторая стадия—производство дела в военно-судной комиссии, начатое 25 сентября 1826 года и оконченное высочайшей резолюцией 25 марта 1827 года. Это дело хранится в 6. архиве Главного военно-судного Управления, ныне в Центральном архиве и не было известно до самого последнего времени: впервые с моих слов сообщил о нем П. А. Ефремов.² Третья стадия—производство Новгородского уездного суда, использованное в статье А. Слезкинского. В архиве этого суда осталась только копия дела, подлинное же было отослано на ревизию в 6. Новгородскую уголовную палату. Из архива палаты, хранившегося при Новгородском окружном суде, подлинное дело было, по требованию министра юстиции, отослано в департамент юстиции³ в 1884 году. Четвертая стадия—производство дела в Правительствующем сенате. Пятая—рассмотрение дела в Государственном совете. Мы знаем из сенатского дела лишь указ сената новгородскому губернскому правлению.⁴ В этом указе приведено высочайше утвержденное мнение Государственного совета. Этим мнением ограничиваются наши сведения о производстве в высшей инстанции. Не мало издано документов и бумаг, относившихся к исполнению приговора касательно Пушкина,—об объявлении ему приговора,⁵ об учреждении секретного надзора и о продолжении его.⁶ Но документы последнего рода важны только своими датами, а к знанию процесса ничего не прибавляют.

---

¹ В книге «Дела III отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине», СПб. Изд. И. Балашова, 1906, стр. 15—17 и 267 сс. Изучая дело в архиве, мы убедились, что оно издано Сухониним крайне несправно. Тут не только бумаги по предварительному дознанию (стр. 15—17), но и имеющие отношение к дальнейшим стадиям процесса. Самый главный документ—записка Бенкендорфа с ответами Скобелева, положившая начало делу,—опубликован по подлиннику (вполне правильно) в «Русск. Стар.» в заметке «К делу о доносе на А. С. Пушкина» 1883, т. XXXVIII, июнь, стр. 690—692. Ср. выше прим. на стр. 89.

² Некоторые бумаги, вышедшие из этой военно-судной комиссии, с ответами подлежащих мест напечатаны в книжке И. И. Василеня: «Следы пребывания А. С. Пушкина в Псковской губернии» СПб. 1899, стр. 32—36. Некоторые следы производства оказались в архиве л.-гв. Драгунского полка, в котором служил Алексеев. Сведения по полковым документам изложены в книге капитана Ковалевского 1-го: «Л.-гв. Драгунский полк» 1814—1869. Новгород, 1870, стр. 38, 169 (прим. 21), 40 (приложения).

³ Находящиеся в этом деле подлинные объяснения Пушкина были в 1877 году переданы из департамента юстиции в Пушкинский музей при Александровском лицее (ныне в Пушкинском Доме) и напечатаны в книге проф. И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», СПб. 1903, стр. 339—341.

⁴ Напечатан в Русск. Стар., 1874, т. XI, ноябрь, стр. 584—558.

⁵ Русск. Стар., 1882, т. XXXIII, февр., стр. 465—469.

⁶ Русск. Стар., 1882, т. XXXIII, янв., стр. 225—226 и 1883, т. XXXVII, янв., стр. 77—78.

Самым интересным и важным как для биографии поэта, так и для истории общественного брожения в 1826 году мы считаем дело, произведенное военно-судной комиссией о штабс-капитане Алексееве. Производства других инстанций прибавляют не много материала, имеющего значение; в них много пустословия, не разъясняющего, а только запутывающего дело. Но имеет интерес — специальный для пушкиноведения — производство государственного совета.

Изложению этих дел мы посвящаем дальнейшие страницы.

I. Дело Алексеева и Пушкин.

1

До ознакомления с историей процесса штабс-капитана Алексеева необходимо кратко передать историю возникновения этого дела.¹

История распространения запрещенного цензурой отрывка из элегии «Андрей Шенье» представляется на основании изучения дела в следующем виде. Коноплев, агент Скобелева, добыл список стихов у кандидата Леопольдова. Знал ли последний, что Коноплев шпион, установить по делу нельзя; во всяком случае Леопольдов играл в этой истории роль довольно постыдную и плачевную.² Он собственноручно переписал стихи, прибавил к ним предсмертное письмо Рылеева к жене и вручил Коноплеву. Скобелев, доносивший на Пушкина еще в 1824 году, тотчас же сообщил эти стихи Бенкендорфу в конце июля или начале августа. Напомним, что в это время

¹ Подробно мы останавливаемся на этой истории и выясняем ее связь с помилованием Пушкина в статье предшествующей.

² Биографический очерк А. Ф. Леопольдова дан в книжке Н. Ф. Хованского «Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии». Вып. 1-й, Саратов, 1884, стр. 57—76, и в статье М. Л. Юдина: «Винovníк „Шеньевской истории“» (Истор. Вест. 1905, т. СII, ноябрь, стр. 574—597). Для нас важны приводимые г. Юдиным рассказы самого Леопольдова о случае со стихами, изложенные в его рукописной автобиографии, хранящейся в б. Саратовской ученой архивной комиссии, и в письмах его к Е. И. Станевичу от 1829 года (хранились там же). С рукописной автобиографией Леопольдова я познакомился благодаря содействию Пушкинской комиссии, по просьбе которой она высылалась из Саратова в Петербург. Сличая его рассказы с документальными данными, приходишь к заключению, что в своих сообщениях Леопольдов неискренен и умалчивает о настоящей своей роли. Он не упоминает, напр., о том, что надпись на стихах «на 14 декабря» была сделана им, что он собирався пообстоятельнее донести об этих стихах Бенкендорфу. На допросах он старался запутать офицера Молчанова, давшего ему стихи и т. д. В конце концов мы не убеждены в том, что Коноплев действовал без его ведома и согласия. В автобиографии Леопольдов рассказывает следующим образом о начале дела: «По Москве ходили стихи, переведенные из французского писателя Андрея (тёзки моего) Шенье, намекавшие на булгу во Франции и приравливаемые будто бы к нашему бывшему

царь со всем двором был в Москве и готовился к коронации. Бенкендорф потребовал указать лицо, которое дало стихи Леопольдову. Леопольдова в это время не было в Москве и Коноплев был послан в Саратовскую губернию разыскать его. Узнав от него, в конце августа, что стихи даны ему прапорщиком лейб-гвардии конно-пионерного батальона Молчановым в июле 1826 года, Коноплев вернулся в Москву и доложил полученные им сведения Бенкендорфу. Началось дело; был найден и арестован Молчанов, который 8 сентября показал, что стихи получены им в феврале 1826 года от л.-гв. конноегерского полка штабс-капитана Алексеева. Александр Ильич Алексеев также был разыскан, арестован и 16 сентября отправлен из Новгорода в Москву.¹ Здесь и начальник Главного штаба И. И. Дибич и дежурный при государе генерал Потапов тшкетно добивались, чтобы Алексеев сказал, кто ему дал эти стихи. Алексеев отвечал, что он получил их в Москве осенью 1825 года, но от кого, решительно не помнит. Генералы пробовали действовать на него через отца; отец умолял сына, грозил ему проклятием, но Алексеев упорно оставался при своем отрицании. В результате, по высочайшему повелению, Молчанов был переведен тем же чином из гвардии в армию в Нижегородский драгунский полк, а Алексеев за записательство отдан под суд. С самого начала следствия и тот и другой

беспорядку 14 декабря 1825 года (Леопольдов прекрасно знал, что стихи принадлежат Пушкину, а приноровил их к 14 декабря на бумаге он сам, П. Ц.). Они достались и мне от одного гвардейского офицера, из юношеской любознательности и любопытства. Я понимал дух их и без всякого умысла и цели сообщил товарищу; но у него, увидев их, придумали: шука съедена, остались зубы; эти другие люди возбудили вопрос: не остаток ли это духа недавно погашенной у нас булги? Донесено, и загорелось дело. Я сам понимал, что надобно же все это темное обстоятельство разведать и расследовать. Добрались до источника и до всех военных и статских, имевших их. Вот таким-то путем дошла очередь и до меня» (Цитовано по рукописи). А в письме к Е. И. Станевичу от 29 декабря 1829 года, подделываясь очевидно к елейному тону своего корреспондента, он уже рассказывал о том же в ином духе: «Случайно попались мне в Москве (он сам выпросил! П. Ц.), во время коронации держкие насчет правительства стихи. Я показал их одному знакомцу, сожалея о несчастном образе мыслей сочинителя (это, по первой версии, Андрея Шенье! П. Ц.). Но сей знакомец мой был шпион, который для выслуги своей открыл об них нач. Г. П. (конечно—начальнику Государственной Полиции, П. Ц.). Дело загорелось: разысканы все, у кого оные стихи были, от кого и как перешли» (Истор. Вест., назв. статья, стр. 582). К литературе о Леопольдове нужно добавить еще появившуюся после опубликования моей работы курьезную статью А. Г. Слѣзкинского «Тайный друг Пушкина» в «Русск. Стар.» 1912 г. т. III, стр. 500—508. Ср. замечания Ю. Г. Оксмана в примечании к его статье «Саратовское гнездо нигилизма в 1871 г.» (Последний извет А. Ф. Леопольдова) в «Былом» 1925 г. № 6 (34), стр. 55.

¹ Об А. И. Алексееве см. выше стр. 86—87. Современные известия о деле Алексеева идут также от А. Я. Булгакова, хорошего знакомого семьи Алексеевых (Русск. Арх. 1901, т. II, стр. 402, 403).

находились в московском тюремном замке;¹ Молчанов, несмотря на то, что наказание было на него уже наложено, все-таки был оставлен в тюрьме на все время следствия.

Этих данных достаточно для того, чтобы разобраться в военно-судном процессе к изложению которого мы и приступаем. Мы считаем нужным не выпускать при изложении тех страниц дела, которые, не представляя важности для пушкиноведения, дают хорошее понятие о том, как ставилась в то время процессуальная сторона дела и как создавалась «юридическая» аргументация. Слово «юридическая» тут приходится, конечно, брать не иначе как в кавычках.

2

25 сентября 1826 года начальник главного штаба е. и. в. Дибич обратился со следующим отношением к великому князю Михаилу Павловичу, который в это время командовал отрядом гвардейского корпуса, отправленным в Москву на коронацию.

«У служившего лейб-гвардии в конно-пионерном эскадроне прапорщика Молчанова найдена копия с письма государственного преступника Рылеева и возмутительные стихи на 14 декабря 1825 года. Молчанов в отобранной от него росписке объявил, что сии стихи получил он от лейб-гвардии конноегерского полка штабс-капитана Алексеева, который, не отвергая того, что отдал оные Молчанову, не только не объявил в свое время сочинения сего начальству, как того требовал долг честного и верного офицера и русского дворянина, но при сделанном ему лично мною допросе, не раскаиваясь в своем поступке, решительно не хочет открыть, от кого он сам получил сии бумаги.

Как таковое упорство штабс-капитана Алексеева доказывает как зловерные его склонности, так и намерение скрыть следы, по которым могли бы быть открыты злоумышленники, распространяющие подобные сочинения, то государь император, желая примером строгого взыскания пресечь и впредь подобные столь вредные для общего спокойствия государства покушения, — высочайше повелеть соизволил штабс-капитана Алексеева, яко обличенного собственным признанием в содержании у себя против долгу присяги и существующих узаконений в тайне от своего начальства и сообщении даже другим таких бумаг, кои по содержанию своему, в особенности после происшествия 14 декабря, совершенно по смыслу злодеев, покушавшихся на разрушение всеобщего спокойствия, — предать

¹ В тюрьме они встретились с офицерами, осужденными на каторгу за участие в восстании Черниговского полка: Соловьевым, Мозалевским, Быстрицким и Сухиновым. См. «Записки неизвестного» (И. И. Горбачевского) в Русском Архиве, 1882, т. I, стр. 545 и отд. изд.

военному суду здесь при 2-м сводном легком кавалерийском полку гвардейского отряда, с тем чтоб суд был окончен в возможной поспешности и непременно в продолжении трех дней.

Сообщая вашему императорскому высочеству сию высочайшую волю для зависящего о исполнении оной распоряжения и препроводя при сем найденные у Молчанова письмо Рылеева и стихи на 14 декабря, прошу покорнейше ваше императорское высочество по окончании¹ над ним суда сообщить мне сентенцию оного с мнением вашего высочества для доклада государю императору. При сем имею честь уведомить, что штабс-капитан Алексеев содержится в здешнем тюремном замке».

3

Исполнение по отношению начальника штаба последовало в тот же 25-й день сентября. Великий князь дал соответствующее предписание графу Орлову, командовавшему сводной легкой гвардейской кавалерийской бригадой и л.-гв. сводным кирасирским полком. В тот же день при 2-м сводном легком кавалерийском полку была учреждена комиссия военного суда. Презусом ее был назначен л.-гв. конно-егерского полка полковник барон Ренне, ассесорами — капитаны Павлищев,¹ Корф, штабс-капитан Стремоухов, поручик Вуич, прапорщики: Вульф² и Кронек; производителем дел — обер-аудитор 9 класса Иванов.

Суд совершался с соблюдением всех формальностей. На первом же заседании 26 сентября презус, объявив о цели собрания, «угovarивал всех обретающихся в суде, дабы при отпавлении начинающегося дела напamатовали свою совесть, а что в суде случится, хранили бы тайно и никому о том, кто б он ни был, не объявляли». Затем, намечая программу действий, комиссия постановила предложить подсудимому обычный вопрос: «не имеет ли он на презуса, ассесоров и аудитора какого показаться подозрения и судом их будет ли доволен» и затребовать из штаба формулярный список и кондуит Алексеева. По изъявлении Алексеевым своего удовольствия комиссией, судьи принесли судебскую присягу.³ Вступив

¹ Это Пав. Ив. Павлищев, брат Ник. Ив., женившегося впоследствии на сестре Пушкина.

² По спискам полка это — Петр Иванович Вульф, едва ли не двоюродный брат приятелю Пушкина Алексею Николаевичу Вульфу.

³ Формула присяги: «Мы, к настоящему военному суду назначенные судьи, клянemся всемогущим богом, что мы в сем суду в прилучающихся делах, ни для дружбы, ни склонности, ни подарков или дачей ниже страха ради, ни для зависти и не дружбы, но токмо едино по челобитью и ответу, по его и. в. нашего всемилостивейшего государя императора воинским пунктам, правам и уставам приговаривать

в исполнение обязанностей, презус на основании воинских процессов 1 главы 14 пункта уговаривал Алексеева, чтобы он «с пристойным воздержанием дело свое доносил вкратце». Подобный уговор был, очевидно, вызван необходимостью закончить дело в три дня. В виду такой крайности, дежурный генерал предписывал комиссии заканчивать дело, не дожидаясь обычного представления формуляра и кондуита подсудимого.

26 сентября, к 10 часам утра, штабс-капитан Алексейев был доставлен из тюрьмы плац-адъютантом в комиссию, несмотря на то, что он был болен: «был одержим воспалением левого глаза и чувствовал слабость во всем корпусе». На учиненные судной комиссией вопросы Алексейев отвечал:

«Зовут меня Александр Ильин сын Алексейев, 26 лет, греко-русской веры, на исповеди и у святого причастия бывал.

В службу вступил по выпуске из пажеского корпуса прапорщиком в конно-артиллерийскую роту № 22 — 1819 года апреля 6 дня; из российских дворян, собственности не имею, а что за отцом моим состоит и сколько, того не знаю.

Из прапорщиков артиллерии переведен в конно-егерский е. в. полк, где и произведен в 1819 году ноября 26 в поручики, в 1823 ноября 26 за отличие по службе в штабс-капитаны и 1825 22 августа переведен в лейб-гв. конно-егерский полк; под судом и штрафами не был.

1. По нахождении моем в Москве точно получил оные стихи, но от кого, не помню, и без всякой определительной цели и намерения, — в октябре или в ноябре месяце.

2. Стихи, отданные мной Молчанову, были написаны собственной рукой моею, но без подписи на 14 декабря, а письма преступника Рылеева, мне же показанные стихи и письма в суде мне вовсе неизвестны.

3. Оные стихи при разборе разных бумаг моих попались в руки Молчанова и по просьбе его ему отданы, а на какой конец, не знаю.

4. Хранение стихов сих не считал тайною, а из содержания оного не предполагал и не предвидел ничего зловерного, ибо оные, как выше сказано, получены были мной в октябре или ноябре месяце.

5. В тайных обществах не бывал и ничего ни от кого не слышал и нигде не был замечен, ибо милости, оказываемые покойным государем императором отцу моему и семейству, не могли внушить мне ничего дурного противу е. в. и правительства.

6. Никаких других подобных бумаг не имею».

и осуждать хошем право и нелицемерно, так как нам ответ дать на страшном суде Христове, — в чем да поможет нам он, нелицемерный судья».

Итак, Алексеев признавал, что он дал Молчанову писанный его рукою список стихов, но предъявленный ему на суде лист, на котором были четко переписаны сначала письмо К. Ф. Рылеева, а за ним стихи с надписью «на 14 декабря», оказался ему совершенно неизвестен: он был не его руки, затем заключал совершенно неизвестное ему письмо К. Ф. Рылеева, а стихи, действительно, были те самые, которые он дал Молчанову, но, давая их Молчанову, он не делал надписи «на 14 декабря».

Комиссия определила допросить по делу Молчанова. На запрос Комиссии 26 же сентября Молчанов отвечал несколько неясно, что копия с письма Рылеева не у него найдена и ее никогда у него не было, но стихи на 14 декабря получены им действительно от Алексеева. О подробностях получения Молчанов сообщал следующее:

«Которого числа именно я получил оные стихи, точно упомянуть не могу; а получил их в феврале месяце, проходя из Москвы в Петербург с ремонтом. Говоря про Пушкина стихи, он, Алексеев, и сказал, что у него есть последнее его сочинение, и показал оные мне; я у него попросил их списать, — без всякого намерения, но только из одного желания иметь Пушкина сочинения стихи. Чьей рукой оные стихи были написаны, я этого не знаю, а для чего я не предъявил оных начальству, потому что не пожелал, чтобы оные стихи могли иметь какое дурное влияние на других».

В дополнение к этому показанию Комиссия постановила спросить у Молчанова, кем и когда именно были найдены возмутительные стихи на 14 декабря, те ли самые, которые при деле имеются, или какие другие, а также была ли на полученных им от Алексеева стихах сделана надпись «на 14 декабря» или нет. Ответ Молчанова опять был не совсем ясен. Он отвечал (26 же сентября):

«Оные стихи никогда у меня найдены не были, а дал я их русскому учителю Леопольдову, который и показал, что получил их от меня; стихи точно те самые, которые я дал Леопольдову, но они переписаны, ибо я дал их ему, они были написаны на четвертушке; а письма не было, которого я никогда не видал; — что ж касается была ли надпись над стихами, этого я совершенно не помню: а можно будет видеть по тем, которые я дал Леопольдову. О теперешнем жительстве Леопольдова не знаю».

На сцену выдвигалось новое лицо, которое необходимо было допросить. Отнесясь к Московскому обер-полицмейстеру с предложением доставить Леопольдова в Комиссию, Комиссия 27 сентября затребовала от Алексеева и Молчанова подробных указаний о месте передачи преступной рукописи и ее внешнем виде. Алексеев ответил, что он отдал Молчанову стихи в Новгороде, но формата и цвета бумаги не помнит: он твердо

помнит только то, что они были переписаны им собственноручно. Молчанов подтвердил, что стихи получил в Новгороде. «Бумага — показывал он — кажется, была белая, а верно не помню, — бумага была белая с черными кантиками; а дал я их, эти стихи, в июне месяце русскому учителю Леопольдову». Против этого показания Молчанова Комиссия выставила Молчанову следующий вопрос:

«В дополнительном Вашем показании, данном Вами в суде вчерашнего числа, вы пишете, что была ли надпись над стихами, этого совершенно не помните, а можно видеть по тем, которые Вы дали Леопольдову, но почему же вы в подписке Вашей, данной 8 числа сентября, объявили именно теми словами: ¹ что Вами получены стихи сочинения Пушкина на 14 декабря; объясните на сие, по всей справедливости, была ли она надпись или нет, а когда не было, то отчего в подписке вашей сие было написано?»

Молчанов объяснил:

«была ли надпись над стихами, то я повторяю, что совершенно не помню; а почему я в своем показании пишу, что они на 14 число, то мне Алексеев говорил сам, что они на оное число сочинены Пушкиным».

Между показаниями Молчанова и Алексеева получалось разноречие, которое Комиссия попыталась разрешить очной ставкой, данной 27 сентября. Но Алексеев утверждал и на очной ставке, что «на отданных им стихах не было надписи «на 14 декабря», и что «не в бытность оной не зачем ему было говорить на словах то, что не написано, а к тому же он получил их прежде сего времени». А Молчанов остался тоже при своем: «я говорю — показывал он — что Г. Алексеев, дававши мне сии стихи, сам мне говорил, что они сочинены на четырнадцатое число: что и готов утверждать клятвенно». Таким образом, вопрос о том, знал ли Алексеев о применении стихов Пушкина к 14 декабря и подписывал ли он их «на 14 декабря», оставаясь открытым, впредь до объяснения Леопольдова. Но московский обер-полицмейстер 27 сентября уведомил Комиссию, «что русский учитель Леопольдов проживал Тверской части в университетском пансионе по найму в должности надзирателя, который также числился и по Московскому университету своекоштным кандидатом, а сего года июля 25 числа выехал к родителю своему в город Саратов».

Комиссия постановила обратиться к Саратовскому губернатору с просьбой о доставлении Леопольдова и, сознавая, что без допроса Леопольдова она не может кончить дела в трех-

---

¹ Молчанов дал следующую подписку: «Я, нижеподписавшийся, получил стихи сочинения Пушкина, на четырнадцатое декабря от Александра Алексеева лейб-гвардии конно-егерского полка штабс-капитана, во время моего возвращения в С.-Петербург с ремонтом в феврале 1826 года. Прародик Молчанов. 8 сентября 1826 года. Москва».

дневный срок без особого на то разрешения начальства, решила донести об этом великому князю Михаилу Павловичу. Но великий князь предписал, чтобы Комиссия, не останавливая дела, кончила его, во исполнение высочайшей воли, в три дня, а о недостающих к делу сведениях и справках упомянула, где следует. После этого предписания Комиссии оставалось только привести дело к концу. 27 сентября Алексееву было сделано священническое увещание, дабы он открыл лицо, передавшее ему стихи, но Алексей «ни в чем сознания не учинил, а остался при прежде данных им Комиссии показаниях». Затем Комиссия сличила почерк находившейся в их руках преступной рукописи с почерками Алексеева и Молчанова и не нашла никакого сходства. На этом судопроизводство трехдневной Комиссии было закончено.

27 сентября была составлена «выписка» или конспект всего дела и прочитана Алексееву. Алексей дополнил свои оправдания следующим разъяснением:

«к оправданию своему имею то сказать, что хотя и имел у себя сии стихи, но без намерения, находя их совершенно незначущими, так я полагал; тем более сие доказывает и то, что, не быв в связи и коротко знакомым с г-м Молчановым, отдал ему оные. Касательно же необъявления мною того лица, от которого оные выписаны, то призываю в свидетели всемогущего бога, что не скрыл и не угаил бы от правительства оного, зная совершенно, что сие объяснение служило бы моим оправданием, и не подвергал бы позору носимой мною фамилии и престарелому и израненному отцу моему и матери огорчения и стыда иметь недостойного сына. Решительно оканчиваю клятвою, что не смею оклеветать других, ибо не помню, у кого выписаны оные были мною. Знаю, что подвергаюсь всей строгости законов».

Сентенция Комиссии от 29 сентября оказалась очень суровой. Комиссия

«нашла подсудимого шт.-кап. Алексеева виновным в содержании у себя противу долга присяги и существующих узаконений в тайне от своего начальства и передаче другим таких возмутительных стихов, кои по содержанию своему, в особенности после происшествия 14 декабря, совершенно по смыслу злодеев, покушавшихся на разрушение всеобщего спокойствия, в необъявлении в свое время сочинения сего начальству, как того требует долг честного и верного офицера и русского дворянина, и в упорном пред начальством и судьями сокрытии того, от кого он получил те стихи; и за таковые учиненные им преступления, — на основании указов, состоявшихся в 31 день Декабря 1682 и в 21 Мая 1683 приговорила оного к смертной казни».

Комиссия повергала свое заключение на воззрение великого князя. 29 сентября все производство было отослано к нему.

23 октября великий князь Михаил Павлович представил все дело с сентенцией Комиссии и мнениями — своим и графа Орлова — начальнику главного штаба барону Дибичу для доклада государю. Дежурный генерал, г.-ад. Потапов, найдя, что дело не приведено в надлежащую ясность, затребовал 20 октября мнение Аудиториатского департамента. 23 октября требуемое мнение было уже доставлено. Аудиториатский департамент считал необходимым для дополнения дела отобрать показания от прикосновенных лиц: Леопольдова, Пушкина и Молчанова. Леопольдов должен был дать ответы на вопросы: когда он получил от Молчанова стихи, на какой бумаге и чьей рукой они писаны, была ли надпись «на 14 декабря», где полученный им от Молчанова экземпляр, послуживший оригиналом для находящегося в деле, и не его ли рукой переписан этот последний. От А. Пушкина надлежало отобрать показание: «им ли сочинены означенные стихи; когда, почему известно ему сделалось и мерение злоумышленников, в стихах изъясненное; в случае же отрицательства, не известно ли ему, кем оные сочинены». Наконец, прапорщик Молчанов должен быть спрошен, «для чего, о полученных им в феврале стихах не донеся тогда же начальству, дал оные в июне Леопольдову и (когда данные им на четвертушке отысканы будут), чтобы объяснил, тою ли самой рукой писаны, как даны Леопольдову и кем подписаны на 14 декабря. Комиссии же военного суда, коей дополнение дела сего поручено будет — заканчивал свое мнение Аудиториат — все означенные показания и касающиеся оным обстоятельства прилежно и немедленно рассмотреть и свое на законном основании заключение представить по начальству, а между тем шт.-кап. Алексеева содержать арестованным».

25 октября последовала высочайшая резолюция: «исполнить по мнению Аудиториатского департамента — продолжать в той же судной Комиссии».

29 октября начальник главного штаба уведомил Михаила Павловича о резолюции и предписал управляющему Министерством внутренних дел выслать в С.-Петербург Леопольдова.

Но пока дело шло по инстанциям, войска, пришедшие в Москву на коронацию, уже отправились на свои постоянные квартиры, и Комиссия, судившая Алексеева и состоявшая из штаб- и сбер-офицеров л.-гв. Конно-егерского дивизиона, присоединилась к своему полку, стоящему в Новгороде. Поэтому великий князь, отвечая, как командующий московским отрядом гвардейского корпуса, 4 ноября начальнику штаба, предлагал последнему обратиться к командующему гвардейским корпусом, т.-е. к нему же, Михаилу Павловичу (это была необходимая формальность!) и приказать распорядиться «о продолжении

нынешних действий Комиссии по сему дополнению дела в Новгороде, дабы членов одного суда сим новым поручением не отлучить от занятий». Михаил Павлович дополнил мнение Аудиториата своим заключением, которое не предвещало ничего хорошего для Пушкина.

«Причем имею честь вашему высокопревосходительству присовокупить, что я считаю нужным не только выслать в Новгород прикосновенного к означенному делу учителя Леопольдова, но истребовать от сочинителя стихов А. Пушкина показание, его ли действительно сочинения известные стихи; с какою целию им сочинены они и кому от него переданы, и доставить в Новгород находящихся ныне в ведении Московского Команданта под арестом шт.-кап. Алексеева и прапорщика Молчанова, и если Комиссия почтет нужным, то и самого Пушкина».

Михаил Павлович обратил особое внимание на Пушкина. Аудиториат, смотря на него, как на прикосновенного, предлагал спросить, он ли, а если не он, то кто писал стихи и откуда он узнал о намерениях злоумышленников, раз стихи были написаны до 14 декабря. Михаил Павлович привязывал Пушкина теснее к делу. Ответы на вопросы, с какою целью стихи были им написаны и кому переданы, могли сильно запутать его. Михаилу Павловичу, конечно, была известна судьба Пушкина и результат его беседы с Николаем Павловичем 8 сентября 1826 года. Не мог он, конечно, не знать, что если Пушкин до сих пор не фигурировал в деле, то на это была воля Николая, знавшего об авторстве Пушкина от Бенкендорфа еще при самом возникновении дела.

5

Первое заседание Комиссии, вновь призванной судить, состоялось 12 января 1827 года. К этому времени были доставлены в Новгород—из Москвы Алексеев и Молчанов и 29 декабря 1826 года из Петербурга разысканный Леопольдов.¹ В составе суда ассесор Вуич был заменен поручиком Ренненкампом.

12 января 1827 года Комиссия вызвала в заседание Алексеева, Молчанова, Леопольдова. Алексееву был предложен вопрос о местожительстве «сочинителя А. Пушкина». Он отвечал: «я ничего не знаю, не был никогда с ним знаком». Молчанову был сделан следующий запрос:

«в дополнение прежде данных Вами сей Комиссии ответов, покажите

---

¹ По розыскам оказалось, что Леопольдов приехал в Сердобск 19 августа, а 29 сентября уехал в Петербург.

1) для чего Вы, о полученных вами в феврале месяце прошлого 1826 года стихах не донеся тогда же начальству, дали оные в июне учителю Леопольдову?

2) Неизвестно ли вам, где именно проживает сочинитель А. Пушкин?

Молчанов дал следующий ответ:

«не донес я об этих стихах, ибо не прилагал к ним никакой важности. — Верно, не дал бы их человеку, которого едва знал, ежели бы считал их важными. Не могу знагь, где сочинитель оных стихов находится, и никогда не был с ним знаком».

Леопольдов на вопросы Комиссии дал следующий ответ:

«Честь имею ответить Комиссии следующее:

1) Стихи получены мною от г. Молчанова в конце июля месяца минувшего года.

2) Оные стихи написаны были на желтой четвертушке.

3) Чьею рукою они писаны, мне неизвестно.

4) Надписи на оных: на 14 декабря — не было; я поставил оную в соответствии содержания оных.

5) Экземпляр, полученный мною от г. Молчанова, я с человеком отослал назад ему; следовательно, он у него должен быть.

6) Стихи, списанные с экземпляра, взятого мною у г. Молчанова, и письмо К. Рыльева к жене его (которое я получил не от г. Молчанова) писаны собственно моею рукою.

7) Сочинитель оных мне неизвестно где проживает.

Передача же или временное оставление мое оных стихов у одного знаконца (тогда жившего в Москве калужского помещика 14 класса Коноплева), через которого обнаружались оные пред правительством, известно высшему начальству, которое положило начало сему делу».

Вполне естественно было спросить теперь у Леопольдова, почему же он, сознавая возмутительность этих стихов, не донес о них по начальству, да еще собственноручно поставил точку над і: переписав их, дал им заглавие «на 14 декабря». Леопольдов 13 января дал следующий любопытный ответ:

«Медлительность в обнаружении оных стихов правительству происходила от следующих причин: 1) Потребно было время разведать, не известны ли уже оные стихи правительству; ежели они были бы известны, то в таком случае донос мой был бы не у места. 2) Начальство высшее в то время переезжало из С.-Петербурга в Москву по случаю высочайшей коронации их императорских величеств; посему и самое его местопребывание меня в этом деле могло затруднять. 3) Я имел нужду немедленно отправиться к родителю, для оказания ему пособий».

Приписка сверху: «на 14 декабря сделана мною без всякого другого намерения, кроме того, что они, как заметно, изображают историю 14 декабря 1825 года».

Теперь Комиссии предстояло разыскать тот экземпляр стихов, который, по словам Алексеева, написан им, передан Молчанову, от него перешел к Леопольдову и, по словам последнего, был возвращен им Молчанову. Когда Комиссия сообщила Молчанову данный Леопольдовым ответ, Молчанов решительно высказал, что он от Леопольдова стихов этих обратно не получал. В доказательство он просил привести его к присяге. На запрос Комиссии о возникшем недоразумении Леопольдов дал пояснение:

«Собственными руками тех стихов я точно не отдавал г. Молчанову, а отослал их с человеком г-жи Вадковской, которого имя Василий. Мне не известно, от чего он ему не доставил. Но однакож на другой день за столом я г. Молчанова спрашивал, получил ли он оные; он отвечал, что он не получал; спросил того человека, с которым я отослал оные стихи, но его не было. И господин Молчанов заключил со мною сию речь тем, что он спросит у него и возьмет. В чем я также готов дать присягу. — Время же, как могу припомнить, 27-е число Июля.

а) Генеральша Вадковская имеет жительство в Москве, в Каретном ряду, в собственном доме, при ней находится и сей человек». ¹

На очной ставке 13 января Молчанов резко высказался против слов Леопольдова. Он заявил, что Леопольдов выдумал весь разговор, и готов был подтвердить истину своих слов на кресте и Евангелии. А Леопольдов на очной ставке утверждал:

«Мне неизвестно, получил ли г. Молчанов стихи, отосланные мною с показанным человеком; несмотря на решительный отказ от разговора, бывшего между нами во время стола (разумеется не гласно), я подтверждаю данное мною мнение, как такое, в котором ни одного слова нет выдуманного, и готов со всею откровенностью утвердить то также перед святым крестом и Евангелием».

Оставался один путь разыскать истину: найти того человека, который, по словам Леопольдова, отнес стихи Молчанову. Московский обер-полицмейстер, по предложению комиссии, расследовал дело, допросил всех четырех Васильев, которые оказались в услужении у г-жи Елагиной и ее дочери генеральши Вадковской, и бывшего в слугах у Леопольдова Владимира Гаврилова. Все они показали, что никогда ни с кем из них никаких бумаг Леопольдов не посылал прапорщику Молчанову и объяснили, что Леопольдов жил на даче их господ в одном доме с прапорщиком Молчановым. 21 января обер-полицмейстер сообщил Комиссии результаты своих разысканий.

¹ Молчанов приходился племянником вдове генерал-майора Елиз. Петр. Вадковской. См. ее письмо с просьбами за Молчанова к Н. Н. Раевскому в «Архиве Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, том I, СПб. 1908, стр. 351—352.

Тем временем шли розыски сочинителя А. Пушкина. Комиссия не получила указаний о его местожительстве от допрошенных ею 12 января лиц, но 12 же окольными путями она осведомилась о том, что А. Пушкин находится в Пскове, потому что 12 же Комиссия отправила секретное отношение псковскому гражданскому губернатору. В нем Комиссия вкратце излагала ход разбирательства по делу Алексеева и приводила мнение великого князя Михаила Павловича, который полагал, между прочим, необходимым «истребовать от сочинителя стихов А. Пушкина показания: его ли действительно сочинения известные стихи, с какою целью им сочинены они и кому от него переданы? и если Комиссия почтет нужным, то вызвать и самого Пушкина».

«На основании чего — читаем в отношении — ныне Комиссия военного суда, осведомясь, что означенный А. Пушкин проживает в г. Пскове, покорнейше просит ваше превосходительство об отобрании от него, Пушкина, вышеизъясненного показания и о доставлении такового в сию Комиссию со всевозможною скоростью, не оставит сделать ваше распоряжение; в случае же выезда оного из г. Пскова куда либо в другое место, соблаговолить приказать, кому следует, разведать о том обстоятельнее и, по узнании о настоящем его местопребывании, поспешить сообщить прямо от себя к тамошнему начальству об отобрании от него, Пушкина, сказанного показания и о последующем почтить Комиссию вашим уведомлением.

«При чем Комиссия почитает долгом вашему превосходительству присовокупить, что дело о штабс-капитане Алексееве высочайше повелено кончить немедленно и самопоспешнейше, и что по оному теперь, кроме одного только показания А. Пушкина, все прочие затем сведения Комиссиею уже собраны».

А 13 января, т. е. на следующий день, Комиссия, получив очевидно новые указания на то, что Пушкин находится в Москве, обратилась с отношением к Московскому обер-полицмейстеру. Здесь вопросы Пушкину формулированы несколько иначе:

«По делу . . . — относилась Комиссия к обер-полицмейстеру — нужно отобрать суду показание от прикосновенного к оному делу А. Пушкина: им ли сочинены известные стихи, когда, с какою целью они сочинены, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъявленное, и кому от него сии стихи переданы. В случае же отрицательства, не известно ли ему, кем оные сочинены».

Крайне характерно то, что ни псковскому губернатору, ни московскому обер-полицмейстеру Комиссия не сообщила текста стихов, ограничившись одним только термином «известные»

стихи. Точно все лица и учреждения должны были сразу понимать, в чем дело.

Псковский губернатор ответил 21 января (в Комиссии же бумага была получена 25 января), что действительно А. Пушкин, коллежский секретарь, перед сим находился в г. Пскове, но ныне находится в Москве, а потому он, губернатор, отправил запрос суда московскому полицмейстеру.¹ Но помощь псковского губернатора оказалась излишней, потому что уже 22 января Комиссия заслушала следующую бумагу:

МОСКОВСКОГО
ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА
КАНЦЕЛЯРИЯ.

Стол 6.
19 января 1827 г.
№ 38.

22 января 1827 г. [Помета о дне получения].

СЕКРЕТНО.

В Комиссию военного суда, учрежденную лейб-гвардии при Конноегерском Полку:

В следствие отношения ко мне оной Комиссии от 13 сего января за № 4 призывал я к себе сочинителя А. Пушкина и требовал от него изъясненное в том отношении показание, но г-н Пушкин дал мне отзыв, что он не знает, о каких известных стихах идет дело, и просит их увидеть и что не помнит стихов, могущих дать повод к заключению, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненных, по получении же оных он даст надлежащее показание. — О чем Комиссию имею честь уведомить.

Генерал-Маиор *Шульгин*.

Собственно говоря, теперь оказывалась необходимость взять А. Пушкина, но Комиссия избавила Пушкина от «доставления» в Новгород. Выслушав вышеприведенное отношение, она постановила

«для выиграния времени, как в отобрании от Сочинителя Пушкина того требующегося показания по делу подсудимого штабс-капитана Алексева, так равно и в самом даже окончании оногo, ожидаемом вышним начальством, послать к г. московскому обер-полицмейстеру список с имеющихся при деле стихов, в особо запечатанном от Комиссии конверте на имя самого А. Пушкина и в собственные его руки; но с тем однакож, дабы г. полицмейстер по получении им означенного конверта, не медля ни сколько времени, отдал оный лично Пушкину и, по прочтении им тех стихов, приказал ему тотчас же оные запечатать в своем присутствии его, Пушкина, собственною

¹ Переписка Комиссии с псковским гражданским губернатором напечатана Василевым в упомянутом сочинении.

Они пришли в Кюмбурнское училище
школы. Они были намерены ехать
продать поштучно и в аптеку и
поштучно в Дрезден Андрей
Менделеев, намереваясь в пропуске
- ни в каком случае Симонову
- прислать.

Они были отнесены в Фран-
-цузской библиотеке, к сестре А. Менделеева
по имени Андрея. Они вхолят

а) и мажорант мой и восточный провоз
б) когда он приехал на пароходе в Берлин
Виктор Басмунин, военное училище
Менделеев.

И восточный провоз и восточный провоз
и восточный провоз и восточный провоз

и восточный провоз и восточный провоз
и восточный провоз и восточный провоз
и восточный провоз и восточный провоз

и восточный провоз и восточный провоз

и восточный провоз и восточный провоз

и восточный провоз и восточный провоз
и восточный провоз и восточный провоз

и восточный провоз и восточный провоз
и восточный провоз и восточный провоз

Наполеонъ

Мы свернули горы ---
въ 1793.

Убійцу соплачавших
угорамъ въ Лд. горы
Робинсона и конвенъ.

Вотъ съ тѣмъ же мѣсяцъ, Бурлаковъ
Бурлаковскому и многымъ откопалъ
къ 14 декабря.

Не знаю кто надъ нами
поставилъ въ субботу зачавъ

Не помню кому мортъ
пришелъ мой Денисъ А.
Минь.

Александръ Пушкинъ

27 января

1827

Минь

Дедъ Гавриилъ деваемъ невоно
 -шко, рмо емуду ухтчинибид модъ
 захобивудъ: 14 Декабря, сусиб
 омптхондъ убо деууд, наубаууд
 мууд Андрей Млеуе.

AV.

печатью и таковою ж другою своею; а потом сей конверт с обратным на нем надписанием на имя Комиссии по секрету, а следующее от него А. Пушкина противу отношения Комиссии от 13-го Января за № 4-м надлежащее показание по взятии у него не оставил бы, в самой невозможной поспешности, доставить в сию Комиссию при отношении».

Дело совершалось, действительно, очень быстро. 30 января Комиссия уже заслушала следующее отношение:

МОСКОВСКОГО
ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
ШУЛЬГИНА 2-го.

«27» Января 1827.

МОСКВА.

№ 58.

Полу. Утром 30 Января 1827 г.

Секретно.

В Комиссию военного суда, учрежденную лейб-гвардии при конно-Егерском полку.

В следствие отношения оной Комиссии от 22-го, а мною полученного 26-го сего Января за № 5 с приложением в особо запечатанном ею конверте на имя сочинителя А. Пушкина списка с тех стихов, о коих производится оною Комиссиею дело и начет которых она требует показания у Пушкина, — я, приглася его к себе, отдал ему тот пакет лично, который им при мне и распечатан. — По отобрании же от него г. Пушкина против отношения ко мне от 13-го Января за № 4 надлежащего показания, оное вместе с теми стихами запечатаны в присутствии моем его собственною печатью и таковою же моею в особый конверт, который с обратным надписанием на имя комиссии при сем честь имею препроводить.

Генерал-Маиор *Шульгин*.

Итак, 27 января 1827 года Пушкин имел удовольствие видеть в кабинете московского обер-полицмейстера свои «известные» стихи в копии Леопольдова. Чрезвычайно любопытно отметить, что Пушкин перечел копию и не мог удержаться от того, чтобы не исправить замеченных им опусок. Он сделал три поправки. Так, в стихе: «Я славил твой небесный трон» — он исправил «трон» на гром; в стихе: «И пламенный трибун изрек во страхе полный» он, вместо во страхе, написал: «восторга полный» и, наконец, сделал еще очень важную поправку, не вошедшую до сих пор ни в одно издание:

Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им,
Как будто Вакхом разъяренный
Он бредит, жаждою томим.

В слове бредит он зачеркнул букву е и написал сверху о — бродит.

Затем Пушкин написал свое объяснение, которое заняло три страницы листа писчей бумаги, как мы и печатаем, сохраняя размер и расположение строк:

[1].

Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей и помѣщены въ Элегіи Андрей Шенье, напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ Стихотвореній.

Они явно относятся къ Французской революціи, коей А. Шенье погибъ жертвою. Онъ говоритъ:

Я славилъ твой небесный громъ

Когда онъ разметалъ позорную твердыню
Взятіе Бастиліи, воспѣтое Андреемъ Шенье.

Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ
Великодушную присягу

И самовластію безтрепетный отвѣтъ —
Присяга du jeu de raime, и отвѣтъ
Мирабо: allez dire à votre maître &c.

И пламенный трибунъ и проч.
Онъ-же, Мирабо.

Уже въ безсмертной Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ входили славны
тѣни.

Перенесеніе тѣлъ Вольтера и Руссо въ

[2].

Пантеонъ.

Мы свергнули царей — — —
въ 1793.

Убійцу съ палачами
Избрали мы въ Цари

Робеспьера и конвентъ.
Всѣ сии стихи никакъ, безъ явной
безсмыслицы не могутъ относиться
къ 14 декабрю.

Не знаю кто надъ ними
поставилъ сіе ошибочное заглавіе
Не помню кому могъ я
передать мою Элегію А.
Шенье.

Александръ Пушкинъ.

27 января
1827
Москва

[3].

Для большей ясности повторяю, что стихи извѣстныя подъ заглавіемъ: 14 декабря, суть отрывокъ изъ Элегіи, названной мною Андрей Шенье.

7

Приобшивъ к делу разъяснения Пушкина, Комиссія постановила: «за собраніемъ всехъ изъясненныхъ по замечаніямъ вышнего начальства показаній, дело привести къ окончанію и, сочинивъ изъ него дополнительную выписку, сделать на основаніи законовъ заключеніе, и все оное съ прежнимъ производствомъ дела представить по порядку на рассмотреніе». Выписка была составлена и 31 января прочитана Алексею. Затемъ были подведены законы. Какъ всегда въ военно-судныхъ делахъ, эта часть дела оказалась очень слабой.¹

¹ Приводимъ своеобразную аргументацію, подобранную обер-аудиторомъ Ивановымъ и доказывающую правильность действий Комиссіи: «А въ законахъ изображено:

«Уложенія 10-й главы 160 пунктомъ, кто на кого пошлется, и те люди не противъ его ссылки хоть одинъ не по немъ скажетъ, и темъ его обвинитъ потому, что онъ на техъ людей самъ слася изъ воли, и они сказали не противъ его ссылки.

Воинскихъ процессовъ главы 1-й пунктомъ 5-м. Власть судейская помянутыхъ кригсрехтовъ не распространяется далее, яко надъ офицеры, солдаты и прочими къ войску низлежащими людьми, между которыми офицерские служители, харчевники и прочіе кроме жен и младенцовъ разумеютъ.

2-й части Главы 1-й пунктомъ 3-м. Напротивъ же долженъ ответчикъ невинность свою основательнымъ доказаніемъ, когда потребно будетъ оправдать, и учиненное на него доношеніе правдою опровергнуть.

Пунктомъ 4-м. Ежели челобитчикъ оного доказу на свое челобитіе не имеетъ, и того ради, похощетъ правду свою утвердить присягою, то сіе принято быть не можетъ, понеже въ такомъ случае ответчиково отрицаніе таково же, какъ и челобитчиково признаніе, и буде они принуждены будутъ оба присягать и тогда более на сторонѣ ответчиковой, нежели челобитчиковой правда быть имеетъ.

Той же части 2-й главы пунктомъ 1-м. Когда кто признаетъ, чемъ онъ виновенъ есть, тогда дальшаго доказу не требуетъ, понеже собственное признаніе, есть лучшее свидѣтельство всего света.

В своей сентенции Комиссия определяла:

«По внимательном всех вышепрописанных обстоятельств рассмотрении и соображении согласно возложенному на нее поручению, 1-е) хоть по сему новому обследованию и открылось ныне, что на тех стихах, которые имел у себя подсудимый шт.-кап. Алексеев, передал Пр. Молчанову, а он отдал канд. Московского университета Леопольдову (как в суде о том сознался) в ответственность содержания оных, без всякого другого намерения, кроме того что они, как замечено, изображают историю 14-го декабря 1825 года; но поелику указом 1800 Ноября 23-го... [см. прим.] то, по точным словам указа 1800 года Ноября 23, и на основании высочайшего о губерниях учреждения главы 10 статьи 130¹... Комиссия, не переменив ни в чем заключения прежней своей сентенции 29 числа сентября прошлого 1826 года, основанной по разуму указов: 31-го Декабря 1682 и 21 Маия 1683 годов, свойственно признанным его Алексеева преступлениям, оставляет положительность приговора в той же самой настоящей оного силе и предает все сие на благоусмотрение вышней власти. 2) Поступки

Главы 5-й той же части пунктом 2-м. Когда челобитчик ответчика некоторою причиною обвинит, которую он токмо полученным основанием доказать может, или ответчик в явных собраниях таким же образом обнесет а иных доказов иметь не может, то повинен он свое дело присягою удостоверить.

Пунктом 4-м сию присягу очистительную надлежит всегда ответчику, а не челобитчику чинить, а ежели челобитчик к челобитью своему никакого иного свидетельства обрести не может и, похощет на то присягать, то не подлежит его к такому допускать, но в том ему отказать.

Пунктом 7-м. Токмо судьям не подлежит вскоре оного к присяге принуждать, но прежде всемерно трудиться через иные способы правды изведать, понеже сия присяга презираема и осторожности достойна есть.

3-й части 1-й Главы пунктом 4-м приговор надлежит токмо над челобитчиком и ответчиком чинить, хотя при оных деле и посторонние случаются особы, однакож о всем упомянуть потребно и ничего в том деле случившегося не умолчать, какие жалобы принесены, и что ответствовано для лучшего решения и приговором объявить

Наказ Императрицы Екатерины 2-й 125-ю статьею делати присягу через частое употребление весьма общею, ничто иное есть, как разрушать силу ее крестного целования не можно ни в каких других случаях употреблять, как в тех только, в которых клянущийся никакой собственной пользы не имеет, как то суд и свидетели.

Высочайшего о губерниях учреждения Главы 10-й статьею 130-ю одна палата не может отменить решение другой палаты, не собственных своих перевершивать.

Указом 1800 Ноября 23-го военному суду или комиссии не позволено своих мнений заключить, кроме законного приговора: ибо военный суд не есть разрешение вин, а по точном изыскании оных осуждение преступника по всей строгости законов.

¹ Текст указа и статьи учреждения о губерниях приведен в предыдущем примечании.

других прикосновенных к делу в противность законам, судом обнаруженные и заключающиеся в следующем, а именно: Прап. Молчанова в приеме им от Шт.-Кап. Алексеева означенных возмутительных стихов, передаче от себя таковых кандидату Леопольдову и в недонесении об оных начальству; и кандидата Леопольдова, который, получа от прап. Молчанова те стихи в конце июля месяца минувшего года, без надписи на оных: на 14-е Декабря, тоже не представил их правительству, по разным будто своим причинам, а еще переписал оные с письмом государственного преступника Рылеева к жене его на другую бумагу собственной своею рукою и, сделав сам приписку сверху на оных стихах на 14-е Декабря, якобы в ответственность содержания оных и без всякого другого намерения, кроме того, что они, как замечено, изображают историю 14-го Декабря 1825-го года, передал письмо и стихи сии, как бы на время, одному своему знакомцу, тогда жившему в Москве, калужскому помещику 14-го класса Коноплеву, чрез коего уже обнаружались оные и пред правительством. А с оными вместе и ответ, данный Александром Пушкиным [приводится вкратце объяснение Пушкина]. Как сей Комиссии, власти и приговору, по смыслу воинских процессов главы 1-й пункта 5-го и 3-ей части главы 1-й пункта 4, подлежащие, представить таковые особенному вниманию высшего начальства. 3-е) Дальнейшего отыскания того экземпляра стихов, какой был получен Леопольдовым от Молчанова и который впоследствии между двумя ими неизвестно как затерян, или кем из них сокрыт, более уже не делать. А засим 4-е) и отобрание от прапорщика Молчанова объяснения, по замечанию Аудиториатского департамента главного штаба е. и. в. «тою ли самою рукою данные им Леопольдову на четвертушке стихи писаны». Как в сем случае есть собственное уже последнего т. е. Леопольдова сознание нужным не почитать. 5-е) Препровожденные в сию Комиссию вместе с означенным военносудным делом бумаги в особо запечатанном конверте, найденные в квартире подсудимого Шт.-Кап. Алексеева и вновь присутствующими ныне пересмотренные, как ничего в себе значительного не заключающие, кроме одних партикулярных переписок и собственных его Алексеева счетов, отдать ему обратно тогда, когда, дело о нем будет совершенно окончено. 6) Истребованные г. московским комендантом из тамошней комисариатской комиссии, на прогоны до Нова Города для шт.-кап. Алексеева и прап. Молчанова 300 руб. 60 копеек, а равно и отпущенные из комисариатского департамента военного министерства на проезд до Нова Города обер-аудитору 2-й Гвардейской пехотной дивизии 9-го класса Иванову 30 р. 84 копейки, следующие для обращения в казну на основании записки г. военного министра, утвержденной комитетом гг. министров 24 апреля 1818 года с виновных, взыскать как с подсудимого шт.-кап. Алексеева, так и с при-

косновенных к оному делу прап. Молчанова и кандидата Леопольдова, со всякого по равной части. 7) Здесь же присовокупить о службе и о поведении шт.-кап. Алексеева те сведения, какие доставлены об нем от командира лейб-гвардии Конноегерьского полка г. генерал-майора и кавалера Слатвинского после уже окончания над оным суда в Москве и по которым видно: что он 25 лет, генерал-лейтенанта сын, Пензенской губернии, пажем 809 ноября 6, в службе прапорщиком 819 апреля 6, в конно-артиллерийскую № 22-ю роту, из оной в Конноегерьский его величества короля виртембергского полк 819-го августа 7, поручиком 819 ноября, назначен адъютантом к начальнику 2-й Конноегерьской дивизии генерал-лейтенанту графу Палену 821 мая 11, штаб-капитаном 823 ноября 26, переведен в лейб-гвардии Конноегерьский полк с оставлением при прежней должности 825 августа 22, обращен во фронт того ж года декабря 23, в походах не бывал, наукам обучался, в отпусках находился и в 1-й раз просрочил один месяц, а в другой раз не явился в срок по болезни, но представил об оной свидетельство; в штрафах не бывал, холост, по формуляру Конноегерьского его величества короля Виртембергского полка аттестован достойным, ведет себя по службе хорошо, имеет способности ума хорошие, к пьянству и игре не предан, знает иностранные языки немецкий и французский, в хозяйстве хорош; в полку же лейб-гвардии Конноегерьском на службе не состоял, а потому по службе ему генерал-майору Слатвинскому не известен и наконец 8) заключение сие подсудимому штабс-капитану Алексееву объявить. Он же и прапорщик Молчанов содержатся ныне под арестом лейб-гвардии при Конноегерьском полку, а кандидат Леопольдов находится в ведении Новгородской градской полиции».

8

Затем дело и сентенция пошли на рассмотрение начальства. 1 февраля 1827 г. дал свое мнение командир лейб-гвардии Конноегерьского полка г.-м. Слатвинский; 4 февраля — начальник дивизии г.-ад. Чичерин; 10 февраля — командир 1 резервного кавалерийского корпуса г.-ад. Депрерадович и, наконец, 28 февраля — командующий гвардейским корпусом великий князь Михаил Павлович. 24 февраля великий князь препроводил дело с вышеуказанными заключениями управляющему главным штабом генералу-от-инф. графу Толстому для всеподданнейшего доклада. 3 марта дело поступило в Аудиториат, а 12 марта дежурный генерал Потапов уже объявлял Аудиториату, что государю «угодно, чтоб поступившее в Аудиторский департамент военно-судное дело л.-гв. Конноегерьского полка о штабс-капитане Алексееве окончено было немедленно». Замечательна совершенно необычная скорость, с которой разбирали это дело.

Быть может, требование спешного рассмотрения дела, предъявленное Аудиториату, являлось результатом ходатайства Леопольдова.

Когда дело находилось уже в Аудиториате, Леопольдов, прикрепленный к Новгороду, обратился к Михаилу Павловичу с просьбой об освобождении. Он просил о нем тоном человека, ожидавшего награды и не понимающего, за что его карают. Он писал:

«Ваше императорское высочество!

Я прикосновенен к делу о возмутительных стихах, в ложном и дерзком виде касающихся священной особы его императорского величества и истории 14-го декабря 1825 года. По сему случаю 28-го декабря минувшего года я отправлен из С.-Петербурга в Новгород для личных объяснений перед военною Комиссиею, высочайше учрежденною по оному делу при лейб-гвардии Конно-егерском полку. Действия сей Комиссии уже доведены до сведения вашего императорского высочества.

Никогда не питав в душе моей злонамеренных мыслей против Правительства, в настоящем деле я хотел только исполнить то, к чему обязан присягою всякий верноподданный. Потому совершенно уверен, что правый суд его императорского величества не причислит меня к стороне неправых по сему делу. Святость и прavoта законов есть самая надежная защита для невинного.

При всем том, я, и в деле законном, подвержен самой бедственной участи. Проезд из Саратовской губернии до С.-Петербурга собственно по сему делу, проживание в С.-Петербурге и Новгороде лишило меня всего, что я ни имел. К довершению моего несчастного положения я отправлен в Новгород для ответов пред вышесказанной Комиссиею без всего, что может обезопасить здоровье и самую жизнь человека. Теперь нахожусь в совершенной крайности.

Ваше императорское высочество! облегчите злополучную участь мою, повелите, ежели сие не может нарушить законного порядка, обратно отправить меня из Новгорода в С.-Петербург, где я могу иметь средства ожидать окончательного решения дела по крайней мере без опасения для моего здоровья и для самой жизни.

Вашего императорского высочества преданнейший—императорского Московского университета кандидат словесных наук Андрей Леопольдов.

1827 года, марта 9 дня».

18 марта доклад Аудиториата был уже готов и передан дежурному генералу на высочайшую конфирмацию. В докладе излагался весь ход дела.

Освобождая себя от необходимости излагать вышеуказанные мнения начальства, ограничимся извлечением последней части доклада, в которой аудиторiat делает свод мнения и свое заключение. Разрядкой отмечаем места, относящиеся к Пушкину.

«Командир лейб-гвардии Конно-егерьского полка генерал-майор Слатвинский мнением полагал: подсудимого штабс-капитана Алексеева выдержать шесть месяцев в крепости, а потом выписать из гвардии тем же чином в армейские полки, на кавказской линии расположенные. — Прапорщика Молчанова продержать тоже в крепости четыре месяца, буде он за означенный его поступок еще не был наказан; кандидата Леопольдова предать законному суждению.

Начальник дивизии ген.-ад. Чичерин, в отношении наказания шт.-кап. Алексеева и прап. Молчанова и предания суду кандидата Леопольдова, соглашаясь с мнением ген.-майора Слатвинского, присовокупил, что заpiresательство шт.-кап. Алексеева в том: будто бы не помнит, от кого получил вышеупомянутые стихи, не может не признать подверженным сомнению, ибо, если бы он, Алексейев, действительно о сем забыл, то почему же может помнить то, когда и где оные получил, и что отданные им Молчанову (как сей показал: в феврале 1826 года) стихи были писаны не чужою, а собственною его, Алексеева, рукою?

Остановливаясь на факте непризнания Молчановым обстоятельства обратного получения рукописи, генерал Чичерин предлагал доставить Леопольдова в Москву и там сделать ему очную ставку со слугами генеральши Вадковской. А дабы — полагал Чичерин — не пропустить ни малейших следов к открытию, у кого находятся вышеупомянутые стихи, надлежало бы также спросить Леопольдова: от кого и когда именно он получил письмо государственного преступника Рылеева, на тот конец, не отыщется ли у давшего ему списать письмо сие стихов, которые с тою же целью могли быть взаимно отданы Леопольдовым.

Командир 1-го резервного кавалерийского корпуса ген.-ад. Деперадович полагал: 1-е. Подсудимому шт.-кап. Алексееву вменить тюремное заключение и теперешнее содержание на гауптвахте в наказание, и как по делу других явнейших улик, чтобы он имел какую-либо связь с злоумышленниками, не открыто, кроме, что скрыл, от кого он принял стихи, и сим заpiresательством наводит на себя в вышеописанном преступлении сомнение; почему, оставив его в сильном подозрении, выдержать в крепости шесть месяцев и потом, выключив из гвардии, отправить в Кавказский корпус в армию. 2-е. Прап. Молчанова, который, хотя в меньшей степени виновен, как Алексейев, и хотя не был судим, но преступление его довольно ясно открыто и собственным признанием подтверждено, выдержать «так же в крепости шесть месяцев и отправить в Нижегородский дра-

гунский полк, как уже переведенного в оный из л.-гв. Конно-пионерного эскадрона, с тем, чтобы над обоими ими местные начальства имели строгий присмотр и чтобы они, Алексеев и Молчанов, не были представляемы ни к увольнению от службы, ни к переводу в другие полки, ни к награждению до того времени, пока не загладят содеянных ими преступлений отличнейшею службою. 3-е. Кандидата Леопольдова предать уголовному суду, вменив оному в обязанность по показанию А. Пушкина, что вышеизъясненные стихи сочинены им под названием элегия А. Шенье, истребовать от Пушкина ту элегию, сличить с означенными стихами и по решительном открытии, что точно так напечатаны, как здесь излагаются, за передачу оных из рук в руки, определить и ему взыскание, а доколе справедливыми доказательствами он не уверит гражданского правительства, что он чужд рассеивания таких зловредных сочинений, иметь его, Пушкина, в строгом наблюдении местного начальства. ¹

Командующий гвардейским корпусом великий князь Михаил Павлович полагал: хотя Комиссия военного суда на основании узаконений и приговорила подсудимого шт.-кап. Алексеева к смертной казни; но его высочество, применяясь к монаршему милосердию, полагал выдержать его, Алексеева, один месяц в крепости и потом выпустить из гвардии в армейские полки тем же чином. — Что принадлежит до прикосновенных к сему делу прап. Молчанова и кандидата Леопольдова, то как из них Молчанов подвергнулся уже оштрафованию переводом его из гвардии в армию тем же чином и сверх того по делу сему находился в Москве в тюремном заключении и ныне содержится под арестом, то, вменив ему сие в наказание, отправить на службу к полку, а кандидата Леопольдова предать гражданскому уголовному суду, с тем, чтобы оный сообразил как показание сочинителя оных стихов Пушкина, так и цель получения оных от Леопольдова помещика Коноплева, и по мере открытия поступков каждого учинил бы законное решение».

Аудиториатский департамент, рассмотрев обстоятельства дела и все вышеприведенные мнения, совершенно согласился с мнением Михаила Павловича. Заключение доклада касательно Леопольдова было сформулировано так: Кандидата Леопольдова предать гражданскому уголовному суду, коему вменить в обязанность истребовать, в чем нужно будет, объяснения от сочинителя стихов Пушкина и помещика Коноплева, получившего упомянутые стихи от Ле-

---

¹ Генерал Депредавич, очевидно, не прочел объяснения Пушкина.

польдова, и сообразив оные сделать на основании законов свое заключение.

Доклад аудиторната был доложен царю. 25 марта имп. Николай положил резолюцию: «быть по мнению аудиторнатского департамента». Дело прошло свою вторую стадию. Было предписано кончить дело в три дня, но оно началось 25 сентября и кончилось 25 марта, но только для одного Алексеева, который все это время (начиная с 15 сентября) находился под арестом. Но дело продолжалось для Леопольдова и начиналось для Пушкина, которого по мере развития судебных действий притягивали к делу ближе и ближе.

II. Дело о стихах из элегии «Андрей Шенью» в Государственном Совете.

Дело Государственного Совета — последняя стадия процесса. Не прибавляя ничего существенного к истории этого дела, производство Государственного Совета не лишено некоторых деталей, имеющих свой смысл и значение для биографии поэта. Любопытны имена тех членов Государственного Совета, которые участвовали в обсуждении дела, которые знали Пушкина, быть может, сталкивались с ним в высшем обществе. Те мнения, которые они имели о Пушкине и в которых отразились впечатления процесса, — слагаемые в той сумме, которая зовется мнением света, тяжело давившего поэта. Любопытно, что рассмотрение дела в Государственном Совете не прошло без трений, а при утверждении приговора в части его о Пушкине были внесены изменения, неблагоприятные для поэта.¹

Сенат, рассматривавший производство по делу Леопольдова и прикосновенных, определил, по лишении кандидатского звания и всех сопряженных с ним преимуществ, отдать Леопольдова в солдаты. О Пушкине же Сенат распорядился следующим образом: «Соображая дух его творения с тем временем, в которое оно выпущено в публику, Сенат не может не признать сего сочинения соблазнительным и служившим к распространению в неблагонамеренных людях того пагубного духа, который Правительство обнаружило во всем его пространстве, а потому, хотя сочинившего озваченные стихи Пушкина, за выпуск оных в публику прежде дозволения цензуры, надлежало бы подвергнуть ответу пред судом, но как сие учинено им до состояния всемилостивейшего манифеста 22 августа 1826 года,

---

¹ При изложении дела мы пользовались следующими материалами, хранившимися в Архиве Государственного Совета: 1) Дело о Леопольдове № 220; 2) Журналы департамента гражданских и духовных дел, 1828 г., ч. 5 л. 98 — 99; 3) Мемории Государственного Совета 1828, ч. 3, л. 294 — 307. Некоторые данные были сообщены нами покойному П. А. Ефремову, воспользовавшемуся ими для примечаний к «Сочинениям Пушкина». Изд. А. С. Суворина.

то, по силе 1-го пункта оногo, избавя его, Пушкина, от суда, обязать подпиской, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания». ¹

По рассмотрении дела в Сенате, управляющий министерством юстиции 6 июня 1828 года (за № 7836) обратился к исправлявшему должность государственного секретаря со следующим отношением:

«Имею честь препроводить при сем для внесения в Государственный Совет всеподданнейший доклад 1 отд. 5 деп. Пр. Сената с краткою из оногo запискою о кандидате Моск. унив. Леопольдове, сужденном за именование у себя возмутительных стихов. Вместе с сим считаю нужным уведомить ваше пр-ство, для доведения до сведения Госуд. Совета, что статс-секретарь Муравьев сообщил мне высочайшую его и. в. волю, чтобы дело об означенном Леопольдове в скорейшем времени приведено было к окончанию».

Доклад Сената был заслушан в департаменте гражданских и духовных дел 11 июня 1828 года. Журнал заседания подписан тремя членами: Н. С. Мордвиновым, А. Д. Балашовым, А. Н. Олениным. Первый и последний, адмирал и меценат, хорошо знали Пушкина по литературной деятельности, а Балашову, бывшему С.-Петербургскому военному губернатору и министру полиции в юношеские годы Пушкина поэт небезызвестен был и со стороны его благонадежности. Наиболее благоприятно настроенным нужно, конечно, считать Н. С. Мордвинова; Оленин же, в виду его крайней «умеренности», вряд ли мог оказать существенную помощь Пушкину. Одним из этих лиц или — что вернее — под руководством одного из этих лиц было составлено мнение гражданского департамента, принятое впоследствии, — правда, с некоторой переработкой, — и в общем Собрании Государственного Совета. Мнение было вне сравнения гуманнее приговора Сената: заключения Сената были значительно изменены в той их части, которая относилась к Леопольдову, и оставлены в силе для остальных прикосновенных.

«Свой приговор о Леопольдове Сенат основывал на 129 воинском артикуле. Статья эта заключается в следующем: «есть ли кто уведает, что един или многие нечто вредительное учинить намерены или имеет ведомость о шпионах или иных подозрительных людях, в обозе или гарнизонах обретающихся, и о том в удобное время не объявит, тот имеет, по состоянию дела, на теле или животом наказан быть».

Цитируя артикул, автор мнения высказывался следующим образом.

¹ Извлечение из доклада сделано П. А. Ефремовым (Сочинения А. С. Пушкина. Изд. А. С. Суворина СПб., т. VII, 1903, стр. 298). Под докладом подписались сенаторы Петр Баратынский, Вилим Мертенс, Николай Дурасов, гр. Федор Толстой, Павел Мансуров, Сергей Уваров.

«По мнению Гражданского департамента, закон сей не может приложен быть к существу настоящего дела в отношении к Леопольдову; ибо по всем обстоятельствам оного не представляется ничего такого, — что б могло наводить сомнение в неблагонамеренных видах Леопольдова, или чтоб, зная он о каком либо злоумышлении, хотел скрыть сие от правительства; а что Леопольдов имел у себя список с письма Рылеева, сие не составляет существенного преступления, тем более, что письмо сие не содержит в себе ничего возмутительного и было в руках Леопольдова, как он объясняет, из одного любопытства видеть последние чувства кающегося преступника. Равным образом и в отношении к стихам Пушкина, на которых Леопольдов выставил 14-е число декабря, не представляется повода к заключению о каком-либо вредном со стороны Леопольдова умысле, кроме одной неосновательности в отнесении оных к происшествию того времени: хотя и в сем случае оправдывается он, что сделал надпись на стихах о 14-м числе по словам прапорщика Молчанова, выдававшего их писанными на означенный случай, между тем, как сам сочинитель стихов сих, Пушкин, относит содержание оных к Французской революции, и что они были сочинены им гораздо прежде происшествия 14 декабря, напечатаны в числе прочих его стихотворений с пропуском нескольких слов с дозволения цензуры. Впрочем, Леопольдов не скрыл сего от правительства, уведомив об оном генерал-адъютанта Бенкендорфа в сентябре 1826 года партикулярным письмом из дома родителей своих.

«Что касается до переписки Леопольдова с дворовым человеком Брызгаловым, она не касается сего предмета, и по содержанию своему совсем посторонняя для настоящего дела, по которому Леопольдов был предан суду.

«Таким образом, департамент, по ближайшем и внимательном соображении обстоятельств сего дела, не усматривая ни в чем более вины Леопольдова, кроме одной неосновательности в неуместной надписи на стихах Пушкина о 14 числе декабря, и имея в виду пример высочайшего решения о подсудимых по сему же делу воинских чиновниках, которые за содержание у себя означенных бумаг в тайне от своего начальства и за сообщение оных другим, не были подвергнуты столь тяжкому наказанию, к какому осуждается правительствующим Сенатом Леопольдов, — полагает за означенную неосновательность его, Леопольдова, вменить ему в наказание содержание более года в остроге и подтвердить, чтобы впредь в поступках был основательнее.

«С сим вместе гражданский департамент полагает поручить начальству, в ведомстве которого Леопольдов будет служить, чтобы оно обращало особенное внимание на его поведение, оставляя за тем заключение правительствующего Сената по прочим делам сего частям в своей силе».

Таким образом, Н. Мордвинов, А. Балашов и А. Оленин, подписавшие журнал гражданского департамента, не сочли нужным усугублять приговор, постановленный Сенатом относительно Пушкина и обязывавший его не выпускать своих сочинений в публику без рассмотрения и пропуска цензуры.

28 июня журнал департамента был рассмотрен в общем собрании. Общее собрание, утвердившее мнение департамента, оказалось неблагоприятно настроенным по отношению к Пушкину. «Государственный Совет — гласит журнал, — в Общем Собрании, находя заключение департамента гражданских и духовных дел по сему делу правильным, положил оное утвердить с таковым в отношении к сочинителю стихов означенных Пушкину дополнением, что по неприличному выражению его в ответах своих на счет происшествия 14 декабря 1825 года и по духу самого сочинения, в октябре 1825 года напечатанного, поручено было иметь за ним в месте его жительства секретный надзор».

Журнал общего собрания подписали гр. В. Кочубей, кн. Алексей Куракин, кн. Д. Лобанов-Ростовский, гр. П. Толстой Г. Строганов, А. Сукин, К. Опшерман, кн. Александр Голицын, Г. Кутузов, гр. А. Чернышев, М. Сперанский, А. Оленин, Федор Энгель, кн. Алексей Долгорукий. Кто из них был виновником отягощающей Пушкина прибавки к приговору, трудно сказать. Отметим следует, что кн. Голицын и гр. Чернышев были членами следственной комиссии, а все они, кроме Голицына и Чернышева, участвовали в Верховном суде над декабристами.

Вторая часть мемории общего собрания Государственного Совета 28 июня 1825 года, заключавшая в себе, между прочим, положение Государственного Совета по делу о Леопольдове, была представлена государю 25 июля 1828 года. По объявленному председателем высочайшему повелению от 28 июля 1828 года за № 1479 положение Государственного Совета было утверждено.

При исполнении этого высочайшего повеления, т. е. при сообщении его в Сенат, вышло маленькое недоразумение, сущность которого видна из следующего секретного письма (от 13 августа 1828 года за № 499) председателя Государственного Совета графа В. П. Кочубея к исправлявшему должность Государственного Секретаря статс-секретарю В. Р. Марченко.

Секретно.

«Милостивый государь мой Василий Романович!

В высочайшем повелении, заготовленном Государственной Канцелярией по делу о кандидате 10 класса Леопольдове, вклю-

чены все суждения в Государственном Совете бывшие и в журналах одного помещенные. — Между прочим заключаются в сей бумаге следующие два обстоятельства: а) что чиновник 14 класса Коноплев употреблен был по секретной части, в) что Государственный Совет положил иметь за сочинителем Пушкиным секретный надзор.

«Не считая приличным упоминать о сем в высочайшем повелении, которое по заведенному порядку не только будет гласно в правительствующем Сенате, но и передано из одного будет для исполнения в уголовную палату, — я полагаю не вносить в сию бумагу означенных двух предметов; а касательно Пушкина сообщить высочайше утвержденное положение Государственного Совета отдельно г. главнокомандующему в С.-Петербурге и Кронштадте, приложив и выписку из дела о том, что до Пушкина относится.

«Сообщая о сем вашему превосходительству для исполнения, имею честь быть с совершенным почтением

вашего превосходительства покорнейший слуга

граф В. Кочубей.

Главнокомандующий граф Толстой был уведомлен отношением за № 500 от 13 августа 1828 года. В этой бумаге Пушкин был поименован «известным стихотворцем нашим».

13 же августа Государственная Канцелярия препроводила отношение и управляющему министерством юстиции для исполнения высочайшего повеления по делу Леопольдова. 20 августа состоялось определение Сената, и 27 августа дан Указ в новгородскую палату.

Любань. Декабрь 1908.

3. Николай I в дневнике Пушкина.

(Из комментариев к дневнику Пушкина).¹

Дневник Пушкина... Первое впечатление: скупость, осторожность и сдержанность автора. Скупость — обычная, Пушкинская, а сдержанность — чрезмерная, почти граничащая с объективизмом. Об интимной, внутренней жизни — ни слова. Молчит Пушкин и о творческой своей жизни, роняя две-три фразы о своих произведениях в связи с их внешней историей (цензурой, появлением в печати). Пушкин заносит в дневник только наблюдения над окружающей жизнью и собирает осколки прошлого в рассказах своих современников. Но и наблюдения Пушкин записывал с шестильной осторожностью. Предназначал он свои записки для потомства, но боялся, что они попадут

¹ Эта статья была предпослана изданию «Дневника Пушкина», под ред. и с объяснит. примечаниями Б. Л. Модзалевского, СПб. 1923.

в руки современников, а потому сдерживал себя. Заносил в дневник тот или иной факт, Пушкин обычно ни одним словом не оговаривался о своем отношении к нему. Оценок почти нет. Фактическая насыщенность дневника и отсутствие оценок лишают возможности даже поставить вопрос о действительных взглядах автора. Но если Пушкин не сообщает нам, как он относится к описываемой им действительности, это еще не значит, что у нас отнята возможность определить его отношение к отмеченным в дневнике лицам и событиям. Задача, конечно, усложняется, и к ее решению нужно идти не всегда легким путем анализа. Оставляя дневник потомству, Пушкин преследовал исторические задачи, но историческое дело он творил, как художник.

Не все, что видел и слышал вокруг себя Пушкин, заносил он в дневник; он выбирал факты, и изучение самого процесса отбора может привести нас к уяснению взглядов самого Пушкина, его отношения. Когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, он смотрел на нее, как на деталь картины, которую нарисует в будущем на основании записей дневника или он сам, или неведомый читатель и исследователь. Для выяснения взглядов Пушкина необходимо всякой записанной Пушкиным детали отыскать место в картине. Мы должны оправдать надежды, которые Пушкин возлагал на потомство, оставляя ему свой дневник; мы должны под лаконичными, скупыми и нарочито объективными сообщениями дневника разгадать настоящие намерения автора, открыты его мысли и чувства при созерцании окружавшей его действительности.

До нас дошел не весь дневник Пушкина. То, что печатается теперь, воспроизводит рукописную тетрадь Пушкина № 2; тетрадь № 1 нам неизвестна. Но зато известный нам текст охватывает самые глухие годы в жизни Пушкина,—годы, о которых мы располагаем самым скудным биографическим материалом. И современных свидетельств, и документальных данных об этой поре жизни Пушкина меньше, чем о каком-либо другом периоде его жизни. Поэтому дневник Пушкина приобретает существеннейшее значение для биографии поэта. И значение его прежде всего в том, что он дает широкий фон для изображения общественной, светской и придворной жизни, которою жил поэт. Историческую ценность этого фона мы можем оценить только теперь, когда произведена огромная работа по комментированию имен, событий, намеков, углубившая этот фон и придавшая ему выпуклость. После работы Б. Л. Модзалевского нам легче разбираться и в вопросе о том, как оценивал действительность сам Пушкин, который, как будто принципиально, почти не высказывал своих оценок в дневнике.

Если разбить записи дневника на категории по их содержанию, то по числу записей на первое место надо будет поставить сообщения о жизни двора и об императоре Николае.

И понятно: Николай, двор, придворная жизнь в эти годы заняли виднейшее место во внешней жизни Пушкина, и не только во внешней. Поэтому представляется не лишней интереса и поучительности попытка произвести изучение и анализ всех высказываний дневника о Николае I и на основании этого анализа определить отношение Пушкина к деятельности и личности Николая. А вопрос об отношении поэта к царю—один из кардинальных в биографии Пушкина; то или иное его решение не маловажно и для разрешения вопроса о политических взглядах Пушкина в 30-е годы, вновь привлечшего внимание исследователей в наше время (работа П. Н. Сакулина о Пушкине и Радищеве). Правда, последние годы не принесли нам новых материалов по этому вопросу, и мы должны ждать нового освещения вопроса от нового просмотра и углубленного изучения старых материалов. Впрочем, после Октябрьской революции современный исследователь находится в выгоднейшем положении по сравнению с работавшими до революционной эпохи. Я хочу сказать: с того момента, как русское самодержавие отошло в область истории, мы стали свободны от всех «предрассуждений», которые висели над мыслью ученого и исследователя. Достаточно привести в пример историю выяснения политического мировоззрения Пушкина: выводы многочисленных писателей, исследовавших этот вопрос, в последнем счете определялись не анализом материала, а общественными и политическими взглядами самих исследователей. Не было политической группы, которая в тех или иных работах своих представителей не присваивала бы себе Пушкина. Консерваторы готовы были считать его своим вождем, а либералы и радикалы вступали с ними в борьбу и отвоевывали Пушкина. Строгое, спокойное историческое расследование становится возможным только теперь, когда тот или иной ответ на вопрос, был ли монархистом Пушкин, искренне ли он был предан самодержавию и т. д., не огорчит исследователя и не даст потускнеть облику Пушкина.

Вопрос об отношении царя к поэту требует всестороннего рассмотрения. Легенду об исключительном отношении Николая к Пушкину можно теперь сдать в архив. Двойственный характер отношений Николая I окончательно выяснен. Царь был невысокого мнения о Пушкине и как о поэте, и как о человеке; искусством его он интересовался в той мере, в какой оно могло служить выставкой его двора; сам Пушкин представлялся ему человеком незначительным и неприятным, требовавшим постоянного за собою надзора; убеждения Пушкина никогда не внушали Николаю полного доверия, что там ни писал Пушкин. Но в этих настоящих своих взглядах на поэта царь открывался только в кругу своей семьи и ближайших своих припешихников — друзей-слуг. Даже воспитатель сына Жуковский не догадывался о них и с восторженной болтли-

востью распинаясь о необычайных качествах царского интеллекта и о необычайном благоволении царя к Пушкину, в которых он почтил высокий талант, и т. д. Но как раз именно такое представление о Николае и легло в основу отношений Пушкина к царю. «Во мне почтил он вдохновение, освободил он мысль мою, и я ль, в сердечном умиленье, ему хвалы не воспую». И по мере сил и возможностей благодарный и искренний Пушкин пел хвалу: «Он бодро, честно правит нами; Россию вдруг он оживил войной, надеждами, трудами...» Или: «Новый царь, суровый и могучий, на рубеже Европы бодро стал...»

Таковы все официальные высказывания Пушкина о царе. На их основании приходили к заключению, что Пушкин высоко, даже недостижимо высоко ценил Николая и как государя, и как человека, и был обязан ему искренней и почтительной преданностью верноподданного. Высказывания Пушкина сомнений не вызывали, и такую формулировку взглядов Пушкина на Николая следует считать общепринятой. Но достаточно ли обоснован этот вывод? То, что Пушкин говорил о Николае в поэтических своих произведениях и в официальных обращениях, конечно, имеет один смысл, одно толкование, но и об Александре I поэтические характеристики Пушкина, напечатанные при его жизни, допускают одно толкование — «народов друг, спаситель их свободы», — но в то же время в своих черновых тетрадях Пушкин хитро зашифровывал иные характеристики: «властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой...» Если об Александре зашифровывал, то как же ему было официально фиксировать мнения о Николае, хотя бы на иоту отходившие от официальных! И далее: десять с лишним лет длились личные отношения поэта к царю, — неужели же от начала до конца они были равными, и в них не было никакой эволюции? Процесс развития взглядов Пушкина на царя и отношений к нему тесно связан с жизнью созданного им поэтического образа самодержца и государя в его творчестве, с теоретическими представлениями о монархе и власти, с развитием политического миросозерцания. И в этом процессе мощной, меняющей силой была сама действительность, которая даже через самые розовые очки показывала себя в настоящем свете.

В 1825—1826 годах Пушкин совершил переход от вольномыслия своей молодости к освященным традициями теориям отечественного патриотизма. В этом патриотизме не без напряжения, но со всею искренностью он укреплял себя и дошел уже до покаянного состояния, до мучительных раскаяний в заблуждениях своей юности всех порядков: религиозных, моральных и политических. В 1831 году, под ближайшим воздействием Жуковского и придворной среды, Пушкин завершил свой переход в сторону официального патриотизма и отшлифовал свой политический символ. Ему казалось, что на этом и заканчи-

И понятно: Николай, двор, придворная жизнь в эти годы заняли виднейшее место во внешней жизни Пушкина, и не только во внешней. Поэтому представляется не лишней интереса и поучительности попытка произвести изучение и анализ всех высказываний дневника о Николае I и на основании этого анализа определить отношение Пушкина к деятельности и личности Николая. А вопрос об отношении поэта к царю—один из кардинальных в биографии Пушкина; то или иное его решение не маловажно и для разрешения вопроса о политических взглядах Пушкина в 30-е годы, вновь привлекшего внимание исследователей в наше время (работа П. Н. Сакулкина о Пушкине и Радищеве). Правда, последние годы не принесли нам новых материалов по этому вопросу, и мы должны ждать нового освещения вопроса от нового просмотра и углубленного изучения старых материалов. Впрочем, после Октябрьской революции современный исследователь находится в выгоднейшем положении по сравнению с работавшими до революционной эпохи. Я хочу сказать: с того момента, как русское самодержавие отошло в область истории, мы стали свободны от всех «предрассуждений», которые висели над мыслью ученого и исследователя. Достаточно привести в пример историю выяснения политического мировоззрения Пушкина: выводы многочисленных писателей, исследовавших этот вопрос, в последнем счете определялись не анализом материала, а общественными и политическими взглядами самих исследователей. Не было политической группы, которая в тех или иных работах своих представителей не присваивала бы себе Пушкина. Консерваторы готовы были считать его своим вождем, а либералы и радикалы вступали с ними в борьбу и отвоевывали Пушкина. Строгое, спокойное историческое расследование становится возможным только теперь, когда тот или иной ответ на вопрос, был ли монархистом Пушкин, искренне ли он был предан самодержавию и т. д., не огорчит исследователя и не даст потускнеть облику Пушкина.

Вопрос об отношении царя к поэту требует всестороннего рассмотрения. Легенду об исключительном отношении Николая к Пушкину можно теперь сдать в архив. Двойственный характер отношений Николая I окончательно выяснен. Царь был невысокого мнения о Пушкине и как о поэте, и как о человеке; искусством его он интересовался в той мере, в какой оно могло служить выставкой его двора; сам Пушкин представлялся ему человеком незначительным и неприятным, требовавшим постоянного за собою надзора; убеждения Пушкина никогда не внушали Николаю полного доверия, что там ни писал Пушкин. Но в этих настоящих своих взглядах на поэта царь открывался только в кругу своей семьи и ближайших своих приспешников — друзей-слуг. Даже воспитатель сына Жуковский не догадывался о них и с восторженной болтли-

востью распинаясь о необычайных качествах царского интеллекта и о необычайном благоволении царя к Пушкину, в которых он почтил высокий талант, и т. д. Но как раз именно такое представление о Николае и легло в основу отношений Пушкина к царю. «Во мне почтил он вдохновенье, освободил он мысль мою, и я ль, в сердечном умиленье, ему хвалы не воспую». И по мере сил и возможностей благодарный и искренний Пушкин пел хвалу: «Он бодро, честно правит нами; Россию вдруг он оживил войной, надеждами, трудами...» Или: «Новый царь, суровый и могучий, на рубеже Европы бодро стал...»

Таковы все официальные высказывания Пушкина о царе. На их основании приходили к заключению, что Пушкин высоко, даже недостижимо высоко ценил Николая и как государя, и как человека, и был обязан ему искренней и почтительной преданностью верноподданного. Высказывания Пушкина сомнений не вызывали, и такую формулировку взглядов Пушкина на Николая следует считать общепринятой. Но достаточно ли обоснован этот вывод? То, что Пушкин говорил о Николае в поэтических своих произведениях и в официальных обращениях, конечно, имеет один смысл, одно толкование, но и об Александре I поэтические характеристики Пушкина, напечатанные при его жизни, допускают одно толкование — «народов друг, спаситель их свободы», — но в то же время в своих черновых тетрадях Пушкин хитро зашифровывал иные характеристики: «властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой...» Если об Александре зашифровывал, то как же ему было фиксировать мнения о Николае, хотя бы на иоту отходившие от официальных! И далее: десять с лишним лет длились личные отношения поэта к царю, — неужели же от начала до конца они были равными, и в них не было никакой эволюции? Процесс развития взглядов Пушкина на царя и отношений к нему тесно связан с жизнью созданного им поэтического образа самодержца и государя в его творчестве, с теоретическими представлениями о монархе и власти, с развитием политического миросозерцания. И в этом процессе мощной, меняющей силой была сама действительность, которая даже через самые розовые очки показывала себя в настоящем свете.

В 1825 — 1826 годах Пушкин совершил переход от вольномыслия своей молодости к освященным традициями теориям отечественного патриотизма. В этом патриотизме не без напряжения, но со всею искренностью он укреплял себя и дошел уже до покаянного состояния, до мучительных раскаяний в заблуждениях своей юности всех порядков: религиозных, моральных и политических. В 1831 году, под ближайшим воздействием Жуковского и придворной среды, Пушкин завершил свой переход в сторону официального патриотизма и отшлифовал свой политический символ. Ему казалось, что на этом и заканчи-

вается процесс его политического развития, и отныне ему суждено торжественное и величавое спокойствие созерцания. Но мысль продолжала биться в тенетах окружавшей действительности, и тот разумный смысл, которым Пушкин наделял свои представления о действительности, вдруг как-то неожиданно исчезал и оставлял эту действительность обнаженной от здравого смысла. Так начиналась новая стадия эволюции политического сознания. В 1833 году политическая мысль Пушкина нашла художественное воплощение в «Медном Всаднике». Здесь — в ответ на страстный, даже вернее пристрастный вызов Мицкевича — яркое и отчетливое утверждение исторического значения русского самодержавия.

Все, что было, — было правильно и не могло быть иным, но историческая правда действительности вовсе не приводит Пушкина к признанию за нею права на правду в настоящем и тем менее в будущем. Да, русское самодержавие выполнило задачи огромной важности, но отсюда не следует, что в настоящем и будущем оно будет нужно для выполнения других, столь же важных государственных задач. Самодержавие, самовластие в себе самом несет зародыш гибели. Пушкин, — художник, наделенный историческим чутьем, — не мог не признать исторической надобности и закономерности самодержавия; но он не мог и не видеть исторической надобности и закономерности... бунта, революции. Проблема бунта всю жизнь интересовала Пушкина. Недаром в крупнейших своих произведениях он разрабатывает тему восстания. Правда, мы встречаем неоднократно резкое осуждение принципа революции, но эти внешние фразы не должны обмануть нас насчет глубокого интереса и глубоких размышлений о бунте, восстании, революции. К сожалению, пушкинисты еще не произвели очень нужной и интересной работы — сводки всех высказываний Пушкина о мятеже и восстании — не только, конечно, в законченных произведениях, но, главным образом, в черновых рукописях, а в последних для подобной работы найдется отменный материал.

Как бы Пушкин морально ни оценивал революцию и бунт, одно бесспорно: историческую ее законность он понимал и принимал. В «Медном Всаднике» против самодержавия поднимает голову мятеж; объявляет бунт против владыки тот самый раб, который под властным взглядом властелина шел к анчару; «держат вооружиться противу общего порядка, против самодержавия, противу царя мелкий чиновник, человек без всякой власти, без всякой опоры». (Эти выражения, в которых Пушкин характеризует идейного зачинателя русского мятежа — Радищева, как нельзя лучше приложимы к Евгению из «Медного Всадника».) Нет нужды, что робкая вспышка бунта раздавила самого мятежника. Важно то, что раб не умирает покорно у ног непобедимого владыки. «Ужо тебя!» — нависает угрозой над самодержавным деспотом. В этом «ужо тебя!» — предвестие грядущей

ших русских восстаний, которые подымут против титанической власти самодержавия мелкие люди, «люди без всякой власти, без всякой опоры».

Если мы согласимся с тем, что были мгновения, когда Пушкину была ясна историческая неизбежность и законность революции, то мы должны отказаться и от утверждения, что установившееся в самом начале 30-х годов политическое мировоззрение было чуждо эволюции и оставалось неизменным до конца жизни поэта. Сохранившаяся часть дневника Пушкина начинается с записи конца 1833 года, — того года, в который поэт совершил огромную идеологическую работу, нашедшую художественное выражение в «Медном Всаднике». Выводы, сделанные Пушкиным и слегка намеченные нами, отбрасывают тень и на все записи дневника политического характера.

После этих общих замечаний переходим к изучению высказываний Пушкина о Николае в его дневнике. Пушкин наблюдал и изучал Николая в его государственной деятельности, в его придворной жизни и, наконец, в его личных отношениях к нему. Темы наблюдений были весьма щекотливы, и Пушкин в своих записях должен был быть нарочито сдержанным, должен был ограничиться только занесением в дневник фактов и событий, но воздержаться от оценок он все же не мог. И внимательный анализ его записей и редких, кратчайших, почти однословных оценок дает нам возможность нарисовать образ Николая, каким он был в глазах Пушкина, и сделать некоторые выводы об отношениях поэта к царю.

У Пушкина был свой идеал государя-вождя, героя и раба долга, склоняющегося перед законом и интересом государственным. Государство было самодовлеющим организмом в политических представлениях Пушкина, государство было больше народа, а государь для народа был существом почти мифическим. В дневнике Пушкина отмечен разговор с великим князем Михаилом Павловичем по поводу фразы «Северной Пчелы» о пребывании царя в Москве. «Государь император с высоты Красного крыльца низко (низко!) поклонился народу... Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими». Михаил Павлович обругал журналиста дураком: «Не забудь, что это читают лавочки» — добавил он Пушкину. «Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп» — резюмировал рассказ Пушкин. Немыслимо, по мнению Пушкина, невозможно представить царя низко кланяющимся народу, точно чего-то заискивающим у него, царя-повелителя по преимуществу, царя владыку, посылающего своих рабов к древу смерти. Царь выше народа, выше человеческих страстей, царь — существо, близкое к божеству. Таков идеальный государь.

Конечно, идеальный царь — создание поэтического воображения Пушкина, в действительности таких царей никогда не

существовало, и менее всего подходил под понятие идеального царя Николай. Сжатые записи в дневнике Пушкина показывают, что Николай не годился в идеальные пушкинские цари. Эпоха, в которую развертывалась деятельность Николая, охарактеризована сжато и выпукло: время бедное и бедственное. Блеск и роскошь двора не обманули Пушкина, и он не проглядел голодающей России, и поэтому резким укором Николаю звучит фактическая—без всяких оценок—запись об огромных суммах, отпущенных по приказанию Николая высшим сановникам,—Кочубею и Нессельроде,—на прокормление их голодающих крестьян. «У Нессельроде и Кочубея будут балы,—что также есть способ льстить двору»—записывает Пушкин. «Что скажет народ, умирающий с голода?»—спрашивает в дневнике Пушкин, записывая, что праздников по случаю совершеннолетия наследника будет на полмиллиона. Колоссальная по тому времени сумма!

Пушкин осуждает Николая за назначение Сухозанета, запятнанного человека, на пост главного директора Пажеского и всех сухопутных корпусов и Дворянского полка. «Государь»—с иронией замечает Пушкин,—«видел в нем изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в Доме инвалидов». Пушкин отрицательно относится к поведению Николая в деле Бринкена, проворовавшегося гвардейского офицера и курляндского дворянина. Николай изъял его из общей судимости и отдал на суд курляндскому дворянству. Пушкина возмущает своенравное деление в общеуголовном деле подсудимых на офицеров и чиновников, дворян и не дворян. «Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства?»—записывает в дневнике Пушкин. Эта запись не может не поражать нас крайней наивностью, которая находит объяснение лишь в крайней теоретичности идеалистических представлений Пушкина о государе. Пушкин следил за делом Бринкена, и когда дворянство отказалось судить Бринкена, с чувством известного удовлетворения записал: «Вот тебе (т. е. Николаю) шиш, и поделом». Но с идеалистическим представлением о царе в Пушкине уживалось чувство дворянской оппозиции; монарх, ничем не ограниченный, ограничивался во взглядах Пушкина какими-то обязанностями в отношении своем к дворянству. Когда в 1834 году был опубликован указ, ограничивающий срок пребывания за границей русских подданных, находящихся в чужих краях, Пушкин отметил: «Указ есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III». Дворянские тенденции Пушкина также поразительны по своей наивной мотивировке. Нельзя не вспомнить записанного в дневнике разговора с великим князем Михаилом Павловичем о дворянстве. В 1832 году было издано постановление о почетном гражданстве. Великий князь был против этого постановления, находя, что не нужно закрывать доступа в высшее сословие государства и насаждать третье сословие, «сию вечную стихию

мятежей и оппозиции». Пушкин с горячностью возражал Михаилу Павловичу; он указывал, что или дворянство не нужно в государстве, или доступ в него должен быть затруднен и предоставляем всякий раз только по воле государя. А относительно опасений великого князя за возникновение третьего сословия Пушкин разразился тирадой: «Что касается до tiers état, — что же значит наше старинное дворянство с именными, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью против аристокрадии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много». Политическая наивность Пушкина кажется нам безмерной, и ошибка Пушкина бьет нам в глаза; но Пушкину его теория насчет старого дворянства была дорога психологически, она до известной степени скрашивала его социальную беспомощность. Считая старое дворянство настоящим оплотом нации и государства, Пушкин готов был придавать революционный характер действиям абсолютной власти, направленным против старого дворянства, готов был считать всех Романовых революционерами и уравниателями. «Tous les Romanof sont révolutionnaires et nivelleurs». Это положение столь далеко отстоит от действительной истории всех Романовых (за исключением Петра), что мы видим себя вынужденными принять эту фразу, сказанную Михаилу Павловичу, за своеобразный комплимент. Пушкин чувствовал себя обиженным в своем гражданском бытии политикой Николая I, который не поддерживал якобы старых дворянских родов и опирался на знать. Он был оскорблен, как дворянин.

О государственном творчестве Николая Пушкин ничего больше не мог записать в своем дневнике. Но с высот государственного строительства Николай I спускался под сень административных работ, работ по управлению. Несколько выразительных штрихов о Николае-управителе Пушкин оставил в своем дневнике. Сообщая факты, Пушкин не делает никаких к ним комментариев, но подбор фактов, а иногда самый способ их изложения подчеркивает смешные стороны в цар. «Парад как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвалу за то, что он проскакал голопом вместо рыси». Не для назидания и поучения о великом царе занес Пушкин этот эпизод в дневник, а несомненно на некоторое позорище. Смешной тенью проходит Николай и в большой записи Пушкина о смерти Кочубея. Кочубей был в полном смысле ничтожным человеком. Пушкин приводит красноречивую эпиграмму на Кочубея, по всей вероятности, принадлежащую его перу: «Что в жизни доброго он сделал для людей, не знаю, чорт меня убей». Но смерть такого ничтожества вызвала неожиданный эффект. «Она произвела

сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову». Этот контраст умершего ничтожества с одной стороны и неутешного государя и министров, повесивших головы, с другой — производит комическое впечатление. Смешна фигура Николая и в рассказе Пушкина об аресте цензора Никитенка за пропуск перевода Деларю из Гюго: Николай защищает православие... от нападений Деларю и Смирдина. «Отселе буря».

С новой стороны показан Николай в записях Пушкина об его участии в разрешении семейных скандалов своих придворных. Безобразова, измученная ревностью мужа, бросилась к царице с просьбой о разводе. «Государь сердит. Безобразов под арестом». Николай вообще любил входить в семейные дела окружающих. Пушкин записывает в дневнике о неосторожном или даже скаandalном поведении княгини Суворовой. «Царица ее призвала и побранила, царь еще пуще». Николай пользовался репутацией верного хранителя семейного очага, но обстоятельствам эта репутация мало соответствовала. Почти для всех монархов и для Николая в том числе фрейлины двора были лакомым плодом. О так называемых «васильковых дурачествах» Николая у нас есть кое-какие сведения, но до революции об этой стороне жизни Николая почти нельзя было писать. Едва ли не об одном из таких васильковых дурачеств рассказывает Пушкин в записи об ухаживаниях Николая в Москве в 1834 году за московскими красавицами и московскими актрисами. К этой записи Пушкин переходит сейчас после упоминания о нежелании представляться царю вместе с 18-летними молокососами — камер-юнкерами. «Царь рассердится — да что мне делать» — заканчивает Пушкин одну запись и сейчас же переходит к другой: «покамест давайте злословить». Далее следует рассказ о московских дурачествах Николая, рассказ очень осторожный и какой-то незаконченный. Но Пушкин счел нужным ввести его в дневник.

От общих впечатлений Пушкина переходим к впечатлениям личного общения с царем. Записи Пушкина о внешнем общении Николая не содержат материала для отрицательной характеристики царя. Пушкин, описывая бал в Аничковом, о царе заметил: «Очень прост в своем обращении, совершенно по домашнему». Пушкин несколько раз видел царя на балах, разговаривал с ним. О разговорах он записывает в дневнике, но кратко и сжато. Стоит отметить запись 28 февраля 1834 года: «Государь на бале в концертной долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения». Этот, сравнительно весьма скромный отзыв об ораторских достоинствах Николая дает повод к заключению, что это была первая большая беседа поэта с царем: как будто в первый раз он имел случай заметить обращющие на себя

внимание только при долгом разговоре особенности речи. В дневнике есть упоминания и о других разговорах с царем, имевших место до этой беседы, но, надо думать, это были кратковременные разговоры, в которых Николай больше спрашивал, но не говорил, а Пушкин больше отвечал. Разговоры Пушкина с Николаем шли об истории Пугачева и кончились выдачей Пушкину в ссуду на печатание книги 20.000 рублей. «Спасибо» — замечает по этому поводу Пушкин. А замечания Николая, с которыми была возвращена рукопись Пугачева Пушкину, поэт оценил в дневнике, как «очень дельные». К сожалению, эти замечания нам неизвестны, хотя рукопись, бывшая в руках Николая, повидимому, нам известна. Но, по всей вероятности, письменных замечаний и не было: Бенкендорф вызвал Пушкина и вручил ему рукопись с царскими замечаниями, которые он мог передать ему и изустно. Если это предположение верно, то еще вопрос, принадлежали ли «очень дельные» замечания Николаю или какому-либо специалисту из III Отделения. К сожалению, Пушкин не изменил себе и дал сжатую запись — и без всякой оценки — о другом случае возвращения рукописи с замечаниями государя. Речь идет о «Медном Всаднике». О том, как должны были возмутить Пушкина критические замечания о «Медном Всаднике» (все равно, от кого они шли — от самого царя или от III Отделения), мы можем судить теперь, анализируя все вымарки на рукописи и пометы, указывавшие на необходимость изменений: изменения требовались такие и в таком количестве, что Пушкин, попробовав сделать их, отступился и предпочел хранить рукопись в своем письменном столе. А в дневнике он не обмолвился по поводу замечаний ни одним словом оценки, ограничившись кратким резюме, которое могло бы навести на мысль, что ему дороже художественных были материальные задания: «Все это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным». За этой прозаической записью скрыты муки художника, созерцающего процесс порчи лучшего его произведения. Нельзя сказать, чтобы общение с Николаем, читателем и цензором произведений поэта, могло оставить в Пушкине впечатление положительное. Но была и еще одна сфера общения с царем — придворная: здесь выступали — во главе двора — монарх и его придворный слуга.

Пожалование в камер-юнкеры нанесло неизгладимую обиду Пушкину и сыграло крупную роль в эволюции личного его отношения к царю. Об этом с выпуклой яркостью свидетельствует дневник. Занос 1 января 1834 года о пожаловании в придворный чин, Пушкин сразу же отмечает действительный мотив высочайшего благоволения — желание Николая видеть на придворных балах Наталью Николаевну. Но, удовлетворяя своему желанию, Николай ставил Пушкина в смешное положение

ние. Для камер-юнкерства 35-летний Пушкин уже вышел из годов. Смешную сторону пожалования не мог не видеть сам Николай, видел ее высший свет и остро ощущал сам Пушкин. «Довольно неприлично моим летам», — записал 1 же января Пушкин и через несколько строк попытался определить впечатление, произведенное царской милостью. «Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством?» — записывает Пушкин и тут же, как будто забыв, что он написал несколькими строками выше, приводит свой ответ на этот вопрос, — тот единственный ответ, который он мог бы дать публичным вопрошателям: «доволен, потому что Государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным». Но себя таким ответом Пушкин не мог обмануть и, чувствуя его слабость и неискренность, отмахнулся от вопроса иначе: «а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике». Может быть, прямого намерения сделать Пушкина смешным у Николая не было, но так вышло: Пушкин был поставлен в смешное положение в глазах общества. Пушкин записал в свой дневник свой ответ на поздравление великого князя Михаила Павловича: «до сих пор все надо мной смеялись, вы первый поздравили». И Пушкин вменил в вину своему монарху пожалование в камер-юнкеры и не мог забыть и простить раны, нанесенной его самолюбью. Не мог не вменить, потому что знал, что Николай видел и сознавал всю неловкость своего поступка с Пушкиным. Царь сказал княгине В. Ф. Вяземской: «Надеюсь, что Пушкин хорошо принял свое назначение, до сих пор он держал свое слово, и я доволен им». Эту фразу Пушкин занес в свой дневник, но цена этой фразы в его глазах была ничтожна. Пушкину она свидетельствовала только о том, что Николай сам признавал неприличие своего пожалования. Между поэтом и царем утвердилось неприязненное понимание друг друга. Царь знал о Пушкине, что ему в высшей степени неприятно и обидно придворное звание, но он немного зарвался: он не удовлетворился только одним неприличием назначения, а стал настаивать полностью и на всех следствиях, вытекавших из этого пожалования. «Оказали тебе высочайшее благоволение, пожаловали в придворный чин, — значит ты обязан благодарить, обязан выполнять скучные и смешные обязанности, налагаемые камер-юнкерским званием» — так думал Николай, но Пушкин чувствовал и думал иначе. «Государю неуютно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию, — но я могу быть поданным, даже рабом, — но холопом и шутом не буду и у царя небесного». И действительно, Пушкин не мог пересилить себя хотя бы на выражение — внешнее и официальное — своего «благодарного» чувства. Через семнадцать дней после пожалования, на блистательном балу графа Бобринского, Пушкин имел случай говорить с Николаем,

между прочим, о Пугачеве. «Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его», — записал Пушкин.

Камер-юнкерство усилило весьма ощутительным образом зависимость Пушкина от Николая. Поэт становился подотчетным в своем частном быту. Отныне он должен был в известные дни надевать камер-юнкерский мундир и представляться ко двору, по долгу своего звания украшать своим присутствием придворные балы, соблюдать правила придворного этикета... И Николай, привязав Пушкина еще одной, новой нитью, оказался очень требовательным в мелочах. Не мало горьких минут и часов пережил Пушкин — камер-юнкер. Пушкин был глубоко задет камер-юнкерством: о степени глубокого чувства обиды, испытанного поэтом, можно заключить уже по необыкновенно частому упоминанию в дневнике о камер-юнкерстве и о неприятных тяготах, с ним связанных. Пушкин, очень скупой на записи в дневнике, на протяжении двадцати пяти (печатных) страниц возвращается к этой теме десять раз: непосредственно о самом камер-юнкерстве семь раз и три раза о событиях, им вызванных. Десять упоминаний — цифра очень почтенная для дневника Пушкина. Поэт заносит в дневник все факты своей «придворной жизни». Камер-юнкер Пушкин явился на бал в Аничков дворец в мундире, а надо было быть во фраке. Уехал назад, а Николай остался недоволен: камер-юнкер мог бы потрудиться надеть фрак и вернуться обратно. Надо сделать ему выговор. То камер-юнкер Пушкин вместо требуемой этикетом круглой шляпы придет в треугольной; то пуговицы у него не по этикету. И все это царь замечает и в строку старит. Камер-юнкер Пушкин под вербное и на вербное воскресенье не явился в дворцовую церковь — к нему летит приглашение объяснить причину своего отсутствия, и Пушкин, как мальчик, должен выдумывать извинительные изъяснения. Чтобы только не выступать в паре с молодыми камер-юнкерами на торжестве открытия Александровской колонны, поэт уезжает из Петербурга за пять дней до торжества. 6 декабря камер-юнкер Пушкин должен вкупе со своими молодыми товарищами поздравлять Николая с ангелом. Но это выше его сил. «Низачто не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-летними. Царь рассердится, да что мне делать?» — занес поэт под 5 декабря, а затем, с чувством известного удовлетворения, записал: «я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельд-егеря или Арнта (лейб-медика).

Мелочная докуча, принесенная придворным званием, раздражала и язвила Пушкина: недаром он высчитывает в дневнике все эти нудные придирки, смехотворные, но неприятные покушения на частную независимость поэта. Пушкин сдерживался,

поверял свои чувства только дневнику, но по временам не мог ограничиться и удовлетвориться той свободой суждения, которую предоставлял ему дневник. Он давал иной исход своему чувству, и жизнь его осложнялась до чрезвычайности. Царь подымался на дыбы, и Пушкину приходилось нести поражение. В утешение себе оставалось только повторять: «Не дай бог ссориться с дарами, плетью обуха не перешибешь». В апреле 1834 года почтовая цензура перехватила и представила Николаю письмо Пушкина к жене, в котором поэт отозвался в неподобающем тоне о царе: «Он хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на нового не желаю: от добра добра не ищут». Царь пришел в гнев, сгоряча даже не разобрав дела, а Жуковскому пришлось елейными увещаниями замирать раздраженного монарха. Гроза прошла мимо Пушкина, но след остался: Николай документально узнал об отношении Пушкина к его монаршему благоволению и к нему самому, и сложил в своем сердце. Но и Пушкину эпизод с письмом открыл новую, неизвестную ему черту в лице русского государя. «Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться... Что ни говори, мудрено быть самодержавным». Николай перестает быть честным и благовоспитанным человеком в глазах Пушкина.

Нет сомнения, что и только что рассказанная история, и вообще тревожения, вызванные камер-юнкерским званием, заняли не последнее место (вернее, одно из первых) в ряду мотивов, под влиянием которых в Пушкине созрело и окрепло летом 1834 года желание порвать все отношения с царем, уйти в отставку, уехать в деревню и вернуть утраченную независимость. У поэта не хватило силы осуществить это решение, и его порыв ограничился первым шагом — подачей прошения об отставке, которое ему пришлось в условиях довольно унижительных брать обратно. История с отставкой хорошо известна. Николай милостиво разрешил Пушкину взять отставку обратно: «Я ему прощаю, но пригласите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; и что то, что могло бы быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может быть извинительно человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства». В этих словах, написанных Николаем на докладе Бенкендорфа, чувствуется раздражение, охватившее дара, когда он в перехваченном письме Пушкина прочел упрек себе за то, что упек Пушкина на старости лет в камер-пажи. Пушкин для своих тридцати пяти лет находит неприличным камер-юнкерское звание, но не может, по мнению Николая, совершать проступки, простительные тому возрасту, который соответствует

камер-юнкерскому званию. Пусть же пеняет на себя. Об истории с отставкой в дневнике находим три строки: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором (читать надо: с царем)—но все перемололось.—Однако это мне не пройдет». Пушкин сделал определенный вывод об отношении к нему Николая I и не ошибся. После этого столкновения Николай стал добивать самолюбие Пушкина. Мы уже приводили запись Пушкина о том, как царь хотел прислать за ним фельдъегеря или лейб-медика, когда он не явился приносить свои поздравления. Это было после столкновения.

Кроме чисто фактических сообщений и записей о Николае I, смысл и цель которых мы теперь расшифровываем, в дневнике есть два общих суждения, которые упрятаны Пушкиным среди записей и не останавливали внимания исследователей. Но они покрывают своим значением все фактические записи. Они лаконичны, но нам известна насыщенная скупость Пушкинского стиля, и потому мы считаем нужным подчеркнуть выдающееся значение этих общих суждений Пушкина при разрешении вопроса об отношениях Пушкина к царю и об эволюции его политического мировоззрения. Первое суждение—общее, о начале самодержавной власти: «Что ни говори, мудрено быть самодержавным». Второе суждение—о Николае I, синтетически представляющее резюме изучений личности Николая. «Кто-то сказал о государе: в нем много прапорщика и мало Петра Великого». Пушкин осторожно записал: «кто-то сказал». Этот кто-то очень близок Пушкину, он не стал бы цитировать, если бы не сочувствовал ему, этот кто-то, конечно,—сам Пушкин. И когда Пушкин 21 мая 1834 года заносил суждение о Николае в свой дневник, не вспоминал ли он с горечью стихи, писанные им 22 декабря 1826 года? ■

Семейным сходством будь же горд,
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд
И памятью, как он, незлобен. ?

Во всяком случае, это пожелание поэта надо сопоставлять с тем выводом, который был сделан Пушкиным в 1834 году из сравнения Николая с Петром. Все записи дневника о Николае I свидетельствуют о том, что царь не удовлетворил пожеланию Пушкина и не обнаружил того сходства с Петром, которого желал ему Пушкин. Смешно и странно сопоставлять с обоготворенным Петром «Медного Всадника» — монарха-прапорщика.

Нам кажется, — анализ записей Пушкина о Николае I в дневнике дает нам возможность сделать заключение, что принятое биографами и исследователями Пушкина представление об отношении Пушкина к царю не соответствует действительности.

В 1833—1834 году Пушкин проявил критическое отношение к Николаю и как к монарху, и как к человеку, и трезво посмотрел на державца полумира. Положительное и восторженное отношение к Николаю сменилось отрицательным. На месте великого государя оказался прапорщик, а на месте человека-героя оказался мелкий человек, ограниченный и узкий, злобно-памятливый.

4. Последнее свидание в 1836 году.¹

(Новое о дуэли.)

I

После работ, опубликованных мною в 1927 году,² можно считать установленным, что анонимный пасквиль—роковой повод к последней дуэли Пушкина с Дантесом—ставил в оскорбительную связь имя жены поэта с именем императора Николая. Текст диплома ясно говорит об этом: «Кавалер первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф И. Борх». Нарышкин—муж долголетней возлюбленной императора Александра, Марьи Антоновны. Утверждая Пушкина в звании историографа ордена рогоносцев и помощника великого магистра, составитель диплома язвительно указывал на то, что Наталья Николаевна Пушкина была в столь же близких отношениях к Николаю Павловичу, как Марья Антоновна к Александру Павловичу. Пусть Наталья Николаевна была только мнимой фавориткой, но Пушкин и чувствовал, и боялся, что всеильный самодержец в один прекрасный день пожелает склонить и склонит стыдливую красоту на монаршее ложе. В дипломе упомянуто и третье имя—непременного секретаря ордена рогоносцев графа Борх. Жена графа И. М. Борх отличалась легкостью своих нравов; по смыслу диплома, и у нее должны были быть «августейшие» отношения, но твердых и определенных свидетельств в нашем распоряжении не было. Быть может, наш вопрос и недоумения разрешает следующий отрывок из письма А. О. Смирновой к графине Е. П. Ростопчиной. Письмо это ускользнуло от внимания и моего, и других исследовате-

¹ Напечатано впервые в журнале «Огонек», 1928, № 24. Последний раздел статьи появляется здесь впервые.

² «Анонимный пасквиль и враги Пушкина» в третьем издании моей книги «Дуэль и смерть Пушкина» Госиздат, 1927; см. также мою статью в «Огоньке» (№ 42, 16 октября 1927 года)—«Кто писал анонимные письма Пушкину?»

лей.¹ Письмо от декабря 1839 года; Ростопчина жила в это время в имении в Воронежской губернии, а ее приятельница Смирнова кружилась в свете. Смирнова пишет о перспективах зимнего сезона 1839—1840 годов в высшем свете. «Модными светилами будут всегда наша милая Mary Пашкова, за которой ухаживает ее верный поклонник Georges, m-me Крюднер, Бутурлина; это первый план». Все названные здесь три женщины были предметом вожделений императора Николая. Сама же Смирнова в своих записках вспоминает, как в предшествующий (1838—1839 гг.) сезон Николай наслаждался соперничеством (из-за него) баронессы Крюденер и графини Бутурлиной, как всю зиму царь ужинал между Крюденер и Мэри Пашковой, которой «эта роль не нравилась» по словам Смирновой.² Едва ли под Georges'em в письме к Ростопчиной не зашифрован сам Николай? Итак, Пашкова, Крюднер, Бутурлина, объекты длительных увлечений царя, — женщины первого плана. Дальше Смирнова сообщает: «На втором (плане) княгиня Юсупова и Долгорукая, рожденная Апраксина. Лиза Голицына, Суворова и графиня Воронцова не выезжают из-за траура; последняя, впрочем, сможет принимать полуучастие в удовольствиях, так как Кирилл Александрович похоронен вчера. Маленькая Эмма Б. вернулась еще красивее, чем когда-либо и забавляется тем, что опять позволяет этому мерзкому Sersey компрометировать ее; ее не щадят, так как она беззащитная и к тому же кокетничает обыкновенно слишком очевидно». Маленькая Эмма Б. — конечно графиня Борх, Любовь Викентьевна, Любовь=Aimée=Эмма. В словах Смирновой о ней надо подчеркнуть намек на легкость нравов, на страсть к кокетству и выражение, подчеркнутое самой Смирновой: «ее не щадят, так как она беззащитная». Была защита, щадили; какая же защита? Самой прочной защитой было «августейшее» благоволение: тут все хулители и хулительницы смолкали. На первом царском плане — увлечения длительные, с затажной игрой в любовь, на втором — васьильковые дурачества, мимолетные встречи, короткие удары. Тут на августейшем пути подвернулась, должно быть, и неустойчивая графиня Эмма Борх, жена того графа Иосифа Борха, который жил с своим фореитором, по словам Пушкина. О самой графине Пушкин выразился, что она живет с кучером. Если защитник графини Борх верно угадан в Николае, то получается острое сближение: в обладании графиней император соперничал с кучером!

II

Язвительная стрела попала в цель. Пушкин остро почувствовал удар, не только почувствовал, но и сразу понял, от

¹ Русск. Арх., 1905, т. III, стр. 221.

² См. мою книгу: «Дуэль и смерть Пушкина», 3-е издание, стр. 440.

кого он идет. Почти сразу же по получении пасквиля Пушкин пришел к твердому и непоколебимому убеждению, что пасквиль идет от голландского посланника барона Геккерена. Геккерен мстил Пушкину за то дурацкое положение, в которое Пушкин поставил и его, и его приемного сына Дантеса осенью 1836 года. Дантес вел любовную игру с Н. Н. Пушкиной; страсть его была возбуждена в высшей мере, возбуждение не ускользнуло от Пушкина, и Дантес, желая отвести грозу от Натальи Николаевны, спас ее, заявив, что ухаживания его относятся не к Наталье Николаевне, а к сестре ее Екатерине. Пушкин принял за истину заявление Дантеса и понуждал его к женитьбе. Геккерен, бросая намек на императора, как оскорбителя семейной чести Пушкина, рассчитывал, быть может, в суматохе избавиться от вынужденного брака.

Перед Пушкиным было три врага: Дантес, Геккерен и Николай. Дантесу он послал вызов. После долгих переговоров и просьб Геккерену удалось отвести удар и убедить Пушкина отказаться от дуэли. Но Дантес был последним для Пушкина человеком в этом деле. В порыве отчаяния и бессилия Пушкин попробовал было разорвать свои связи с царем, сделав попытку вернуть ему денежные ссуды, выданные ему по царской милости. Но это ему не удалось, да этого ему, Геккерену, было бы и мало. Но Геккерен, отправляя диплом, задевал честь не только Пушкина, но и царя: конечно, ему и в голову не приходило, что царь когда-либо узнает содержание диплома. Пушкин замыслил месть, разительную, полную, опрокидывающую человека в грязь. Он решил пойти напролом и выдать Геккерена головой монарху. «Привлечь высочайшее внимание к пасквилю, предъявить его царю: «не я один, муж Натальи Николаевны, помянут здесь, но и брат ваш, да и вы сами, ваше величество. А смастерил этот пасквиль господин голландский посланник барон Геккерен. Обратите на его голову громы и молнию!» Такой диплом для Николая Павловича то же, что кусок красной материи для быка. Да, в таком случае произошел бы, действительно, скандал, единственный в своем роде... Указание на Геккерена как на составителя подметного письма, задевающего семейную честь императорской фамилии, сослужило бы Пушкину несомненную пользу и в отношениях царя к чете Пушкиных. Произошло бы поражение и другого опасного — гораздо более опасного, чем Дантес, — поклонника Натальи Николаевны — Николая Павловича Романова. Атмосфера была бы разрежена. Вот та тонкая игра, которую хотел повести Пушкин! ¹ После замирения дела о дуэли с Дантесом Пушкин решил перейти в открытое нападение на Геккерена. Он написал письмо голландскому посланнику. Текст его нам неизвестен, но граф Соллогуб, которому Пушкин прочел это письмо, утверждал, что

¹ См. мою книгу «Дуэль», стр. 455 — 456.

в известном письме, отправленном Геккерену 26 января 1837 года, Пушкин повторил почти текстуально свое ноябрьское письмо. Солмогуб вспоминал впоследствии о чтении письма в день 21 ноября: «Губы Пушкина задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения». Этого письма Пушкин не отправил, но в тот же день 21 ноября он написал следующее письмо:

«Граф! Считаю, что я в праве и даже обязан сообщить вашему сиятельству о том, что произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра безымянного письма, оскорбительного для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакции, я с первой же минуты догадался, что оно от иностранца, человека высшего круга, дипломата. Я стал разыскивать. Узнаю, что семь или восемь особ в тот же день получили по экземпляру такого же письма, запечатанного и адресованного на мое имя, под двойным конвертом. Большая часть лиц, его получивших, подозревая гнусность, не переслала его ко мне. Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду; но, повторяя, что поведение моей жены безукоризненно, говорили, что поводом к этой гнусности послужило настойчивое ухаживание за нею г. Дантеса.

«Не мне было допустить, чтобы в данном случае имя жены моей было связано с чьим бы то ни было именем. Я поручил передать это г. Дантесу. Барон Геккерен приехал ко мне и принял вызов за г. Дантеса, прося у меня двухнедельной отсрочки.

«Случилось так, что в этот условленный промежуток времени Дантес влюбился в мою свояченицу, девицу Гончарову и стал просить ее руки. Узнав об этом по общественным слухам, я поручил попросить г. д'Аршиака (секунданта Дантеса) смотреть на мой вызов, как на несостоявшийся. Между тем я удостоверился, что безымянное письмо было от г. Геккерена, — о чем считаю долгом уведомить правительство и общество.

«Будучи единым судьей и блюстителем моей и жениной чести, а потому не требуя ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательств того, что утверждаю.

«Во всяком случае надеюсь, граф, что это письмо служит доказательством уважения и доверия моего к особе вашей. С этим чувством имею честь быть и проч.»

Это письмо вызывает не мало недоумений. Кому оно адресовано? При первом появлении в печати оно было отнесено сначала с вопросом («кажется») графу Бенкендорфу, а потом уже было усвоено ему без вопроса. Я высказал предположение в последнем издании моей книги, что оно адресовано графу

Нессельроде. Подлинник его неизвестен. П. И. Бартенев ска- зывал со слов кн. Вяземских, что письмо это было найдено в кармане куртки, в котором Пушкин дрался на дуэли. Иссле- дователи сходятся на том, что письмо не было послано, и за- ключают, что план мести Пушкина остался невыполненным. Во всяком случае, если это письмо и было в руках Нессель- роде или Бенкендорфа, то до царя оно не дошло, так казалось и мне. А ведь в планы Пушкина как раз и входило довести до царя о пасквильных обстоятельствах, поставить царя лицом к лицу с дипломом. На этом пункте и обрывалась история этой стадии дуэльных отношений Пушкина. Но в настоящий момент мы можем ее продолжить, благодаря счастливому и ошеломит- ельному открытию нового обстоятельства, абсолютно неизвест- ного до сих пор исследователям. Прежде, чем привести этот новый, неизвестный документ, просим читателя держать в па- мяти даты и сосредоточить в своем воображении все обстоя- тельства, выше нами изложенные. Главное: 21 ноября графу Соллогубу Пушкин прочел письмо к Геккерену, 21 же ноября датировано его письмо, объявляющее автором пасквиля Гек- керена.

III

При российском императорском дворе велись так называе- мые камер-фурьерские журналы. Камер-фурьеры простым язы- ком, без особых словоизвитий, заносили в книги события внеш- ней жизни царя, записывали, кого царь принимал, кто пред- ставлялся, куда ездил царь, кто был за обедом, кто был на придворных балах и т. д. Конечно, не все — даже внешние — события получали отражение в записках камер-фурьеров, но то, что было записано в их журналах, соответствовало действи- тельности. Камер-фурьерские журналы сохранились в бывшем архиве министерства двора (ныне в Центрархиве); я про- смотрел их и извлек все самые малейшие данные, которые могли бы иметь касательство к Пушкину. Они будут исполь- зованы мной в специальной работе «Пушкин при дворе». Здесь же я приведу только одну запись, сделанную в камер- фурьерском журнале в понедельник 23 ноября. Привожу с бук- вальной точностью эту запись, сделанную по трафарету в по- рядке трафаретной придворной хронологии.

«1836 г. Месяц Ноябрь. Присутствие их величеств в соб- ственном дворце.

Понедельник. 23-го. С 6-ти часов его величество принимал с докладом военного министра ген.-адъютанта графа Черны- шева, генерал-лейтенанта графа Грабовского, действительного статского советника Туркуля, статс-секретаря Лонгинова, ми- нистра высочайшего двора князя Волконского и генерал- адъютанта Киселева. За сим с рапортом военного генерал-

губернатора графа Эссена, коменданта Мартынова и обер-полицеймейстера Кокошкина.

10 минут 2-го часа его величество одни в саних выезд имел прогуливаться по городу и возвратился в 3 часа во дворец».

Царский деловой день кончился, время шло к обеду и к мирным развлечениям семейной жизни. И вдруг эта жизнь была прервана необычайным визитом, против придворного этикета, вне обычного времени. Вслед за приведенными только что строками камер-фурьерское перо записывает:

«По возвращении его величество принимал генерал-адъютанта графа Бенкендорфа и камерюнкера Пушкина».

Вот новое свидетельство к истории дуэли, оглашаемое нами впервые. Оно лаконично и сухо, но нельзя с достаточной силой оценить его значение для истории последних месяцев жизни Пушкина. У нас не было никакого представления об этом свидании в несурочное время поэта с царем в присутствии шефа жандармов. Никто из трех лиц, беседовавших в 4-м часу дня 23 ноября 1836 года в царском кабинете, в Зимнем дворце, не проговорился ни одним словом об этом свидании, и если бы беспристрастный камер-фурьер не записал о нем в свой журнал, тайна свидания схоронена была бы на век. Чем вызван был этот чрезвычайный прием, о чем шла речь — мы можем строить только предположения. Попытаемся их высказать. Чрезвычайность приема (после окончания обыкновенного приема, после царской прогулки, в несобычное время) свидетельствует о чрезвычайности тех обстоятельств, которые заставили шефа жандармов привести с собой камерюнкера Пушкина. И понятно важность была не в событиях частной жизни Пушкина (из-за этого не стоило бы беспокоить государя!), а в чем-то, совершенно выходящем из пределов. Но вспомним слова Пушкина, сказанные им в салоне княгини В. Ф. Вяземской: «я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как будут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная». Вспомним, каким образом Пушкина граф Соллогуб, прослушавший 21 ноября его письмо к Геккерену: «губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения». Мне кажется, не противоречащим истине будет предположение, что Пушкин доставил-таки соответствующему начальству (все равно, будь то Нессельроде или Бенкендорф) свое заявление о том, что автором диплома, позорящего честь и его, Пушкина, и самого царя, является голландский посланник. Можно себе представить, какое ошеломляющее впечатление на Нессельроде или Бенкендорфа произвело подобное заявление. Создавался неслыханный скандал. Можно предполагать с полной вероятностью, что Бенкендорф попытался урезонить, успокоить Пуш-

кина, но он был в таком настроении, когда никакие резоны на него действовать не могли. Оставался один верховный судья — сам царь. Только он один и мог предотвратить катастрофу. Но ведь Пушкин и жаждал этого свидания. 23 ноября в 4-м часу дня произошло наконец объяснение между царем и Пушкиным. Надо думать, что Пушкин осведомил царя о своих семейных обстоятельствах, о дипломе (как тут себя почувствовал Николай!) и об Геккерене — авторе диплома. Результаты свидания? Они ясны. Пушкин был укрощен, был вынужден дать слово молчать о Геккерене. Его отмщение Геккерену не получило огласки, но на царя известное впечатление он произвел — тут Николай должен был сообразить дальнейшие последствия своих ухаживаний за Натальей Николаевной и оценить поступок голландского посланника. Во всяком случае, беседа втроем была чрезвычайно интимна, и никто из присутствовавших не проронил о ней ни слова. Но с полной уверенностью можно теперь утверждать, что Николай не был неосведомленным относительно происходившего: наоборот, он знал о деле Пушкина больше, чем его друзья, Жуковский и Вяземский. Уж никак нельзя утверждать, что Николай был тут не при чем. Правда, мои выводы — только предположения, но предположения естественные, вытекающие из хода события, как оно представляется на основании последних моих разысканий.

IV

В рассказе Жуковского о конце Пушкина меня всегда поражала одна фраза Пушкина: «когда Арендт (лейб-медик) перед своим отъездом подошел к Пушкину, он ему сказал: Попросите государя, чтобы он меня простил». Неужели в этот смертный час Пушкин мог думать о том, что он нарушил законы, и мог просить прощения за это нарушение? Теперь, когда мы знаем о свидании, естественнее думать, что Пушкин просил прощения за нарушение слова, данного царю насчет Геккерена. Не лишнее отметить, что в письме, отправленном Геккерену 26 января, Пушкин не оставил ни одного выражения, которое свидетельствовало бы о том, что Пушкин обвиняет Геккерена в составлении пасквиля, тогда как в разорванных клочках и черновиках содержались прямые указания на фабрикацию пасквиля именно Геккереном.

Быть может, отголоски свидания находятся в рассказе Николая, записанном в дневнике барона Корфа: «Под конец жизни Пушкина, — рассказывал Николай Корфу через одиннадцать лет после событий, — встречаясь очень часто с его женой, которую я очень любил и теперь люблю, как очень хорошую и добрую женщину, я как-то разговорился с нею о комеражах, которым ее красота подвергает ее в обществе: я советовал ей быть как можно осторожнее и беречь свою»

и Остеръ Монахъ епископскіи Гоконтишии!

10. ^{7/2} снн: 2^е кая: Со Василеева
Оуинъ въ Санкѣ въздѣ шель прогул-
ванокъ по Зороду и возвратились въ З, кас:
во Гвореуѣ.

По возвращени Со Василеева.
принималъ Ренерандъ - Адонтанта Гра-
фъ Бенкендорфера и Кашеръ - Юнкера
Мушкина

репутацию сколько для себя самой, столько и для счастья мужа при известной его ревности. Она, верно, рассказала об этом мужу, потому что, встретясь где-то со мной, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. Разве ты и мог ожидать от меня другого? спросил я его. Не только мог, государь, но признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женой... Три дня спустя был его последний дуэль». Здесь спутаны факты, но важно одно заключение: у Николая был разговор на интимную тему с Пушкиным, разговор, детали которого вряд ли могли быть приятны царю. Но не происходил ли он в Зимнем дворце, 23 ноября 1836 года?

Как бы там ни было, сообщению камер-фурьерского журнала об этом свидании в истории последних месяцев жизни поэта надо отвести первостепенное место.

V

Начальник III отделения, он же шеф корпуса жандармов ежегодно докладывал царю отчет по своему учреждению в форме «обозрения расположения умов и некоторых частей государственного управления». Такой отчет был представлен Николаю Бенкендорфом и за 1837 год. В нем находим и краткое сообщение о смерти Пушкина, которое дает окончательный взгляд на Пушкина, подытоживая, так сказать, отношения III отделения и даря, конечно, к поэту. Приведем эту часть отчета, хранящегося в настоящее время в Москве, в архиве внешней политики и революции (л. 61 об. — 62 об.). Ни одна деталь отношений III отделения не должна исчезнуть для потомства.

«В начале сего года умер, от полученной на поединке раны, знаменитый наш стихотворец Пушкин. — Пушкин соединял в себе два отдельных существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. — Осыпанный благодеяниями государя, он однако же до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных. — Сообразно сим двум свойствам Пушкина, образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; — собрание посетителей при теле было необыкновенное; — отпевание намеревались давать торжественное; — многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; — наконец дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к тому жителей Пскова. Мудрено было решить, не относились ли все

эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. — В сем недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъяснение скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, — высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено».

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ В ОБЛАСТИ БИОГРАФИИ И ТЕКСТА ПУШКИНА ¹

I

В 1908 году появилась небольшая статья М. О. Гершензона о северной любви Пушкина. ² Вопросы, им поднятые, важны и любопытны для ученого, занимающегося Пушкиным, и если бы выводы и предположения Гершензона оказались справедливыми, то в истории жизни и творчества Пушкина прибавилась бы новая страница.

Вот положения Гершензона в сжатом виде и в собственных его выражениях. Еще до невольной высылки из Петербурга в мае 1820 года Пушкин томился светской, столичной жизнью, тайно изнывал в «суетных оковах» — он жаждал свободы. И несмотря на то, что из Петербурга он удален принудительным образом, ему кажется, что он сам бежал в поисках свободы и свежих впечатлений. Но вырвавшись на свободу хотя бы и таким образом, он испытывал полную апатию, был недоступен каким бы то ни было впечатлениям. Бесчувственность, омертвелость духа в первое время его ссылки сказывалась и временной утратой поэтического вдохновения. В глубине же души он в эти самые дни лелеял какое-то живое и сильное чувство. Пушкин вывез из Петербурга любовь к ка-

---

¹ Напечатано впервые в 1910 году в издании «Пушкин и его современники» вып. XIV. (Были и отдельные оттиски.) — Все ссылки на рукописи Пушкина и заключения, на них опирающиеся, сделаны в этой статье на основании непосредственного изучения рукописей. Источники сведений о рукописях, мне недоступных, всякий раз точно указываются. Я имел возможность изучать рукописи, хранящиеся в Московском Румянцевском Музее (ныне Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина) по прекрасным фотографиям, принадлежавшим С. А. Венгеру (ныне в Пушкинском Доме). Ссылки на старинные журналы и альманахи, в коих впервые появлялись стихотворения Пушкина, а также на различные издания его сочинений, делаются по подлинникам.

² Вестник Европы 1908, январь, стр. 275—302. За краткостью статья отдельных ссылок на страницы не привожу. В 1912 году статья Гершензона была напечатана в его книге «Образы прошлого» М., стр. 3—32, и в 1919 году в его же книге «Мудрость Пушкина», стр. 155—185. Об изменениях, вызванных моей работой, в тексте статьи Гершензона, будет сказано дальше.

кой-то женщине, и эта любовь жила в нем на юге еще долго, во всяком случае до Одессы. Предметом этой северной любви Пушкина на юге, по предположению Гершензона, была княгиня Марья Аркадьевна Голицына, урожденная Суворова-Рымникская, внучка генералиссимуса. «В переписке Пушкина—говорит Гершензон—нет никакого намека на его отношения к ней или к ее семье, биографы Пушкина ничего не говорят о ней. Сведения, которые нам удалось собрать о ней, скудны. Она родилась 26 февраля 1802 года: значит, в момент ссылки Пушкина ей было 18 лет. Она вышла замуж 9 мая 1820 года, т. е. дня через три после высылки Пушкина, за князя Мих. Мих. Голицына, и умерла она в 1870 году. Вот все, что мы о ней знаем». Считая несомненно относящимися к ней три стихотворения Пушкина («Умолкну скоро я...» 1821 года; «Мой друг забыты мной» 1821 г.; «Давно о ней вспоминаешь...» 1823 г.), Гершензон пользуется ими для уяснения личности женщины, которую любил Пушкин, и характера самой его любви. Прилагая добытые им выводы о душевном состоянии Пушкина в первое время ссылки на Кавказе и в Крыму к «Кавказскому Пленнику», Гершензон находит, что весь психологический сюжет этой поэмы исчерпывается теми тремя элементами, которые преобладали в эту пору в самом Пушкине. Это: 1) чувство свободы и уверенность, что он сам бежал от стеснительных условий и оков; 2) нравственная омертвелость, невосприимчивость к радостному чувству; 3) нега и тоска по давней и неразделенной любви. Эту северную любовь вдохновлялась поэзия Пушкина на юге целых два года, ею внушен был не только «Кавказский Пленник», но и «Бахчисарайский Фонтан». «Чудным светом—пишет Гершензон—озаряется для нас творчество поэта—мы нисходим до таинственных источников вдохновения».

Из этого коротенького изложения взглядов Гершензона видна их первостепенная важность для истории жизни и творчества поэта, и это обстоятельство обязывает с тем большим вниманием и осторожностью проверить факты, наблюдения и рассуждения Гершензона. Пушкиноведение давно ощущает потребность в синтезе; навстречу этой потребности идет попытка Гершензона. Но другая, столь же необходимая задача пушкинских исследований—критическое рассмотрение уже вошедшего в обиход материала, критическое выяснение происхождения тех или иных утверждений, обычно повторяющихся и в изданиях сочинений поэта, и в исследованиях о нем. Так называемая Пушкинская литература довольно велика и обильна, но дух критицизма, отличающий научный характер работ, чужд ей: исключения крайне малочисленны. Мы должны отдать отчет в наших знаниях о жизни и творчестве поэта и разжаловать многие биографические, текстуальные и историко-литературные утверждения из их догматического сана;

само собой понятно, осложнение старых легенд и предположений новыми, собственного изобретения, только задерживает научное изучение Пушкина. Но не будет ли синтез Гершензона новой легендой?

II

Работая над биографией Пушкина, я уже давно обратил внимание на эпизод отношений Пушкина к княгине М. А. Голицыной и на стихотворения, связываемые с ее именем. Теория о тайной и исключительной любви поэта именно к ней была выдвинута еще в 1882 году покойным А. И. Незеленовым в его книге о Пушкине.¹ По существу о взглядах Незеленова нам придется еще сказать при разборе рассуждений Гершензона. Естественно было, конечно, обратиться за разрешением вопроса или, по крайней мере, хоть за его освещением к биографическим данным об этой женщине. Биографы и издатели Пушкина, действительно, ограничиваются сообщением тех дат, которые суммировал Гершензон, но все же в печатной литературе найдется несколько сведений о ней, не привлекавших до сей поры внимания исследователей. Эти данные немногочисленны, но любопытны настолько, что заставляют жалеть о их скудости. Личность княгини Голицыной оказывается интересной в историко-культурном и историко-психологическом отношениях; она, повидимому, из того слоя русских людей, которого еще никто не вводил в историю нашей культуры, но которому со временем будет отведена в ней своя страничка. Это — русские люди, мужчины и, главным образом, женщины, которые, принадлежа к богатым и родовитым фамилиям, жили почти всю свою жизнь за границей, вращались в западном обществе, были в общении со многими западными знаменитостями, принимали нередко инославное исповедание, вступали в родство с иностранцами, открывали свои салоны и т. д. Стоит вспомнить о роли, которую играли салоны m-me Свечиной, княгини Багратион, графини Ливен, m-me Сиркур (урожд. Хлюстиной). Эти люди, не приткнувшиеся у себя на родине и оседавшие на западной почве, по-своему содействовали прививке западного мирозерцания и европейской психики к русскому уму и сердцу и имеют право быть занесенными в историю развития русского интеллигентного (в широком смысле слова) чувства. С точки зрения такой истории приобретает интерес и изучение обстоятельств жизни княгини М. А. Голицыной и собирание сведений о ней. Предлагаем собранные нами данные с подробностями, быть может, кое-где и документными, в надежде, что та или иная дата, тот

¹ А. И. Незеленов. А. С. Пушкин в его поэзии (1799—1826). Ист.-лит. исслед. Переиздано в 1903 году в «Собрании сочинений». Том I.

или иной факт, быть может, наведет на открытие и опубликование документов, писем и воспоминаний о княгине М. А. Голицыной.

Сначала — данные внешние, даты генеалогические и хронологические. ¹

Сын знаменитого Суворова, светлейший князь Аркадий Александрович (род. 1780) сочетался 13 июля 1800 года браком с Еленой Александровной Нарышкиной (род. 1785). От этого брака родилась 26 февраля 1802 года княжна Мария Аркадьевна. В 1811 году ее отец утонул в реке Рымнике. Мать долго жила за границей, покоряла и очаровывала современников на Веронском конгрессе и вышла во второй раз в Берлине в 1823 году за князя Василия Сергеевича Голицына. ² Дочь была фрейлиной высочайшего двора ³ и 9 мая 1820 года была выдана за князя Михаила Михайловича Голицына (род. 4 февр. 1793 года), прямого потомка петровского М. М. Голицына. За свое искусство муж М. А. Голицыной получил прозвище Вестриса, но он был не только танцор, а по своему времени незаурядный человек ⁴. Первоначальное воспитание он получил в пансионе известного Николая, потом учился в Венской инженерной академии и завершил образование в Парижской политехнической школе. Вернувшись в Россию в 1811 году, он вступил на службу по квартирмейстерской части колонновожатым и после блестящего экзамена

¹ См. книги кн. Н. Н. Голицына: 1) Материалы для полной родословной росписи кн. Голицыных. Киев 1880 — корректурное издание. 2) Род князей Голицыных. Том I, СПб. 1892. Указания этих книг не всегда верны.

² Сведения об А. А. Суворове можно найти в издании вел. кн. Николая Михайловича «Русские Портреты XVIII и XIX столетий», т. I, № 68. Здесь же сведения и о Е. А. Суворовой, рожд. Нарышкиной в т. I, № 51 (в этой статье не мало фактических неточностей) и в т. IV, № 135. Извлекаем из статьи IV тома несколько сведений, почерпнутых из «Архива кн. Воронцова» (т. XXXV). «Е. А. Суворова принимала ухаживание многочисленных поклонников: друзья ее — кузен гр. М. С. Воронцов, С. Н. Марин, мягкий и сентиментальный полковник, Д. В. Арсеньев — питали к ней нежные чувства... С. Н. Марин, любящая ее маленькой Мими (это и есть Марья Аркадьевна), писал: «Как она стала мила, и я думаю, что она, если это возможно, будет так же умна и любезна, как ее мать», но в то же время он находил, что «божество» имеет в себе «все», что ветренность и кокетство имеют опасного. Об Е. А. Суворовой современник писал: «она соединяет в себе с замечательной красотой природную живость ума и обаяние нежной и возвышенной души».

³ Она показана фрейлиной в «Месяцеслове» на 1820 год, часть I.

⁴ Данные о личности и служебной деятельности М. М. Голицына извлечены из некрологических статей — русской в Северной Пчеле 1856 года, № 162 от 20 июля, стр. 830 и французской — в Le Nord № 186 от 4 Juillet 1856 (Correspondance, particulière, S.-Petersbourg 10/22 Juin). Почти полное совпадение обеих статей указывает на одного автора. Н. Н. Голицын в «Материалах» называет автором французской статьи брата М. М. князя Андрея Михайловича Голицына, бывшего витебским, могилевским и смоленским генерал-губернатором при Николае I (1792 — 1863).

произведен в офицеры. Состоя при 4-м корпусе, Голицын принимал участие в сражениях 1812 года и под Бородиным был ранен. Еще не оправившись совершенно от ран, в 1813 году опять вступил в строй, в корпус графа Сен-При. За участие в Лейпцигской битве был награжден чином подпоручика. В 1814 году он участвовал в штурме Реймса; здесь на его руках скончался граф Сен-При, которому оторвало плечо. По возвращении в Россию, Голицын состоял при начальнике главного штаба князе Волконском; при нем он находился и во время вторичного занятия русскими Парижа. Между прочим, он был назначен встретить и проводить в Париж графа д'Артуа. Последний, став Карлом X, вспомнил о Голицыне и дал ему офицерский крест Почетного Легиона. В 1816 году Голицын был зачислен в сформировавшийся тогда гвардейский генеральный штаб, где оставался до получения полковничьего чина. «Будучи назначен, — читаем в некрологе, — обер-квартирмейстером резервного гвардейского кавалерийского корпуса, он всегда отличался своими математическими познаниями и своим беспристрастием особенно при испытании молодых людей, поступавших в гвардию, за что и награжден имп. Александром орденом св. Анны 2 степени».

По случаю бракосочетания княжны М. А. Суворовой и князя М. М. Голицына Джузеппе Галли, заслуженный учитель латинского, французского и итальянского языков в барских семьях того времени, написал итальянский сонет, который напечатан в книжечке его стихотворений в 1825 году.¹ Издание книжки, по словам автора в предисловии, было вызвано желанием отблагодарить всех тех, которых он в продолжение 45 лет учил итальянскому языку. Должно быть, к числу его учениц принадлежала и княжна Суворова. Сей торжественный сонет носит название «*Per le faustissime nozze di sua Eccellenza il signor Principe Michele Golitzin con sua Eccellenza la signora principessa Maria Italiski Contessa Suvoroff-Rimnikski sonetto*». — Содержание его, вполне соответствующее условной манере и условным фразам, не дает нам никаких фактических подробностей.

† Рядом с упоминанием о сонете уместно привести свидетельство некролога о М. М. Голицыне: «с пылким и благородным сердцем он был самый нежный супруг и отец». От брака, столь прославленного, родились как видно из разысканий Н. Н. Голицына, три дочери: 17 января 1823 года — Александра, в 1824 году — Леонила и 16 февраля 1831 года — Елена.

В 1829 году «по домашним обстоятельствам» (слова некролога) князь М. М. Голицын был вынужден оставить воен-

¹ *Raccolta di differenti poesie di Giuseppe Galli Maestro approvato di lingua latina, italiana e francese S.-Pietroburgo. 1825, p. 47.*

ную службу и на другой день после отставки был принят ко двору камергером и произведен в действительные статские советники. В 1833 году он был назначен для особых поручений к Новороссийскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову, но вскоре опять перешел в военную службу по квартирмейстерской же части.¹ Скончался он 21 мая 1856 года в чине генерал-майора, оставив после себя «много замечательных сочинений».²

Княгиня Мария Аркадьевна пережила своего мужа и скончалась в Веве 16 (28) февраля 1870 года.³ И она, и ее муж похоронены на кладбище Александро-Невской лавры.⁴

Мужского потомства Голицыны не оставили; браки средней и младшей дочери были бездетны, и только от второго брака старшей дочери Александры с графом фон-Мюнстер, германским послом в Лондоне, а потом в Париже, остался сын, который и оказался единственным наследником больших русских имений князя Андрея Михайловича Голицына, завещавшего их мужскому потомству своего брата.⁵

¹ Вот еще некоторые сведения о службе Голицына из того же источника, которые, быть может, пригодятся при розысках материалов о кн. Голицыной. В 1826 году он был назначен исправляющим должность обер-квартирмейстера при отряде гвардейского корпуса, следовавшем в Москву на время коронации имп. Николая I. При возвращении из службы военной в статскую, Голицын получил прежний чин полковника с назначением состоять в распоряжении военного министра и генерал-квартирмейстера главного штаба е. и. в. Вскоре после этого он был назначен и членом военно-цензурного комитета. В 1841 году он был произведен в генерал-майоры с назначением обер-квартирмейстером Отдельного корпуса внутренней стражи. В 1854 году оставив этот пост, он был причислен к генеральному штабу. «В этих различных занятиях он был всегда назначаем для присутствия при испытаниях молодых людей, выпускаемых из Николаевской военной академии, других подобных заведений и корпусов, и отличался всегда своим беспристрастием, справедливостью и глубокими познаниями по разным предметам военного искусства». В «Роде кн. Голицыных» (стр. 306) сообщено также, что М. М. Голицын был адъютантом в. к. Михаила Павловича.

² Еще живописнее сказано во французском некрологе «les poésies remarquables qu'il nous a laissées sont un monument impérissable». Князь Н. Н. Голицын тоже свидетельствует, что он писал французские сатирические стихотворения. Но нам неизвестно ни одно из его стихотворений. Тем не менее, он, как «харьковский писатель» показан в «Источниках словаря русских писателей. Собрал С. А. Венгеров». Том II. СПб. 1910, стр. 13. Тут явное недоразумение: ссылка на статьи и портрет Голицына в «Молодике» Бецкого, на «Материалы» П. А. Ефремова, на список Кеппена относятся совсем не к этому М. М. Голицыну, а к М. М. Голицыну из XVIII века, ревнителю харьковского просвещения.

³ М. А. Голицына была еще и кавалерственной дамой ордена св. Екатерины (Род кн. Голицыных, 335).

⁴ Неверная дата смерти М. А. Голицыной, приведенная в «Роде кн. Голицыных» (стр. 167 и 516), исправляется указанием В. И. Сaitова в «Петербургском Некрополе». М. 1883, стр. 36. Ср. в кн. Николай Михайлович, «Петербургский Некрополь», т. I, стр. 626.

⁵ Род кн. Голицыных, стр. 275. Княгиня Александра Михайловна в первом браке была за кн. Дм. Ник. Долгоруковым, убитым на дуэли

От дат чисто внешнего, справочного характера переходим к свидетельствам, дающим некоторое освещение личности М. А. Голицыной:

Княгиня Голицына занимает известное место в жизни и поэзии Ивана Ивановича Козлова, известного слепца-поэта. Известно, что в 1818 году его постигла тяжелая болезнь; после первого удара паралича он лишился ног, и затем постепенно потерял зрение вплоть до полной его утраты. Несчастье разбудило его духовные силы, он начал писать стихи, и его поэзия находила у современников высокое одобрение. В 1825 году друзья и покровители Козлова выдали в свет его «Чернеца киевскую повесть». В предисловии, написанном В. А. Жуковским,¹ читаем: «В молодых годах, проведенных в рассеянности большого света, он (Козлов) не знал того, что таилось в его душе, созданной понимать высокое и прекрасное — несчастье открыло ему эту тайну: похитив у него лучшие блага жизни, оно даровало ему поэзию. Вот уже пятый год, как он без ног и слеп; существенный мир исчез для него навсегда; но мир души, мир поэтических мыслей, высших надежд и веры открылся ему во всей красоте своей: он живет в нем и в нем забывает свои страдания, часто несносные. Мы не входим в подробности — пускай он сам будет своим историком: прилагаем здесь его послание к другу (написанное в 1822 году), в котором с величайшею верностью изобразил он настоящую судьбу свою; оно есть не произведение поэта, а искренняя, трогательная исповедь страдальца...» В этом послании «к другу В. А. Ж.», т. е. Жуковскому, Козлов поминает признательным словом тех, чья поддержка мужественно помогла ему: верного своего друга Жуковского, свою жену, А. А. Воейкову и М. А. Голицыну. Обе эти женщины являлись в самый тяжелый час его жизни со словами сердечного утешения.

Тогда в священной красоте
Внезапно дружба мне предстала:
Она так радостно сияла!
В ее нашел я чистоте
Утеху, нежность, сожаленье,
И ею жизнь озарена...

кн. Яшвилем. Второй ее брак закончился разводом. Умерла она 4 (16) апреля 1884 года во Флоренции. Вторая дочь Леонилла была с 1856 года за итальянским графом Корниани; умерла 22 июня (4 июля) 1875 года в Веве. Младшая Елена, замужем за полк. Влад. Вас. Голицыным, умерла 15 (27) декабря 1885 года в Париже (назв. соч., стр. 191).

¹ О том, что предисловие писано В. А. Жуковским, узнаем из сообщения А. И. Тургенева в письме к кн. П. А. Вяземскому. «Остафьевский Архив князей Вяземских», т. III, СПб. 1899, стр. 114.

А. А. Воейкова в этом послании названа Светланой; княгиня М. А. Голицына не указана именем и скрыта под местоимением Она. Что Козлов говорит именно о М. А. Голицыной, видно из письма А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому от 15 апр. 1825 года. Посылая только что изданного «Чернеца», Тургенев писал: «Она — после Светланы — княгиня Голицына, урожденная Суворова, которая певала и утешала певца некогда, когда еще он был в моде только у Жуковского и у меня». ¹

Вот отрывок послания, относящийся до княгини М. А. Голицыной:

А там с улыбкой прилетел
И новый Ангел-утешитель,
И сердца милый ободритель,
Прекрасный друг тоски моей:
Небесной кротостью своей
И силой нежных увещаний
Она мне сладость в душу льет,
Ласкает, радует, поет,
И рой моих воспоминаний
С цветами жизни молодой,
Как в блеске радужных сияний,
Летает снова надо мной. ²

И. И. Козлов, помимо этого упоминания, выразил свои чувства и в особом послании «К княгине М. А. Голицыной», напечатанном в «Северных Цветах» на 1825 год. Вот оно:

Ты видала, как играет
Солнце раннею порой,
И лилея расцветает,
Окропленная росой;
Ты слыхала, как весною
Соловей в ночи поет,
Как с бесценною тоскою
Он раздумье в душу льет;
Под черемухой душистой,
Часто взор пленялся твой
Блеском радуги огнистой
Над прозрачною рекой.
Так твое воспоминанье,
Твой пленительный привет,
Для сердец очарованье
И прекрасного завет,
Но с увядшею душою,
Между радостных друзей,
Как предстану пред тобою
С лирой томною моею?

¹ Остафьевский Архив, т. III, стр. 114.

² Предисловие к «Чернецу» и послание к другу В. А. Ж. цитирую по изданию 1825 года. В новейшем «исправленном и дополненном» Арс. Ив. Введенским издании (СПб. 1892, изд. А. Ф. Маркса) предисловия совсем нет, а текст послания напечатан с грубыми ошибками: так, напр., вместо «летает снова надо мной» читаем «летает слава надо мною»!

Хотя порой с мечтами младость
 И блестит в моих очах;
 И поется мною радость
 На задумчивых струнах:
 Так дветок в полях мелькает
 Вместе с кошенной травой,
 Так свет лунный озаряет
 Хладный камень гробовой!
 Лишь желать, молить я смею:
 Да надежд прелестных рой
 Вьется вечно над твоею
 Светло-русой головой.
 В свете гостя молодая,
 Жизнью весело играй;
 Бурям издали внимая,
 Обо мне вспоминай.¹

Немного, конечно, можно извлечь из поэтических 'признаний И. И. Козлова для характеристики княгини М. А. Суворовой, но и это немного рисует ее тихий и кроткий образ. Запоминается еще одна внешняя подробность — искусство пения, которым она, повидимому, обладала в высокой степени, так как и в остальных свидетельствах, к которым мы сейчас перейдем, мы встретим не раз указания на пение княгини Суворовой-Голицыной. Вряд ли далеким от истины будет предположение, что внимание молодой девушки на пораженного недугом поэта обратил Жуковский. Давний приятель И. И. Козлова еще с Москвы, он как раз в это время (в конце 10-х и в начале 20-х годов) был учителем вел. кн. Александры Феодоровны, был принят в придворный круг, был баловнем фрейлин, а к одной из них, графине Самойловой, даже питал нежное чувство. В этом круге, по всей вероятности, он и встретился с княжной Суворовой и заинтересовал ее участью своего друга.² И впоследствии Жуковский не раз упоминает о ней в письмах своих к И. И. Козлову; эти упоминания немного пополняют наши фактические сведения о ней. Должно быть, к ней относятся слова из французской записочки Жуковского к Козлову: «Мой дорогой, я сейчас отправляюсь; обнимаю вас. Я ничего не слышал о свадьбе княжны Суворовой», и, следовательно, эту записочку надо датировать временем около 9 мая 1820 года.³ В 1826 году

¹ Текст — по альманаху в переиздании Русского Архива, М. 1881, стр. 329—331.

² Не Жуковский ли познакомил Пушкина с княжной Суворовой? Ночью с 16 на 17 августа 1819 года А. И. Тургенев привез Пушкина из Царского Села в Павловск к Жуковскому. «Дорогой — сообщает Тургенев князю П. А. Вяземскому — писал он послание о Жуковском к павловским фрейлинам, но еще не кончил» (Ост. Арх., т. I, стр. 296). Это послание не дошло до нас.

³ Записочка на франц. языке без даты напечатана К. Я. Гротом в его брошюре «К биографии И. И. Козлова», СПб. 1904 (отд. отт. из «Изв. Отд. Русск. яз. и слов. П. А. Н.», т. IX, 1904, кн. 2), стр. 12. Тут же напечатана (стр. 14) другая записка, без даты, при которой Жу-

Жуковский встретил княгиню Голицыну в Эмсе, и 3/15 июля¹ писал И. И. Козлову: «Здравствуй из Эмса, мой милый Иван Иванович... В Эмсе довольно скучно; но жизнь идет однообразно, что мне не неприятно. Здесь между прочими русская княгиня Голицына-Суворова. Я ее вижу довольно часто и слушаю с большим удовольствием ее милое пение. Она чрезвычайно поправилась; но ей запрещено возвращаться в Россию, и мы ее долго не увидим. Наш климат ей не по натуре. Она тебя помнит и любит и всегда говорит о тебе, да и собирается сама к тебе писать. Вот все, что для тебя интересно». А 23 июля (4 августа) того же года Жуковский, прилагая письмо Голицыной, писал И. И. Козлову: «прилагаю письмо от княгини Голицыной, которая пробудет в Эмсе еще несколько дней. Ее здоровье весьма поправилось. Она очень любезна и добра. Я бывал довольно часто у нее и всякий раз пленялся ее милым пением». ² Действительно в дневниках Жуковского за 1826 год находятся краткие пометы о княгине Голицыной и встречах с нею под 19 июня (1 июля); 23 июня (5 июля), (обед у княгини Голицыной, пение); 3 (15) июля (смешной разговор с Голицыной) и 21 авг. (2 сент.).³

Новый ряд известий идет из переписки А. И. Тургенева с князем П. А. Вяземским, сохранившейся, как в Остафьевском Архиве (напечатанной в известном издании под редакцией В. И. Саитова), так и в Тургеневском Архиве (напечатанной в издании Академии Наук «Архив братьев Тургеневых», вып. 6, 1921. Ред. Н. К. Кульмана. ⁴ Так 7 мая 1827 года Тургенев из Лейпцига сообщал Вяземскому: «Сегодня сюда приезжают русские: граф Головкин, княгиня Голицына (Суворова), которая все просит тебе о чем-то напомнить». ⁵ Особенно часты упоминания о Голицыной в письмах Тургенева к Вяземскому за 1833 год (Тургеневский Архив). В это время Тургенев жи-

---

ковский «посылал письмо княжны Суворовой с посылкой». Но так как она написана после въезда в Россию принцессы Шарлотты (вел. кн. Елены Павловны), состоявшегося 23 ноября 1823 года, а в это время княжна Суворова была уже княгиней Голицыной, вряд ли тут идет речь об интересующем нас лице. Может быть, в дневниках И. И. Козлова, сохранившихся, между прочим, от 1818, 19 и 20 годов и принадлежащих ныне К. Я. Гроту, найдутся упоминания о княжне М. А. Суворовой. К сожалению, Грот напечатал только выборки, по своему вкусу, из дневников Козлова («Старина и Новизна», книга XI, СПб. 1906, стр. 34 и след. и отл.: «Дневники И. И. Козлова», СПб. 1906).

¹ Это письмо напечатано в Русск. Арх. 1867, стр. 825—826 и в «Сочинениях В. А. Жуковского». Изд. 7-е. Том 6, СПб. 1878, стр. 464, с неверной датой 3 (15) июня, исправленной И. А. Бычковым в примечании к «Дневникам В. А. Жуковского», П. 1903, стр. 185.

² Русск. Арх. 1867, ст. 828 и Соч. Жук., указ. изд. и том, стр. 464.

³ Дневники В. А. Жуковского с прим. И. А. Бычкова, П. 1903, стр. 184—187.

⁴ При работе над «Разысканиями» я пользовался корректурными листами этого издания.

⁵ Ост. Арх., т. III, стр. 159.

в Женеве, а княгиня Голицына на даче под Женевой, в Версуа. Как раз в это лето здесь проживала и известная Марья Антоновна Нарышкина, и графиня Е. К. Воронцова. С ними Голицына была в приятельских отношениях. Тургенев встречал Голицыну на общественных праздниках: то на праздниках в Веве в августе, то «на одной из вечеринок, коими женевские аристократы угощают теперь 75-летнюю парижанку графиню Румфорд..., вдову славного Лавуазье, за коего вышла тому 60 лет». Не раз Тургенев бывал и у нее. 1 сентября он сообщал Вяземскому о встрече с известным Декандалем и писал: «после завтра провожу с ним вечер в Версуа, у княгини (Мери) Голицыной, которая велела тебе сказать, что она нарочно придет в II-бург для того, чтобы ты проводил ее до Кронштадта так, как провожал ты нас, Резеду, Салтыковых и проч., о чем мною ей объявлено в свое время, а я слышал об этих проходах от того, кто был тут же и с кем ты собирался писать мне, но предался очарованию отъезжавших... Скажи Жуковскому, что и ему она кланяется». А 6 сентября Тургенев писал: «Был я в проливной дождь в Versoix на бале у княгини Голицыной, где заставляли меня вальсировать. Красавицы Саладень, здешняя аристократическая фамилия богатая дачами и красавицами, дети Шуваловой-Полье, которая накануне приехала, были для меня новые лица». Вместе с Голицыной Тургенев осматривал сад и дом m-me Сталь в Коппе, а 24 сентября он, между прочим, писал: «A propos d'église Grecque; nous avons assisté avant-hier avec quelques dames Russes au service divin dans une chapelle Grecque, desservie par un Moine, accompagné d'un marchand grec qui chantait et des petites et grandes Princesses Golitzine qui regardaient dans une lithurgie slave, qui était vraisemblablement encore du Grec pour elles. Avant la messe Grecque nous avons entendu un beau sermon protestant». 30 сентября Тургенев «был на Австрийско-Женевской вечеринке, которую давали в честь нашей княгини Голицыной-Суворовой, отъезжающей во Флоренск», т. е. Флоренцию.

Все эти сведения рисуют круг заграничной жизни княгини Голицыной; в переписке Тургенева с Вяземским сохранились еще очень любопытные указания на переписку Шатобриана с нашей Голицыной. В письме Вяземского к Тургеневу от 25 марта 1833 года читаем: «Шатобриан не силен в географии. Я читал письмо его к Мери Голицыной, в котором, жалея, что она не в Париже, говорит ей: «Au reste, étant à Mittau, vous êtes encore parmi nous, car les polonais et les français ont toujours été compatriotes». ¹ Тургеневу Голицына подарила в сентябре 1833 года «два письмаца Шатобриана с прелестными фразами».

---

¹ Остаф. Арх., т. III, стр. 229. Между прочим, 19 июля 1833 года Вяземский в ответ на сообщение Тургенева просил передать усердный жоклон Голицыной и спрашивал: «что пение ее»? (там же, стр. 254).

В письме от 7 сентября Тургенев цитировал письма Шатобриана: «Voici ce que Chateaubriand écrivait à la Princesse Golitzine, née Souvoroff, le 3 janvier 1831 de Paris: «Moi, toujours prêt à partir pour la Suisse et toujours retenu par ma santé ou mes travaux, j'ai ajourné au printemps mon voyage; aurai-je le bonheur, Madame, de Vous voir en Suisse ou retrouveriez-vous aux Pyrénées? Je voudrais pourtant ne Vous chercher pas si longtems sur la terre, car ma vie s'en va; voilà encore une année écoulée, et c'est une chose singulière avec les années qui nous ôtent du tems et nous donnent des jours».—Из Женевы от 3 октября 1831: «J'ai été soir et matin occupé d'une défense de mon pauvre Henri, qu'on veut proscrire de nouveau avec ses parents. Je vais aller à Paris imprimer cette défense, car je ne sais point faire le brave, à l'abri de l'ennemi, derrière une montagne. Ma vie est attachée à mon honneur et l'une va où l'autre l'appelle. Si j'avois su, Madame, que le paquet étoit encore moi, je ne vous l'aurai point apporté; j'ai bien assez d'être chargé une fois du poids de ma personne» (он ей привез пакет из Парижа—с своими сочинениями)».¹

Где в настоящее время находятся письма Шатобриана к Голицыной, появились ли они во французской печати, упоминает ли об этих отношениях Шатобриана специальная о нем биографическая литература,—на все эти интересные вопросы я, к сожалению, лишен возможности ответить, не имея под рукой в петербургских библиотеках, биографических работ и материалов о Шатобриане.²

В конце 1836 и в начале 1837 года княгиня М. А. Голицына жила во Флоренции. Здесь в это время было довольно много знатных русских, а среди них—не мало окатоличившихся и обыталянившихся. Такова была, например, фамилия Бутурлиных. Один из ее членов, сохранивший, впрочем, свою национальность и веру, граф М. Д. Бутурлин в своих воспоминаниях³ рисует яркую картину флорентинского света, в котором не последнюю роль играли и наши соотечественники. Несколько

¹ В письмах, напечатанных в IV томе «Остафьевского Архива» Тургенев из Парижа сообщает о своих встречах с Голицыными и князем Мих. Голицыным (стр. 34, 47, 281 и 134). Не совсем ясно, о муже ли М. А. Голицыной здесь идет речь. См. еще упоминания в «Письмах А. П. Тургенева к Н. И. Тургеневу», Лейпциг. 1872, стр. 40 и сл. из Эмса в июле 1827 (Перепечат. в Русск. Арх. 1895 г., кн. III, стр. 40—41).

² Отметим также упоминания о княгине М. А. Голицыной в «Записках Д. Н. Свербеева», М. 1900. Свербеев жил в Швейцарии в 1823—1826 годах (он служил при русской миссии и жил в Берне); перечисляя своих знакомых в Женеве за это время, он упоминает, между прочим, и княгиню Голицыну, живущую на своей вилле в Versoix (т. II, стр. 300). Свербеев рассказывает, как он провел однажды целый вечер у жившей под Берном великой княгини Анны Федоровны (разведенной жены вел. кн. Константина Павловича) в пении с кн. Голицыной, матерью М. А., и с ней самой (т. II, стр. 206). Мать Голицыной тоже славилась своим пением.

³ Русск. Арх. 1897, 1898, 1901 годы.

занимательных строк находим у него и о княгине М. А. Голицыной. Бутурлин прибыл во Флоренцию осенью 1836 года с беременной женой и, не желая пускаться в свет без нее, возобновил знакомство только с Григорием Федоровичем Орловым и с «временно проживавшей во Флоренции княгиней Марией Аркадьевной Голицыной, урожденной княжной Суворовой».¹ В салоне ее он видел скульпторшу де Фово, — из ярых французских аристократических легитимисток, и знаменитого историка Сисмонди. «Княгиня М. А. Голицына, — рассказывает граф Бутурлин, — в то время или немного позднее предалась, как слышно было, особому мистицизму, кончившемуся будто бы переходом в протестанство. Из Италии она переехала на жительство в Швейцарию».² Бутурлин рассказывает еще, что княгиней увлекался в это время маркиз Чезаре Бочелла, «литератор и меломан, бывший чем-то при дворе миниатюрного герцога Луккского».³ Он «был довольно умный и начитанный человек (ученостью же не отличалась вообще тогда итальянская аристократия), но воспламенялся (всегда, впрочем, платонически) то к одной, то к другой женщине, идеализируя ее каким-то сверхъестественным в психологическом отношении созданием из всех Евиных дочерей. Таковою представлялась ему некогда княгиня М. А. Голицына (рожд. княжна Суворова), завлекшая его в туманный мистицизм, который у него дошел до полупротестантизма, а у княгини, если верить молве, до перехода в это исповедание».⁴

¹ Мужа княгини — князя М. М. Голицына — Бутурлин видал в доме своей матери еще в конце 1810-х годов в Москве: Русск. Арх. 1897, кн. 1 (№ 3), стр. 428. А княгиню он встречал во Флоренции весной 1826 года в первый свой проезд: Русск. Арх. 1897, т. II (№ 5), стр. 54.

² Русск. Арх. 1897, кн. III (№ 9), стр. 49.

³ Там же, стр. 91 и 92.

⁴ Там же, 1901, кн. III (№ 10), стр. 217. Не этот ли маркиз Bocella перевел на итальянский язык поэмы Пушкина? Вот заглавие перевода: «I quattro poemi maggiori di Alessandro Pouschkine, tradotti da Cesare Bocella» Pisa, co' caratteri di Didot. 1841 (16), XXII, 134 p. Геннади пишет об этом переводе: «Это едва ли не лучший итальянский перевод из сочинений Пушкина — известного итальянского писателя Бочелла: он перелал нашего поэта белыми стихами, следуя буквальному переводу, сделанному для него, как для незнакомого с русским языком. Содержание книги: предисловие, очерк жизни Пушкина и его поэмы — Бахчисарайский Фонтан, Пленник, Цыганы и Братья Разбойники (Переводы сочинений Пушкина. М. 1859. Стр. 14 — 15. Отд. отд. из «Библиографических Записок» 1859 года, тоже повторено Геннади в «Приложениях к сочинениям А. С. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым», СПб. 1860, стр. 45). Добавить следует, что перевод посвящен alla nobile Elisabeta Cheremeteff nata Martinoff in segno di riconoscenza amicizia». Несмотря на то, что Геннади именует Бочелла известным писателем, в наиболее распространенных книгах по истории итальянской литературы он совершенно не упоминается даже по имени. Этому же Бочелла принадлежит изданный в Пизе перевод поэмы Козлова «Чернед» (Il monaco, poema di Kozloff, tradotto dal Russo in Italiano. Pisa. MDCCCXXXV). Этот перевод был в библиотеке А. С. Пушкина (см. Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина.

Молва о лютеранстве княгини нашла место и в переписке П. А. Плетнева с Я. К. Гротом. 11 ноября 1843 года Плетнев писал из Петербурга в Гельсингфорс Гроту: «На чай отправился к Суворовым, здесь поселившимся, Муж (князь Константин Аркадьевич) отправился ко двору датскому для переговоров о свадьбе в. к. Александры Николаевны с принцем Гессенским. У жены нашел двух больших княжен Голицыных, родных племянниц этого князя Суворова. Они выросли и воспитались в Париже, почему и смешно еще говорят по-русски: мать их урожденная княжна Суворова, даже приняла лютеранскую веру».¹

Точные и обстоятельные сведения об отпадении княгини М. А. Голицыной от православия находим в очень редком и совершенно неизвестном в русской литературе труде известного диакона Вильяма Пальмера, которому довелось играть не малую роль в истории религиозной жизни княгини. Пользуясь этой книгой, я ограничусь здесь только кратким сообщением о ее религиозном кризисе.

Отпадение княгини от православия случилось в конце 1839 или в начале 1840 года, когда она вместе с дочерьми после продолжительного пребывания в Италии переехала на жительство в Женеву. Любопытно, что, живя в общении с католическим миром, она вынесла отрицательное впечатление о «суеверии» католической религии. Неизвестно, под каким влиянием Голицыны восприняли протестантскую точку зрения на руководственное значение св. писания. Но, читая св. писание, они пришли к заключению о решительном несоответствии св. писанию учения и обрядов православной церкви и, наоборот, знакомство с английской «Книгой общих молитв» (Common Prayer-Book) внушило им мнение о полном согласии с св. писанием гимнов, молитв и наставлений этой книги. Отсюда возник интерес к англиканству. Сначала старшая дочь, а потом мать и средняя дочь начали посещать английскую церковь в Женеве и принимать участие в общении св. таинств. Случайно бывший в Женеве ирландский декан (Lord Edward Chichester) принял их в лоно англиканской церкви. О своем отпадении и переходе они написали в Петербург князю М. М. Голицыну, а княгиня М. А. —

П., 1910, стр. 263) и в библиотеке В. А. Жуковского, входящей ныне в состав Онегинского музея (см. Описание Б. Л. Модзалевского в XII вып. сборн. «Пушкин и его современники», стр. 46). Укажем еще на письмо маркиза де-Бочелла на французском языке к И. И. Козлову от 7 мая 1835 года по поводу изданного им итальянского перевода «Чернеца»; оно напечатано К. Я. Гротом в «Известиях отд. рус. яз. и слов. имп. Акад. Наук 1904 г., кн. 2, стр. 92—95.

¹ Переписка П. А. Плетнева с Я. К. Гротом, т. II, стр. 151. Получив это письмо, Я. К. Грот 17 ноября спрашивал Плетнева: «Мать Голицыных, урожд. Суворова, не та ли Наташа, к которой фельдмаршал писал забавные письма?» (стр. 152). Плетнев на это 24 ноября отвечал: «Мать Голицыных, урожд. Суворова, есть дочь Арк. Алдр. Суворова, т. е. сына фельдмаршала; стало быть, она внучка фельдмаршала, — последний не мог писать к ней письма, ибо ее не было на свете» (стр. 158).

и самому Николаю Павловичу, который выразил свое крайнее неудовольствие по этому поводу. Сам М. М. Голицын был в отчаянии: он неясно представлял себе сущность англиканства и сам признавался, что ему меньше было бы горя слышать о переходе своей семьи в католичество. Были приняты официальные меры к возвращению Голицыных в православие: священнику нашей бернской миссии было поручено увещевать отпавших, но первые его попытки были бесплодны и, если дальнейшие увенчались успехом, хотя только в отношении к дочери, то, главным образом, благодаря вмешательству в этот религиозный инцидент семьи Голицыных известного диакона Вильяма Пальмера, который в сороковых годах упорно, но тщетно хлопотал о соединении церквей англиканской и православной и совершил с этою целью ряд поездок в Россию.¹ Обращение Голицыной сыграло большую роль в истории возбужденного Пальмером вопроса о соединении церквей, — роль совершенно не освещенную ни в нашей богословской, ни в нашей исторической литературе. Чтобы понять значение инцидента Голицыной для дела самого Пальмера, надо сказать, что он вначале считал англиканскую и православную церковь ветвями единой католической церкви и на этом основании добивался от нашего Синода разрешения допустить его, как члена истинной церкви, к принятию св. тайн. Такое допущение в общение в таинствах, по мысли Пальмера, и должно было послужить началом соединения церквей. Принятие же Голицыной в лоно англиканской церкви противоречило такой точке зрения Пальмера, ибо ясно, что англиканская церковь не имеет права принимать православных, как обращенных, раз не усматривается существенных различий между православием и англиканством. Поэтому, когда в первую поездку свою в Россию в 1840—1841 годах² Пальмер услышал от князя Голицына об обращении его жены, то он сразу заявил, что это очевидное недоразумение, и что православный человек не может быть «обращен», а может принимать участие в англиканском богослужении, оставаясь членом православной церкви. М. М. Голицын заинтересовался словами Пальмера и просил его изложить свои взгляды с тем, чтобы он мог послать в Женеву его письмо. Пальмер согласился, написал одно, потом другое письмо М. М. Голицыну, а затем вступил в непосредственную переписку с его дочерью. Когда в 1841 году князь Голицын уезжал в Женеву, он даже взял с Пальмера слово приехать, если нужно, в Женеву. Письма ли Пальмера

¹ Большою известностью у нас в России пользовалась его переписка с А. С. Хомяковым в VIII томе «Сочинений» последнего и по-английски в книге Birkbeck W. J., *Russia and the English Church during the last fifty years*. Volume I, London. 1895.

² Об этой поездке см. дневник, очень любопытный, Пальмера: Palmer W. A., *Visit to the Russian Church 1840—1841*. Edited by Cardinal Newman, London 1882; тут есть некоторые подробности и о Голицыных.

подействовали, или убеждения отца, но старшая дочь вернулась в православие и вместе с отцом возвратилась в этом году в Россию, а М. А. Голицына переехала в Париж. М. М. Голицын написал Пальмеру отчаянное письмо с просьбой приехать в Париж и убедить его жену. Пальмер весьма тщательно и настойчиво позаботился о выполнении этой просьбы. Он доказывал княгине, что она неправильно считает себя «обращенной», так как, с одной стороны, при сходстве исповеданий нет надобности в обращении, а с другой стороны для действительного «обращения» недостаточно было принять участие в богослужении и принимать св. тайны по обряду англиканскому, а надо быть принятым, после отречения от старой веры с соблюдением формальностей и с надлежащего разрешения. Все эти условия не были соблюдены, но княгиня Голицына, осуждая православие, твердо считала себя членом англиканской церкви, и в то же время отказывалась от исполнения каких-либо условий. «Все попытки вернуть меня к православию, — писала она Пальмеру, — будут тщетны. Я не ищу, я обрела... Помимо всего, мы исходим из совершенно различных принципов. Вы делаете из религии общение душ, религиозную дисциплину. Для меня религия — вопль потерпевшего крушение к Спасителю, ответ Спасителя и благодать». В январе 1842 года Пальмер лично познакомился с княгиней и имел с ней беседы. Так как княгиня Голицына желала участвовать в англиканском богослужении не как член православной и близкой, по взгляду, религии, а как член англиканской, — для чего она не хотела представить оснований, то Пальмер, найдя единомышленника в шотландском архиепископе в Париже Матвее Лескомбе (Matthew Luscombe), добился того, что Голицыной было откормано в допущении к англиканской евхаристии. Но это не изменило ее взглядов, и она отправилась в Лондон и там продолжала посещать английские церкви. Частный случай дал Пальмеру повод поставить общий вопрос, на каких же условиях должно совершаться принятие православных в англиканскую церковь. Этот же вопрос приводил к постановке еще более общего вопроса — о возможности церковного общения и единения, если разница между православием и англиканством несущественна. Эти вопросы послужили предметом апелляции, с которою Пальмер и сочувствующие ему духовные лица обратились к синодам шотландской церкви. Как материал для суждения, была составлена огромнейшая книга, содержащая подробнейшее и документированное изложение всей истории Голицыной и пальмеровских попыток обращения к русскому Синоду.¹ Но еще до апелляции, составлен-

¹ Эта книга была отпечатана не для продажи и является очень редкой. Ее заглавие: «An Appeal to the scottish Bishops and Clergy and generally to the Church of their Communion» Edinburg. MDCCCXLIX. Стр. XVIII + CCXL + 464. Сообщаемые нами данные извлечены из этой именно книги. Голицына не названа по фамилии, а упоминается под Madame A

ной в 1848 году, Пальмеру было не мало дела с Голицыной. Когда она на короткое время приезжала в Россию, здесь как раз был Пальмер, который и тут воспрепятствовал ей участвовать в богослужении в английской церкви. Но, несмотря на все это, княгиня везде, где только могла, посещала английские церкви и продолжала считать себя членом англиканской церкви. Так было и в момент составления апелляции в 1848—1849 году. Любопытно, что в 1844 году притеснения и преследования за веру русской княгини стали предметом многочисленных статей и памфлетов в западной прессе, доставивших не мало огорчения княгине.

Нельзя не отметить любопытной особенности религиозного обращения княгини Голицыной. Она жила, повидимому, в католической атмосфере; ее современники и современницы из высшего света изменили своей вере ради католичества. Естественнее было бы ожидать и от нее перехода в это исповедание, но ее пленил мистицизм протестантский. Таким образом ее религиозные переживания трудно считать шаблонными, и если в обращениях русской знати к католичеству, которые одно время были почти эпидемическими, можно указать не мало случаев — результатов нерассуждающего подражания, моды и других чисто внешних влияний, то на протестантский пиэтизм моды не было, и обращения в лютеранство были редки...¹

Нежное участие к больному поэту, доступность высоким наслаждениям искусства, общение с выдающимися людьми Запада (Шатобриан, Сисмонди), наконец своеобразный религиозный опыт, завершившийся обращением к протестантской мистике — все это указывает на натуру недюжинную и может послужить к оправданию нашего намерения, привлечь внимание к этой княгине лютеранке.

IV

Но существовавший интерес к личности княгини М. А. Голицыной создан не изложенными данными о ней, впервые нами собранными, а некоторыми отношениями ее к жизни и поэзии Пушкина. Она — «северная любовь» Пушкина! Переходя к разбору гипотезы о северной любви, выдвинутой Гершензоном, не лишнее заметить, что его мнение, насколько мне известно, до сих пор оспаривал в печати один Н. О. Лернер.² Поэтому в дальнейшем мы должны считаться и с рассуждениями Лернера. Гер-

¹ Очевидно, под влиянием уверенности в силе шаблона, и Н. Н. Голицын отметил в числе совраотившихся в католичество членов рода Голицыных и княгиню М. А. Голицыну, которая, по его сообщению, состояла в католичестве «временно за границей около 1841 года» (Род кн. Голицыных, стр. 347).

² В примечаниях ко 2-му тому соч. Пушкина под ред. Венгерова. СПб. 1908.

шензон пришел к своим выводам с помощью метода психологического: он пристально читал стихи Пушкина и верил им, и наблюдения его лишь результат «медленного чтения». Сущность той работы, которую проделал Гершензон в своем опыте «медленного чтения», — заключается в том, что несвязанные высказывания в поэтических произведениях Пушкина он освоил современным, личным сознанием и заполнил, таким образом, пробелы в доступной нам истории переживаний поэта. Такого освоения не следует, конечно, бояться, но только в том случае, если в нашем распоряжении фактов настолько достаточно, что сила их действия на наше сознание в свое время скажется и заявит противодействие субъективизму исследователя. А как раз при изучении Пушкина нас подавляет скудость фактов и, что еще важнее, скудость фактических обобщений; ведь в сущности изучение Пушкина только теперь еле-еле становится научным. Но Гершензон в «медленном чтении» основывался на следующем утверждении: «биографы поэта оставили без внимания весь тот биографический материал, который заключен в самых стихах Пушкина. Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова; каждый его личный стих заключает в себе автобиографическое признание совершенно реального свойства». Это положение — для Гершензона аксиома, с которой начинается изучение Пушкина, но оно в действительности могло бы быть принято, если бы только явилось результатом предварительного тщательного сравнительного изучения истории его жизни и творчества, но никто еще не произвел научным образом всей той фактической работы, из которой с логической неизбежностью вытекало бы то или иное решение этого положения. Пока оно только — впечатление исследователя *ad hoc*. Гершензон не снабдил разъяснениями своей аксиомы. Что такое реальная элементарность правдивости Пушкина в его поэзии? Если она означает, что переживание, выражение которого находим в поэзии, было в душе поэта, то такое мнение, конечно, можно принять, но какое же остается за ним руководственное значение для биографов? Их задачей являются разыскания в области фактической жизни поэта, которые должны выяснять удельный вес всякого переживания в ряду других. Вот тут и начинаются долгие споры, при которых придется привлекать фактические данные.

Оппонент Гершензона Лернер работает при помощи других методов: он держится в области фактов, разыскивает их, рассматривает и сопоставляет. В его работах научное изучение Пушкина найдет для себя не мало полезных материалов. Недостатки метода Лернера — односторонность, к которой приводит исследователя отсутствие перспектив; кроме того, применение такого метода требует большой осторожности и сдержанности. Как раз последних свойств не хватает Лернеру.

Подобно всякому фактическому исследователю, Лернер нередко бывает однокрылым и забывает о должной осторожности. Мы не раз будем иметь случаи отмечать своеобразные промахи Гершензона и Лернера, вытекающие из их приемов работы.

Гершензон рассказал историю любви Пушкина к княгине М. А. Голицыной, выяснил характер этой привязанности поэта и даже нарисовал образ этой женщины — и все это он сделал исключительно на основании трех стихотворений Пушкина, ею вызванных. Нам необходимо сосредоточить внимание на этих произведениях, и поэтому представляется неизбежным привести текст (в той редакции, в какой она появилась при жизни поэта) и сообщить их «послужной список». В целях краткости в дальнейшем изложении, элегия «Умолкну скоро я» обозначается цифрой I, элегия «Мой друг забыты мной» — цифрой II, и послание «Давно о ней воспоминанье» — цифрой III.

В отношении к сохранившимся рукописям история I и II одинакова. Возникли оба стихотворения почти одновременно: I — 23 августа 1821 года, II — в ночь с 24 на 25 августа. Рядом (II сейчас же за I) записаны они в черновой кишиневской тетради (ныне Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина, № 2365). Здесь их первоначальная, соответствующая моменту возникновения элегий, редакция. Черновой набросок I — не всего стихотворения, а только части (последней) — занимает правую сторону тетради или иными словами, переднюю страницу 47 листа.¹ Заглавия нет, а внизу страницы помета 23 авг. 1821 года; видно, что цифра 3 исправлена из 4. Сейчас же вслед за этим идет черновик II, занимающий оборот 47 и лицо 48 листа. На 47 об. вверху слева помета «24 Авг. в ночь». Из рукописи видно, что текст I заносился в тетрадь именно 23 августа, а текст II — ночью 24 августа.

Изучение рукописей поэта дает возможность установить обычный у него прием двукратной обработки темы. Первая

---

¹ Отметим содержание страниц предшествующих. На об. л. 45 по описанию Якушкина (1883, апр., 100) «какие-то зачеркнутые стихи. Тут же помета — 18 juillet. Nouvelle de la mort de Napoléon. Bal chez l'archevêque Argenien 1821». Другими чернилами с боку: «Напрасно рошу оглашает Охотника веселый рог». С. А. Венгеров эти два стиха ввел в текст своего издания (II, 88) и дал следующие разъяснения в примечаниях (II, 588). «Эти два стиха единственные, которые можно разобрать в исчерпанном черновике... Сами по себе незначительные, стихи имеют интерес, как указание на замысел какого-то произведения — эпического характера». Эти разъяснения требуют исправлений. Черновик действительно почти весь перечеркнут, но все же поддается разбору, это — продолжение написанного на предшествующих страницах наброска к «Гробу юноши» [укажем, что Майков в «Материалах» (121) приводит текст стихотворения, пользуясь вариантами именно с л. 45 об.]. Поэт набрасывает ряд картин жизни: юноша мертв, и напрасно блещет луч денницы...; «напрасно утром за малиной к ручью красавица с корзиной...» — Под густо зачеркнутыми линиями кое-что можно разобрать; вот некоторые слова и строки, мною прочитанные:

обработка свидетельствует о муках творчества и бросается в глаза исчерканностью и обилием поправок; видно, что поправки являются сейчас же вслед за возникновением каждого стиха или даже слова. Во второй обработке—песа вносится на чисто без поправок и затем уже подвергается исправлениям, но их уж не так много, как в первой редакции. Наконец, посылая пьесу в печать, Пушкин переписывал ее из тетради на бело. Этих положений нельзя, конечно, прилагать ко всем пьесам; исключений не мало, но обычно ход работы именно таков. Он хорошо иллюстрируется черновиками поэм, хотя бы «Цыган», «Онегина»; нередко за исчерканной первой редакцией строфы сейчас же, непосредственно идет вторая редакция, с немногими уже исправлениями. Хороший пример дают и занимающий нас текст I и II.

Съ корзиной
идуть въ ближній лѣсъ идутъ
къ
и отдыхаютъ гробницей
приподымаетъ
И въ прохладу и холодъ водъ
Ногою робкою ступаетъ
Пугливо тихонько ногу опускаетъ
За ягодой напрасно молод по ягоды
Спѣшать съ корзиной дѣвшки долины
И пѣсни
И съ берега
За поделуемъ

А на этих перечеркнутых стихах поэт набросал и продолжение.

Напрасно рошу оглашаетъ
[Охотника | | веселый | | рогъ |
| Охоты звонкіе рога |
| И стая гончихъ |
Охотника веселый рогъ
| И стая гончихъ прибѣгаетъ |

Совершенно очевидно, что два стиха, введенные теперь в текст, как самостоятельный набросок, являются только вариантом к «Гробу юноши». Сравни. Пушк.-Акад. III, стр. 82. Но таким образом находящаяся здесь помета 18 juillet... 1821» дает возможность более точной датировки стихотворения. На стр. 46 начало письма, программа Братев-разбойников, два стиха «Одна черта руки моей», и историческая программа. Эта страница воспроизведена в издании Венгерова, II, 159. На обороте 46 листа, т. е. налево от черновика I, видим ряд рисунков, помету 26 Juillet 1821 и несколько зачеркнутых стихов. Не без труда, но можно под зачеркнутым разобрать отдельные слова и стихи приблизительно так: И пленник думал... И юный пленник, с этих пор живет с печалью одинокой, И не встречал уже, Он тшетно». Очевидно, эти стихи — не нашедший дальнейшего развития вариант к «Кавказскому Пленнику», — именно к ст. 155 и след. Якушкин в описании (апр., 100) оставил без разбора эти стихи, приведя только один стих «И пленник думал»; не обратил он на них внимания и тогда, когда подводил варианты черновых к «Кавказскому Пленнику» в академическом издании. Стихи листа 46 об. находят ближайшее соответствие в приводимом здесь (Пушк. — Акад. II) варианте на стр. 464.

Вторую обработку I и II находим в тетради № 2367. Здесь перед нами оба стихотворения с исправлениями, сделанными по переписке, в сравнительно законченном, но все же еще не завершённом виде. I занимает здесь л. 10 и 10 об. и имеет заглавие «Элегия», а под заглавием помету «1821 Авг. 23», а II — находится на л. 11 и 11 об. с заглавием: «Элегия» и с пометой под последним стихом «25 авг. 1821». Так как по занесении элегий в тетрадь оставалось на об. 10 и на об. 11 листов свободное место, то Пушкин воспользовался им, вписав свои мелочи — на об. 10 — «Лиде страшно полюбить» и на об. 11 — Эпиграмму — «У Кларисы денег мало» с пометой под ней «1822 Генв.»¹

¹ Пересматривая первые листы тетради № 2367, мы видим, что Пушкин сначала предназначал эту тетрадь для занесения сюда беловых редакций или вторых обработок своих стихотворений. Чтобы убедиться в этом, надо взглянуть хотя бы на факсимиле, 1, 1 об. и 2 листов, данные во II томе Пушк. — Акад. Приблизительно такой же внешний вид имеют и последующие страницы. К большинству переписанных сюда стихотворений сохранились и первоначальные черновые в других тетрадях: так, черновые «Увы, зачем она блистает», «Дочери Кара-Георгия», — в тетради, хранящейся в Госуд. Публ. Библиотеке в Ленинграде, а послания к Чаадаеву, «Овидию», «Наполеон» — в тетради 2365 и т. д. Существование двух редакций следует иметь в виду исследователям при определении хронологии недатированных произведений по их «положению» в рукописи. Если эти произведения находятся среди первоначальных редакций и если их нахождение не допускает мысли о случайности их появления здесь, то тогда «положение» дает материал для хронологического приурочения; но если недатированные произведения находятся, хотя бы и не случайно, среди других произведений заведомо известных годов, но переписанных во вторичной редакции, то о чем же свидетельствует «положение»? Всего только о том, что эти недатированные произведения появились тут не в известный нам хронологический момент возникновения, а в неизвестный для нас момент их внесения во вторую редакцию в тетрадь. Да не надо еще забывать, что многие стихотворения, известные в одном рукописном списке, несомненно предполагают существование недошедших до нас черновиков первоначальной редакции. Когда, например, Пушкин стал заполнять тетрадь № 2367, занося беловые тексты произведений, без определенного порядка, 1817 года («В альбом Зубову»), 1820 («Нереида», «Редет облаков», «К портрету Виземского»), 1821 (очень многие), 1822 («Ф. Н. Глинке», «Гречанке»)? Вернее предположить, что это было в 1822 году. А между тем именно по «положению» и только по «положению» в этой тетради оказываются датированными под 1821 годом 1) «Лиде страшно полюбить», 2) «Клеветник без дарованья», 3) «Оставя честь судьбе на произвол» (только Л. Н. Майков отнес к 1822 году), 4) «Эмилий человек пустой» (только Майков — к 1822). Но относительно «положения» всех этих мелочей надо сказать: во-1) все они занимают свободные концы листов 10 об., 3 об., 4 об., 5; след. могли быть вписаны и в 1822, и в 1823 году, после того, как уже были вписаны остальные стихотворения, и во-2) если даже предположить, что они были занесены в эту тетрадь одновременно с большими стихотворениями, то ведь большие стихотворения попали сюда не в момент (нам известный) их возникновения из художественного настроения поэта, а в пору (нам точно неизвестную) вторичной обработки. А так как вероятно всего, что Пушкин стал заносить сюда стихи в 1822 году, то не лучше ли будет перенести их в 1822 год? Мне кажется, что именно такие сообра-

Наконец, в окончательной редакции, приготовленной для отсылки в печать, читаем I и II в тетради П. И. Капниста, о которой мы еще будем говорить: I — на об. листа 18 с пометой: «Элегия XI (1821)», и II — на л. 16 — 16 об. с пометой «Элегия VIII (1821)». ¹

Именно этот текст I и II появился в печати в «Стихотворениях Александра Пушкина», СПб. 1826. I занимает здесь на 15-й странице 9-е место в отделе «Элегий», а II — 4-е место в том же отделе на 8-й странице. До выхода в свет собрания стихотворений II было напечатано в 11-й книжке «Новостей литературы, изданных А. Воейковым» (март 1825) под заглавием «K***» с подписью «А. Пушкин». Этот текст представляет несколько отличный от текста тетради Капниста и «Стихотворений» 1826 года, находящихся свое оправдание в истории текста, как она рисуется по черновым тетрадам. При жизни Пушкина, I и II были напечатаны еще раз в первой части «Стихотворений Александра Пушкина». СПб. 1829. Здесь они помещены в отделе произведений 1821 года, I на 4-м месте (стр. 108) и II на 1-м месте (стр. 103 — 104). Текст изданий 1826 и 1829 года совершенно одинаков, и разница только в пунктуации, причем в этом отношении надо предпочесть издание 1826 года, по которому мы и даем текст, в скобках сообщая пунктуацию 1829 года.

I

Умолкну скоро я. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстной;
Но если я любим: позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной! (.)
Когда меня навеки обьет смертный сон;
Над урною моей промолви с умилением:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песнь и любви последним вдохновеньем! (.)

II

Мой друг! (,) Забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное течение.

жения имел в виду Майков, относя 3-е и 4-е в 1822 год. Между прочим, текст 2-го, как известно, сообщен в письме к брату 24 января 1822 года, но остается совершенно непонятным, почему на основании этой даты заносится это произведение в 1821 год?

¹ С тетрадью П. И. Капниста мы знакомы только по описанию Майкова в указанных «Материалах», а также и в его сообщении «Автографы Пушкина, принадлежащие графу П. И. Капнисту», СПб. 1896 (отд. и в «Сборнике Отд. Русск. яз. и слов». И. А. Н. Том LXIV, № 5). Далее это сообщение цитируется кратко «Автографы Капниста».

Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
 Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
 Что я любил, что изменило мне! (.)
 Пускай я радости вкушаю неполне! (;)
 Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
 Беспечно верь ему, летучий миг лови! (:)
 Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поделуев сладострастья;
 Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
 Светла, как ясный день, младенческая совесть.
 К чему тебе внимать безумства и страстей
 Незанимательную повесть?
 Она твой тихий ум неволью возмутит;
 Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
 Доверчивой души беспечность улетит,
 И ты моей любви, быть может, ужаснешься.
 Быть может, навсегда ... Нет, милая моя,
 Лишиться я боюсь последних наслаждений: (.)
 Не требуй от меня опасных откровений! (:)
 Сегодня я люблю, сегодня щастлив я! (.)

Третье стихотворение, связываемое с Голицыной, известно нам по автографу на обороте листа 44-го той черновой тетради (№ 2369), которою Пушкин пользовался в 1822, 1823 и 1824 годах и в которой мы находим начало «Онегина». Набросок начинается с самого верха страницы, так что хронологической связи с предшествующими страницами, при пушкинском беспорядке в пользовании тетрадами, устанавливать не приходится. Отметим, что III занимает левую сторону тетради и, если отвернуть этот лист, то на обороте 43 листа увидим отрывок «Все кончено: меж нами связи нет», а за ним, на этой же странице начинается и заканчивается на следующей странице (44 пер.), занимая ее всю, черновик того письма к Бестужеву, которое в беловом помечено 8 февраля 1824 года. Если бы Пушкин заполнял листы тетради № 2369 по порядку, то тогда было бы возможно заключить, что III занесено в нее не раньше 8 февраля 1824 года. По своей внешности стихотворение на л. 44 об. представляет редакцию, уже выработанную с некоторыми поправками в отдельных стихах и совершенно не напоминает тех черновики, которые современны моменту возникновения самого произведения.¹ Стихи имеют заглавие К. М. А. Г. Над-

¹ Сейчас же вслед за III на той же странице начинается и переходит на левую сторону 45 листа черновик послания Чаадаеву «К чему холодные сомненья». Достаточно бросить беглый взгляд на эти страницы или посмотреть транскрипцию послания, данную Якушкиным (Пушк.—Акад. II, стр. 327—329), чтобы признать здесь именно черновик первого типа, т. е. соответствующий моменту возникновения стихотворения. Известно разногласие в вопросе о хронологии этого послания Чаадаеву: Пушкин и сам засвидетельствовал, что написал его в 1820 году, и печатал его сам под 1820 годом, но несомненно то, что на 44 об. и 45 листах тетради № 2369 (единственная известная нам его рукопись) оно не только вписывалось, но и сочинялось. Трудно согласиться с Якушкиным, разрешающим недоумение указанием на то, что послание к Чаа-

письма эта, как нам кажется, сделана не в одно время с текстом и, быть может, не рукою Пушкина. Но Анненков, упоминая об одном, сделанном Пушкиным списке стихотворений до 1826 года включительно, говорит, что в нем обозначена словами: «К кн. Гол.» известная его пьеса «Давно о ней воспоминанье».¹

Наконец, после Революции отыскиались остатки альбома княгини М. А. Голицыной, ныне находящиеся в Пушкинском Доме. Здесь нашлось и начало послания Пушкина к этой княгине, к сожалению, только начало, только первые восемь стихов. Текст их дает разночтения и должен быть предпочтен известному нам тексту, поэтому мы даем впервые воспроизведение этих восьми строк.

Давно объ ней воспоминанье
Храню въ сердечной глубинѣ
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твержу я стихъ обвороженной
Мой стихъ, унынья звукъ живой
Так мило ею повторенной
Замѣченной ея душой.

Пушкин не поместил III в собрании своих стихотворений ни в 1826, ни в 1829 годах, но при жизни его оно появилось в изданном В. Н. Олиным альманахе «Карманная книжка для любителей русской старины» на 1830 год (стр. 30—31) с сле-

---

даеву было создано в 1820 году, а окончательно обработано в 1824 году. Нельзя ли допустить в таком случае не процесс окончательной обработки, а процесс восстановления по памяти и на бумаге стихотворения, оригинала которого у Пушкина не было под рукой? Заметим, что в 1824 г. ни Пушкин, ни Дельвиг, для альманаха которого предназначалось письмо с посланием к Чаадаеву, не могли получить оригинала, так как Чаадаев в это время был за границей. Совершенно произвольно и уже поэтому не требует опровержений предположение П. О. Морозова о том, что «в январе 1824 года в Одессе поэт вспомнил о другом своем друге — княгине М. А. Голицыной — и, может быть, начал писать ей послание с воспоминаниями об Ифигении и Оресте и о торжестве Пиладовой дружбы. Может быть, именно Голицыну и означает таинственная буква Г —, попавшая под перо Пушкина в черновом письме к Дельвигу» (Пушкин — Венгеров, II, стр. 550—551). Морозов имеет в виду строки письма «Тут посетили меня рифмы на памятник дружбы. Я думал стихами о Г —». Самое простое объяснение буквы Г —: «Я думал стихами о Гусаре». Ведь Чаадаев как раз и был «вышнего волею небес... офицер гусарский». [Ср. письма Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 110 и 380]. Добавим, что рассуждения Морозова о несвязности двух частей этого послания, отделенных точками, тоже лишены всякого основания, так же, как и неправильная ссылка на рукопись, в которой будто бы только всего и относятся к этой части два стиха «Хотел развалинам иным оставить имя роковое». См. транскрипцию, данную Якушкиным. К Голицыной же послание к Чаадаеву решительно никакого отношения не имеет.

¹ Анненков, Материалы, стр. 145 и Пушкин — Анненков, т. I, стр. 152.

дующим заглавием: «Кн. Голицыной, урожденной Суворовой» и с пометой под стихотворением «1823. Одесса». Вот текст III:

Давно о ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине;
Ее минутное вниманье
Отрадой долго было мне.
Твердил я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой,
Так мило ею повторенный,
Замеченный ее душой.
Вновь лире слез и хладной скуки
Она с участием вяза —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки...
Довольно! в гордости моей
Я мыслить буду с умилением:
Я славой был обязан ей,
А, может быть, и вдохновеньем.

Первый и важнейший вопрос — на каком основании относит Гершензон все три стихотворения к княгине М. А. Голицыной? Но оснований Гершензон не разыскивал, а положился на авторитет издателей. Правда, он бросил несколько слов о некотором тождестве содержания I и III и о хронологической нераздельности I и II, но не потратил времени на развитие этих соображений. Нам придется коснуться их при анализе содержания этих трех пьес. Сейчас же мы останавливаемся исключительно на объективных фактических основаниях для приурочения всех трех пьес к княгине Голицыной. Мы вправе обратиться за ними к Лернеру. Во 2-м издании «Трудов и дней Пушкина» (стр. 69) он относит I и II к княгине Голицыной на том основании, что... их относит к ней Морозов в своем издании. А у Морозова находим категорическое указание на то, что I и II писаны к Голицыной, без всяких дальнейших разъяснений. В новейшей своей работе — в примечаниях к сочинениям Пушкина в редакции Венгерова — Лернер выдвигает приурочение I и II к Голицыной, как собственное мнение, и обставляет его аргументами.

Из приведенных выше данных о рукописях и изданиях I—II—III видно, что бесспорно усвоение княгине Голицыной одного III. И при жизни Пушкина оно было напечатано с полной ее фамилией, и в черновой тетради имеет в заглавии инициалы «М. А. Г.» и в собственноручном перечне Пушкина оно помечено «К кн. Гол.». Сомнений тут не может быть, и вопрос идет только о I и II. Но для приурочения I и II к княгине Голицыной мы не находим решительно никаких данных ни в истории их рукописного и печатного текста, ни в истории традиции, ибо они не были относимы к ней ни в издании сочинений, выпущенном наследниками или, вернее, опекой, ни в последовавшем за ними издании Анненкова, ни во всех изданиях Геннади. Впервые в текст сочинений Пушкина с именем

Голицыной были внесены I и II покойным Ефремовым в 1880 г. (3-е издание Я. А. Исакова). Покойный Ефремов, при всех своих заслугах по изданию русских писателей, все же был только любителем и не имел ни научной подготовки, ни критического чутья, заменяя по временам эти свойства чрезмерным — даже до удивления — апломбом и догматизмом. Он внес не мало совершенно произвольных мнений по вопросам текста, хронологии и даже биографии поэта. К сожалению, до самого последнего времени в пушкиноведении выдаются за положительные данные такие утверждения, которые при расследовании оказываются всего на всего домыслами Ефремова. Именно так стоит дело и в нашем случае.

Лернер, признав правильным отнесение I и II к Голицыной, доказывает мнение Ефремова следующим образом: «из слов самого Пушкина, который, подготавливая в 1825 году сборник своих стихотворений, писал 27 марта брату: «тиснуть еще стихи Голиц.-Суворовой; возьми их от нее», можно видеть, к кому относится элегия (I), действительно появившаяся в издании 1826 года».¹ В этом выводе и дала себя знать однокрылость увлеченного фактического исследователя. Вот вопрос, на который Лернер, конечно, не может дать ответа: откуда же ему известно, что Пушкин имел в виду стихотворение I или II, а не какое-либо другое? Какое же это доказательство, что I и II напечатаны в издании 1826 года! Ведь решительно ничто не мешает нам думать, что тут речь идет о III или даже, может быть, и другом, нам неизвестном. Но не станем предполагать существования неизвестных нам стихотворений Пушкина и останемся в кругу дошедших до нас. Мы считаем вполне достоверными следующие положения: 1) в письме к брату Пушкин говорил именно о III стихотворении, хотя оно и не появилось в издании 1826 года, и 2) Пушкин ни в коем случае не имел в виду ни I, ни II. Для того чтобы перед нами обнаружилась правильность этих утверждений, надо только вспомнить историю появления в печати первого издания стихотворений Пушкина в 1826 году.

Об отдельном издании своих стихотворений Пушкин начал думать с 1819 года. В 1820 году Пушкин «переписал свое вранье и намерен был издать его по подписке»,² но рукопись эту он

¹ Пушкин — Венгеров, II, 572.

² Письма Пушкина, т. I, 99. Это сообщение о «переписанном вранье» запрещает отождествлять рукопись Всеволожского с тетрадкой № 2364. Соображения по этому поводу Якушкина (Пушк. — Акад. II, 265) не имеют тут силы, а главнейший довод против отождествления: тетрадь Всеволожского не существует с марта 1824 года; она, как мы видим из письма к брату от 14 марта 1825 года из Михайловского и из истории возникновения тетради Капниста, была разорвана Пушкиным по листам. Кстати: в письме к брату от конца октября 1824 года (Письма т. I, стр. 97) Пушкин просит прислать ему «его рукописную книгу». Но тут не о рукописи Всеволожского речь. Не имел ли в виду Пушкин тетради № 2364?

проиграл Всеволожскому. Последний не осуществил своего издательского права. Пушкину пришлось выкупать у него эту рукопись, когда он приступил, будучи уже в Михайловском, к изданию своих стихов. Брат Лев Сергеевич добыл рукопись только в марте 1825 года. Пушкин 14 марта из Тригорского писал ему: «Брат, обнимаю тебя и падам до ног. Обнимаю также и Аристарха Всеволожского. Пришли же мне проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать... Элегии мои переписаны — потом послания, потом Смесь...». А 15 марта, прибыв в Михайловское и найдя рукопись, он писал брату: «Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я выстирал черное белье наскоро, а новое сшил на живую нитку».¹ Пересланная в этот день Пушкиным рукопись сохранилась и пушкинистам известна под названием тетради Капниста. Владелец тетради граф П. И. Капнист предоставил эту рукопись во временное распоряжение Академии наук, и Майков описал ее.² Из его описания видно, что Пушкин чуть ли не в буквальном смысле произвел всю ту работу над рукописью, о которой он так картинно выразился в письме. «Сперва тетрадь, по словам Майкова, состояла из большого количества листов, но некоторые из них были вырезаны, а остальные сшиты вновь, притом не в надлежащем порядке... Вся тетрадь писана Пушкиным собственноручно... Сюда внесены лишь те стихотворения, которые Пушкин считал достойными печати; притом некоторые пьесы не вписаны в тетрадь целиком, а лишь указаны своим заглавием или первым стихом: Плетневу и Л. Пушкину предоставлялось извлечь полный текст этих произведений из тех альманахов и журналов, где они впервые были напечатаны... На основании этого сборника изготовлена была та рукопись, с которой печаталось издание 1826 года... Все стихотворения, помещенные в этой тетради, вошли в издание 1826 года в той редакции, в какой находятся в этой тетради, за исключением, впрочем, нескольких стихов, подвергшихся еще раз поправке».³ Самая рукопись

¹ Итак, в один-два дня, 14—15 марта 1825 года, Пушкин подготовил к печати стихотворения, находившиеся в рукописи Всеволожского и внесенные туда в 1820 году до отъезда из Петербурга. Возникает вопрос, к какому времени относятся исправления в тетради 2364. Обычно утверждают, что Пушкин исправлял стихи этой тетради, готовя издание в 1825 году, но не были ли сделаны эти исправления перед тем, как по этой тетради Пушкин подготовил список своих стихотворений в 1820 году, очутившийся в руках Всеволожского? Ответ на этот вопрос важен для истории текста и требует для своего разрешения дальнейших наблюдений.

² Автографы Капниста. К сожалению, описание Майкова крайне бегло и не дает ответа на многие любопытные вопросы. Об этом приходится пожалеть сугубо, так как рукопись в свое время была возвращена из Академии наук по принадлежности, а где она находится теперь, не удалось выяснить, несмотря на все розыски.

³ Автографы Капниста, стр. 1, 2, 8. Необходимо отметить ошибку Майкова. В издание 1826 года не вошли: 1-е и 2-е послание Щербинину

заканчивается следующей записью: «если найдутся и другие» (т. е. эпиграммы и надписи, перечень которых приведен Пушкиным на этой странице), «то тисни. Некоторые из вышеозначенных находятся у Бестужева; возьми их от него. Дай всему этому порядок, какой хочешь, но разнообразие!».¹

Брат Пушкина отнесся к поручению поэта весьма небрежно. Он должен был произвести розыски стихотворений, не намеренных поэтом в тетради Капниста, и переписать все стихотворения для представления в цензуру. Но, судя по тому, что издание 1826 года в сравнении с тетрадью П. И. Капниста имеет немного дополнений, да из этих дополнений львиная доля вставлена самим Пушкиным или взята из номеров журналов, вышедших в период подготовки издания, можно заключить, что он не производил никаких особых розысков. Не спешил Лев Сергеевич и с перепиской стихотворений, присланных братом и собранных им при помощи Плетнева. 28 июля Пушкин писал брату: «я отослал тебе мои рукописи в марте — они еще не собраны, не цензурованы». Но 5 августа Плетнев сообщал Пушкину: «Левушка... отшучивается, когда я ему говорю, как он спешит перепиской разн. стих. Прикрикни на него по старому, и он разом отдаст мне тетрадь готовую для цензора». 29 августа Плетнев опять советовал Пушкину «велеть Льву в половине сентября непременно отдать мне разные стихотворения, чисто и со всеми твоими поправками переписанные, чтобы 1-го октября взял я их от Цензора и снес в типографию». Только к 26 сентября Плетнев получил от Льва переписанную им тетрадь. Оглавление ее 26 сентября Плетнев послал Пушкину на утверждение. Неизвестно, где находится в настоящее время эта тетрадь, но ею еще пользовались и Анненков и Ефремов. Сравнивая эту тетрадь (по списку Плетнева) с книгой, видим, что в книгу не попали следующие десять пьес, имеющиеся в тетради: Я видел смерть 1816, К ней 1817, Уныние 1816, Воспоминание в Царском Селе 1814, Романс 1814, Наездники 1815, Месяц 1816, Усы, Жив, жив курилка, К Н. Я. П. 1818, но за то в издании находим три не бывших в этой тетради пьесы: В альбом 1825, Ех ungue leonem, Юноше Сафо.² Из сопоставления же оглавления переписанной Львом Пушкиным тетради с указаниями тетради Капниста видим, что он не рязыскал и не включил послания

(1819), Баратынскому (из Бессарабии), 3) послание Каверину, 4) «Я видел смерть» и 5) «Морфею». 1 и 2 указаны в тетради Капниста, текст 3 приведен деликом; 4 — в тетради сохранилась часть текста, а остальная обрвана; текст 5 вписан в тетрадь, но тут же Пушкин приписал: «если оставить, так перенести в мелкие стихотворения».

¹ Там же, стр. 7.

² Анненков, говоря об этой тетради, пишет: «Кстати сказать между прочим, что в тетради 1826 года зачеркнуто Пушкиным 9 пьес, именно: Подражание 1816 (т. е. Я видел смерть. II. III.), К ней 1817, Уныние 1816, Восп. в Царском Селе 1815, Романс 1814, Наездник 1815, Месяц 1816

к Щербинину, к Боратынскому из Бессарабии, к Каверину и элегии «Морфею».

О пополнении и исправлении приготовляемого к печати в Петербурге братом и Плетневым собрания стихотворений Пушкин начал заботиться тотчас по отсылке своей рукописи в марте месяце. То и дело в письмах к Плетневу и брату он сообщал поправки, давал советы включить то и то. Мы остановимся только на одном подобном распоряжении Пушкина в письме к брату от 27 марта 1825 года, т. е. как раз на том, на котором основывается Лернер, относя I стихотворение к княгине М. А. Голицыной. Припомним, что свою рукопись Пушкин отослал брату 15 марта. «Тиснуть еще стихи К. Голиц.-Суворовой; возьми их от нее» — пишет он брату. Из рассказанной только что истории приготовления к печати первого собрания стихотворений Пушкина ясно, что подобное распоряжение могло относиться только к таким стихотворениям, которые раньше им не были указаны ко включению издания и текста которых он не сообщил. Но мы уже знаем, что в тетради Капниста, отосланной 15 марта, переписаны целиком и I и II—I на л. 18 об., а II—на л. 16—16 об.¹ Но отсюда с совершенной очевидностью вытекает, что, предлагая брату взять стихи княгини Голицыной-Суворовой и тиснуть, Пушкин никоим образом не имел в виду ни I, ни II.²

Но какие же стихи Голицыной-Суворовой поручал поэт брату взять от нее? Не прибегая к гипотезе недошедшего до нас послания Голицыной, мы должны разуметь под ними, конечно, III. Правда, оно не было напечатано в издании 1826 года, но что означает его отсутствие в этом издании? Брат Лев или пренебрег распоряжением брата (а мы знаем, что он делал это неоднократно), или не имел возможности исполнить его, так как М. А. Голицыной как раз в это время могло и не быть

Усы» (Пушкин—Анненков II, стр. 32). Любопытно, что Анненков говорит о 9 пьесах, а перечисляет только 8. По указанию Плетнева видно, что в тетради была и эпиграмма «Жив, жив курилка» и послание «К Н. Я. П.». 1818.

¹ Автографы Капниста, стр. 6—7. По недосмотру Майков не дал здесь указания, что приведен весь текст пьесы I, но см. его «Материалы», стр. 125.

² Можно привести и следующее тому подтверждение. Мы уже указывали, что II появилось в мартовской книжке журнальчика Воейкова «Новости Литературы». Цензурное дозволение на этой книге от 2 марта. Надо думать, что к 27 марта книжка эта могла быть уже получена в Михайловском, а в том самом письме от 27 марта, в котором находится распоряжение «тиснуть стихи Голицыной-Суворовой», непосредственно перед этими словами читаем: «Так как Воейков ведет себя хорошо, то думаю прислать и ему стихов—то ли дело не красть, не ругаться по «.....», не перепечатывать, писем не перехватывать и пр. Люди не осудят, а я скажу спасибо». Можно ли в таком случае выражение «тиснуть стихи Голицыной» относить ко II, которое лежало перед Пушкиным в полученной им книжке «Новости Литературы»?

в Петербурге.¹ Послание, ей адресованное, появилось в 1830 году в альманахе В. Н. Олина. Здесь она названа полной фамилией с титулом, и стихотворение дано с пометкой «1823, Одесса». Весьма правдоподобно, что В. Н. Олин получил рукопись стихотворения не от Пушкина, а прямо или через других от княгини Голицыной. Во всяком случае, очень похоже на то, что он печатал послание со списка, представлявшего окончательную, поднесенную Пушкиным редакцию.

Но мы были бы несправедливы к Лернеру, если бы оставили без внимания еще одно приводимое им фактическое основание или, вернее, тень такого основания, по которому I и II пьесы могли бы быть усвоены М. А. Голицыной. Говорю, тень, ибо все сводится к обмолвке или неясности, допущенной Анненковым. Последний, рассуждая о творчестве Пушкина в кишиневский период, пишет в своих «Материалах»: «один за другим следовали те художественно-спокойные образы, в которых уж очень полно отражается артистическая натура Пушкина: Дионея, Дева, Муза (В младенчестве моем она меня любила), Желание (Кто видел край), Умолкну скоро я, М. А. Г. В последних двух глубокое чувство выразилось в удивительно величавой и спокойной форме, которая так поражает и в пьесе *Приметы*».² Какую же пьесу обозначал в этом перечне Анненков заголовком «М. А. Г.»? В его издании именно под таким заголовком напечатано III, но III написано в Одессе. Очевидно, Анненков впал в невольную ошибку, говоря о III при оценке произведений кишиневского периода. Впрочем, возможно, что ошибка была иного рода; III названо вместо какого-то другого и в таком случае, всего вероятнее, вместо II. В последнем случае, имея в виду II, Анненков должен был бы написать и соответствующее заглавие *Мой друг забыты мной*, но описался и внес не подходящее тут «М. А. Г.» Вероятнее, пожалуй, именно последнее предположение, потому что Анненков, печатая текст I и II, обратил внимание на хронологическую близость этих пьес. В примечании к I он говорит: «I написано днем ранее II, что заставляет предполагать и единство поводов к созданию их. В обеих, особливо в последней, изящество внешней формы находится в удивительной гармонии с светлым, коротким чувством, какое предназначено ей содержать».³

Эта обмолвка или неясность ввела в заблуждение сначала Ефремова, вслед за ним поверивших ему следующих издателей и, наконец, в наши дни Лернера. Ефремов первый из издателей

¹ Из воспоминаний Бутурлина мы знаем, что в начале 1826 года княгиня М. А. Голицына была во Флоренции. Объявляя о предстоящем выезде за границу княгини М. А. Голицыной были напечатаны в «СПб. Вед.» — первое — 28 апр. 1825, и третье — 5 мая того же года.

² Анненков, Материалы, 83 и Пушкин — Анненков, I, 89.

³ Пушкин — Анненков, II, 314.

пропечатал в тексте сочинений пьесу I с заголовком «Элегия [К М. А. Г.]».¹ Очевидно, упомянутое в перечне Анненкова «М. А. Г.» он принял не за заглавие стихотворения, как это следовало принимать по принятому тут Анненковым способу приводить заглавия, а за приложение, поясняющее заголовок предшествующей пьесы, т. е. «Умолкну скоро я». После подобного установления фактической связи I с княгиней Голицыной Ефремову уже не стоило никаких трудов, опираясь на сделанное Анненковым сближение I и II, установить то же самое и относительно II и даже... укорить Анненкова за непоследовательность (обычный прием покойного библиографа!). В примечании к I Ефремов говорит: «I написано к одному и тому же лицу, как и следующее, на другой день набросанное поэтом «Мой друг, забыты мной», впервые напечатанное в «Новостях Литературы» 1825. Г. Анненков, указывая на тесную связь этих стихотворений, написанных одно за другим, все-таки поместил их порознь, притом последнее в начале, а первое в конце 1821 года».²

Такова история появления имени М. А. Голицыной в тексте сочинений Пушкина при I и II. Лернер, как видим, исходил из достоверного для него, а на самом деле мнимого указания самого Пушкина на отношение I к княгине Голицыной и по связи I и II устанавливал фактическую связь II с Голицыной, в подтверждение ссылаясь на обмолвку Анненкова. «Повидимому — пишет Лернер — II элегию Анненков обозначил инициалами «М. А. Г.», говоря о ней в связи с I элегией, посвященной княгине М. А. Голицыной».³ Мы видим теперь всю неосновательность и неправильность усвоения I и II княгине М. А. Голицыной; ясен для нас и процесс возникновения и укрепления ошибочного мнения.

Итак, ни I ни II никоим образом не могут и не должны быть связываемы с именем Голицыной; только одна пьеса III несомненно написана ей и вызвана ее влиянием.

V

Остановимся на содержании «Стихов княгине Голицыной-Суворовой» (III). Поступить так мы имеем тем более оснований, что для комментаторов поэта понимание этого стихотворения представляло затруднения, и содержание его казалось темным. Так, проф. Незеленов, приведя последние четыре строки стихотворения, пишет: «сердечность тона всего произведения, сдержанного, но далеко не холодного, показывает, что слова эти сказаны не на ветер, не в виде простой любезности, мадригала. Но они не совсем понятны, потому что темно (и

¹ Пушкин — Ефремов — Исаков I, стр. 382, 383.

² Там же, стр. 558.

³ Пушкин — Венгеров II, 573.

должно быть, Пушкин сделал это с намерением)
темно выражение

Вновь лире слез и тайной муки
Она с участием вяла
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки¹.

А Гершензон поясняет послание следующим образом. «Пушкин вспоминает тот давний, памятный ему случай, когда он узнал, что его стихи ее очаровали; теперь случилось нечто другое — об этом втором случае Пушкин говорит неясно. Возможно, что она через сестру Башмакову,² с которой Пушкин встречался у Воронцовых, прислала ему какие-нибудь свои, вероятно, французские, стихи в ответ на его поэтические песни:

Вновь лире слез и тайной муки
Она с участием вяла —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки.

Итак, в увлечении загадкой, Незеленов свое непонимание приписал намеренному со стороны поэта затемнению смысла, а Гершензон, ничего не зная о княгине Голицыной, заставил ее писать французские стихи. Дело же обстоит гораздо проще. В приведенных выше данных имеются превосходные реалии к этому стихотворению. Мы знаем, что Голицына не только пела, но и занималась пением. Надо думать, ее искусство было выше обычного дилетантского уровня: об этом можно заключать из частых упоминаний именно об ее пении; стоит только А. И. Тургеневу, князю Вяземскому, Жуковскому заговорить в письме о княгине Голицыной, как сейчас же под перо подвертываются эпитеты и отзывы об ее пении. Слепой Козлов утешался ее пением; Жуковский, тонко чувствовавший искусство, наслаждался ее милым пением. Быть может (это только предположение!) она сама создавала музыку к нравившимся ей стихам. Если мы вспомним все эти данные, то содержание послания станет для нас совершенно ясным: это дань признания и благодарности художника слова, который услышал свои стихи в чарующем исполнении художника пения. Когда-то давно, задолго до написания послания (оно написано в 1823 году), княгиня оказала минутное внимание поэту, мило повторив или по-просту спев его стихи.³ Стих поэта был зачарован,

¹ А. И. Незеленов. Собрание сочинений. Т. I. А. С. Пушкин в его поэзии. СПб. 1903, стр. 177. Курсив в стихах принадлежит Незеленову, в словах самого Незеленова — нам.

² Ее сестра Варвара Аркадьевна, по мужу Башмакова, действительно жила в эти времена в Одессе и Крыму. О ней см. «Остафьевский Архив», т. III, стр. 391, и «Архив Раевских», т. II, СПб. 1909.

³ Скорее всего можно предполагать, что впервые это было еще в Петербурге, а второй раз в Одессе в 1823 году.

был обворочен для него звуками ее голоса. Теперь (в 1823 году) она снова подарила вниманием его лиру и передала ей свои пленительные звуки, т. е. опять спела его стихи. И в первый раз минутное внимание княгини было долго отрадой поэту, и он повторял свой стих, услышанный из ее уст. А теперь он будет горд и станет считать себя обязанным ей за свою славу, а быть может, и за вдохновение, если оно придет. Вот и все, что Пушкин сказал в этом послании. Смущавшее Незеленова и Гершензона четверостишие теряет свой недоуменный характер.

Но и без всех этих реалий смысл стихов

Вновь лире слез и тайной муки   §
Она с участием вяла —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки...

можно было бы уяснить, сопоставив их с следующими стихами из стихотворения 1817 года «К ней»:

На лире счастливой я тихо воспевал
Волнение любви, уныние разлуки —
И гул дубрав горам передавал!
Мои задумчивые звуки.

И в 1823, и в 1817 году поэт стремился выразить природу одного и того же явления: там голос женщины, поющей стихи поэта, передает свои звуки лире, здесь гул дубрав передает их горам. Некоторая неясность выражения, создававшая затруднение для комментаторов, объясняется, как мне кажется, его не русским происхождением. Позволим себе сделать небольшое отступление для разъяснения истории появления этого образа в юношеской лирике Пушкина. Следует сопоставить стихи 1817 года со стихами 6-й элегии 4 книги хорошо знакомого Пушкину Парни.¹

Ma bouche indiscrete a prononcé son nom.
Je l'ai redit cent fois, et l'echo solitaire
De ma voix douloureux a prolongé le son.

Мы не хотим сказать, что Пушкин подражал или воспроизводил именно этот отрывок Парни. К сожалению, вопрос о степени и характере влияния французской эротической поэзии на Пушкина до сих пор, можно сказать, не был подвергнут научному изучению, и дело, в сущности, не пошло дальше аналогий и сопоставлений, по большей части любительского характера. А ведь поэтика Пушкина отсюда выросла. Следовало бы, наконец, изучить поэтику и стиль этих французских легких стихотворцев, любезных сердцу Пушкина, — и не только

¹ Oeuvres d'Evariste Parny. A Paris. Tome I-er, 1808, p. 96.

названных им поименно, но и не названных. О последних у нас никто из исследователей и слова не заводил! Подобное изучение показало бы, что молодой Пушкин был переполнен мотивами, образами, фигурами, эпитетами, характеризующими французскую легкую лирику, что он все время переводил ее поэтический язык на русский и широко пользовался материалами этой поэтики. И приведенное нами трехстишие Парни характеризует не столько этого поэта, сколько вообще современную ему поэтику. Вот, к примеру, на ту же тему (влюбленный в разлуке повторяет имя милой, а эхо воспроизводит его) ¹ стихи из VIII элегии 4-й книги знаменитого Пиндара XVIII века Лебрена (Ponce-Denis Ecouchard Le Brun, 1729 — 1807):

Une sauvage Echo, du fond de ces bois sombres
Prolongeait mes accens, égarés sous leurs ombres
Les antres, les fôrets, les rochers attendris
Plus sensibles qu'Eglé, répondaient à mes cris. ²

Мы не случайно привели пример из Лебрена; кажется, имя его не было произнесено ни Пушкиным, ни в пушкинской литературе, а трудно предположить, чтобы Пушкин, при своем широком знакомстве с французской литературой, не знал этого прославленного его временем поэта. ³ Любопытно отметить одну его довольно длинную элегию (2-ю в 3-й книге элегий), в которой он умоляет Делию о свидании, обещая ей защиту Венеры, и т. д. Содержание ее для нас не важно, но в ней есть один мотив —

Toi, Délie, ose fuir un Argus odieux;
Ose: Venus sourit aux cœurs audacieux. ⁴

Совпадение и самого мотива, и имен (Делия, Аргус; вообще же эти имена часты во французской эротике) с теми, что встречаются в самом раннем его, известном нам стихотворении, очевидно и указывает скорее на заимствование именно из этого источника, чем на воспроизведение обще-элегических мест.

Возвращаясь к упомянутой элегии Парни, мы должны сказать, что она дает хорошую иллюстрацию к пушкинской манере (юношеских лет) пользоваться сокровищницей французской поэзии. Допустим, что в стихотворении «К ней» Пушкин мог и не пользоваться непосредственно и сознательно приведенным

¹ Конечно, и тема не изобретена французской поэзией.

² Oeuvres de P. D. Le Brun. T. 2d, Paris. 1811, p. 109.

³ В начале ноября 1824 года Пушкин заказывал брату прислать ему «Oeuvres de Le Brun, odes, élégies etc.», но вряд ли для первого ознакомления.

⁴ Le Brun, *ibid*, p. 66.

нами трехстишием. Зато, несомненно, он прямо воспроизводит эти стихи в элегии 1816 года «Осеннее утро». ¹

Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной,
Я звал ее — лишь глас уединенной
Пустых долин откликнулся в дали. ²

Но и еще одно непрерываемое заимствование из этой элегии Парни можно указать в элегии «Мечтателю». По содержанию и по строению это стихотворение совершенно не схоже с элегией Парни, но Пушкину завадилось вложить в уста мечтателя, не имеющему сил расстаться с своей любовью, восклицание к богам:

Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
Возьмите от меня сей образ роковой:
Довольно я любил, — отдайте мне покой...

И все это восклицание оказалось (конечно, совершенно бессознательно для самого Пушкина) простым переводом Парни.

«O dieux! o rendez-moi ma raison égarée,
Attachez de mon cœur cette image adorée».

Тут уж заимствование ясно.

После представленных соображений послание Голицыной «Давно о ней воспоминанье» становится совершенно ясным. В нем нет решительно ни одного слова, которое свидетельствовало бы о каком-либо, даже самом легком увлечении поэта певицей, — не говорю уже — о какой-либо любви или страсти. Правда, это не обычный мадригал, не завязтая надпись в дамский альбом. Поэт, действительно, сердечно тронут таким вниманием художника голоса и искренне благодарит певцу. Послание, быть может, выросло не только из чисто внешнего желания отдарить княгиню М. А. Голицыну, а, возможно, и из внутренних побуждений: поэта могла заинтересовать связь двух искусств в одной теме; его поэтическое воображение должно было быть затронуто наблюдением, как его звуки — плоды его творчества — оживают новой жизнью в музыке голоса. Давая распоряжение тиснуть это послание в издании 1826 года, Пушкин, надо думать, выделял его, как имеющее

¹ Заимствование из Парни в «Осеннем утре» указывал Морозов (Пушкин — Венгеров I, 390).

² А в черновом наброске

Я звал ее, и глас уединенный
Пустых долин позвал ее в дали.

См. Пушкин — Акад. I, стр. 213 и примеч., стр. 315.

объективную ценность, не считал его случайным, подобным многим своим, написанным по просьбе почитательниц и почитателей его таланта произведениям, которые он не удостоивал печати. Набрасывая перечень своих стихотворений, он не забыл вписать в него и это стихотворение, написанное для Голицыной.

Значение поэтического отзыва Пушкина о пении княгини Голицыной обрисуетя еще ярче, если мы напомним общее суждение Пушкина об эстетическом вкусе русских женщин: «Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка; но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Притом, оделив их тонким умом и чувствительностью самою раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не достигая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как оне поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятий... Исключения редки». ¹ Должно быть, одним из таких исключений была княгиня Голицына, если только... Пушкин был искренен в своем послании.

I и II писаны не Голицыной, III писано ей, но в нем нет решительно никакого намека на какое-либо нежное чувство поэта к княгине Голицыной. Но ведь Голицына — «северная

¹ Эту заметку Пушкин выбрал вместе с другими из своих черновых тетрадей и напечатал в «Северных Цветах» на 1828 год под заглавием: «Отрывки из писем, мысли и замечания (извлечено из неизданных записок); невозможно поэтому отнести все эти «Отрывки» целиком к 1827 г., как это делает Лернер (стр. 165). В частности выписанная нами заметка извлечена из тетради № 2369, л. 2 и 2 об. Вслед за этой заметкой идет на той же странице отрывок, печатающийся ныне под заглавием «О причинах, замедливших ход нашей словесности» и относимый по связи содержания с строфами Онегина и по указанию в письме 1824 г., к 1824 г. Тетрадь № 2369 Пушкин пользовался, необычно для себя, довольно систематично в 1822, 1823 и 1824 годах (см. согласное с нашим наблюдением свидетельство Якушкина — Пушк. Акад. II, прим., стр. 330); в таком случае, положение в тетради обеих заметок не мешает отодвинуть их к 1823 году: как раз впереди на л. 2 идет «Эпизод» (или вступление) к «Бахчисарайскому Фонтану», а позади на 3 об. заключительные стихи этой поэмы. Конечно, отнесение их к 1823 году, в конце концов, предположение, и если мы делаем это предположение, то только потому, что не следует так категорически помещать «О причинах и т. д.» под 1824 годом, ибо свидетельства, приводимые в подтверждение этого года, мирятся и с допущением раннего года. Заметим, что в той же тетради, где находится заметка о женском вкусе, вписано и послание княгине Голицыной. Не лишне указать, что текст тетради по сравнению с текстом «Северных Цветов» представляет не мало отличий, до ныне не отмеченных. Мы цитировали их по тексту альманаха. Только в 9-м томе «Сочинений Пушкина. Издание Академии наук», вышедшем в 1929 году, даны разночтения рукописи.

любовь» Пушкина, которую он увозил из Петербурга в изгнание и которую он жил в 1820 — 1823 годах: где же искать историю этой таинственной любви? Во всяком случае послание 1823 года не дает не только материалов для такой истории, но даже и основанной предполагать такую любовь. Вывод, конечно, единственный и ясный, как день: эта северная любовь к Голицыной создана воображением Гершензона и Незеленова; в действительности же ее никогда и не существовало.

Можно еще привести одно соображение, специально, для Гершензона: на самом деле, если вместе с ним видеть в I — II отражение начальной, а в III — заключительной стадии этой привязанности поэта, то при выясненном и совершенно определенном смысле и значении III не почувствуется ли психологическая невозможность связывать такой конец сердечной истории с таким началом? И, несомненно, те отношения, которые запечатлены в III, без нарушения психологической правды нельзя вывести из отношений, предполагаемых I — II.

Нельзя не сказать несколько слов об упомянутой нами усмотренной не только Гершензоном, но и некоторыми издателями, связи I и III по содержанию и даже отдельным стихам. Нам говорит Гершензон: «конец I и III тождественны; далее в I есть ясный намек на то, что данная женщина была очарована какими-то печальными стихами Пушкина — и этот случай вспоминает поэт в III». Но тут «медленное чтение» Гершензона изменило ему, не принесло добрых плодов или, быть может, не было все же достаточно вдумчивым. В действительности только при невнимательном чтении можно усмотреть в этих стихах какое-либо тождество.

Вот «тождественные» концы.

I—1821 г.

Когда меня навеки обьет хладный сон,¹
Над урною моей промолви с умилением:
Он мною был любим; он мне был одолжен
И песен, и любви последним вдохновеньем.

II—1823 г.

Довольно! в гордости моей²
Я мыслить буду с умилением:
И славой был обязан ей,
А, может быть, и вдохновеньем.

Но где же тождество? Неужели для признания его достаточно двух одинаковых рифм: умиление и вдохновенье, повторяющихся и здесь, и там? В III поэт, совсем не представляющий себя обреченным на скорую смерть, думает с гордостью

о славе, которой он обязан женщине, и о вдохновенье, на которое она его, быть может, вызовет; в I поэт, представляющий себя подводящим счеты с жизнью и расставшийся прощальной песней с любовью, накануне могилы просит любимую им женщину не забыть о нем и сказать после его смерти: «я его любила, он мне был обязан последним вдохновеньем и любви, и песен». Но докучны и излишни дальнейшие комментарии, ибо уже из одного параллельного обозрения концов I и II ясно отсутствие тождества.

Столь же мнимо и другое тождество, указанное Гершензоном. В I читаем:

Ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный,

а в III — поэт твердит свой стих,

Так мило ею повторенный.

Гершензон видит в I и II единство факта. Но если уж и допустить в комментарий к лирике такой буквализм и протоколизм, то, раз мы знаем, что в III идет речь о пропетом стихотворении Пушкина, различие факта в III и в совершенно ясных словах I вполне очевидно. Но Гершензон не обратил внимания на первоначальную редакцию I: она, быть может, заставила бы его отказаться от установления тождества. Свой окончательный вид эти стихи получили только в тетради Капниста, т. е. вероятнее всего в 1825 году и во всяком случае позже возникновения III. В черновой же (№ 2367) мы находим:

И девы, [нежному] томному предавшись умиленью,
Печальные стихи [твердили] читали в тишине
И сердца моего язык любили страстной.

И даже в тетради Капниста до исправления эти стихи все еще читались так:

И девы, нежному предавшись умиленью,
Печальные стихи твердили в тишине
И сердца моего язык любил страстный.¹

Значит, в момент создания I, поэт и не думал о том факте, тождественный которому находится в III. Да, наконец, мы имеем дело не столько с фактом, сколько с элегической поэтикой.

Невозможность настаивать на каком-либо тождестве еще раз уяснится перед нами при изучении истории возникновения I пьесы и раскрытии ее автобиографического смысла. Эту историю мы должны будем извлечь из анализа группы I—II; пока

¹ Майков, Материалы, стр. 125, 126.

только заметим, что в основе III лежит определенный реальный факт, в основе II — находим определенное свидетельство об отношениях, действительно существовавших, а I есть чисто литературное, сделанное во вкусе эпохи произведение.

VI

Таким образом падают не только далеко идущие предположения Незеленова и Гершензона об исключительном значении Голицыной в жизни Пушкина, но и оказываются лишены всяких оснований и более скромные догадки Ефремова, Лернера и других, отводящие М. А. Голицыной место в длинном ряду женщин, которыми увлекался поэт. Правда, в так называемых дон-жуанских списках поэта, оставленных им на страницах альбома Ушаковой, ¹ встречается имя Мария, но нужно быть уж чересчур поверхностным исследователем, чтобы решиться без всяких оснований отождествлять эту Марию с М. А. Голицыной. В самом деле, где же основание? Произведения поэта не дают, как мы видели, положительно никакого материала для разрешения вопроса, существовало ли вообще в действительности увлечение поэта княгиней М. А. Голицыной. Друзья поэта и его современники, родные и близкие Голицыной не обмолвились ни одним словом, которое позволило бы нам выставить хоть только предположение о возможности увлечения. В бумагах поэта, в его черновых тетрадах, в его письмах мы опять-таки не найдем решительно ни одного указания на существование каких-либо интимных отношений к М. А. Голицыной.

Упоминание, приведенное нами, о Голицыной в письме к брату, отметка в перечне стихотворений фамилии Голицыной против заглавия пьесы III тоже, конечно, не дают никаких оснований, подкрепляющих мнение Гершензона, Незеленова, Ефремова, Лернера и других. Все названные исследователи могли бы впрочем, в подтверждение своего мнения, сослаться на одно упоминание в пушкинских тетрадах, если бы оно не ускользнуло с поля их зрения. Обычно, в изданиях сочинений поэта в отделе примечаний к маленькому стихотворению 1828 года «Ты и вы»

Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвись, заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила и т. д.

указывается, что в рукописи это стихотворение «сопровождается тремя пометами: «18 мая у княгини Голицыной etc.»

¹ Воспроизведены в «Альбоме Московской Пушкинской выставки». М. 1882; уцелевшие листы альбома находятся ныне во Всесоюзной библиотеке имени Ленина (б. Румянцевский музей).

«20 мая 1828» и, в конце стихотворения, — «23 мая». Так в издании Морозова, так у Ефремова, так у Лернера, который в «Трудах и днях Пушкина» отводит 18, 20 и 23 мая на создание этого маленького стихотворения. Все названные исследователи берут это сведение, конечно, из описания Якушкина.¹ Стоило только исследователям обратить внимание на эти пометы и на связь первой из них именно с стихотворением «Ты и вы», и они непременно дополнили бы историю любви Пушкина к Голицыной указанием на эпизод, рассказанный в стихотворении. Но тут в сущности полное недоразумение, ибо описание Якушкина в данном случае и не полно и не точно.

Лист 14 об. тетради № 2371, на котором находятся эти пометы, заполнен не вдоль сверху вниз, а поперек страницы. Справа идет конец пьесы «Воспоминание», начатой на 13 об. и занимающей 13 об. и 14 листы. Последний стих на 14 об. написан так:

О тайнах [вечности] щастия и гроба².

18 мая у княгини Голицыной etc.

19 мая.

По положению помет можно думать, что краткая помета «19 мая» есть дата окончания пьесы «Воспоминание», а другая помета, быть может, не имеет прямого отношения к стихам поэта и сделана им с другими целями или просто для памяти.

С левой стороны страницы, опять же поперек тетради и, по отношению к концу «Воспоминания», в обратном положении, т. е. вверх низом, идет черновик стихотворения «Ты и вы». В конце его обычный пушкинский заключительный знак и помета «23 мая», а на правом, оставшемся свободным поле против первых стихов новая помета «20 мая 1828 [прзб. сл.]» 23 мая — несомненно дата стихотворения «Ты и вы», а «20 мая 1828», быть может, также помета с особыми целями. Значение ее, может быть, и выяснилось бы, если бы удалось разобрать приписанное рядом слово. Из этого описания ясно видно, что пьесе «Ты и вы» никоим образом не должно связывать с пометой «18 мая» у княгини Голицыной etc.». Пьеса «Ты и вы» — сама по себе, а помета — сама по себе. Взятая вне связи со стихотворениями Пушкина, она, конечно, тоже не дает никакого материала для заключения о характере отношений поэта к Голицыной.

¹ Пушкин — Морозов — Просвещение, II, стр. 435; Пушкин — Ефремов — Суворин, VIII, стр. 284; Лернер, 2-е изд., 172; Якушкин, Описание, июль, 40.

² В рукописи совершенно явственно зачеркнуто слово вечности и написано «щастия». Эта строфа «Воспоминания» при жизни Пушкина не появилась в печати. Теперь же во всех изданиях печатается именно «вечности».

Но у какой же княгини Голицыной был Пушкин 18 мая 1828 года? Мы знаем еще одну княгиню Голицыну — Евдокию Ивановну (*Princesse Nocturne*), которую Пушкин увлекался еще в годы своей первой молодости, между Лидеем и ссылкой. Вполне допустимо, что помета указывает именно Е. И. Голицыну. Княгиня в это время жила еще в Петербурге, собираясь отправиться «в чужие край... дописывать свое сочинение». Об этом мы узнаем из письма князя Вяземского А. И. Тургеневу из Петербурга от 18 апреля 1828 года.¹ Но правдоподобно и то, что это была как раз княгиня М. А. Голицына, если только правильно истолкование известия в письме опять же князя Вяземского к Тургеневу от 17 мая того же года. «Вчера (т. е. 16 мая — писал Вяземский — Пушкин читал свою трагедию у Лаваль: в слушателях были две княгини Michel, Одоевская-Ланская, Грибоедов, Мидкевич, юноши, Балк, который слушал трагически. Кажется, все были довольны, сколько можно быть довольным, мало понимая... А старуха Michel бесподобна: мало знает по русски, вовсе не знает русской истории, а слушала, как умница». Это письмо не вошло в изданные томы «Остафьевского Архива»; его нет и в «Архиве бр. Тургеневых». Известно же оно только по отрывку, приведенному в воспоминаниях князем П. П. Вяземским.² В сноске П. П. Вяземский поясняет прозвище: старуха Michel — княгиня Голицына. В таком случае две княгини Michel должны означать жену князя Михаила Михайловича Голицына, — княгиню Марью Аркадьевну, и его мать, Прасковью Андреевну, рожденную Шувалову (род. 19 декабря 1767, ум. 11 декабря 1828 года). П. А. Голицына известна, между прочим, как писательница, но писала она по-французски: к ней подходит и сделанная князем П. А. Вяземским характеристика. Любопытный рассказ о ней находим в статье князя П. А. Вяземского «Мидкевич о Пушкине». «Одна умная женщина, княгиня Голицына, урожд. графиня Шувалова, известная, в конце минувшего столетия своею любезностью и французскими стихотворениями, царствовавшая в петербургских и заграничных салонах, сердечно привязалась к Татьяне. Однажды спросила она Пушкина: «Что думаете вы сделать с Татьяной? Умоляю Вас, устройте хорошенько участь ее». — «Будьте покойны, княгиня», — отвечал он, смеясь: «выдам ее замуж за генерал-адъютанта». — «Вот и прекрасно» — сказала княгиня — благодарю». ³ Но если княгиня М. А. Голицына 16 мая 1828 года была в Петербурге, Пушкин мог отметить свой визит именно ей, а не Е. И. Голицыной.

¹ Архив бр. Тургеневых в. 6, П. 1921, стр. 69.

² См. Собрание сочинений кн. П. П. Вяземского. Изд. гр. С. Д. Шереметева, СПб. 1893, стр. 516—517. Также в изд. П. И. Бартечева: «А. С. Пушкин. Новонайденные его сочинения» etc. Вып. II. М. 1885, стр. 39.

³ Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского, т. VII, СПб. 1882, стр. 319. ○ княгине Голицыной см. в «Словаре русских писательниц» Н. Н. Голи-

Отметим еще тоже ничего не говорящую отметку «К Гол.-Сув.», сделанную Пушкиным на 1-й странице тетрадошки с «Графом Нулиным». ¹

Вот, кажется, все упоминания о Голицыной, какие только можно отыскать в бумагах Пушкина. ²

Заклучим наши наблюдения еще раз утверждением, что М. А. Голицына в истории увлечений поэта не занимает никакого места или, по крайней мере, нет решительно никаких данных, которые позволяли хотя бы только предполагать увлечение поэта княгиней М. А. Голицыной.

VII

Предлагаем несколько замечаний к истолкованию двух элгий Пушкина «Умолкну скоро я» (I) и «Мой друг, забыты мной» (II).

Пьеса I написана 23 августа, а пьеса II — в ночь на 25 августа 1821 года. Такая близость моментов возникновения обеих пьес необходимо предполагает единство настроения и чувства, владевших в эти дни Пушкиным. Это обстоятельство отметил еще Анненков. Но действительная биографическая ценность I и II различна. Руководящее указание для оценки стихотворений с такой точки зрения дает нам сам Пушкин. Обе эти пьесы для самого поэта были «элегиями». Набрасывая в черновой тетради перечень произведений, написанных в 1821 году, Пушкин указывает «три элегии», конечно, имея в виду I и II; переписывая их для печати, он заносит их в отдел элгий. Но для II пьесы у Пушкина нашлось и другое название «К ***», с которым она и появилась впервые в печати (до выхода в свет собрания 1826 года). Эта пьеса обращена к определенному, скрытому под звездочками лицу и по своему содержанию предполагает обстановку реальную, отношения, в действительности существовавшие.

Много писали о тех литературных влияниях, которыми отмечено творчество Пушкина в первые годы его ссылки. По указанию исследователей, произведения Шатобриана и Байрона дали Пушкину краски для изображения того героя, которого наш поэт выводил в ряде своих произведений, открываю-

---

дына (также первоначально в «Русск. Арх.» 1864, ст. 1412). Ее воспитывала Stewens, мать жены М. М. Сперанского. См. «Воспоминания Фаддея Булгарина» в «Библиотеке для Чтения», т. LXXXVIII, стр. 190 (и отд. изд. ч. 5-я, стр. 324).

¹ В собрании А. Ф. Онегина. См. описание Б. Л. Модзалевского в «Пушкин и его современники». Вып. XII. СПб. 1909, стр. 24, а также «Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина». П. 1922, стр. XXIV.

² Я не мог определить, о какой княгине Голицыной идет речь в письмах Пушкина к невесте из Болдина осенью 1830 года. Также неудачны были розыски Б. Л. Модзалевского, см. Пушкин. Письма, т. II, стр. 481.

щемся «Кавказским Пленником». Чисто литературные разыскания и сравнение недостаточны для разрешения вопроса о формах и степени этих литературных влияний: необходимы и чисто биографические изучения. Герои чужеземные влияли не на изображения лиц в поэмах Пушкина, не на литературу, а на жизнь; прежде всего они были образцами для жизни. Каким был Пушкин действительный в первое время ссылки? ¹ В те годы, когда возникли влияния Шатобриана и Байрона, Пушкин еще не отдавал себе отчета в том, что было сущностью его духовной личности. Он самому себе казался романтическим героем; находя некоторые соответствия в своей жизни с теми обстоятельствами, которые характерны и для властителей его дум и для их героев, Пушкин искренне думал, что он им подобен, и должен осуществить ту жизнь, какой жили его воображаемые и жившие герои и какая казалась столь безумно очаровательной со страниц их произведений. Таким образом, литература, создавая героев, прежде всего влияла на жизнь, вызывая подражание в фактической жизни. И когда Пушкин переходил от повседневной жизни к творчеству, ему не нужно было прибегать к внешним заимствованиям для изображения своего героя. Он был искренен и оригинален, черпая материал для характеристики в самом себе и считая созданное им представление о самом себе тождественным тому внутреннему существу своему, которое было тогда закрыто для него. В это время в его жизни было много игры, свободной игры его духовных сил; по мере сил своих и своей пылкости Пушкин осуществлял в 1820—1823 годах любезный ему романтический идеал. Мы можем судить о том, каков был или, вернее, каким казался тогда Пушкин, по его признаниям. Из собственного его признания мы, например, знаем, что в «Кавказском Пленнике» он изображал себя или того Пушкина, за которого он стремился себя выдать. Но оставляя в стороне автобиографические указания поэмы, мы можем указать и на свидетельства объективные. Вспомним наивное, указывающее романтическую настроенность, признание в письме к брату от 24 сентября 1820 года. Говоря о той страже, какал охраняла Раевских во время путешествия на Кавказе, Пушкин добавляет: «Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению». В кишиневском дневнике Пушкин, получив письмо от Чаадаева, пометает: «твоя дружба затемнила счастье—одного тебя может любить холодная душа моя». ² Но вот свидетельство женщины, которая могла хорошо узнать поэта во время путешествия, Екатерины Николаевны Раевской

¹ Не следует предполагать какого-то переворота: точно Пушкин был одним до ссылки и стал другим после нее. Уже в Петербурге развитие Пушкина направилось по тому пути, по какому оно продолжалось и завершилось на Кавказе, в Крыму и в Кишиневе.

² Пушкин — Морозов — Просвещение, IV, стр. 453.

(с 15 мая 1821 года Орловой). 12 ноября 1821 года она пишет брату Александру: «Пушкин больше не корчит из себя жестокого, он очень часто приходит к нам и т. д.».¹ Сопоставим с этим свидетельством холодность и жестокость Кавказского пленника. Когда Пушкин стал разбираться в самом себе, то он нашел, что он не годится в романтические герои, и добродушно признал свою игру в жестокость. 30 ноября 1825 года из Михайловского он писал А. А. Бестужеву: «Кстати; кто писал о горцах в Пчеле? Вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображения? [NB. А. И. Якубович славный в свое время бреттер, дуэлист, отчаянный человек, пошедший за 14 декабря в каторгу.] Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc.—В нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде—поэма моя была бы лучше».

Какие же автобиографические признания находим мы в пьесе «Мой друг, забытый мной»? Чтобы ответить на этот вопрос, мы ни на одну минуту не должны упускать из внимания того угла зрения, под которым смотрел на себя в это время и под которым показывал себя другим Пушкин.

Эта «Элегия» кажется отрывком, выхваченным из романтической поэмы. На разнообразных путях души показывал Пушкин своего героя; один из путей запечатлен и в этом стихотворении. Тема элегии — противоположение двух образов, двух характеров. Кто такое «он» элегии? Этот «он» пережил мятежное течение молодости, измены и любовь. Его прошлая жизнь — повесть безумства и страстей, тающая опасные откровения; его любовь — такова, что ей можно ужаснуться. Самый рассказ о сердечной жизни возмутит тихий ум, заставит проливать слезы, содрогаться сердцем. Женский образ, вдохновлявший поэта в этой пьесе, проступает ярко из легких очертаний, набросанных элегией, и из скрытого, но чувствуемого противоположения этого образа только что очерченному образу героя. «Она» — невинная, рожденная для счастья, с душой чистой, живой для дружбы, свободной от унынья; она — с младенческой совестью, светлой, как ясный день; с беспечной доверчивостью. Но, вскрывая сущность элегии, мы видим, что ее герой весьма близок к романтическому герою поэм, а героиня — к женскому образу «Кавказского Пленника» и к Марии в «Бахчисарайском Фонтане». Элегия застигает героя в таком положении, изображения которому мы не находим в поэмах. Весьма любопытна постепенность, с какой развивается история сердца в «Пленнике», в элегии и в «Фонтане». В первой поэме герой после бурно прожитой жизни,

¹ М. О. Гершензон. История Молодой России, М. 1908, стр. 27.

пресыщенный и посланий неведомые раны, не в состоянии даже просто вдохновиться искренним и сильным чувством:

Не мог он сердцем отвечать
Любви младенческой, открытой

Поздно пришла к нему любовь черкешенки: он без упования, без жезаний увидал жертвою страстей, он умер для счастья. В элегии положение меняется. Герой смягчается; он готов вкусить, хот и не вполне, радости (в варианте: счастье). Но между ним и невинным, непорочным существом — его прошлое с безумством и страстями. Возможность соединения сомнительна, так как допустима только при том условии, если она не узнает о прошлом. Наконец в «Бахчисарайском Фонтане» невозможность соединения обнаруживается со всей яркостью. Герой страстно жаждет разделенной любви, но Марии непонятен язык мучительных страстей. Герой отвергнут.

Но не чувствуется ли в этой романтической истории чувства бытовая основа, — столкновение очень молодого человека, богатого опытами чувственной жизни, уже довольно послужившего Афродите земной, знакомого с ласками не только любовного искусства, с девушкой, чуждой еще всяким опытам любви, но духовно сильной в своей чистоте и невинности? Такое столкновение происходило в 1820 и следующем годах в жизни Пушкина. Мы знаем, что столкновение Гирея с Марней кончилось высоким торжеством женского пачала, но эту победу Пушкин изобразил уже в конце своей сердечной истории. Но он не сразу пришел к такому исходу; в этот период противоборства страстей (1820—1823) поэт прошел стадию чисто цинического отношения. Вспомним признания поэта:

Мои слова, мои напевы,
Коварной силой иногда
Смирять умели в сердце девы
Волшебье страха и стыда.

Переходя к пьесе «Умолкну скоро я» (I), написанной за сутки до только что разобранный элегии, мы должны, прежде всего, отметить, что если бы исследователи не имели хронологического указания, заставляющего связывать настроение II с настроением I, они и не подумали бы искать в I указаний на конкретные факты. Вряд ли и Гершензон, который, конечно, не верил в реальное пользование лирой в 20-х годах прошлого века, стал бы допускать реальное бытие юношей, которые дивились долгому мученью любви поэта. На самом деле, не нужно производить специальные историко-литературные сравнения и разыскания, чтобы видеть, что пьеса I в известной нам редакции обработана Пушкиным вполне в том условно-элегическом роде, в котором Пушкин писал в годы лицейской

юности и петербургской молодости по образцам французской, до-романтической элегии, представленной в лирике Парни, Лебрена, Бертена, Мильвуа. В I налицо все те общие места, детали и мотивы, которые в обилии можно указать, в тех или иных соединениях, в элегиях названных поэтов и в произведениях самого Пушкина. Тут и лира, отвечающая страданиям поэта;¹ юноши, внимающие его песням или (в варианте) девы, читающие его стихи,² или она, твердящая эти стихи;³ посмертная урна и утешение, что она вспомнит над этой урной о любви поэта⁴. Целый ряд условностей, далеких от конкретных указаний на факты.⁵

Но если мы обратимся к черновым рукописям Пушкина, то увидим, что условно-элегический характер пьесы I получила только в окончательной редакции. У поэта было не мало колебаний при обработке этой пьесы. Если бы мы, подобно тому, как сделали раньше при анализе II, попытались обрисовать два образа — мужской и женский — этой пьесы I, то мы не ощутили бы препятствий к сближению женского образа I с героиней II и, наоборот, с полной определенностью должны были бы признать невозможность сближения героя пьесы I и героем пьесы II. С психологической точки зрения разность двух типов совершенно очевидна. Несомненно, язык страсти во II пьесе только под стать тому герою, который после ряда творческих попыток нашел окончательное изображение в Онегине; но ясно, что изъясняться в любви стилем I пьесы, конечно, необыкновенно пристало бы Ленскому. Отметим, что блистательную разработку темы элегии мы найдем именно в полных «любвонной чепухи» предсмертных стихах Ленского:

Но ты

Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!..

Столь коренная противоположность двух образов бросается в глаза лишь в окончательной редакции; в момент же возникнове-

¹ Ср. воззвание к лире «О верная, грусти, грусти со мной» («Уныние» 1816). Пушк. — Акад. I, стр. 209.

² Ср. там же продолжение «Пускай твои небрежные напевы Изобразят уныние любви, И слушая брадания твои, Пускай вздохнут задумчивые девы».

³ Ср. в «Разговоре книгопродавца с поэтом»: «Глаза прелестные читали Меня с улыбкою любви, Уста волшебные шептали Мне звуки сладкие мои!»

⁴ Ср. черновую редакцию элегии «Я видел смерть»: «И может быть, об участи моей Она вздохнет над урной гробовою» Пушк. — Акад. I, прим., стр. 311.

⁵ Мы не приводим французских параллелей (ср. напр. 2-ю элегию 1-й книги Лебрена); для изучения влияния французской эротической поэтики на Пушкина кое-что сделано, но итоги далеко не подведены.

вення, который для обеих пьес почти совпадал (23—25 августа 1821 года), столь ясно выраженное противоречие без психологической несообразности не могло бы быть допустимо. Его и не было в действительности. В первоначальной редакции¹ Элегии I начиналась так:

Нет! поздно, мильи друг, узнал я наслажденье
 Ничто души моей уже не воскресит
 [Мне] [сердцу] Ей чуждо [сердца] страсти упоенье
 [Твой взор, твой нежный взор] И щастье, тихое меня не веселит
 [Увл я в двете лет] Умолкну скоро я... но если в день печали....

Но те черты, которые придает себе поэт в этих стихах, напоминают характеристику романтического героя в стадии «Кавказского Пленника». Совпадают даже отдельные выражения

Но поздно: умер я для счастья....
 Для нежных чувств окаменел....
 Без упоенья, без желаний
 Я вьну жертвою страстей....

Но не только это начало выбросил Пушкин из окончательной редакции. После стиха «щастливым именем любовницы прекрасной» в черновике следовало:

Не бойся ветреных невежд
 Не бойся клеветы ревнивой...
 Не обмани моих надежд
 Своею скромностью пугливой.

В первом наброске этот мотив должен был быть развит еще полнее:²

Не бойся ветрен[ых невежд]ой молвы
 Не бойся клеветы ревнивой
 Не обмани [моих надежд] моих надежд

[Переживи меня] [Не разрушай (?)] И скромностью нрзб.
 [Переживи меня] [моих надежд]

стыдливой

[Скажи] [Скажи] [нрзб.]

[Скажи без робкой]

Он мною был любим,

Он
и

мне был одолжен

[Последний]

[их нрзб]

[Последним щастием]

последней поздней отрадой]

[Славою нрзб.]

Последней радостью, последним вдохновеньем
 Переживи

[Когда нрзб.]

[Когда меня]

¹ В тетради № 2367. В первоначальном наброске не сохранилось первой половины стихотворения.

² В тетради № 2365. Майков в «Материалах» указал варианты только тетради № 2367, оставив без внимания приводимую нами редакцию.

Переживи меня и некогда [не будет]
 [нрзб.] быть может
 И скоро [ль] милая [когда] меня не будет
 Но сердце чье нибудь поэта не забудет
 [Скажи] [нрзб.] меня навек обымет [нрзб.]
 хладный сон

[Когда]
 [И урну] [м] [переживи меня] и молви с умиленьем

В окончательной редакции исчезли все следы этого мотива. Конечно, для того условно-элегического рода, в котором Пушкин отдал пьесу I, были не у места ни начало, рисующее романтического героя, который уж верно не удовлетворился бы посмертными о нем воспоминаниями «прекрасной любовницы», ни этот мотив, своим живым и бытовым содержанием врезающийся в тихую мелодию элегии.

Об условной манере стихотворения свидетельствует и первоначальная переделка последних четырех стихов пьесы, которую поэт чуть было не оставил в последней редакции. Во 2-м наброске эти стихи были написаны так:

Когда меня навек обымет хладный сон,
 Над урною моей промолви с умиленьем
 Он мною был любим, он мне был одожен
 Последней радостью, последним вдохновеньем.

Пушкин исправил их так:¹

Когда меня навек обымет хладный сон,
 Над ранней урною пусть молвят с умиленьем
 Он Лидой был любим, он мне (sic! конечно, ей) был одожен
 Последней радостью, последним вдохновеньем.

Эта Лида, конечно, вводит нас в мир поэзии XVIII века; она — олицетворение условности. Но в кишиневские годы своей жизни Пушкин уже тяготился подобными условностями, и в окончательной редакции, которая пошла от поэта в печать, он уничтожил эту Лиду и установил известное нам чтение.

Так в процессе обработки исчезли все субъективные элементы, и в конце концов, тогда как элегия II, сохранявшая живое воспоминание о действительном моменте, являлась для Пушкина посланием «K***», элегия I в окончательной отделке потеряла память о своей близости к II пьесе. В тетради Капниста, в собрании стихотворений 1826 года (в отделе элегий) и в собрании 1829 года (в отделе произведений 1821 года) элегии были размещены не рядом одна с другой, а разделены другими стихотворениями.

Но нельзя отрицать все же, что элегии I и II и в момент возникновения уже имеют и в самом тоне стихов, и в содержании лирической психологии некоторую противоположность. И в первый момент «Я» I элегии в некоторых отношениях

¹ Майков, Материалы стр. 126.

кажется противоречащим «Я» II элегии. Но такое противоречие, не допускаемое хронологическим тождеством обоих «Я», легко объяснимо. Ведь романтическим героем Пушкин только старался представиться, но его душа была много сложнее казавшейся сложной души романтического героя, и те элементы в душе его, которых он будто не замечал в своей игре, вели глухую и неустанную борьбу против склонностей и особенностей, которые Пушкин старался привить к себе. И если, создавая «Онегина», он воплощал самого себя и в Ленском, и в Онегине одновременно, то и в августе 1821 года жившая в его душе, не замирившая и даже несознанная в то время противоположность между Ленским и Онегиным отразилась в элегиях «Умолкнуй скоро я» и «Мой друг, забыты мной».

VIII

Гершензон связывает происхождение «Бахчисарайского фонтана» с увлечением Пушкина княгиней М. А. Голицыной. По его предположению, она была той женщиной, поэтический рассказ которой Пушкин суеверно перекладывал в стихи поэмы; откликом любви к ней явилась сама поэма. На этом предположении надо остановиться. Правда, оно выставлено в сущности без малейших фактических оснований и с явным пренебрежением к тем данным из переписки поэта, которые обычно *ex officio* приводятся комментаторами и биографами. Мы должны будем еще раз перебрать все эти данные и для того, чтобы отвергнуть предположения Гершензона, и для того, чтобы извлечь отсюда окончательные и бесспорные выводы.

В своей переписке Пушкин обычно сообщал своим друзьям о своих поэтических замыслах, о ходе своих работ, но как раз о «Бахчисарайском Фонтане» мы имеем весьма недостаточные и немногочисленные упоминания. Вряд ли случайно это отсутствие сведений, и вряд ли оно может быть объяснено только ссылкой на то, что не вся переписка дошла до нас. Скорее всего надо объяснять эту скудость чрезмерной интимностью происхождения этой поэмы: душевные глубины были взволнованы сильным и ярким чувством, и это волнение, как бы застывшее в поэме, до сих пор сохраняет неуязвимую прелесть этого «любовного бреда». Такое название дал Пушкин поэме, когда закончил ее: создание поэмы означало и освобождение от раздражающей силы чувства.

У нас нет точных данных о том, когда Пушкин задумал поэму и когда начал ее писать. «Кавказский Пленник» был закончен вчерне в начале 1821 года, а уже 23 марта этого года Пушкин, извещая Дельвига об окончании «Пленника», писал: «Еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы — но что теперь ничего не пишу — я перевариваю

и воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые». ¹ А в письме к Гнедичу, помеченному 24 марта того же года, Пушкин «молит Феба и казацкую богоматерь, чтобы возвратиться ему в Петербург с молодостью, воспоминаниями и еще новой поэмой». Надо думать, Пушкин имеет в виду именно «Бахчисарайский Фонтан». Не для подготовительных ли работ понадобились Пушкину и книги: «Таврида» Боброва, которую он 27 июня 1821 года просит прислать ему и которой, как известно, он и воспользовался в «Фонтане», и «Histoire de Crimée», о возвращении которой он просит в записке к В. Ф. Раевскому, датированной 1821 годом или во всяком случае не позднее 6 февраля 1822 года? Черновые тетради сохранили незначительное количество первоначальных записей «Фонтана» и не дают возможности точно датировать начала творческой работы поэта. Повидимому, в тетради № 2365 на лист. 48 об., 49 об., и 50 находим первоначальный набросок к началу поэмы (ст. 1—13); ² как

	в [задумчивый] [в унынии]
	прзб. прзб.
Там некогда	[мечтаньем упоенный]
(1) [Бахчи Сарай] [обитель гордых ханов]	
дворец	[Бахчи Сарая]
(2) Я посетил [пустынный твой дворец]	
	уединенный.

Сейчас же вслед за этими фразами идет набросок «Дионен».

раз перед л. 48 об. идут стихотворения, внесенные в тетрадь в августе 1821 года, но, как известно, при пушкинском пользовании рукописями, подобное сближение не дает твердой опоры для хронологических выводов. Все же совокупность всех приведенных нами предположительных указаний приводит нас к убеждению, что начало осуществления поэтического замысла «Бахчисарайского Фонтана» надо относить к 1821 году. ³ Но в какой мере подвигалось вперед исполнение замысла, мы не

¹ Это свидетельство очень ценно при разрешении вопроса о степени подражательности поэм Пушкина.

² В этой же тетради на л. 39 об. находится отрывок, имеющий отношение к поэме. В виду того, что исследователи не связывали его с поэмой, привожу транскрипцию.

³ В труде Лернера «Труды и дни Пушкина» 2-е изд., стр. 81 находим решительное утверждение, что «Фонтан» начат летом 1822 года; но как это нередко бывает с решительными утверждениями этого исследователя, оно при ближайшем рассмотрении теряет не только в решительности, но и в правильности. Лернер ссылается на П. И. Бартечева в Русск. Арх. 1866, столб. 1179. Во-первых, мнение Бартечева вовсе не есть фактическое основание, а во-вторых, ссылка на него вовсе не оправдывает утверждения Лернера, ибо Бартечев говорит в цитируемом месте только о том, что летом 1822 года Пушкин писал «Фонтан» (а не начал его писать). Относясь без критики к мнениям и воспоминаниям, можно было бы, напр., отнести поэму к 1820 году, сославшись на другого Бартечева — Ю. Н., передающего вздорный рассказ доктора Ланга о знакомстве с Пушкиным и о происхождении «Фонтана» (Русск. Арх. 1899 г.,

знаем. Те отрывки поэмы, что сохранились в тетради № 2366, скорее всего писаны в 1822 году. Преимущественно занимался Пушкин поэмой в 1822 году, а в следующем он закончил ее.

Первоначально он хотел назвать поэму «Гаремом». Об этом мы знаем из позднейшей его заметки. Можем еще привести свидетельство из письма князя Вяземского А. И. Тургеневу от 30 апреля 1823 года: «На днях получил я письмо от Беса-Арабского Пушкина. Он скучает своим безнадежным положением, но, по словам приезжего, пишет новую поэму Гарем, о Потоцкой, похищенной которым-то ханом, событие историческое; а что еще лучше, сказывают, что он остепенился и становится рассудителен». ¹

Первое известие о «Бахчисарайском Фонтане» находим в письме к брату от 25 августа 1823 года из Одессы. Назвав «Бахчисарайский Фонтан», Пушкин в скобках поясняет: «новая моя поэма». Надо думать, Лев Сергеевич и сам впервые из этого письма узнал о поэме. Но слухи о поэме быстро распространились, дошли до Петербурга и отсюда вернулись к самому поэту. В распространении слухов оказался повинен Вас. Ив. Туманский, восторженный и доверчивый поэт. Пушкин и Туманский появились в Одессе приблизительно в одно время, летом 1823 года: Туманский — из Петербурга, вступив на службу к графу Воронцову, Пушкин — из Кишинева. В упомянутом письме Пушкин писал брату: «Здесь Туманский. Он добрый мальчик, да иногда врет, напр., он пишет в Пб. письмо, где говорит, между прочим, обо мне: Пушкин открыл мне немаленно свое сердце и *porte-feuille*, любовь и пр... Фраза, достойная В. Козлова; дело в том, что я прочел ему отрывки из «Бахчисарайского Фонтана» (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, к которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру. Туманский принял это за сердечную доверенность и посвящает меня в Шаликовы — помогите!» Письмо заканчивается припиской: «Так и быть, я Вяземскому пришлю Фонтан, выпустив любовный бред, — а жаль!» Можно думать, что в недошедшем до нас письме князь Вяземский писал о «Фонтане» и просил рукописи. Не он ли сообщил Пушкину и о содержании слухов? ² А 14 октября

т. II (август), стр. 576). Нельзя, конечно, верить и рассказу (из вторых рук) графа Капниста о том, что Пушкин и писал свой «Фонтан» в Гурзуфе во время пребывания у Раевских (Русск. Стар., 1899 г., т. ХСVІІ, май, 242).

¹ Архив бр. Тургеневых, в. 6, П. 1921, стр. 16.

² А Вяземскому мог сообщить об этом Тургенев, знавшийся с издателями «Полярной Звезды» Бестужевым и Рыдсевым, с которыми переписывался из Одессы Туманский. Тургенев 26 сентября 1823 года («Ост. Арх.», т. II, стр. 352) сообщал, что он достал два отрывка (стихов тридцать) из Пушкина «Бахчисарайского ключа» и две пьески, присланные им для «Полярной Звезды».

того же года, очевидно, на запрос Вяземского, до нас дошедший, Пушкин писал ему: «Бахчисарайский Фонтан, между нами, дрянь, но эпитафия его прелесть». В черновике этого письма можно еще прочесть «Бахч. Фон. дрянь [но эпитафия его преле.] — не говори это однако никому я скоро пришлю тебе соч. — эпитафия его прел.»¹ — 4 ноября Пушкин, посылая поэму, писал: «Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. Я выбросил то что Цензура выбросила б и без меня, и то что не хотел выставить перед публикою. Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай...» К 18 ноября поэма была в руках Вяземского, — именно 18-го он писал о ее получении А. И. Тургеневу.² Прочитав поэму, он отправил Пушкину письмо, не дошедшее до нас, с изложением своего мнения и с требованием перемен. Сохранился зато ответ Пушкина.³

На основании петербургских слухов и Дельвиг обратился к Пушкину с просьбой о присылке ему поэмы. 16 ноября Пушкин писал ему: «Ты просишь Бахчисарайского Фонтана — он на днях отослан к Вяземскому. Это бессвязные отрывки, за которые ты меня пожурить, а все-таки похвалишь». В Петербурге ждали Фонтана с большим нетерпением. Уже 1 ноября 1823 года в заседании С.-Петербургского вольного общества любителей наук и художеств Рылеев прочел отрывок из новой поэмы Пушкина «Бахчисарайский Фонтан».⁴ 29 ноября, 14 и 18 декабря А. И. Тургенев настойчиво требует от Вяземского прислать ему список поэмы. А. Бестужев свой «Взгляд на Русскую словесность в течение 1823 года», которым открывается «Полярная Звезда» на 1824 год, заключил следующим оповещением: «Еще спешим обрадовать любителей поэзии. Маленькая и, как слышно и как несомненно, прекрасная поэма А. Пушкина: «Бахчисарайский Фонтан, уже печатается в Москве».⁵

«Полярная Звезда» вышла в самом конце 1823 г.,⁶ и Бестужев тотчас же отправил ее в Одессу Пушкину с письмом, до нас не дошедшим. Пушкину альманах принес большое огорче-

¹ Письма, т. I, стр. 55.

² Ост. Арх., т. II, стр. 367.

³ Этот ответ напечатан в «Переписке» (т. I, стр. 84—86) и датирован «между 4 и 11 ноября», очевидно на основании свидетельства следующего письма от 11 ноября. Но тут какое-то недоразумение, ибо в промежуток между 4 и 11 ноября в то время не мог быть совершен обмен письмами между Москвой и Одессой. Б. Л. Модзалевский также датировал письмо «около 11 ноября» (см. Письма, т. I, стр. 60), но на самом деле оно написано после 1 декабря 1823 года.

⁴ Русск. Стар., т. ХСVIII, 1899, май, стр. 473, в статье И. А. Кубасова «А. С. Пушкин — член СПб. вольного общества».

⁵ «Полярная Звезда. Карманная книжка на 1824 год». Изданный А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб., стр. 18.

⁶ Цензор Бируков печатать дозволил декабря 20-го дня 1823 года.

мною поступают как с умершим, не уважая не моей воли, ни бедной собственности».

В сохранившемся черновике этого письма находим выпущенную в беловом подробность: «Ты напечатал [ту Элегию] те стихи о [б] когорых имянно проска тебя не выдавать [в] их в п. Ты не знаешь до какой степени это мне досадно [А] и [сколько я желал не выдавать в публику] [первая про] — [Оне писаны относятся к женщине которая читала их] [я про-сл.]».

Комментируя элегию и три стиха, заветных для Пушкина, Гершензон пишет: «Это был конкретный намек, возможно — на одну из Раевских (и тогда — на Елену: «дева юная»). Но и в этих трех стихах нет намека на любовь; напротив, весь характер воспоминания исключает мысль о каком-либо остром чувстве: «Над морем я влачил задумчивую лень», говорит Пушкин о себе». Такой комментарий, как сейчас увидим, неприемлем, ибо Гершензон совершенно не принял во внимание ясных свидетельств самого поэта.¹

Письмо Пушкина разошлось с письмом Бестужева, в котором он сообщал об успехе «Бахчисарайского Фонтана»² и требовал от Пушкина для будущей книжки десятка пьес. Пушкин ответил на это не дошедшее до нас письмо 8 февраля 1824 года. «Ты не получил видно письма моего, — писал Пушкин. — Не стану повторять то, чего довольно и на один раз». Тут же переходя к поэме, он не удержался от столь часто цитируемого признания о ее происхождении: «Радуюсь, что мой Фонтан шумит. Недостаток плана не моя вина. Я суемерно перекадывал в стихи рассказ молодой женщины».

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.³

Впрочем я писал его единственно для себя, а печатаю потому что деньги были пужны». Но это признание заставило Пушкина испытать еще пуще огорчение. Письмо, адресованное Бестужеву, попало в руки Ф. Булгарину, он распечатал его и как раз приведенные только что строки напечатал в «Литературных Листках» в заметке о скором появлении в свет поэмы Пушкина.⁴ Такая бесцеремонность крайне раздражила и обидела поэта, необыкновенно чутко относившегося к огла-

¹ Пушкин печатал Элегию в изданиях стихотворений 1826 и 1829 года, опуская эти три стиха.

² В это время «Фонтан» еще не появился в печати, но в Петербурге он широко распространился в рукописях и списках. Пушкин весьма негодовал на друзей своей славы, распускавших его стихи до появления их в печати и тем подрывавших, по его мнению, распространение книги.

³ Это стихи А. Шенье из «La jeune captive».

⁴ 1824 год, февраль № 4: «Литературные новости». Стр. 147. Перепечатана в сборнике В. Зелинского «Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина». Ч. I. Изд. 3-е, М. 1903, стр. 126.

шению интимных подробностей своего чувства и творчества. «Булгарин хуже Воейкова — пишет он брату 1 апреля — как можно печатать партикулярные письма? Мало ли что приходит на ум в дружеской переписке, а им бы все печатать — это разбой»... Очевидно, на это же обстоятельство указывал он в письме к Вяземскому в начале апреля: «Каков Булгарин и вся братия. Это не соловьи — разбойники, а грачи разбойники».

Бестужеву Пушкин после этого не писал. И сам Бестужев мог догадаться о неприятности, которую доставило печатное разглашение частного письма, да и слухи о раздражении Пушкина могли дойти до него. Поэтому молчание Пушкина он истолковал, как знак гнева и раздражения. Это он высказал в не дошедшем до нас письме, на которое Пушкин отвечал 29 июня 1824 года из Одессы. На этом письме надо остановиться, так как оно важно для разрешения нашего вопроса и так как Гершензон не оказал ему всего того внимания, какого оно заслуживает. К этому времени раздражение поэта уже улеглось, и он сравнительно добродушно выговаривает свои обиды на Бестужева и за одно на Булгарина и, очевидно, считая свое письмо от 12 января 1824 не дошедшим до Бестужева, повторяет содержание своих упреков. «Милый Бестужев, ты ошибся, думая что я сердит на тебя — лень одна мне помешала отвечать на последнее твое письмо (другова я не получал). Булгарин другое дело. С этим человеком опасно переписываться. Гораздо веселее его читать. Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти. Я обыкновенно в [это время] таком случае пишу элегии как другой. — Но приятельское ли дело вывешивать на показ мокрые мои простыни? Бог тебя простит! но ты острамил меня в нынешней Звезде — напечатав 3 последние стиха моей элегии». Прерывая цитату, вспомним комментарий Гершензона о нелюбовном характере элегии «Редет облаков», вспомним, чтобы зачеркнуть его в наших соображениях. «Чорт дернул меня написать еще к стати о Бахч. Фонт. какие-то чувствительные строки и припомнить тутже элегическую мою красавицу». Эпитет элегической имеет в виду указание не на свойство ее характера, а на то, что женщина, рассказу которой обязана своим возникновением поэма, кроме того и вносит в лица элегии. Это ясно из следующих слов Пушкина: «Вообрази мое отчаяние когда увидел их напечатанными. — Журнал может попасть в ее руки. — Чтож она подумает вида с какой охотою беседу об ней с одним из П. Б. моих приятелей.¹ Обязана-ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и на-

¹ Слова подчеркнуты Пушкиным. Булгарин, печатая отрывок, предпослал ему фразу: «Автор сей поэмы писал к одному из своих приятелей в Петербурге».

печатано Булгариным — что проклятая Элегия доставлена чорт знает кем — и что никто не виноват. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики. Голова у меня закружилась...»

Итак, с полною достоверностью можно отождествить деву юную, искавшую во мгле вечерней звезды, с той женщиной, рассказ которой суеверно перелагал в стихи Пушкин. Но все содержание, вся обстановка в элегии, писанной в 1820 году в Каменке, приводит нас в Крым в период кратковременного пребывания там Пушкина, и еще определеннее — в семью Раевских, в которой жил Пушкин. У нас нет ни одной данной за то, что Пушкин в эти три гурзуфских недели встречался и общался с какими-либо не принадлежащими к семье Раевского юными девами и молодыми женщинами. В биографиях Пушкина, не столько на основании критически проверенных указаний, сколько по смутной традиции, давно стало общим местом говорить о любви Пушкина к одной из Раевских. Их было четыре сестры — Екатерина, Елена, София и Марья, и ни одна из них не ускользнула от любопытных поисков Пушкинских биографов и от зачисления в ряды вдохновительниц любви и творчества поэта. Мы уже видели, каково было огорчение и раздражение Пушкина при вести о невольном разглашении истории происхождения поэмы. И не только надо принимать во внимание обычную шепетильность поэта в делах интимных, но еще надо и вспомнить его связи со всеми членами семьи Раевских, надо подумать о том, сколь дороги для него были общение и близость с этой семьею; тогда мы поймем, с какой заботливостью он должен был охранять от чужих взоров тайну своей любви к сестре того Николая Раевского, который и в годы зрелости поэта был для него старшим, того Александра Николаевича Раевского, который был «демоном» Пушкина. Да кроме того, «одной мыслию этой женщины Пушкин дорожил более, чем мнениями всех журналов на свете и всей публики». Эти соображения необходимо взять в расчет при оценке еще одного идущего от самого Пушкина известия о происхождении поэмы, находящегося в «Отрывке из письма А. С. Пушкина к Д.». «Отрывок» напечатан, конечно, с ведома и согласия автора в альманахе Дельвига «Северные Цветы на 1826 год», вышедшем в свет в апреле 1826 года.¹ Пушкин досадовал на Бестужева и Булгарина за разглашение нескольких строк его письма, которое в связи с известными слухами могло открыть женщину, ему дорогую. Напечатанный Булгариным отрывок мог быть еще в памяти. Несомненно, Пушкин взвешивал все это, когда позволил Дельвигу напечатать следующие строки: «В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне

¹ Стр. 101 --106.

его, называя *la fontaine des larmes*» (стр. 105). Совершенно ясен тот смысл, который поэт вложил в это известие для читателей, для знакомых и друзей. Раньше по слухам и по публикации Булгарина мысль любопытного могла бы обратиться на одну из сестер Раевских. Но теперь сам Пушкин обозначил фамилию этой женщины неожиданной буквой К (а не Р), да, кроме того, прибавил, что рассказ о Фонтане он слышал раньше посещения Бахчисарая или Крыма. Упомянем, что самое письмо к Дельвигу писалось в середине декабря 1824 года в Михайловском. Сохранились два черновых наброска, и в обоих совершенно явственно стоит буква К, но за то из одного черновика и видно, что Пушкин, если не предназначал его для печати, то все же имел в виду оглашение среди друзей.

Кажется, ясно, что Пушкин, делая новое признание о происхождении «Бахчисарайского Фонтана», именно хотел устранить неприятные для него толкования прежнего признания — и отдалить тот смысл, который находят в цитате из письма к Дельвигу биографы и комментаторы. Известны многообразные ухищрения объяснить эту литеру К. В современных изданиях (не стоит делать точные ссылки!) и даже в академическом,¹ без всякого, хотя бы малейшего, основания буква К просто приравнивается к Екатерине Николаевне Раевской (с 1821 года уже Орловой); кое-где, впрочем, поясняется, что К начальная буква имени Катерина. Невозможная грубость именно такого упоминания («Катерина поэтически описывала» и т. д.) обходится ссылкой на то, что Пушкин, конечно, ставил тут уменьшительное имя.² Выходит так, что Пушкин, столь щекотливый в делах интимных, Пушкин, раньше горько досадовавший на разглашение интимного признания, не содержащего намека на имя, теперь совершенно беспеременно поставил первую букву имени женщины, мнение которой — это известно биографам — он так высоко ставил, и с мужем которой был в дружеских отношениях. Явная несурзность! Отрывок из письма к Дельвигу о «Бахчисарайском Фонтане» может быть комментирован только так, как мы указывали. Пушкин хотел отвести любопытствующих с того пути, по которому можно было бы добраться до его вдохновительницы. Следовательно, для разрешения вопроса о ней отрывок не может принести никаких данных.

Гершензон, отметив, что для отождествления К. с Е. Н. Орловой не имеется в сущности объективных оснований, приводит еще и доказательства невозможности отождествления.³ Не оста-

¹ Пушкин — Акад. II, стр. 346.

² Проф. Лобода предлагает даже примерные уменьшительные имена Китти, Катя (Пушкин — Венгеров, II стр. 107).

³ У Гершензона два доказательства. 1) Пушкин узнал легенду о Фонтане еще в Петербурге, еще до посещения Бахчисарая, а с женской половиной семьи Раевских он познакомился только на юге. Мы

навливаясь на них, переходим к разбору выставленного Гершензоном предположения о том, что этой элегической красавицей, в которую Пушкин был влюблен без памяти, была его северная любовь — княгиня М. А. Голицына. Гершензон совершенно не посчитался (даже не обмолвился о них!) с рядом поэтических свидетельств о любви Пушкина, в обстановке Тавриды не только развивавшейся, но и зародившейся. Он оставил без внимания важные сведения о тождестве лица, о котором поэт вспоминает в элегии «Редсет облаков», с той женщиной, из уст которой Пушкин услышал легенду о Фонтане. Раз для Гершензона именно М. А. Голицына является повествовательницей этой легенды, то он неизбежно должен допустить пребывание княгини М. А. Голицыной в Крыму в августе 1820 года, а главное признать, что она-то и есть «юная дева» элегии. Не знаем, была ли она в Крыму в это время, но достоверно знаем, что 9 мая 1820 года она вышла замуж.

Но Гершензон, пытаясь обосновать свое мнение о том, что легенду о Фонтане Пушкин услышал еще в Петербурге, привлекает к делу один любопытный отрывок. «Важно и вполне несомненно то, что о «Бахчисарайском Фонтане» Пушкин впервые услышал в Петербурге от женщины, побывавшей в Крыму. Об этом с ясностью свидетельствует черновой набросок начала «Бахчисарайского Фонтана»

Давно, когда мне в первый раз
Любви поведали преданье,
Я в шуме радостном уныл
И на минуту позабыл
Роскошных оргий ликованье.
Но быстрой, быстрой чередой
Тогда сменялись впечатления, и т. д.

Здесь так ясно обрисована петербургская жизнь Пушкина, что сомнений быть не может». В письме к Дельвигу Пушкин

еще будем говорить об отрывке, на который ссылается Гершензон в подтверждение своего мнения, а тут отметим, что «если ничто не дает оснований думать, что Пушкин в Петербурге был вхож в это семейство», то с другой стороны ничто не препятствует держаться мнения противоположного. 2) Несовместимость в характеристике одного лица таких черт, как «Элегическая красота, bouche aimable et naïve» и... «славная баба, похожая на Марину Мнишек в «Борисе Годунове» (так называл Е. Н. Орлову Пушкин в письме к Вяземскому в 1826 году). Такое психологическое соображение на самом деле ничего не доказывает: стоит напомнить, как Пушкин совместил в характеристике одной и той же женщины «гения чистой красоты» с «авилонской блудницей». По истине, у Пушкина было всему свое время. Есть одно современное свидетельство о предмете страсти Пушкина, ускользнувшее от Гершензона. 23 февраля 1821 года А. И. Тургенев из Петербурга сообщал князю П. А. Вяземскому: «Михайло Орлов женится на дочери генерала Раевского, по которой вздыхал Пушкин» («Ост. Арх.», т. II, стр. 168). Но это свидетельство в сущности недостаточно для утверждения, что предметом страсти была Е. Н. Раевская, ибо, во-первых, Тургенев писал по слухам и, во-вторых, имя дочери Раевского не было названо.

говорит, что К* поэтически описывала ему фонтан, называя его «la fontaine des larmes», а в самой поэме он говорит об этом:

Младые девы в той стране
Преданье старины узнали,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовали.

О возможности сослаться на письмо к Дельвигу мы уже говорили. Интереснее указание Гершензона на отрывок, который он считает наброском начала поэмы. Так как в Пушкинской литературе он является, как увидим, в некоторой мере загадочным и в последнее время заподозрена его ближайшая связь с «Бахчисарайским Фонтаном», то мы считаем нужным остановиться на нем подробно. А пока теперь же согласимся с Гершензоном, что Пушкин слышал легенду о Фонтане еще в Петербурге; но, перечитывая отрывок, недоумеваем, как можно отождествить это петербургское сообщение, оставленное без внимания поэтом и оставшееся вне области поэтического зрения Пушкина, не произведшее никакого впечатления на его душу, как можно отождествлять это сообщение с тем рассказом, который передавали ему милые и наивные уста, который был зачарован звуками милого голоса и коснулся сокровенных глубин творческой организации поэта? С решительностью можно утверждать, что в этом отрывке и в свидетельстве письма к Бестужеву о происхождении поэмы имеются в виду обстоятельства совершенно различные.

IX

История отрывка представляется в следующих чертах. Впервые он был напечатан Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина». ¹ «В бумагах Пушкина — читаем у Анненкова — есть не изданное стихотворение, которое сперва назначено было служить вступлением к поэме. Откинутое при окончательной переправке и совсем забытое впоследствии, оно подтверждает свидетельство письма (к Дельвигу) о происхождении поэмы.

Печален будет мой рассказ!
Давно, когда мне в первый раз
Любви поведали преданье,
Я в шуме радостном уныл —
И на минуту позабыл
Роскошных оргий ликованье.
Но быстрой, быстрой чередой
Тогда сменялись впечатленья!
Веселье — тихую тоской,
Печаль — восторгом упоенья.

¹ Отд. изд. СПб. 1873, стр. 98 и 99 и Пушкин — Анненков, I, 1855, стр. 104.

Поэтическая передача рассказа должна была, как легко понять, упустить из вида действие драмы и только сохранить тон и живость впечатления, которыми поражен был сам поэт-слушатель».

В 1903 году проф. И. А. Шляпкин напечатал текст этого отрывка по копии в тетради Пушкинских произведений, приготовленной для себя Анненковым.¹ Текст этот совершенно сходен с напечатанным; отличия только в пунктуации. В копии, по сообщению Шляпкина, зачеркнуто заглавие: «Эпилог» (вступление).

В последнее время нашелся и оригинал этого отрывка в Майковской коллекции, хранящейся в Академии наук. Это листок, на одной стороне которого находится беловой список стихов из конца «Бахчисарайского Фонтана» (нач. «Покинув север наконец», конч. «Сии надгробные столбы» с немногими поправками), а на другой — интересующий нас отрывок.² Текст его — тоже беловой, не первоначальный, а заглавие верно передано в копии Анненкова: зачеркнуто «эпилог» и написано «вступление». Первоначальную, черновую редакцию этого отрывка находим в черновой тетради № 2369 на обороте 1 листа. По этой тетради напечатал его Якушкин в своем Описании. Он «привел по возможности последнюю редакцию, далеко, конечно, не оконченную»:

Исполню я твое желанье
Начну обещанный рассказ.
Давно, когда мне в первый раз
Поведали сие преданье,
Тогда я грустью омрачился,
Но не надолго юный ум,
Забыв веселых оргий шум,
В унынье, в думы углубился.
Какую быстрой чередой
Тогда сменялись впечатленья,
Восторги — тихую тоской,
Печаль — порывом упоенья...

«Далее, — сообщает Якушкин — идут еще несколько строк, представляющих варианты того же:

Мне стало грустно; (резвый) ум
Минутной думой омрачился,
Но скоро пылких оргий шум...

и еще:

Мне стало грустно; на мгновенье
Забыл я [пылких] оргий шум...

«Вслед затем вырвано не менее 18 листов».³

¹ И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг Пушкина, П. 1903, стр. 66.

² См. Описание В. И. Срезневского в сборнике «Пушкин и его современники», вып. IV, стр. 4. Этот текст воспроизведен в 1912 году в IV томе «Сочинений Пушкина. Изд. Академии Наук», стр. 278.

³ Русск. Стар., 1884 г., июнь, стр. 551.

Текст, вынечтанный Якушкиным, перепечатывался всеми позднейшими издателями, обыкновенно, в примечаниях к «Бахчисарайскому Фонтану». Никто не входил в ближайшее рассмотрение отрывка, но и не отрицал связи его с поэмой.

Впервые Н. О. Лернер выразил сомнение в том, действительно ли он имеет какое-либо отношение к поэме; считая установленную Анненковым связь отрывка с поэмой лишь предположением исследователя, Лернер ответил отрицательно на этот вопрос. Так вышел он из того затруднения, в которое ставила его необходимость признать указанное Гершензоном петербургское происхождение вдохновившего Пушкина рассказа. «Из того, что эти стихи находятся на одном листке с отрывками поэмы» — говорит Лернер, — «Анненков сделал вывод, что они должны были служить вступлением (или эпилогом) к «Бахчисарайскому Фонтану». Между тем, слова Пушкина: «Я прежде слышал и т. д.» не дают нам никаких существенных подробностей, и нет решительно ни малейших оснований связывать поэтический рассказ К** о памятнике с тем «преданьем любви», о котором так неясно и глухо говорится в предполагаемом вступлении; последнее, быть может, имело свое особое значение, ныне едва ли и могущее быть выясненным. В «Бахчисарайском Фонтане» рассказано «любви преданье», но нет оснований категорически утверждать, что именно об этом предании говорится в приведенных стихах. Но предположение Анненкова, как и многие догадки этого талантливого биографа, никогда никем не было подвергнуто сомнению... Гершензон считал неизбежно установленным и неопровержимым то, что можно рассматривать лишь как более или менее верооятное предположение Анненкова». ¹

Так как «никто и никогда» и т. д., то Лернер, наконец, подверг сомнению утверждение Анненкова. Критицизм похвален и необходим. Отчего не критиковать и Анненкова, но надо делать это с большой осторожностью, — и каждый занимающийся Пушкиным должен помнить, что Анненков знал о Пушкине многое, чего он не огласил и чего мы не знаем; что он имел перед своими глазами такие рукописи и бумаги Пушкина, которых у нас нет и которых мы не можем доискаться. Исследователи-текстологи в будущем произведут, конечно, точное выяснение, какими именно источниками располагал Анненков. Слабые места работ Анненкова — его суждения и оценки событий и действий Пушкина, и к ним всегда должно относиться критически, имея в виду, что эти суждения проходили сквозь призму его морального сознания. Опровергать же его фактические данные можно только с доказательствами в руках. В данном случае Лернер как раз проявил критицизм решительно без всяких оснований. На самом деле, почему он, например, думает, что Анненков считал этот отрывок принадле-

¹ Пушкин — Венгеров, II, стр. 617.

жащим к поэме только потому, что на другой стороне листки оказались стихи из «Бахчисарайского Фонтана»? Предположение Лернера является совершенно ненужным, лишним, таким, какого мы не имеем права учинять, не зная существующей, но недоступной рукописи, не проделав работы по изучению черновых. Непременное обращение к рукописям — это для пушкиноведения вопрос метода изучения, и на нем надо настаивать с особой силой: иначе изучение жизни и творчества Пушкина не станет научным, работа не станет планомерной и останется в пределах любительского любопытства.

В какой мере указанное предположение Лернера действительно оказывается излишним, покажет изучение чернового текста, который мы привели выше в транскрипции Якушкина.

Он находится, как сказано, в тетради № 2369. На внутренней стороне передней доски переплета этой тетради с рощерками, завитушками написано «27 мая 1822 Кишинев Rouschkin, Alexeef, Пушкин». (Нам представляется правдоподобным приять это число, как дату дня, в который была заведена эта тетрадь для черновых записей Пушкина.) На лицевой стороне 1-го листа довольно тщательно в два столбца переписан «Отрывок» (Ты сердцу непонятный мрак),¹ а на оставшемся свободном местечке в конце второго столбца уписаны стихи 1—8 стихотворения «Иностранке». На обороте этого 1-го листа находится интересующий нас отрывок и конец стихов «Иностранке». Давать исчерпывающую транскрипцию всего написанного на 1-й странице не входит в нашу задачу; для нашей цели вполне достаточно точного ее описания. Страница эта сильно исчеркана. С самого верха, после тщательно зачеркнутого заглавия, идет основной текст, состоящий из 12 стихов с немалочисленными поправками и уже приведенный нами в транскрипции Якушкина. За этими стихами обычный пушкинский заключительный знак:

---

¹ «Отрывок» здесь в тетради № 2369 представляет текст белой по сравнению с тем черновиком, что находится в тетради № 2366, листы 14—15. Именно по тетради № 2369 напечатан «Отрывок» в посмертном издании (т. IX, стр. 168). Любопытно отметить, что издатели просмотрели редакцию тетради № 2369, и потому, зная только черновой текст 2366-й тетради, не находили его, конечно, тождественным с текстом посмертного издания, печатавшего стихотворение по беловому тексту, и строго критиковали редакторов посмертного издания: Анненков упрекал их за то, что они выдумали заглавие «Отрывок» (имеющееся в беловом тексте; см. Пушкин — Анненков, II, стр. 337); Майков писал, что в посмертном издании редакция «сообщена не вполне согласно с музейной рукописью и притом с некоторыми изменениями, очевидно посторонней руки» (Майков, Материалы, стр. 147); Морозов вслед за Майковым находил в тексте «перемены, которые, может быть, и не принадлежат Пушкину» (Пушк. — Морозов — Просвещение т. I, стр. 62). А между тем, все эти догадки вызваны простым недосмотром!

После черты с правой стороны страницы идут перечеркнутые стихи, представляющие развитие той же темы и тоже приведенные нами. А слева, в тесной близости к этим стихам Пушкин набросал программу «Бахчисарайского Фонтана». Этой программы Якушкин не заметил или не отметил, и она по сие время остается неизвестной исследователям. Программа набросана в шести строчках. Все они зачеркнуты, кроме последней, 6-й; 2-й и 3-й я не мог разобрать. Вот они:

[Гарем]
[.....]
[.....]
[Монах. Зарема и Мария]
[Ревность. Смерть М. и З.)
Бахчисарай Р.

В последней строке букву Р можно принять и за Ф. Сбоку, наискось написан стих

Улыбка уст, улыбка взоров.

Есть еще рисунки: один, полустертый, трудно разобрать; остальные три — женские ножки в стремени.

Но, читая эту программу «Бахчисарайского Фонтана», находящуюся на одной странице с отрывком, в непосредственном соединении с ним, мы не можем сомневаться в том, что отрывок этот принадлежит, конечно, к составу поэмы. Следовательно, и утверждение Анненкова — не личное его предположение, и сомнения Лернера являются досадно излишними.

Основной текст не имеет такого вида, какой придан ему транскрипцией Якушкина. В нем много зачеркнутых слов, поправок и вставок. Якушкин стремился дать текст уже выправленный, но все-таки он не ввел всех поправок в текст. Нам кажется, что для многих отрывков, для стихотворений, которые Пушкин начинал исправлять, но не выдавал в свет, следовало бы принять иной метод издания, более пригодный для целей научных. Надо было бы воспроизводить не так называемый окончательный текст, а наоборот — тот первоначальный, который был до начала исправлений, и к этому первоначальному тексту давать поправки автора. При таком методе издания легче следить за работой поэта, да, кроме того, мы избавляемся от укора в том, что сообщаем стихотворение в таком виде, в каком его не видал никогда автор, ибо мы в большинстве случаев не имеем возможности о таких брошенных Пушкиным отрывках сказать, закончил ли он свои исправления или бросил их на полдороге. Конечно, иногда такое восстановление текста, в особенности из-под зачеркивающих линий, бывает технически затруднительным и даже невозможным. Данный отрывок не трудно восстановить; но не легко было уловить под густой краской чернил заглавие

отрывка; однако, все-таки удалось разоблачить и тайну зачеркнутого заглавия; оно оказалось таково:

Н. Н. Р.

—литеры, хорошо знакомые и сопровождающие не одно произведение Пушкина; они означают, конечно: «Николаю Николаевичу Раевскому». А самый текст до того, как Пушкин начал его править, читался так:

Н. Н. Р.

Исполню я твоё желанье,
Начну обещанный рассказ.
Давно печальное преданье
Поведали мне в первый раз.
Тогда я в думы углубился;
Но не надолго резвый ум
Забыв веселых оргий шум
Невольной грустью омрачился. —
Какою быстрой чередой
Тогда сменялись впечатленья:
Веселье — тихую тоской,
Печаль — восторгом наслажденья!

Отметим и один вариант. Стихи 3—4 не сразу приняли ту редакцию, в которой они напечатаны Якушкиным; они испытали еще и такую промежуточную редакцию!

Давно печальное преданье
Ты мне поведал в первый раз.

Этот вариант решает вопрос о том, от кого поэт услышал, еще будучи в Петербурге, легенду о Бахчисарайском Фонтане. Конечно, от Николая Николаевича Раевского. Обнаруживающийся теперь факт — намерение Пушкина посвятить ему и вторую свою южную поэму — лишний раз подтверждает то великое значение, какое имел этот замечательный человек в жизни и творчестве Пушкина.

Итак, нам теперь совершенно ясно фактическое указание, заключающееся в отрывке, и следовательно, теряет всякое фактическое основание выставленное Гершензоном предположение о том, что ту версию легенды, которая вызвала появление самой поэмы, слышал Пушкин в Петербурге от М. А. Голицыной (тогда еще княжны Суворовой). Но свидетельство отрывка опять приводит нас в семью Раевских. Легенда, рассказанная Н. Н. Раевским Пушкину, конечно, была известна всей семье Раевских и, следовательно, всем сестрам. О них, разумеется, вспоминает Пушкин:

Младые девы в той стране
Преданье старины узнал,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовал.

В письме к Дельвигу Пушкин как раз и приводит это название по-французски: «la fontaine des larmes».

Какое же место занимал этот отрывок в поэме Пушкина? В той редакции, в какой он нам ныне известен, он должен был начинать поэму. «Начну обещанный рассказ», «Печален будет мой рассказ» — эти выражения указывают на вступление. В теперешнем виде отрывок явно не закончен. Ход мысли поэта можно восстановить приблизительно так: легенда о Фонтане, услышанная им среди светского шума, оставила в поэте лишь мимолетное впечатление и не дала возбуждения его поэтическому воображению. — Об этом говорят известные нам стихи, а дальше Пушкин должен был бы продолжать: нужно было притти иному времени и нужны были иные возбуждения, чтобы заставить работать его поэтическую фантазию.

Где же искать продолжения отрывка? Вспомним, что в рукописи, хранящейся в Майковской коллекции, отрывок писан на одной стороне листка, а на другой идут стихи поэмы (ст. 505—525): начинается

Покинув север наконец
Пиры надолго забывая,
Я посетил Бахчпсарая
В забвеньи дремлющий дворец.

и так далее; последний стих, записанный на этой странице

Сии надгробные столбы

не имеет рифмы. Следовательно, продолжение следовало на других, пока неизвестных нам, листках.

Одних внешних данных достаточно для того, чтобы считать лицевой стороной листка ту, на которой набросан отрывок, а оборотной, продолжающей текст, — ту, на которой — стихи из конца поэмы. Но если мы вникнем в содержание стихов и той, и другой страниц, то станет совершенно очевидно, что стихи, находящиеся ныне в составе поэмы, развивают без всякого логического перерыва мысль отрывка, и являются непосредственным его продолжением. С другой стороны, если мы посмотрим на то, в каком логическом отношении стоит та часть поэмы, которая начинается стихом 505-м: «Покинув север наконец», к той части, что находится непосредственно перед этим стихом, мы сразу констатируем непосредственность и отсутствие какой-либо связи. Предшествующие 505-му стихи, несомненно, представляют окончание целого — части или главы. Но в таком случае перед нами стоит уже новый вопрос, чем был в поэме этот кусок, начинающийся словами: «Печален будет мой рассказ» и включающий часть поэмы со стиха «Покинув север наконец»? По первоначальному замыслу поэта, весь этот кусок был эпилогом поэмы. И в этом листке мы

находим зачеркнутое название «Эпилог», а соответственно самому и первый стих первоначально читался так:

Печален верный мой рассказ.

Затем поэт решил этим отрывком начать поэму, зачеркнув слово эпилог и вместо него написал вступление, а вместо «верный» поставил слово «будет».

Где же должно было по новому плану поэта окончиться вступление, решить невозможно. Во всяком случае, за последним стихом листка из Майковской коллекции текст, надо думать, продолжался тождественно печатному, ибо тем (525-м) стихом еще не завершилось фактическое описание посещения Бахчисарайского дворца. Заключив описание стихами:

Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом все тихо, все уныло,
Все изменилось...

поэт возвращается к прерванной личной теме вступления (или эпилога). Были оргии, были пиры, когда в первый раз поэт услышал преданье любви...; теперь все забыто, теперь иная жизнь, иные возбуждения. Не размышлениями о погибшем величии ханов было полно сердце:

Дыханье роз, фонтанов шум
Звекли к невольному забвенью;
Невольню предавался ум
Непъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!...

После этого стиха в первом издании поэмы 1824 года шла строка тире и точек; а в изданиях 1827 и 1830 года был оставлен пробел. Всеми этими внешними знаками поэт имел в виду указать некий пропуск. Вероятно, и здесь был тот любовный бред, который Пушкин с сожалением, но все же выбросил, отправляя поэму в печать.

Эта дева, мелькавшая по дворцу летучей тенью перед поэтом, сердце которого не могла тронуть в то время и старина Бахчисарая, — образ реальный и не мечтательный. Она была тут во дворце в один час с поэтом, и сердце его было полно ею.

После пробела, указанного тире и точками, в известном нам тексте следует вопрос, которому (он не совсем ясен для нас) как будто назначено отклонить мысль читателя от реальных образов и ввести его в мир фантастический.

Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня
Неотразимый, неизбежный?
Марии ль чистая душа
Явилась мне, или Зарема
Носилась, ревностью дыша
Средь опустелого гарема.

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную...

Дальше в изданиях поэмы, вышедших при жизни поэта, опять следовали внешние знаки (в изд. 1824 года полторы строки тире и точек, а в издании 1827 и 1830 годов пробел), обозначающие пропуск «любовного бреда». Этот пропуск восстановлен только Анненковым по рукописи, которая нам уже неизвестна:

- 549 Все думы сердца к ней летят;
550 Об ней в изгнании тоскую...
Безумец! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань —
555 Опомнись! долго ль, узник томный,
Тебе оковы лобызать,
И в свете лирою нескромной
558 Свое безумство разглашать?¹

Рукопись, по которой Анненков напечатал эти стихи, мы не решаемся отождествить с текстом на об. 3 листа в тетради № 2369, несколько расходящимся с чтением Анненкова.²

X

Остановимся на черновых набросках «Бахчисарайского Фонтана», сохранившихся в тетради № 2366. Как это ни странно, но до сих пор ни один исследователь, ни один издатель не обратил на них своего внимания. Эти черновики пренебрежены до такой степени, что решительно нигде не найти указания, каким же стихам поэмы они соответствуют. А изучение их, между тем, могло бы сохранить энергию исследователей, избавив

¹ Пушкин — Анненков, том VII, стр. 68. Анненков замечает: «Последние два стиха («И в свете» и т. д.) имеют соотношение с тремя стихами элегии 1820 г. «Редеет облаков летучая гряда», опубликованием которых Пушкин был, как известно, весьма недоволен». Это указание Анненкова неверно фактически (рукопись «Фонтана» была отослана Вяземскому для печати в начале ноября 1823 года, а разглашение элегии имело место в январе 1824), но свидетельствует о том, что Анненкову были известны все фактические обстоятельства, в среде которых возникла поэма. Разглашение же безумства, конечно, общее место: всякое стихотворение навеянное любовью, есть уже и ее разглашение.

² На л. 3 об. № 2369 читается конец поэмы: стихи 546—578. Привожу все первоначальные чтения, здесь же исправленные, и исправления, которых мы не находим в печатном тексте.

- 550 [Ее зову] об ней в изгнании тоскую
551 [Мятеж] — [Ужели] [Безумец] [Ужели]! полно! перестань
552 [Не растравляй] Не оживляй тоски напрасной
553 [Любви] [слепой] [пустой] ятежным снам любви несчастной
561 [О] Я скоро [ль] вас увижу вновь
568 Все [живо там] [те же вы] живо там: холмы, леса
571 И [волн] струй и тополей прохлада
572 Все [взоры] чувства путника [влечет] [манит] живит

их от многих излишних рассуждений. В них мы найдем подтверждение нашим наблюдениям над связью интересующего нас отрывка с поэмой и даже откроем несколько стихов того «любовного бреда», который Пушкин так ревностно вытравлял из поэмы, отсылая ее в печать. Эти черновики дадут нам некоторый достоверный материал для характеристики чувства поэта к той, которая вдохновила его на создание самой поэмы.

Черновики поэмы занимают в тетради № 2366 листы 20—29, но видно, что не мало листов было вырвано, а именно между 21 и 22, между 22 и 23, между 23 и 24, между 27 и 28 листами.¹

На листах 20 и 21 находятся черновые к стихам: 31—42; 43—58; 59—65, 80—86; 68—79. Тут листы вырваны, и дальше идут стихи 166—180 и опять листы вырваны. На листе 23¹ и ² находим развитие темы «положение Марии в гареме хана» приблизительно в рамках стихов 211—232: точного соответствия печатному тексту нет. Затем вновь пропуск, и с оборота 24 листа идут черновики в последней части поэмы; хан, возвратясь с набега, воздвигнул фонтан и т. д. (ст. 482 и след.). На об. 24 листа — перечеркнутые наброски к стихам 485—494, на л. 25₁ продолжение 495—504. Стихов 499—500, содержащих сравнение слез фонтана со слезами матери, нет. После 504 стиха:

И мрачный памятник оне
Фонтаном слез [уже] [его] его назвали

пушкинский заключительный знак. Тут, очевидно, и в этой первоначальной редакции заканчивалась чисто повествовательная, историческая часть поэмы.² Что же следовало дальше? На об. 25 листа находим новую редакцию стихов 482—492, уже набросанных, как мы видели, на об. 24 листа, а на л. 26 Пушкин продолжал поэму. Сообщив на л. 25, что преданье старины узнали молодые девы, поэт в последующем хотел сказать, как дошло до него это преданье. На л. 26₁ читаем следующие зачеркнутые строки и слова—

	Когда	оне	поведали	
Я видел памятник печальной				
давно минувшее преданье	Ког		рассказали мне	
давно	Когда мне	поведали		
			плачевное	

575 Привычный конь его [несет] бежит

576 [И волн лазоревая] [когда лазоревая] И зеленеющая влага

577 [Пред ним] и блещет [зеленеет] сверкает и [бежит] шумит.

Из указанных разночтений любопытно изменение вопроса (О скоро ль вас увижу) на утверждение (Я скоро вас увижу).

¹ Якушкин, Описание, май, 333.

² После этого заключительного знака на этой странице записаны отдельные стихи к предыдущему: между прочим 468—469. 486—487.

Мне стало грустно ум
сердцем
Я тогда я — приуныл
И на минуту позабыл
безумных пиров и дружбы оргии ликованье.

Незачеркнуты в этом наброске только слова, набранные курсивом. Среди этих вариантов обращает внимание: — «они (т. е. молодые девы) поведали, рассказали преданье». Но тут же Пушкин дает набросок в исправленной версии и отчасти с новым содержанием:

Мой друг я кончил свой рассказ (1)
Он кончен верный мой рассказ (2)
Исполнил я [твое] друзей желанье
[Ты мне поведал] давно я слышал в I раз
Сие печальное преданье.

Мы видим, что именно эту версию, предназначенную сначала для эпилога, Пушкин развивал в отрывке, получившем впоследствии значение вступления.¹ Здесь в тетради 2366 не получил развития намек на обстоятельства шумной петербургской жизни, и поэт продолжал на об. 26 листа:

Но бросив наконец
Надолго север покидая
Я посетил Бахчисарая
[Забывтый славою]
[забвенью преданный]
В забвеньи дремлющий дворец
В забвеньи [тлеющий] дворец.

Черновик на листе 26₂ захватывает ст. 505—515, а лист 27₁ — ст. 516—526, наконец, и лист 27 об. — ст. 527—530. Стихи 531—532 набросаны дважды. В первый раз —

Но [ирзб.] — не тем
в то время сердце полно было...
[Я вдруг себя смотрел] [бродил уныло]

а второй раз в таком виде —

[Все изменилось] Но н
[В то] я думал о другом
[Другие] [занимали]
Иные думы волновали
[Лишь мне известные] мечты
[Меня глубоко занимали —]

Таким образом, стихи 531—532 получали развитие, следов которого печатный текст не сохранил, но, к сожалению, черновая рукопись не сохранила продолжения, ибо как раз

¹ Я не даю полной транскрипции, не нужной для целей нашего исследования. Отмечу, что на л. 26₁ находится и эпиграмма «Певец Давид был ростом мал». Повидимому, она писана в одно время со стихами поэмы.

Свое безумство разглашать
[Тебя никто] не понимает —
два сердца в мире может быть

л. 29

Кому понятн[ей] ы буд[ет]ут

Забудь
[Или] мучительный предмет
[Любви отверженной и вечной]
[Невозвратимых заблуждений]
[Забудь] [Чего ты жаждешь —] [наслаждений]
[Забудь] [Чего ты] [Забудь] — [взрб.]
[И слабость] [отроческих] лет
Ты возмужал средь испытаний
[Забудь] Загладь проступки ранних лет
2) Забудь мучительный предмет
[воспоминаний]

1) Постыдных слез, [немых желаний]
[Уединен]
[Уединенных] И безотрадных ожиданий.

На этом 29₁ листе кончаются черновики поэмы, на об. 29 л. написано только одно слово «Теперь», на л. 30 набросано загадочное французское письмо к неизвестной нам женщине, любовного содержания, напечатанное в 1-м томе «Писем» под № 47.

Эти незаконченные и неотделанные наброски дают нам несколько фактических указаний о любви Пушкина. Предмет ее — мучительный, таинственный. Самое чувство — любовь унылая, таинственная с безнадежными страданиями. Она вызывала в поэте постыдные слезы, немые желания; ей сопутствовали уединенные и безотрадные ожидания. Чувство поэта осталось не разделенным, не нашло ответа, но все же у поэта нашлись эпитеты для этой любви — «любви отверженной и вечной». И несмотря на то, что чувство поэта оказалось отверженным, он все верит, что если кто и может понять его и его безнадежные страдания, так это только одно сердце, бьющееся в груди мучительного «предмета».

В этих перечеркнутых строчках можно уловить две темы: 1) увещание к самому себе прекратить безумства страсти и не растревлять старой тоски: поэт старается уверить себя, что его чувство прошло и душа уже остыла; 2) кто поймет страдания поэта? Его никто не понимает, и только два сердца поймут эти страдания (два сердца — его и ее?). Первая тема обработана, как мы видели, на л. 3 об. тетради 2369 и появилась в поэме в ст. 551—558. Но эти стихи самим Пушкиным не печатались и впервые сообщены Анненковым.¹ Вторая же

¹ Обычно эти 551—558 стихи поэмы сопоставляются со стихами 125—128 «Разговора книгопродавца с поэтом». Такое сопоставление закононо, если оно нейдет дальше указания чисто внешнего сходства, ибо сходное по форме обращение к лире, разглашающей безумства любви, делается, в том и другом случае, при обстоятельствах, далеко не сходных.

тема нашла развитие в ответе поэта на вопрос книгопродавца в «Разговоре»: ужели ни одна не стоит вдохновенья, ни страстей поэта? (ст. 137—175).¹ «Я всем чужой... Слова мои поймет одно сердце»... отвечает поэт и вспоминает свою неразделенную любовь — тяжкий сердца стон — и ту, кто отвергла заклинанья, мольбы и тоску его души. Несомненно, это — та самая отверженная и вечная любовь, о которой мы читаем в набросках «Фонтана». Стихи из «Разговора» обыкновенно цитируются, когда говорят об исключительной любви Пушкина:

156 С кем поделюсь я вдохновеньем?
Одна была — пред ней одной
Дышал я чистым упоеньем
Любви поэзии святой.
Там, там, где тень, где лист чудесный,
Где льются вечные струи,
Я находил огонь небесный
Сгорая жаждою любви.²

Итак пред нами следующие достоверные выводы. Легенда о Бахчисарайском фонтане была хорошо известна членам семьи Раевских. Рассказ о нем Пушкин впервые услышал, еще будучи в Петербурге, от Н. Н. Раевского, и тогда этот рассказ не оставил впечатления. Мы знаем, что Пушкин собирался посвятить свою поэму Н. Н. Раевскому, но не исполнил своего намерения. Не потому ли, что не рассказ Раевского дал краски поэме, установил тон чувства? Разсказывали старинное преданье и молодые девы, и в устах одной из них легенда привела в необыкновенное возбуждение поэтический дар поэта, и, перелагая в стихи ее повесть, поэт создал поэму и излил

¹ «Разговор книгопродавца с поэтом» находится в тетради 2369 л. 13 об.—17, и под последним стихом имеет помету 25 сент. 1824 года. Чернила этой рукописи указывают на одновременность внесения в тетрадь текста и поправок. 4 декабря 1824 года поэт писал брату: «нельзя ли еще под разговором поставить число 1823 год?» Эти слова позволяют сделать заключение, что «Разговор» был написан в 1823 году, а дата в тетради означает не момент создания, а только момент внесения его в тетрадь. Отметим также и то, что в тетради это стихотворение отнюдь не носит тех внешних указаний, которые в Пушкинских рукописях позволяют утверждать, что произведение вписывалось в тетрадь в моменты, соответствующие его возникновению, а не позже.

² В черновой несколько иначе (№ 2369 л. 16):

С кем поделюсь я вдохновеньем?
Объятый грустным упоеньем
С неизъяснимою тоской
Там, там, где тень, где шум чудесный,
Где льются вечные струи
Я находил язык небесный.
Одна была... пред ней одной

³ Впоследствии одно из позднейших изданий «Фонтана» Пушкин собирался посвятить кн. П. А. Вяземскому, стараниями которого поэма была издана. Об этом свидетельствует набросок посвящения в Майковской коллекции № 11. См. Пушкин и его современники. Вып. IV, стр. 5. Воспроизведен в IV томе Пушкин — Академии Наук, стр. 297.

в ней свое сердце, полное любви к этой «младой девице», отрицающей тем не менее все мольбы поэта. Но какая же из четырех сестер возбудила столь сильное и мучительное чувство и наполнила его ум неизъяснимым волнением?

XI

Два современника Пушкина, оба его хорошие знакомые, назвали нам имя той Раевской, которой был писан «Бахчисарайский Фонтан». Кажется, оба эти свидетельства не обратили внимания исследователей и в Пушкинской литературе не упоминались при разрешении вопроса о поэме.

Одно принадлежит графу Густаву Олизару, другое — Василию Ивановичу Туманскому.

Олизар в своих «Воспоминаниях» прямо говорит, что «Пушкин написал свою прелестную поэму для Марии Раевской». ¹ А он мог иметь точные сведения об этом обстоятельстве: он был в очень близких отношениях ко всей семье Раевских. Когда Раевские в конце 2-го и начале 3-го десятилетия XIX века жили в Киеве, Олизар был предводителем дворянства в Киевской губернии и в это время завязал с ними знакомство, продолжавшееся очень долго. О близости знакомства свидетельствует, например, и тот факт, что когда Раевские в 1821 году отправились в гости в Кишинев к Орловым, с ними был и Олизар. ² В начале знакомства Олизара с Раевскими Мария Николаевна представлялась ему «мало интересным смуглым подростком». На его глазах Мария Раевская из ребенка с неразвитыми формами превратилась в «стройную красавицу», смуглый цвет лица которой находил оправдание в черных кудрях густых волос и пронизывающих, полных огня очах». ³ Олизар увлекся Марией Раевской и был сильно и долго в нее влюблен. Но любовь осталась «отверженной». В 1823 году он сделал ей предложение и получил отказ. В письме отца М. Н., приведенном в «Воспоминаниях» Олизара, мотивом отказа было выставлено различие религии и народности. Олизар был убит отказом; он уединился с своей сердечной грустью в купленное им в Крыму поместье, которое он окрестил греческим именем «Карди Ятрикон» (лекарство сердца). Здесь он тосковал и писал сонеты о своей безнадежной любви. О его безнадежной и отвергнутой любви упоминает Мицкевич в одном из своих крымских стихотворений. Он сохранил светлую память о Марии Раевской. «Нельзя не сознаться, —

¹ См. Pamiętniki (1798 — 1865) Gustawa Olizara z predm. J. Leszcycsa, Lwów, 1892, стр. 174. Эти Воспоминания изложены и отчасти переведены А. Ф. Копыловым, в Русск. Вестн. в статье «Мемуары графа Олизара», 1893 г., авг. и сентябрь.

² Русск. Арх. 1866, столб. 1258 (Воспом. И. П. Липранди).

³ Русск. Вестн. 1893 г., сент., стр. 102.

пишет он в записках, -- что если во мне пробудились высшие, благородные, оживленные сердечным чувством стремления, то ими во многом я был обязан любви, внушенной мне Марией Раевской. Она была для меня той Беатриче, которой было посвящено поэтическое настроение, и, благодаря Марии и моему к ней влечению, я приобрел участие к себе первого русского поэта и приязнь нашего знаменитого Адама». ¹ По всей вероятности, через Раевских Олизар вошел в знакомство с Пушкиным: об его участливом отношении к своей сердечной истории он вспоминал, когда писал свои «Воспоминания». В черновой тетради (№ 2370) сохранился исчерканный набросок послания Пушкина к нему. ² Пушкин касается в нем и горького сердцу Олизара отказа, полученного им от Раевских, и дает нечто в роде его истолкования. «Русская дева», по словам Пушкина,

Привлекши сердце поляка,
Не примет гордою душою
Любовь народного врага. ³

Все эти данные показывают, что Олизар имел полную возможность знать историю возникновения «Бахчисарайского Фонтана», и позволяют с решительным доверием отнестись к его свидетельству о Марии Раевской, как той, к кому писана поэма.

Мы уже знаем, что Василию Ивановичу Туманскому Пушкин прочел «Бахчисарайский Фонтан» летом 1823 года и не скрыл от него интимного происхождения поэмы. Был ли назван по имени «мучительный и таинственный предмет»? В 1891 году были напечатаны родственные и совершенно откровенные письма Туманского к его двоюродной сестре Софье Григорьевне Туманской. В одном из его писем, от 5 декабря 1823 года из Одессы, находим следующую любопытную характеристику семьи Раевских: «У нас гостят теперь Раевские и нас к себе приглашают. Вся эта фамилия примечательна по редкой любезности и по оригинальности ума. Елена сильно нездорова; она

¹ Там же, стр. 104.

² Пушкин — Венгеров, т. II, стр. 261. См. также примечания к этому стихотворению в т. III, стр. 555. Тут ошибочно указан перевод записок Олизара в Русск. Обзор. вм. Русск. Вестн. К приведенной тут литературе об Олизаре надо добавить сведения, рассеянные в книге В. И. Семевского: «Общественные и политические идеи декабристов», П. 1909 и в «Архиве Раевских», т. II. Автор примечания, Б. Л. Модзалевский, также не обратил внимания на указание Олизара, кому писан «Фонтан».

³ «М. Н. Раевская — вспоминал впоследствии Олизар — понимала, что при существующих между обеими национальностями политических отношениях русская женщина, желающая сохранить свою народность, конечно, не может соединить свою судьбу с судьбою истого поляка». Впрочем отказ Олизару был сделан не столько «русской девой» М. Н. Раевской, сколько ее отцом. А в какой мере самое М. Н. характеризовали националистические — вплоть до враждебной к иноземцам окраски — чувства, положительно неизвестно.

страдает грудью и хотя несколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую. Она никогда не танцует, но любит присутствовать на балах, которые некогда украшала. Мария идеал Пушкинской Черкешенки (собственное выражение поэта) дурна собой, но очень привлекательна острою разговоров и нежностью обращения». ¹ Это свидетельство Туманского о Марии допускает два толкования, и прием ли мы то или иное толкование, его биографическая важность не уменьшится. Для нас не совсем ясно, кого имел в виду указать Туманский: черкешенку ли, героиню «Кавказского Пленника», или грузинку поэмы, слышанной им в чтении самого автора, ошибочно в последнем случае назвав ее черкешенкой. Ошибка вполне возможная. Если верно первое, то мы имеем любопытную и ценную подробность к истории создания первой южной поэмы и к истории возникновения сердечного чувства Пушкина. Но если бы верно было второе предположение об ошибке в названии, тогда мы имели бы не менее ценное свидетельство к истории создания «Бахчисарайского Фонтана»: правда, с первого взгляда несколько неожиданным показалось бы отождествление Марии Раевской не с кротким образом Марии, а с страстным — Заремы.

Называю отождествление неожиданным, ибо против него обычное представление о Марии Раевской, как о женщине великого самоотвержения, преданности и долга. Но еще очень спорный вопрос, соответствует ли действительности обычное представление. Ведь Мария Раевская в сущности нам неизвестна, мы знаем только княгиню Волконскую, а образ Волконской в нашем воображении создан не непосредственным знакомством и изучением объективных данных, а в известной мере мелодраматическим изображением в поэме Некрасова. В конце концов нам неясны даже те внутренние мотивы, которые подвинули ее к прославившему ее героическому действию. Сам Сергей Григорьевич Волконский бесконечно ниже своей жены и по уму, и по характеру, и по духовной организации. Среди декабристов он был даже и не крупный человек, а просто мелкий, и уж ни в каком случае не соответствует тому высокому представлению, которое имеет о нем наша читающая публика. Во время следствия и суда в 1826 году его мелкая психика сказала очень ярко. Когда знакомись с его следственным делом, хранившимся в Государственном Архиве, и с некоторыми подробностями, заключающимися в других делах, выносишь тяжелое впечатление: охватывает сильно и глубоко чувство грусти от созерцания раскрывающегося противоречия между ранее существовавшим представлением и действительно бывшим. Вот уж, поистине, именно

---

¹ Письма Вас. Ив. Туманского и неизданные его стихотворения. Чернигов, 1891, стр. 54.

Волконский не тот человек, который может сам себя или которого могут другие представлять героем! Своей жене он был чужой человек. Предложение его было принято по настоянию старика Раевского, который при всех своих отменных достоинствах был большим деспотом в семье; Мария Николаевна выходила замуж не по своей воле, не по личной страсти. Об этом упоминает даже Розен.¹ Сама М. Н. в своих «Записках» говорит, конечно, очень глухо об этом. «Я вышла замуж в 1825 году за князя С. Г. Волконского, достойнейшего и благороднейшего из людей; мои родители думали, что обеспечили мне блестящую, по светским воззрениям, будущность. Мне было грустно с ними расставаться: словно, сквозь подвечный вуаль, мне смутно виднелась ожидавшая нас судьба».² До свадьбы, пишет сама Волконская, она почти не знала мужа; духовная близость не могла возникнуть между ними и в первый брачный год жизни. В этот год она провела с мужем только три месяца. В это время энергичной работы по тайному обществу жена была так далека, так чужда С. Г. Волконскому, что он не поделился с ней своими опасениями, своими переживаниями. Грустно звучит объяснение, которое дает М. Н. Волконская его скрытности. «Он был старше меня лет на двадцать и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле».³ Мы знаем о жестокой и непосильной борьбе с отцом и братьями, которую выдержала М. Н. Волконская для того, чтобы осуществить свое намерение последовать в Сибирь, на каторгу за своим мужем.⁴ Она последовала за мужем в Сибирь, но кто была она — женщина ли великого самоотвержения, или великих страстей, мы не можем сказать с положительностью. Во всяком случае, ее внутренняя природа слишком сложна для того, чтобы можно было определить ее в одном слове.

Не можем мы также сказать с достоверностью, дала ли она Пушкину материал для изображения Марии в «Бахчисарайском Фонтане», или для изображения Заремы.

Какой она представлялась Пушкину? Пушкин знал ее, наблюдал, изучал и любил не один месяц и, кажется, уловил ее образ не сразу. С развитием чувства шло попутно и постижение ее образа. Для самого Пушкина был неясен его идеал.

¹ А. Е. Розен, Записки декабриста, стр. 129.

² Записки кн. Марии Николаевны Волконской. 2-е изд., СПб. 1906, стр. 4.

³ Характеристику М. Н. Волконской я дал впервые в статье: «Подвиг русской женщины» (Истор. Вести. 1904 г., май, стр. 530 — 550). Вопрос об отношениях ее к Пушкину в то время мною еще не ставился и не подвергался исследованию. В 1922 году вышло отдельное издание моей работы «Мария Волконская», изд-во «Парфенон», СПб. 1922.

⁴ Об этом можно найти сведения и в «Записках» Волконской и в статье Гершензона в книге: «История Молодой России», и в изданных томах «Архива Раевских».

Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня
Неотразимый, неизбежный?
Марин ль чистая душа
Явилась мне, пли Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустелого гарема.

Нельзя, не указать и на то, что, набрасывая для детей, в конце 50-х годов, свои записки и перебирая в памяти стихи, написанные для нее Пушкиным, Волконская приводит и стихи из поэмы. Позже в «Бахчисарайском Фонтане» Пушкин сказал

ее очи
Яснее дня,
Темнее ночи». ¹

Но ведь эти стихи как раз из характеристики грузинки. О ней говорит поэт:

Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.
Чей голос выразит сильнее? '
Порывы пламенных желаний? и т. д.

Все эти соображения позволяют нам предполагать в письме Туманского ошибочность упоминания о черкешенке вместо грузинки и, следовательно, допускать, что именно Мария Раевская была идеалом Пушкина во время создания поэмы. Но наличие бытовых черт в образе Заремы очень поучительна, ибо критики как раз настаивают на байроничности Заремы в поэме Пушкина.

Наконец, приведем еще свидетельство графа П. И. Капниста, который мог быть хорошо осведомлен в обстоятельствах жизни Пушкина на юге из хорошо сохраненной традиции. «Я слышал — говорит он — что Пушкин был влюблен в одну из дочерей генерала Раевского и провел несколько времени с его семейством в Крыму, в Гурзуфе, когда писал свой «Бахчисарайский Фонтан». Мне говорили, что впоследствии, создавая «Евгения Онегина», Пушкин вдохновился этой любовью, которой он пламенел в виду моря, лобзающего прелестные берега Тавриды, и что к предмету именно этой любви относится художественная строфа, начинающаяся стихами: «Я помню море пред грозою» etc. ² Но кн. Волконская в «Записках», а до их появления в печати Некрасов в «Русских женщинах» рассказали те обстоятельства, при которых были созданы эти стихи, вызванные именно М. Н. Раевской.

¹ «Записки», стр. 24.

² Русск. Стар. 1899 г., май, стр. 242, статья П. И. Капниста «К эпизоду о высылке Пушкина из Одессы в его имение Псковской губернии». Эта статья сообщена в редакцию журнала Л. Н. Майковым.

Современники, близкие поэту люди, говорят, что Пушкин был влюблен и писал поэму для М. Н. Раевской. Но Раевская оставила свои «Записки», нам известные. В них она упоминает о Пушкине. Не найдем ли мы здесь определенного свидетельства о чувстве Пушкина? Но мы не должны забывать, что М. Н. Волконская писала свои записки для своих детей, уже в конце 50-х годов, на склоне дней, после жизни, столь тяжелой, сложной и богатой событиями. М. Н. Волконская хотела рассказать своим детям историю своих страданий и намеренно опустила «рассказы о счастливом времени, проведенном ею под родительским кровом». И как, действительно, далеки от нее были в это время и путешествие 1820 года по Кавказу и Крыму, жизнь в Гурзуфе, Каменке, Киеве, поездки в Кишинев! Сквозь призму грустных лет и чувства, завоеванного столь тяжелой ценой, прошли и ее воспоминания о поэте. Последний раз она видела Пушкина в Москве 27 декабря 1826 года на вечере, устроенном для нее княгиней Зинаидой Волконской. Описывая этот вечер в «записках», она присоединяет и несколько строк о Пушкине. Вот они: «Тут (на вечере) был и Пушкин, наш великий поэт; я его давно знала; мой отец приютил его в то время, когда он был преследуем имп. Александром I за стихотворения, считавшиеся революционными. Отец принял участие в бедном молодом человеке, одаренном таким громадным талантом, и взял его с собой на Кавказские воды, так как здоровье его было сильно расшатано. Пушкин этого никогда не забыл; он был связан дружбою с моими братьями и ко всем нам питал чувство глубокой преданности. В качестве поэта, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, которых встречал. Я помню, как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей (это—сестра М. Н. П. Щ.), нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя из кареты, бросилась к морю любоваться им. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала, для забавы, бегать за волной и вновь убегать от нее, когда она меня настигала; под конец у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась в карету. Пушкин нашел эту картину такой красивой, что воспел ее в прелестных стихах, поэтизируя детскую шалость; мне было только 15 лет.

Как я завидовал волнам,
 Бегущим бурной чередою
 С любовью лечь к ее ногам!
 Как я желал тогда с волнами
 Коснуться милых ног устами!

Позже, в «Бахчисарайском Фонтане» он сказал:

ее очи
Яснее дня,
Темнее ночи.

В сущности, он любил лишь свою музу и облакал в поэзию все, что видел. Но во время добровольного изгнания в Сибирь жен декабристов он был полон искреннего восторга; он хотел поручить мне свое «Послание к узникам», но я уехала в ту же ночь, и он его передал Александре Муравьевой... Пушкин мне говорил: «Я намерен написать книгу о Пугачеве. Я поеду на место, перееду через Урал, поеду дальше и явлюсь к вам просить пристанища в Нерчинских рудниках». Он написал свое великолепное сочинение, всеми восхваляемое, но до нас не доехало.¹

Вот и все, что М. Н. Волконская нашла возможным сообщить об отношениях Пушкина к ней. Трудно отсюда извлечь какие-либо данные к истории и характеристике чувства Пушкина, но содержание сообщения не дает оснований отрицать самое существование привязанности поэта к М. Н. Раевской. Она в сущности не отрицает того, что поэт был влюблен и в нее, но не придает никакого значения любви Пушкина: ведь он «в качестве поэта считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек». Нельзя не отметить сходства этих слов с заметкой о себе самого поэта: *Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont pas[s]ablement moquées de moi, — toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes*. Волконская послужила любви деятельной, а не мечтательной, и с высоты выстраданной ею страсти отнеслась с пренебрежением к увлечению поэта, столь же легкому (казалось ей), как и остальные его увлечения. Не без иронии говорит она об обещании Пушкина приехать в Нерчинск: «сочинение он написал, но до нас не доехало!» Но не слышатся ли в этом позднем рассказе кн. Волконской отзвуки того отношения, которым в действительности ответила она на любовь поэта?

Она отвергла заклинанья
Мольбы, т о с к у д у ш и м о е й !

М. Н. Волконская рассказывает детскую шалость, опоэтизированную Пушкиным в XXXIII строфе 1-й главы «Онегина». Вот полностью эта строфа:

Я помню море пред грозой:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

¹ Записки, стр. 22, 24, 26.

Нет, никогда среди пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

Эта 33-я строфа 1-й главы была камнем преткновения для исследователей. В набросанной на листке хронологии создания Онегина Пушкин точно указал дату начала романа: Кишинев 1823 года 9 мая.¹ Дату окончания 1-й главы (Octobre 22, 1823, Odessa) он записал под черновым наброском последней строфы 1-й главы.² Между тем, под черновым наброском 33-й строфы, находящимся в тетради 2366 л. 13 об., сделана совершенно четкая пометка 16 августа 1822 года. Эта дата осложнила вопрос о хронологии «Онегина» и даже заставила исследователей отнестись с подозрением к точности собственноручных указаний поэта. Так Якушкин, принимая дату под XXXIII строфой и опираясь на то, что даты в черновой тетради перед первой строфой первой главы содержали только указание месяцев без обозначения года (Якушкин читал их 28 мая и 9 июня), нашел возможным исправить дату начала и отнести ее на 28 мая 1822 года.³ Такое исправление может быть оправдано только очень серьезными основаниями, а в данном случае все основания, кажется, исчерпываются желанием Якушкина приять дату XXXIII строфы 1-й главы. Якушкин не хотел поверить указанию листка с хронологией, не хотел верить и заявлению, сделанному в 1827 году в издании 3-й главы «Онегина» о том, что «первая глава Евгения Онегина написана в 1823 году». Такие сомнения, конечно, не должны иметь места, ибо они только задерживают плодотворное изучение.

Л. И. Поливанов по поводу исправления Якушкина доказал лишний раз, что «Онегин» начат в 1823 году, и что черновые наброски 1-й главы в тетради 2369 писаны именно в 1823 году. Недоумение, вызываемое в таком случае пометой под 33-й строфой 1-й главы, Поливанов разрешил утверждением, что Пушкин сделал в рукописи опуску в годе: «вместо 16 авг. 1823 года, когда он действительно занес в тетрадь эту 33-ю строфу, он по ошибке написал 1822 год». Поливанов, исходя из наблюдения, что в черновых набросках 1-й главы, идущих почти под ряд в тетради 2369, как раз не имеется 33-й строфы, предполагал, что, дописав в тетради 2369 строфу 32-ю, Пуш-

¹ И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг Пушкина, СПб. 1903, стр. 46 и IX.

² В тетради 2369, л. 22 об. См. Якушкин. Описание, июнь, стр. 557.

³ «Евгений Онегин. Роман в стихах А. С. Пушкина. Изд. Общ. любит. Россійск. словесн. при имп. Моск. унив., под ред. В. Якушкина», М. 1887, стр. 305 — 306.

кин взял тетрадь 2366 и набросал в ней непосредственное продолжение — строфу 33-ю.¹ Предположение Поливанова нашло у исследователей такое полное доверие, что, напр., Лернер в своих «Трудах и днях», вопреки решительной очевидности пометы Пушкина, не сомневаясь ни мало, указал ее не под 1822, а под 1823 годом.² Прем, недопустимый для точной фактической работы!³

И Якушкин и Поливанов обратились к совершенно искусственным предположениям и прошли мимо самого естественного. Не надо измышлять описки у Пушкина, и должно принять, что стихи, занесенные в тетради 2366 на л. 13 об., вписаны туда действительно 16 августа 1822 года, значит, — до обращения Пушкина к работе над «Онегиным» и, может быть, задолго до возникновения самого замысла романа и, следовательно, не имея никакого отношения к «Онегину», представляют произведение самостоятельное, из цикла посвященных таврической любви. А когда Пушкин писал 1-ю главу «Онегина», он воспользовался этими стихами и внес их в свой роман. Вот самое естественное предположение. Но оно приобретает полное фактическое основание, если мы обратимся к изучению черновиков. В данном случае пренебрежение исследователей к черновикам является весьма непонятным, так как они сравнительно полно исчерпаны Якушкиным в издании «Онегина». Черновики того, что исследователям угодно звать 33-й строфой, находятся на об. лист. 13 и на об. лист. 17. Пресловутая помета находится на лист. 13 об., но исследователи впали в странную и смешную ошибку, утверждая, что те стихи, что датированы здесь 16 августа 1822 года, являются 33-й строфой 1-й главы «Онегина». На самом деле прошу вспомнить приведенный выше текст этой строфы и сравнить с ним следующие наброски.⁴

¹ Пушкин — Поливанов, том 4-й, 2-е изд. М. 1895, стр. 177 — 179.

² Лернер, стр. 88.

³ При обращении к тетради в 1930 году я прихожу к заключению, что пометку следует читать 16 апреля, а не 16 августа. Хронологию года поддерживаю во всей силе.

⁴ Эти наброски на обороте того листа, на котором Пушкин набросал заглавие

Таврида

1822

Gieb meine Jugend mir zurück.

Оборот страницы сверху занят тремя строками программы, надо думать имеющей отношение к «Тавриде»: «Страсти мои утихают, тишина дарит в душе моей — ненависть, раскаянье все исчезает — любовь одушевл —». Затем после черты идут интересующие нас наброски. Для наших целей важно отметить только объем их содержания, и потому мы не даем 'полной и точной транскрипции (См. «Евгений Онегин», ред. В. Е. Якушкина, стр. 238), лишь кое-где поправляя чтение Якушкина. Так, в 1-м стихе, приведенном нами, ясно читается «по наклоню» и след. выходит и стих, а Якушкин прочел «по склоню». Якушкин в Описании (май, 331) отметил внешнюю подробность этой страницы: записанные

За нею по наклону гор
 Я шел дорогой неизвестной
 И примечал мой робкий взор
 Следы ноги ее прелестной —
 Зачем не смел ее следов
 Коснуться жаркими устами.

Нет никогда средь бурных дней
 Мятежной юности моей
 Я не желал с таким волнением
 Лобзать уста молодых Цирцей¹
 И перси полные томленьем
 [Как]
 [Как я желал]
 [Сей милый след]

Если мы хотим быть точны, то можем только сказать, что Пушкин для 33-й строфы воспользовался несколькими стихами из этого наброска. В этом наброске и в строфе 33-й Пушкин вспоминает о разных фактических событиях: в первом поэтическое воспоминание о том, как он, влюбленный, шел по горам за нею, во втором — о том, как на морском берегу волны прибегали и убегали от «ее» ног. Очевидно, конечно, что мы имеем дело с самостоятельным замыслом.

Мотив, разработанный в 33-й строфе, мы находим в черновике на л. 17 об., но тут нет никаких дат. Подробности черновой редакции таковы, что не дают возможности говорить о ней, как о наброске именно 33-й строфы, а, наоборот, подтверждают значение ее, как самостоятельного замысла. Пушкин предполагал сначала форму обращения к ней: поэтому мы читаем ты, твой. Такая форма была бы не последовательна, если бы от 32-й строфы в тетради 2369 Пушкин действительно перешел к строфе 33-й в тетради № 2366. Затем самое построение стихотворения в зачеркнутых деталях также заставляет думать о самостоятельном замысле. Привожу черновик, предупреждая, что не отмечаю, что зачеркнуто и что оставлено, так как для нас это обстоятельство не имеет значения, да, кроме того, можно сказать, что набросок почти весь перечеркнут.

	Ты помнишь море пред грозю			
	У моря ты	Близь моря		
	Могу ли вспомнить равнодушный			
Она	Я помню берег	Она	Над морем ты	
	Мне памятно	А ты кого назвать не смею		

вокруг текста цифры годов. Только он неверно указывает, что «цифры годов с 1811 по 1824 по несколько раз кругом». Пушкин записал тут и 1828 и 1829 и 1830.

¹ К слову «Цирдей» Пушкин сделал следующее примечание: «Цирдей, замечание Алексеева». В печатном тексте Цирдей заменены Армидами. Правдоподобнее допустить, что замечание по поводу Цирдей сделано тогда, когда писались эти стихи, т. е. 16 авг. 1822 в Кишиневе, где жили тогда Пушкин и Алексеев, а не 16 авг. 1823 в Одессе, где в это время жил Пушкин.

Она   Стояла над волнами под скалою
 Как я завидовал волнам —
 Бурными рядами чередою
 Бегущим из дали послушно
 С любовью пасть к твоим ногам
 Как я желал
 И целовать
 И, о как я желал с волнами
 Хоть милый след
 Коснуться ног твоих ее устами и т. д.

Можно, кажется, после всех выставленных соображений считать доказанным, что помета 16 августа 1822 года не есть описка, и что для 33-й строфы Пушкин воспользовался набросками, которые свидетельствуют о каком-то самостоятельном замысле. Замысел этот, конечно, вызван любовными воспоминаниями о М. Н. Раевской. Черновик на л. 17 об. прибавляет одну маленькую, но яркую подробность к характеристике чувства поэта. Как он обращается к ней в своей черновой тетради, которая, казалось бы, недоступна для посторонних взоров? Он не имеет смелости назвать ее:

«О ты кого назвать не смею»

гласит зачеркнутая строка.

XIII

Все наши наблюдения приводят нас к заключению, что мучительным и таинственным предметом любви Пушкина на юге в 1820 и следующих годах была М. Н. Раевская, но при всей их доказательности должно признать, что они все же нуждаются в фактическом подкреплении, которое возведло бы предположения и догадки на степень достоверных утверждений. Мы можем указать такое подкрепление.

Пушкин оставил поэтическое свидетельство, которое не только удостоверяет нас в том, что поэт любил именно Марию Раевскую, но и указывает на глубину и серьезность чувства поэта и набрасывает в тонких очертаниях характеристику этой страсти. Это поэтическое свидетельство — посвящение к «Подтаве»; напомним его.

Посвящение.

1	Тебе — но голос музы темной
2	Коснется ль уха твоего?
3	Поймешь ли ты душою скромной
4	Стремленье сердца моего?
5	Иль посвящение поэта,
6	Как некогда его любовь,
7	Перед тобою без ответа
8	Пройдет, непризнанное вновь?
9	Узнай, по крайней мере, звуки,
10	Бывало, милые тебе —

- 11 И думай, что во дни разлуки,
 12 В моей изменчивой судьбе,
 13 Твоя печальная пустыня,
 14 Последний звук твоих речей
 15 Одно сокровище, святыня,
 16 Одна любовь души моей.¹

Пушкин хранил такое глубокое молчание о том лице, кому посвящена «Полтава», что ни в переписке, ни в воспоминаниях его друзей и близких не сохранилось даже намеков, позволяющих делать более или менее правдоподобные догадки. Даже Лернер, питающий особое пристрастие к построению рядом с существующими в пушкиноведении предположениями² и еще одного, собственного, даже этот исследователь безнадежно опустил руки перед тайной Пушкина. «Кому посвящена Полтава — неизвестно, и нет возможности установить имя той, воспоминание о которой было «сокровище, святыня, любовь души» поэта. Посвящению «Полтавы» суждено остаться одним из таинственных, «недоуменных мест в биографии Пушкина». Так пишет Лернер.³ Но зачем такая безнадежность и такой догматизм мнения? Надо искать возможности установить желанное имя, а для этого надо обратиться прежде всего к изучению черновиков поэта. В пушкиноведении изучение черногового рукописного текста становится вопросом метода, и в сущности ни одно исследование, биографическое и критическое, не может быть оправдано, если оно оставило без внимания соответствующие теме черновики. Можно утверждать, что если бы с самого начала была выполнена задача исчерпывающего изучения рукописей поэта, то история жизни и творчества Пушкина была бы свободна от массы догадок, предположений, рассуждений, а критики и биографы сохранили бы свою энергию и духовные свои силы, которые пошли на всевозможные измышления и толкования в области пушкиноведения.

«Посвящение» поэмы написано по окончании поэмы в «Малинниках 27 окт. 1828 года». Такова помета под черновым его наброском, который находим в тетради 2371, на листах 69 об. и 70 пр. Здесь две редакции: первоначальная, соответствующая моменту возникновения, и другая, окончательная, представляющая все же варианты, не лишённые интереса.³ Остановимся на последней редакции. Пушкин написал заголовок «Посвящение»; потом зачеркнул его и написал сверху «Тебе». Даже черновой тетради поэт не доверил этого имени, делеемого его памятью, и только непосредственно перед заголовком, в роде эпиграфа, записал: «I love this sweet name»

¹ Пушкин — Венгеров, т. III, стр. 31.

² Лернер. Труды и дни, А. С. Пушкина, 2-е изд., стр. 179.

³ Варианты белой редакции отмечены далеко не полно в Пушкин — Морозов. — Просвещение т. III, стр. 644.

(Я люблю это нежное имя). Самый текст до последних исправлений читался так:

- 1 Тебе ... но голос Музы темной
Коснется ль слуха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего,
5 Иль посвящение поэта
Как утаенная любовь
Перед тобою без привета
Пройдет непризнанное вновь?..
Но если ты узнала звуки
10 Души приверженной тебе,
О думай, что во дни разлуки
В моей изменчивой судьбе
Твоя печальная пустыня,
Твой образ, звук твоих речей
15 Одно сокровище, святыня
Для сумрачной души моей ...

В этом тексте Пушкин сделал поправки, после которых стихи 6, 14, 16 получили тот вид, который они имеют в печати; стихи 2 и 7, отличные от печатного текста, поправкам в этой рукописи не подверглись, в 1-м стихе поэт переставил было «Но музы голос», но тут же отменил свою перестановку. Стихи 9 и 11 подверглись ряду изменений, но все же не получили окончательной редакции. Вот последовательные редакции рукописи:

- 9 О если примешь эти звуки (1)
О если примешь тайны звуки (2)
10 Цевницы преданной тебе (1)
Глас музы преданной тебе (2)
Цевницы преданной тебе (3) — незачеркн.
Мечтой преданные тебе (4) — незачеркн.
11 Верь, Ангел что во дни разлуки (1).

Наконец, в 12 стихе Пушкин думал над эпитетом пустыни. Написав сначала «печальная», он зачеркнул это слово и написал «далекая». В печатном тексте видим возвращение к первоначальной редакции.

Надо отметить последнее колебание между эпитетами: печальная и далекая. Последний эпитет мог указывать на реальную действительность, и потому Пушкин от него отказался. Но кто же в это время из известных нам лиц и близких к Пушкину находился в далекой или печальной пустыне? Да Мария Николаевна Волконская, последовавшая в Сибирь за осужденным в каторгу мужем, а в 1828 году, когда писалось посвящение, проживающая под Читинском острогом, где сидел ее муж. Нам пришлось упомянуть, что Пушкин последний раз видел Волконскую и слушал последний звук ее речей на вечере у княгини З. А. Волконской в декабре 1826 года, когда М. Н. была в Москве по пути в Сибирь. Известны описания этого

вечера в прозе Д. В. Веневитинова и в стихах З. А. Волконской.¹ Приведу несколько строк из письма князя Вяземского А. И. Тургеневу от 6 января 1827: «На днях видели мы здесь проезжающих далее Муравьеву-Чернышеву и Волконскую-Раевскую. Что за трогательное и возвышенное обречение. Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории. В них, точно, была видна не экзальтация фанатизма, а какая-то чистая, безмятежная покорность мученичества, которое не думает о Славе, а увлекается, поглощается одним чувством тихим, но всеобъемлющим, всеодолевающим. Тут ничего нет для Галлерей: да и где у нас Галлерей? Где публичная оценка деяний?»²

Вариант «далекая пустыня» находится во второй редакции стихотворения, на листе 70, о которой мы до сих пор и вели речь. Но на 69 об. и 70 листах есть еще, как мы упоминали, и первоначальная редакция. Пушкин набрасывал эту редакцию в момент рождения самого замысла и, следовательно, не думал о том, какой вид получат стихи в печати. И вот тут мы видим уже совершенно определенный эпитет:

Сибири гладная пустыня.

Этот зачеркнутый вариант решает вопрос.

Эта первоначальная редакция, до сих пор не привлекавшая внимания издателей, конечно, найдет исчерпывающую транскрипцию в академическом издании.³ Из других вариантов укажем на целый ряд перечеркнутых стихов, в которых Пушкин старался написать посвящение так, чтобы оно, став ясным для нее, оставалось непонятным для других:

Поймешь ли ты кому желаю
Их посвятить
Пред кем хочу,
Поймешь ли!⁴

XIV

Таков реальный биографический факт. Любовь Пушкина к Марье Николаевне Раевской, после произведенных наблюдений, — не та темная и смутная традиция, о которой старые биографы, знавшие по слуху об этой истории поэта, могли гово-

¹ У Лернера («Труды и дни Пушкина», стр. 146) свидание его датировано концом года со ссылкой на «Записки кн. Волконской», но его можно датировать точно 27 декабря на основании письма Веневитинова, перепечатанного в этих же записках.

² «Архив бр. Тургеневых», в. 6, П. 1921, стр. 56.

³ Эту транскрипцию я даю в дополнительной, XV главе «Разысканий».

⁴ Отмечу еще зачеркнутое «единый свет души моей» и «твоей младенческой души». Последние слова напоминают «младенческую совесть» в элегии «Мой друг, забыты мной» 1821 года.

рять только намеками, нерешительными утверждениями; любовь Пушкина к Раевской — не та романтическая история, о которой новые биографы, лишенные и слухов, пытались рассказывать на основании поэтических признаний поэта, подобранных без критики и вполне произвольно.¹ Теперь мы можем не только считать это чувство достоверно бывшим, но и набросать, правда неполную, но за то фактическую, действительную историю и даже выяснить индивидуальные особенности этой привязанности поэта. С этими данными мы должны вдвинуть этот эпизод в историю жизни и творчества, определить и анализировать цикл произведений, вызванных отношениями поэта к М. Н. Раевской, и наконец раскрыть то действительно влияние, которое имело в процессе душевного развития и в художественном мирозерцании Пушкина это чувство. А что влияние было весьма значительным, об этом можно судить уже по внешним признакам: по хронологическим рамкам для этого чувства (1820—1823—1828) и по обилию художественных произведений, им вызванных или хранящих его отражение. Ведь помимо небольших лирических произведений и незаконченных набросков две поэмы: «Кавказский Пленник», писавшийся в то время, когда Пушкин был поглощен этим чувством, и «Бахчисарайский Фонтан» в их психологической части основаны исключительно именно на этом любовном опыте; «Цыганы» и «Онегин» закладывают не мало отголосков и отражений этой сердечной истории. Излишне, конечно, говорить, как важно полное уяснение ее для постижения исторического, реального Пушкина. Чем дольше вдумываешься в эту историю, тем глубже раскрываются глубины души и сердца поэта. Судите сами! Какой удивительный просвет открывают нам даже те немногие подробности, разъяснению достоверности которых мы посвятили столько страниц! Кишиневский бреттер и гроза молдавских бояр до смешного робок в своих любовных искательствах: молодой человек, отведавший через меру физической любви, циник, отчитывающий такую кокетку, как Аглая Давыдова, об-

¹ В Пушкинской литературе г. Н. Кузьмин с настойчивостью показывал, что Пушкин был увлечен именно М. Н. Раевской, и излагал историю этого чувства по стихотворениям Пушкина. Мы намеренно не упоминали до сих пор об его статье: «Первая любовь Пушкина. Поэтическая (!) монография из жизни Пушкина». Приложение к газете Заря в марте 1905 года. В этой статье повторены с дополнениями статьи того же автора: «Кольца Пушкина» (Ежемесячные сочинения, 1901 г. март, 239—244) и «О «талисмане» Пушкина. Заметка» (там же 1901, май, 61—62). В этой «поэтической» монографии Кузьмин не приводит решительно никаких фактических данных, ибо самым серьезным для него доказательством существования любви Пушкина именно к М. Н. Раевской является... рассказ Некрасова в «Русских женщинах». А в применении к эпизоду этой любви стихотворных признаний и других свидетельств Пушкина Кузьмин не опирается решительно ни на какие другие критерии, кроме собственного усмотрения. За «поэтической» монографией Кузьмина нельзя признать никакого научного значения.

ладающий умением склонять стыдливую красоту на ложе нег, скрывает в себе задатки сентименталиста старой школы, питает поистине нежнейшее, тончайшее чувство, таит запас такой стыдливости и щепетильности, какие и подозревать-то было бы трудно; романтический герой, гордящийся своей неприступностью, своим иммунитетом, пылает и страдает, молит (в черновых тетрадах) о встречах и взглядах. Победитель и знаток женских сердец, эпикуреец любви, рассуждения которого выслушивал Лев Пушкин в письмах своего брата, а мы читаем в признаниях «Онегина», оказывался просто «глупым» пред этим чувством. Писатель, который нанес столь яростное оскорбление любви в «Гавриилиаде», ибо «Гавриилиада» оскорбляет не столько чувство религии, но чувство любви, возносит тайные мольбы своему божеству и полон благоговейного обожания. Но не нужно объяснять этих черт двойственностью психики! Помимо того, что представление о двойственности несет какой-то привкус лицемерия, тут не идущий к делу, двойственность столь же мало объясняет душу Пушкина, как и выдвигаемое иными единство. Душа Пушкина, как и всякого человека, живущего внутренней жизнью, сложнее и простоты, и двойственности.

Весь эпизод отношений Пушкина к Раевской очень интересен и для чисто литературных исследований, ибо играл большую роль в той борьбе, которую вел в то время Пушкин, борьбе литературы с жизнью. Так сквозь вычитанное и надуманное, сквозь навеянное и воображаемое пробивались ростки действительной, своей жизни и распускались красивыми цветами «нового вида».

Дух и творчество Пушкина питались этим чувством несколько лет. Остается открытым вопрос, был ли вхож Пушкин в семью Раевских еще в Петербурге и не познакомился ли он с Марией Раевской еще до своей высылки. Когда генерал Н. Н. Раевский подобрал Пушкина больного, в Екатеринославе, с ним из 4 его дочерей в это время ехали Мария и София, а Екатерина и Елена оставались еще в Петербурге с матерью и выехали позже прямо в Крым. Чувство Пушкина могло зародиться еще на Кавказе во время совместного путешествия, облегчающего возможность сближения. Вся семья Раевских соединилась в Гурзуфе в двадцатых числах августа 1820 года.¹ Здесь Пушкин провел «счастливейшие минуты своей жизни». Его пребывание в Гурзуфе продолжалось «три недели» и здесь расцвело и захватило его душу чувство к М. Н. Раевской, тщательно укрываемое. Мы знаем, что с отъездом Пушкина из Крыма не прекратились его встречи с семьей Раевского, и следовательно Марию Николаевну Пушкин мог встречать и во

---

¹ По Гершензону, это было 18 — 19 августа, по Лернеру (стр. 484) около 26 августа или в конце августа.

время своих частых посещений Каменки, Киева, Одессы, и во время наездов Раевских в Кишинев к Екатерине Николаевне, жившей тут со своим мужем Орловым. Но чувство Пушкина не встретило ответа в душе Марии Николаевны, и любовь поэта осталась неразделенной. Рассказ кн. Волконской в «Записках» хранит отголосок действительно бывших отношений, и надо думать, что для Марии Раевской, не выделявшей привязанности к ней Пушкина из среды его рядовых, известных, конечно, ей увлечений, остались скрытыми и глубина чувства поэта, и его возвышенность. А поэт, который даже в своих черновых тетрадах был крайне робок и застенчив и не осмеливался написать ее имя, и в жизни непривычно стеснялся и, по всей вероятности, тайлся и не высказывал своих чувств. В 1828 году, вспоминая в Посвящении к «Полтаве» прошлое, поэт признавался, что его «утаенная любовь не была признана и прошла без привета». Этих слов слишком недостаточно, чтобы определить конкретную действительность, о которой они говорят. В августе 1823 года (в начале одесского периода своей жизни) в письме к брату Пушкин поминал об этой любви, как о прошлом, но это было прошлое свежее и недавнее, а воспоминания были остры и болезненны. В это время он только что закончил или заканчивал свою поэму о Фонтане, и ее окончание в душевной жизни поэта вело за собой и некоторое освобождение из-под тягостной власти неразделенного чувства. Надо думать, что к этому времени он окончательно убедился, что взаимность чувства в этой его любовной истории не станет его уделом. Зная страстность природы Пушкина, можно догадываться, что ему не легко далось такое убеждение. Тайная грусть слышна в часто звучащих теперь и иногда насмешливых припевах его поэзии—обращениях к самому себе: полно воспевать надменных, не стоящих этого; довольно платить дань безумствам и т. д. А уже в октябре, заканчивая (22 октября) 1-ю главу «Онегина», поэт писал:

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя во-след,
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем,
Но я, любя, был глуп и нем.
Прошла любовь явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь иду союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует;
Перо, забывшись, не рисует
Близ неоконченных стихов
Ни женских ножек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет,

Я все грущу, но слез уж нет
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет ... ¹

Но своей высоты примирительное настроение поэта достигает в «Цыганах». Любовь поэта была не признана, отвергнута. Почему случилось так, где законы этого своеволия чувства? Ответ на этот вопрос дан в «Цыганах». Освобожденная от уз закона стихийность чувства признана в речах старого цыгана.

Кто сердцу юной девы скажет
Люби одно, не изменись!
.....
Вольнее птицы младость?
Кто в силах удержать любовь?

Пред стихийностью чувства, которое не могло отвечать ему, должен был преклониться и поэт. Но сознание необходимости погасить свое чувство, сознание, вызванное горькой уверенностью в безнадежности его, не связывалось у Пушкина с потемнением любимого образа. И в июне 1824 года, когда Пушкину пришлось коснуться своего чувства в письме к Бестужеву, «мнением этой женщины он дорожил более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики».

Но неразделенная любовь бывает подобна степным цветам и долго хранит аромат чувства. Сладкая мучительность замирает и сменяется тихими и светлыми воспоминаниями: идеализация образа становится устойчивой, а не возмущенная реализмом чистота общения содействует возникновению мистического отношения к прошлому. Исключительные обстоятельства — великие духовные страдания и героическое решение идти в Сибирь за любимым человеком — с новой силой привлекли внимание поэта к этой женщине, едва ли не самой замечательной из

---

¹ Черновик этих строф (LVIII и LIX) «Онегина» в тетради № 2369, л. 22. Неприведенные нами в тексте два последние стиха в черновой читаются несколько отлично от печатного текста.

Тогда-то я начну писать
Поэму песен в 35.

Дальше следуют в рукописи следующие, не отмеченные издателями стихи:

И снова милье виденья
В часы ночного вдохновенья
[врзб] Волнуясь легкою, толпой несутся над моей [гла-
вой (?)]

После этих стихов, черновик 4 стихов опять из LIX строфы 1-й строфы «Пишу и сердце не тоскует» и т. д. Не вошедшие в состав «Онегина» стихи очень близки к тем, которые мы читаем в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (стр. 24 — 27):

Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.

всех, что появились в России в ту пору, и образ ее не только не потускнел, но и заблестал с новой силой и в новом блеске.

Решившись в середине 1823 года бросить свой петраркизм, поэт отдался на волю своих похотей и страстей и жил разнообразной и широкой чувственной жизнью. Осенью 1823 года вместе с Амалией Ризнич он пережил все стадии бурной и разделенной страсти и испытал долго памятные ему мучения ревности.¹ После нее было новое увлечение (в Одессе), история которого пока совсем еще темна для нас. Потом последовали увлечения не долгие и качественно различные. Тут были и тригорские барышни, и А. П. Керн, и крепостная «девка», и С. Ф. Пушкина и, может быть, другие московские девицы. В 1828 году, когда Пушкин обдумывал и писал свою «Полтаву», он кружился в петербургском свете, присматриваясь к нему.²

¹ Попытку определить цикл стихотворений, вызванных этой любовью к А. Ризнич, и выяснить индивидуальные черты этой привязанности поэта я сделал в статье «Амалия Ризнич в поэзии Пушкина», перепечатаваемой в настоящей книге. В настоящее время я поддерживаю выводы этой статьи во всем том, что касается истории Ризнич и Пушкина, но должен сделать оговорку: занятый исключительно стремлением определить цикл Ризнич, я должен был бы ограничиться простым констатированием, что то или иное стихотворение к этому циклу не относится, а я, не ограничиваясь этим, сделал некоторые приурочения таких стихотворений, не совершив специального критического разыскания. Я имею в виду отношения Пушкина к гр. Воронцовой, которые для меня неясны и после статьи Гершензона в Вестн. Евр. 1909 г., февр., и реплик Лернера в Пушк. — Венгер. И Гершензон и Лернер не углублялись в разрешение вопроса. Позволю себе здесь дополнить наши фактические сведения разъяснением пометы в черн. тетради № 2370, л. 11, об. В описании Якушкина (июль, 6) помета прочтена так «5 сент. 1824, u. l. de... [une lettre de]». Точками Якушкин обозначил довольно густо зачеркнутые буквы. Эти буквы, кажется, можно разобрать. Пушкин написал сначала Pг, потом это Pг. покрыл буквою V, а затем горизонтальными линиями зачеркнул их. Гершензон (Вестн. Евр. 1909 г., февр., стр. 537) пишет по поводу пометы: «почему письмо от»... означает письмо именно от Воронцовой, это остается тайной веры. В рукописи за предлогом de следовала одна прописная французская буква, потом несколько раз зачеркнутая... Зачеркнутая в тетради буква первоначально очень похожа на R». Мой разбор пометы, кажется, правильнее разбора Гершензона. А смысл пометы: «5 сентября 1824 une lettre de Princesse Viasemsky»? Конечно, речь идет о письме, которое кн. В. Ф. Вяземская послала Пушкину из Одессы через Псковского губернатора, между 9 и 25 августа. См. у Б. Л. Модзалевского «Письма Пушкина», т. I, стр. 351—352.

² «Полтава» начата 5 апреля. Эта помета сделана перед черновым, соответствующим моменту возникновения, наброском начала поэмы по первоначальному плану поэмы (Тетрадь 2371, л. 11). Пушкин сам указал, что «Полтаву» он написал в несколько дней, а Анненков привел «цифры, выставленные в конце каждой из песен ее и сохранившиеся на клочках черновой рукописи»: 3 октября — конец первой песни, 9 окт. — второй, 16 окт. — третьей» (Анненков, Материалы, стр. 194 или Пушк. — Анненк. стр. 201). Эти клочки находятся в Майковской коллекции. См. Опис. Срезневского в «Пушкин и его современники», в. IV, стр. 10. Я не решаюсь видеть в этих датах указание момента возникновения: не означают ли они момента переписки уже сравнительно законченной редакцией? Не вникая в подробности, сошлюсь, что положение и вид черновики приводят к не-

Результаты наблюдений мы находим в «Онегине». В этом 1828 году он сильно увлекался А. А. Олениной и А. Ф. Закревской. И подобно тому, как в черновых тетрадах южных он беспрестанно рисовал женские ножки в стремях и без стремян, так в той тетради, которой он пользовался в 1828 году, он беспрестанно чертил анаграмму имени и фамилии Олениной.¹ Наивностью веет от этих Aninelo, Etenna, Aninelo, которые рассыпаны в тетради. На одной странице нам попалась даже тщательно зачеркнутая, но все же поддающаяся разбору запись Annette Pouschkine. А по поводу Закревской Вяземский писал 15 октября 1828 года А. И. Тургеневу; «Целое лето Пушкин крутился в вихре петербургской жизни, воспевал Закревскую». ² Известны стихи Пушкина, посвященные этой увлекательной и эксцентричной женщине. Ее попытка изобразить Пушкин в этом же 1828 году, по свежим следам, в неоконченном наброске «Гости съезжались на дачу» ³ в героине Зинанде Вольской. Другим казалось, что рассеянная жизнь, бурные увлечения могут погубить поэта, ⁴ но за этим бросавшимся в глаза

обходимости заключить, что в тетради 2371 «Полтава» вписывалась гораздо раньше октября (начало — 5 апр.; стихи на л. 23, — до половины августа). Кроме того, по черновым видно, что поэма не легко давалась Пушкину. Беловая редакция поэмы находится в тетради 2372 без числовых помет.

¹ Это — тетрадь № 2371. Якушкин почему-то не упомянул в Описании об этих пометах. Кстати, отмечу не упомянутую им дату, находящуюся на 1-м листе, ¹⁸²⁴ 1827 Москва 18 мая. Известно, что в ночь с 18 на 19 мая Пушкин уехал из Москвы в Петербург. Не означает ли помета день, в который была заведена эта тетрадь (быть может поднесенная друзьями).

² «Остафьевский Архив», т. III, стр. 179.

³ Черты, которыми охарактеризована Вольская в неоконченной повести Пушкина, как раз те самые, которые переданы в воспоминаниях о Закревской. Кроме того сравни отзыв Минского в повести о Вольской («Она занята; я просто ее наперсник или что вам угодно. Но я люблю ее от души: она уморительно смешна») с отзывом Пушкина в письме к Вяземскому от 1 сентября 1828 года: «Еслиб не твоя медная венера (т. е. А. Ф. Закревская), то я бы с тоски умер — но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в свои сводники и т. д.». Я говорю, Пушкин изображал ее по свежим следам, т. е. в 1828 году, ибо издатели и вслед за ними Лернер (стр. 259), относящий набросок к 1831 году, не правы. Набросок повести, находящийся в тетради № 2371 (л. 27 — 36), писан несомненно в 1828 году. Доказательства: на л. 27, где начинается набросок, написано сверху несколько стихов из «Полтавы» («Полтава» закончена в октябре 1828 года), причем видно, что когда стихи эти записывались на этот лист, набросок повести уже был на нем. Конец наброска повести написан карандашом на л. 36 об. и сейчас же вслед карандашом же написаны стихи из «Полтавы» («Сам гетман сватов шлет»). Ясно, что повесть набросана раньше стихов из Полтавы, и очень похоже на то, что Пушкин непосредственно от прозы перешел к стихам, ибо в почерках стихов и прозы нет решительно никакой разницы.

⁴ Вот отрывок из письма Вяземского к А. И. Тургеневу от 18 апреля 1828 года: «Пушкин просился следовать за главною квартирою, и ему

шумом и разгулом совершалась незаметная для других работа совести и сознания. ¹ Достаточно сказать, что в мае этого года был написан покаянный псалом Пушкина: «Воспоминание» и набросаны первые, тоже «покаянные» строфы «Воспоминания в Царском Селе». ² В этом году Пушкин очень остро переживал свои воспоминания и давал тяжкий отчет своей совести. Его состояние тягостно осложнилось еще разыгравшимся осенью этого года расследованием о «Гавриилиаде». Пушкина могла постигнуть тяжелая кара, быть может, ссылка —

Прямо, прямо на восток.

Уверенность поэта в себе, в собственной твердости в это время подверглась большим испытаниям. Ожидая грозы, он писал:

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль на встречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Среди таких тяжелых обстоятельств явился Пушкину образ Марии Волконской, женщины великого и непреклонного духа; затихшее чувство снова взволновалось, и чистый аромат неразделенной любви стал острым и сильным. Все увлечения поэта побледнели, подобно свечам, бледнеющим перед лучами дня. Пустыня света обнажилась. В эти минуты у поэта было одно сокровище, одна святыня — образ М. Н. Волконской, последний звук ее речей. ³

В самой «Полтаве», которую Пушкин так трогательно и таинственно посвятил М. Н. Волконской, мы находим историю неразделенной любви. Пушкин, конечно, воспользовался своим

позволили, только неизвестно еще в каком виде (это сообщение Вяземского было преждевременным и неверным)... Здесь (в СПб.) ведет он жизнь самую рассеянную, и Петербург мог бы погубить его. Ратная жизнь переварит его и напитает воображенье существенностью. До сей поры главная его поэзия заключалась в нем самом». («Архив бр. Тургеневых», в. 6 стр. 65.)

¹ Любопытно, что как раз в этот год самоанализа и раскаяний Пушкин разоблачал Онегина: в это время написаны строфы, описывающие, как Татьяна нашла разгадку Онегина.

² Под «Воспоминанием в Царском Селе» стоит дата 14 декабря 1829 года. Это несомненно время окончательной отделки. Приступ же к «Воспоминанию» или те наброски первых двух строф, которые мы находим в тетради 2371 (л. 17, об.) написаны несомненно еще в 1828 году. На самом деле, работая над «Полтавой» и заполнив стихами поэмы л. 18₁ тетради, Пушкин по обычаю перешел на левую сторону, но она была уже занята, и он мог продолжать «Полтаву» только на оставшейся свободной части л. 17 об. Занята же эта страница была, как сказано, началом «Воспоминания в Царском Селе».

³ Нам известна еще эпитафия Пушкина на смерть сына М. Н. Волконской («Арх. Раевских», т. I, стр. 266) и записочка, в которой Волконская благодарит поэта за стихотворение. Этот обмен относится к 1828 — 1829 годам.

опытом и вложил в описание этой любви (в сущности, для поэмы ненужное) много черточек субъективных. И с какой любовью, с каким тщанием он выписывал образ своего романтического казака! Этот казак был тоже в числе многих, презренных Марией Кочубей. Он любил ее с младенческих лет любовью страстной.

Вечерней, утренней порой,
На берегу реки родной,
В тени украинских черешен,
Бывало он Марию ждал
И ожиданием страдал,
И краткой встречей был утешен.¹
Он без надежд ее любил,
Не докучал он ей мольбою:
Отказ бы он не пережил.
Когда наехали толпою
К ней женихи, — из их рядов
Уныл и сир он удалился...

Не собственную ли свою историю рассказывает в этих стихах Пушкин? Читая повесть сердечных страданий казака, М. Н. Волконская должна была бы узнать «звуки приверженной ей души», «глас преданной ей музыки».

Задача наших разысканий представляется нам выполненной. Легенде, столь красиво рассказанной Гершензоном, не место в биографии Пушкина, но об истории «утаенной» любви, любви «отверженной и вечной», о которой мы знали по неясной традиции, мы можем теперь говорить с совершенной уверенностью. Наши наблюдения над текстом и биографические справки позволяют составить довольно определенное и достоверное представление об этом эпизоде из истории сердца Пушкина.

XV

Предшествующие главы разысканий были сообщены в чистых листах редакцией издания «Пушкин и его современники» М. О. Гершензону и вызвали с его стороны возражение «В ответ П. Е. Щеголеву», напечатанное вслед за моей статьей в том же, XIV выпуске издания (стр. 167—198). Мне показалось необходимым, в целях всестороннего освещения и окончательного разрешения вопроса, дополнить разыскания еще одной главой, которая появилась в той же книге сейчас же за ответом М. О. Гершензона. Воспроизвожу эти дополнения.

Возражение М. О. Гершензона в ответ мне заключает, по преимуществу, изъятие его мнения о моих разысканиях

¹ Сравн. набросок, относимый обычно к 1820 году:

На берегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял,
Там часто я бродил уединенный
И в даль глядел... и милой встречи ждал.

и еще новое утверждение его веры в действительность рассказанной им легенды о любви Пушкина к княгине Голицыной. Вижу, что М. О. Гершензон неубедим и что работа моя ему не понравилась, но не почитаю необходимым и полезным для дела останавливаться на этой стороне его возражения, ибо для выяснения истины не имеет, в сущности, значения ни то или иное содержание мнения М. О. Гершензона, ни та или иная степень его уверенности в правильности его построения. Важны лишь указания фактические, соображения по существу дела, но ими-то как раз и бедно возражение М. О. Гершензона. Оно не содержит ни единого фактического сообщения, которое дополнило бы и укрепляло мнения, изложенные им в статье «Северная любовь Пушкина» и подробно разобраны мною в «Разысканиях». В то же время в ответе мне не находится и фактических опровержений моего разбора. Все, что может предъявить М. О. Гершензон в ослабление моих доводов, сводится к единственному указанию на ошибочность моего «открытия» в рукописи «Посвящения» к «Полтаве». Заявление о моей ошибке, провозглашенное весьма категорично, опровергает (на взгляд М. О. Гершензона) одно из существенных положений моей работы, и поэтому мне приходится подвергнуть анализу это заявление и установить настоящую ему цену.

Ни о какой ошибке с моей стороны не может быть и речи, и неправильность утверждения М. О. Гершензона, будто в тетради Пушкина написано не то, что я прочитал в ней, очевидно—даже до обращения к рукописи—уже из дальнейшего изложения самого М. О. Гершензона, ибо, и по его свидетельству, то, что я прочел в рукописи («Сибири хладная пустыня»), написано в ней всеми буквами. Следовательно, самый термин «ошибка» применен к данному случаю без достаточных оснований. Не о моей ошибке надлежит говорить, а о целом ряде ошибок самого М. О. Гершензона, допущенных им при передаче Пушкинского текста. Должно было ожидать, что, перенося центр тяжести вопроса в область текста,¹ он даст правильную и полную транскрипцию, если не всего текста, то хоть интересующей нас части; но вместо шепетильной точности, которая требуется от научных работ такого рода, М. О. Гершензон проявил удивительное пренебрежение к тексту, и его приемы при установлении транскрипции не заслуживают названия научных. Правда, с первого взгляда, как будто бы все у него в «ученом» порядке: «окончательный» текст вверху, а внизу под строкой, «основной» в сопровождении «ученых» примечаний, но это лишь видимость. Его сообщения во всей их совокупности не только не дают истинного представления

¹ Для меня вопрос о тексте не возникал, а потому я и не дал в свое время транскрипции. Жалею об этом, ибо, дай я место транскрипции, ни возражения М. О. Гершензона в этой его части, ни моего настоящего дополнения не нужно было бы писать.

~~Мне хотелось бы написать тебе письмо~~
~~но не знаю, как тебе написать~~
~~и о чем тебе написать~~
~~и о чем тебе написать~~
~~и о чем тебе написать~~
~~и о чем тебе написать~~

~~Я не знаю, как тебе написать~~
~~и о чем тебе написать~~
~~и о чем тебе написать~~
~~и о чем тебе написать~~
~~и о чем тебе написать~~

Я не знаю, как тебе написать, 40.
 Я не знаю, как тебе написать, 40.
 Я не знаю, как тебе написать, 40.

Мне хотелось бы написать тебе письмо
 но не знаю, как тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать

27 окт.
 1888
 мамин сын.

Я не знаю, как тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать

Мне хотелось бы написать тебе письмо
 но не знаю, как тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать
 и о чем тебе написать

о рукописной действительности, но, должно сказать, могут повести только к ложным заключениям, как это и случилось в данном случае с М. О. Гершензоном. Он не столько подверг рукопись ученому исследованию, сколько, ограничившись любительским набегом на нее, выловил из добычи то, что соответствовало его видам, и выбросил все то, что ему не годилось. Справедливость как этого общего суждения, так и ниже приводимых замечаний легко проверить по прилагаемому снимку черновика «Посвящения», занимающего листы 69 об. и 70 лиц. в тетради № 2374. Черновик набросан не вдоль страницы, а поперек: очевидно, Пушкин, раскрыв тетрадь, перевернул ее на бок и начал писать сверху вниз сначала на левой (69 об.), а затем на правой (70 лиц.) стороне тетради. Обе страницы заняты первоначальными набросками, а для редакции окончательной Пушкин воспользовался оставшимся местом в конце л. 70 лиц. Занимающий нас набросок находится на правой стороне тетради, но мы даем, во избежание малейших недоразумений, воспроизведение всего черновика, сопровождая его усиленной транскрипцией. Для транскрипции я пользуюсь двумя шрифтами: петитом и корпусом. Первым набраны слова и стихи, написанные между «строк» или, вернее, стихов и около них. Я не придаю особого значения делению текста по двум шрифтам и тем менее приписываю им значение указания на их хронологическую последовательность. Что в набросках было основным текстом и что к нему не относится и приписано позже, определить с достоверностью невозможно. Неразобранные мной слова обозначаются сокращенно нрз., нрзб., нрзбрч., прочитанные предположительно — сопровождаются вопросительным знаком в боковых скобках; зачеркнутые ставятся в прямые скобки. Расположение слов и стихов необходимо проверять по снимку.

Мы остановимся на разборе части черновика, находящейся на л. 70 лиц., и заключающей наброски к концу «Посвящения» (ст. 11—16). Тема конца — обращенное к «ней» заверение, что она и все, что ей близко, с ней связано, дорого поэту: «Верь, Ангел, что во дни разлуки, В моей изменчивой судьбе» и т. д. Следующие стихи потребовали от поэта значительной работы и ряда набросков. Желая назвать святое и дорогое в очаровавшей его женщине, поэт вспоминает «ее страдания, ее следы, ее пустыню, ее печали, ее образ, последний звук ее речей». «Пустыня» является в первых же стихах правой страницы тетради (л. 70 лиц.), и в первом же явлении это слово — отнюдь не достояние поэтического стиля, а столь же ясное, не допускающее сомнения, указание на живую действительность, как и то, о котором вспоминает поэт в словах: «Твои печали, последний звук твоих речей». Словом «пустыня» поэт означал действительную местность, в которой пребывала она. Подбирая эпитеты, Пушкин стремился определить эту пустыню еще яснее,

Левая сторона тетради—лист 69 об.

[нрзб.] [тебѣ]
[Гдѣ ты] — тебѣ послушной

[тебѣ]
[Вспоминаемъ (?) упоенный (?)]

[нрзб. нрзбрч.] [я]

[лиры]

[вѣрь Ангель]

[пѣсни]
[Дойдутъ ли звуки] [до тебя]

[тебѣ] тебѣ
[лиры] [нрзбрч.]
по звуки [лиры вдохновенной] [коснется ль]

[Поймешь ли] [прежній (?) гласъ (?) [гласъ душевной муки]
[Поймешь ли] поэта [звуки]
[сердечной] [мой]
[Гласъ [гласъ] [души] [моей]]

[нрзбрч.]
[дойдетъ ли пѣсня до тебя!]

[ли ты]

[Поймешь кому] [желаю]

Иль—посвященіе поэта

[утасная]
[Какъ] [нѣкогда его] [любовь]

[нрзб.] [пынѣ(?) я]
[Ихъ посвятить] [нрзбрч. я]

Какъ утаенная любовь —
[Не будетъ признано тобою]

[нрзб.]
[Предъ кѣмъ хочу]

[Поймешь ли]

[Тобой непризнанное вновь] без привѣта

Поймешь—ахъ

Передъ тобо[и]ю [безъ?] [какъ нрзб. нрзб.]
 [проидеть] [ни вѣздуха] [нрзб.]
 [Безъ привѣта] [проидеть] [какъ нрзб.]
 [Какъ нѣкогда моя] [любовь]
 Проидеть — испризнанное вновь

[Священны мнѣ]	[глуши]
[Какъ]	[святыя]
[Твоей]	[возвышенной]
.....	[младенческой]
.....	луши]

[Но если ты] — [разлуки]

[нрзб.] [въ глуши]

ты
 [Но если признаешь] [узнама]

Поймешь [задуманные {?}] звуки —

[луши] [нр.]
 [Тебѣ] приверженной луши

О лумай
 [Вѣрь] что во дни разлуки

моей [покойной {?}] [въ тягостной?]
 измѣнчивой Вѣ [печальной], [въ радостной] сумьбѣ

[Твои] страданья]

нрзб.
 Твой образъ вѣчно мой]

[нрзб.] музы [?]
 [сладкой {?}] пѣснѣ {?} темной {?]
 нрзб. зпры [звуки]

Тебѣ... но [лиры вдохновенной {?}]

[Дойти] Коснуться слуха твоего —

[нрзб.]
 Поймешь ли [въ] [душевной {?}] [нрзб.]
 луною скромной

Стремленье
 [Иселянья] сердца моего — —

[печальная] [далекая]
 [суровая] печальнал [?]
 [Твои] [слѣды], [твоя пу]стыня
 послѣдній
 нрб. [слезы] [нрб.] [послѣдняя нрб.]
 [рѣчей] звукъ
 [Твоя] [печали], [образъ твой] — [нрб.]
 [нрб.] [нрб. нрб.]
 [Твой вѣчный образъ] [м]
 [Мнѣ] святыня
 [И отверженный?]
 [И ты] [и] [перелъ ней] —
 [что ты одна моя святыня]
 [И [я?]] [блговѣю]

J [have] love this sweet
 name —

[Что ты] [единая] святыня
 [что]
 [Одна] [одна ты] [мнѣ] [м]
 [свѣтъ]
 [Что безъ тебя] [Св. [?]] [міръ]
 [одна]
 [Что ты] — [единая] нрб.
 [Сибири хладная] [пустыня]

одно
 сокровище

Тебѣ
 [Посвященіе]

[Единственный свѣтъ души] мой
Моей души [души] мой и
[Единый (?)]

Твоя [печальная] пустыня
далека
Послѣдній

[Твой образъ] звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня
Одна любовь

[Для] [сумрачной] души моей

27 окт.
1828

Малинники

[2] [1]
Тебѣ.. но голосъ музы томной

Коснется ль слуха твоего?

Поймешь ли ты душою скремной

Стремленье сердца моего, [?]

Иль посвященіе поэта

вѣкогда его

Какъ [утаенная] любовь

Передъ тобою безъ привѣта

Пройдетъ непризнанное вновь?..

[Глазъ музы] [О] примешь [эти] тайны

[ты врѣб.] [Но] если [ты узнала] звуки

Мечтой [Цѣвницы] передан[о]и]я

[Души приверженной] тебѣ

Вѣрь, Ангель,

[О думай,] что во дни разлуки

Въ моей измѣнчивой судьбѣ --

А вот что на самом деле дает рукопись вместо «основного» и «окончательного» текста М. О. Гершензона. Для того чтобы читатель мог сосредоточить свое внимание, позволяю себе повторить транскрипцию этого куска черновика:

[Что ты] [едная] святыня
 [Что] [мнѣ] [м] (1)
 [Одна] [одна ты] [свѣтъ]

[Что безъ тебя] [св(?)] [міръ] (2)
 [Что ты] — [единая] [одна]

одно нрзб.
 скровище [Сибири хладная] [пустыня] (3)

[Единый свѣтъ души] [моей] (4)

Моей души
 [Единый (?)] [души] моей

Как видим, между «извлечениями» М. О. Гершензона и рукописью—разница, да и преобладающая. Не мешает раскрыть ее в подробностях. М. О. Гершензон, приводя «окончательный» текст, заявляет весьма определенно: «Пушкин хотел сказать: «без тебя мир для меня пустыня. Сибирская пустыня. Только и всего». Уже эта категоричность утверждения о том, что хотел сказать Пушкин, представляется странной: она тут решительно не у места, ибо мы имеем дело лишь с догадкой. Догадкой — только и всего. И на такую догадку мог набрести лишь человек небрежно рассматривавший рукопись.

При установлении контекста не следовало бы обходить вниманием пробел в стихе

Что безъ тебя міръ (2).

Пушкин оставил место для слова или слов. Каких? Как опровергнет М. О. Гершензон предположительное чтение на месте пробела чего-либо в роде «мне скучен»? А при таком чтении рвется связь, прикрепляющая этот стих к следующему, ибо их сочетание лишается смысла. Повидимому, на возможность связать с приведенным стихом стих

Сибири хладная пустыня, (3).

наталкивает точка после слова «пустыня». Но дело-то в том, что нет точки в рукописи и М. О. Гершензон незаметно, должно быть, для себя создал ее в своем воображении, счел существующей и перенес в транскрипцию. Нет ее, этой точки, замыкающей слова и смысл. Мало того: вслед за этим третьим стихом в рукописи читается еще один стих

Единый свѣтъ души моей (4).

М. О. Гершензону не угодно было уделить своего внимания этому стиху: он его не заметил, или сделал вид, что не заметил,—и это очень жаль, ибо этот четвертый стих не вяжется с предшествующим стихом в контексте М. О. Гершензона.

Правда, изучение рукописей показывает, что у Пушкина не в обычае было соблюдать знаки препинания, и М. О. Гершензон может возразить: «я верю, что тут кончается мысль и фраза Пушкина». Но этой вере можно противопоставить предположение, что мысль поэта оборвалась на втором стихе, а стихи третий и четвертый должны быть связаны. И для последнего мнения найдутся основания, которых нет для первого. М. О. Гершензон опять-таки не обратил внимания и не оценил того обстоятельства, что Пушкин между 2 и 3 стихом нашел возможным вписать еще один вариант: следовательно, эти 2 и 3 стихи в его сознании отделялись. И вариант этот—«что ты единая» и т. д. по строению предложения как раз и примыкает к стиху «что без тебя мир». Конечно, в таком случае, пробел и должен был закончиться указанным выше образом.

Но как вообще можно устанавливать определенное отношение между незаконченными, неполными, перечеркнутыми отдельными стихами, когда такого отношения между ними никогда, быть может, и не было! В этих набросках последней части «Посвящения» было несколько приступов, мысль поэта искала выражений; отыскав, поэт тотчас же отбрасывал и переходил к новому строению стиха или же просто останавливался на полдороге. Затруднительно вычитывать из этих развалин один определенный смысл и невозможно признать принадлежность этих *membra disjecta* одному определенному построению.

Отрицая за догадкой М. О. Гершензона какие-либо права на существование, мы не стремимся к установлению связи 3-го стиха с предшествующим и последующим текстом и полагаем, что употребленное в этом стихе слово «пустыня» не изменяет и здесь своему постоянному значению, с каким мы находим его и выше, и ниже на той же странице. Эта холодная пустыня Сибири, очевидно, есть та же «ее далекая, печальная, суровая» пустыня.

Такова цена единственному фактическому указанию, сделанному в опровержение моих «Разысканий». Фактическое в сущности отсутствует, и это указание разделяет в некотором роде судьбу легенды, рассказанной М. О. Гершензоном: его исследования в области текста так же, как и его биографические разыскания, являются плодом не столько ученой рассудительности, сколько воображения, мечтательного воображения. Только и всего.

К месту отметить один пункт в возражении М. О. Гершензона, наглядно показывающий, до какой степени властвует над ним воображение. По его мнению, мне не удалось доказать, что стихотворения I и II «не могут и не должны быть» связываемы с именем княгини М. А. Голицыной, но он согласен с тем, что мой анализ доказывает, что нет документальных оснований относить I и II к ней. (Меня удовлетворяет признание со стороны М. О. Гершензона и такого значения

за моей работой!). Но М. О. Гершензон, несмотря на признанное им отсутствие документальных оснований, «продолжает, по его словам, думать, что I и II относятся к Голицыной». Очевидно, ни научный метод исследования, ни фактическая действительность не имеют в его глазах преимущественной важности и уступают в своем значении перед выводами, добываемыми путем некоего мистического восприятия. Но мы не последуем, конечно, за М. О. Гершензоном в область воображения и оставим его с его верой. Между прочим, он упрекает меня за то, что я не рассмотрел его главного утверждения о факте северной любви на юге, а подверг критике второстепенную догадку о любви именно к Голицыной. Да факт-то плохо засвидетельствован М. О. Гершензоном и висит в воздухе, не имея под собой фактической почвы, для создания которой требуются изучения и биографические, и историко-литературные. Ни тех, ни других М. О. Гершензон не делает. Как же его разбирать, этот факт? На самом деле, если бы кому либо заблагорассудилось объявить, что он верит в такой-то и такой-то факт (для примера, в то, что Пушкин был одержим тайной страстью к супруге императора Николая Павловича!), то нельзя же на основании такого заявления считать вопрос поставленным и направлять сыск на его рассмотрение. Пусть М. О. Гершензон «считает себя в праве поставить на очередь вопрос о северной любви Пушкина и в частности — об его любви к княгине М. А. Голицыной» — это его дело, но наше дело потребовать от него документальных, фактических оснований к постановке подобных вопросов и в случае непредставления первых не принимать к расследованию вторых. Вопрос же о любви к княгине М. А. Голицыной можно просто сдать в архив и всю легенду М. О. Гершензона зачеркнуть сверху до низу. Рассказ А. О. Гершензона приятен и привлекателен игрой воображения, но в научном отношении совершенно бесплоден.

С.-Петербург 29 июня 1910 года

5 февраля 1911 года

Этой моей работе, появившейся в 1911 году, суждено было привлечь особое внимание исследователей-пушкиноведов. Мои «разыскания» вызвали многочисленные отзывы и рецензии, послужили материалом для семинарских докладов студентов-филологов, вызвали ряд докладов в ученых обществах и дали повод к исследовательским работам. Биографический вывод моей работы можно считать принятым в пушкиноведческий обиход, но мне лично представляется более важной методологическая сторона разысканий. Методы изучения должны сохранить свое значение в пушкиноведении, но понятно они не покрывают методологии пушкинизма.

Виновник моих разысканий М. О. Гершензон, в первые моменты после их появления, отстаивал с упорством, достойным лучшей участи, свои выводы, но в конце концов должен был согласиться со мной во всем, что я утверждал о Голицыной, и, перепечатавая в 1920 году свою статью в книге «Мудрость Пушкина,» опустил без всяких оговорок всю часть своей статьи—о Голицыной. Фактические наблюдения и соображения в пользу подтверждения и в развитие биографических положений, выставленных мной, даны в работах М. А. Цявловского («Два автографа Пушкина» М. 1914), П. О. Морозова (в примечаниях к академическому изданию сочинений Пушкина, т. IV, Пб., 1916), Б. М. Соколова («Кн. Мария Волконская и Пушкин», М. 1922), Вацлава Ледницкого (Lednicki. Alexander Puszkina. Studja, Krakow, 1926).¹

Ленинград, 15 августа 1930.

---

¹ Неубедительными, лишенными фактических оснований представляются мне возражения, сделанные в новейшей работе Б. Л. Недзельского («Пушкин в Крыму». Крымгосиздат, 1929) и в более ранней П. К. Губера («Дон-Жуанский список Пушкина». Ленинград, 1923).

I

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей —
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

Полный текст этого стихотворения был опубликован впервые в книге проф. И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг Пушкина». ² До тех пор мы знали из него только четыре первых строки; издатели относили их к 1826 году. На автографе этого стихотворения, принадлежавшем И. А. Шляпкину, находим точную дату: «1825 Триг. 23 Тригорск. 22». ³

К кому относится это стихотворение? Чьей памяти поэт приносит в жертву все драгоценные порывы своей души? П. А. Ефремов в издании 1882 года (т. II, стр. 398) высказал предположение, что эти стихи вызваны воспоминанием об одесской знакомой Пушкина, Амалии Ризнич. И. А. Шляпкин полагает, что в виду даты: «1825 год», раньше неизвестной, окончательно падает предположение П. А. Ефремова, и высказывается положительно за то, что оно относится к известной Анне Петровне Керн. То или иное решение вопроса о том,

¹ Статья напечатана впервые в Вестнике Европы 1904 года, январь; перепечатано с некоторыми изменениями в книге «Пушкин. Очерки». Здесь вновь пересмотрена, исправлена, дополнена.

² В нашем очерке мы касаемся лишь одного недоумения, возбуждаемого трудом И. А. Шляпкина и связанного с важным вопросом о биографическом элементе в стихах Пушкина, с вопросом о правильности наших утверждений о посвящении тому или другому лицу различных стихов Пушкина. Это — один из запутаннейших вопросов в истории Пушкинского творчества.

³ В настоящее время автограф находится в Пушкинском Доме. Дата под текстом и имеет следующий вид

Триг. 23 1825
Тригорск 22

к кому относятся различные стихотворения Пушкина, имеет важное значение для биографии поэта. Несомненными являются указания его самого, но они редки, и приходится делать одни предположения, — а между тем, в собраниях сочинений, даже самых новейших, мы встречаем не мало таких догматических «усвоений» стихотворений Пушкина тому или другому лицу, — усвоений, которые каким-то неведомым путем повысились из догадок на степень достоверных свидетельств. В особенности мало достоверны и спутаны указания при стихотворениях, связанных с семьей Раевского и с пребыванием Пушкина на юге, при посланиях кн. М. А. Голицыной, урожд. Суворовой, при стихах, посвященных Амалии Ризнич. Попытаемся разобраться в том, кому же именно посвящено стихотворение: «Все в жертву памяти твоей» и т. д.

Относится ли оно к А. П. Керн? Об ее отношениях к Пушкину, по крайней мере, в тот 1825 год, к которому относят это стихотворение, мы можем судить по письмам к ней А. С. Пушкина, напечатанным во всех изданиях. Не вдаваясь в подробности этих отношений, отметим только общий, чувственный характер увлечения Пушкина.¹ Невозможно допустить, чтобы Пушкин и «мщенье — бурную мечту ожесточенного страдания» — принес в жертву той, которую он называл «вавилонской блудницей», которой он писал в таком легком тоне: «Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая! прелесть! божественная!.. и потом: «ах мерзкая!» Простите, прекрасная и нежная, но это так», и т. д. Вряд ли бы стал Пушкин выражаться: «все в жертву памяти твоей», в то время, как Керн была так недалеко от него: в Тригорском, или в Риге, или в С.-Петербурге (с момента встречи 1825 года, Керн только в этих местах и была в этот год). Все эти соображения приводят к следующему выводу отрицательного характера: предположение о посвящении стихотворения А. П. Керн не может быть допущено. И такой вывод имеет свое значение.

Прежде чем обратиться к предположению П. А. Ефремова, остановимся на комментариях И. А. Шляпкина, которые могут послужить образцом того, как не следует делать комментарии. Разбор их поможет нам вникнуть в содержание стихотворения, а выяснение содержания имеет существенное значение для нашей цели. Высказавшись предположительно о посвящении стихов А. П. Керн, И. А. Шляпкин без оговорок распределяет партии: «на Е. Н. Вульф намекает поэт, когда говорит о слезах воспаленной девы. «Трепет ревности моей» — конечно, намек на А. Н. Вульфа, уехавшего с А. П. Керн в Ригу». Необходимо указать, что подобные комментарии могут оплошать стихи Пуш-

¹ См. мою книгу «Пушкин и мужики» М. 1928. Изд-во «Федерация», стр. 45—46, и мою статью «Любовный быт Пушкинской эпохи» в книге А. Н. Вульфа, Дневники, ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 13—28.

кинд и лишать их всякого художественного смысла. Стихотворение прекрасно именно по глубокому чувству, его проникающему: поэт приносит в жертву памяти о любимой женщине все самое ценное для его души, и слезы воспаленной любовью девушки, всякой девушки, и мучения ревности, всякие мучения, и блеск славы и т. д. И. А. Шляпкин низводит стихотворение почти до эпиграммы: — увы, поэт готов пожертвовать памяти любимой им только слезы Евпраксии Николаевны Вульф; поэт готов ради памяти отказаться ревновать ее к Алексею Николаевичу Вульфу.

Но прав ли П. А. Ефремов, утверждая, что это стихотворение относится к Ризнич?

II

Эпизод одесского увлечения Пушкина Амалией Ризнич принадлежит к интереснейшим и запутаннейшим пунктам биографии поэта.

Все фактические данные о А. Ризнич исчерпывались до последнего времени всего на всего двумя сообщениями. Первое принадлежит проф. К. П. Зеленецкому, и оно появилось в 1856 году в Одесском Вестнике и тогда же было перепечатано в Русском Вестнике.¹ Проф. Зеленецкий заявил себя, как осторожный исследователь, и на достоверность его сообщения можно полагаться, но необходимо обратить внимание на особенность источника его сведений: он разузнал о Ризнич от одесских старожилов, — а следовательно, узнал то, что говорилось о ней в Одессе. Второе сообщение принадлежит проф. М. Е. Халанскому: оно появилось в «Харьковском университетском Сборнике» 1899 года. Со слов проф. Сречковича, пр. Халанский передаст рассказы мужа Ризнич. По этим двум сообщениям история Ризнич выясняется в следующих чертах.

Иван Ризнич, сын богатого сербского купца, человек отлично образованный в итальянских университетах, сначала имел банкирскую контору в Вене, а потом переселился в Одессу и занялся хлебными операциями. С Ризничем Пушкин познакомился в один из своих приездов в Одессу из Кишинева. В 1822 году Иван Ризнич уехал в Вену жениться и весной 1823 года возвратился с молодой женой. В начале июня этого года Пушкин переселился на жительство в Одессу. Тогда же начинается его знакомство с женой негодианта. Кто же была она? Пушкин и его одесские современники считали ее итальянкой; проф. Зеленецкий сообщает, что она — дочь венского банкира Риппа, полунемка, полуйтальянка, с примесью, быть может, еврейской

¹ Перепечатано в книге проф. В. А. Яковлева: «Отзывы о Пушкине с юга России». Одесса, 1887. Добавлением к этой статье являются некоторые данные в «Заметке о Пушкине» в «Библиографических Записках» 1858 г., стр. 137.

крови. Сречкович со слов мужа Ризнич утверждает, что она была итальянка, родом из Флоренции. Нет оснований не верить словам Сречковича. Относительно необыкновенной красоты А. Ризнич все современники согласны: высокого роста, стройная, с пламенными очами, с шеей удивительной формы, с косой до колен. Она ходила в необыкновенном костюме: в мужской шляпе; в длинном платье, скрывавшем большие ступни ног. Среди одесских женщин она была поразительным явлением. В. И. Туманский писал 16 января 1824 года из Одессы своей приятельнице об одесских дамах: «недостаток светского образования чувствителен в одесских дамах. Женщины — первые создательницы и истинные подпоры обществ. Следовательно, им непростительно упущать всякую малость, способствующую выгоде сего нового отечества. Все приманки ума, ловкости просвещения должны быть употреблены, дабы внушить в мужчине и охоту к светским удовольствиям, и сердечную признательность к дамам. У нас ничего этого нет, — замужние наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризнич) дичатся людей», и т. д. Ризнич, очевидно, подходила к тому идеалу женщины, который рисует Туманский. Амалия Ризнич не была принята в высшем одесском обществе, которое и сосредоточивалось-то в одном доме графини Воронцовой.¹ Что преграждало ей доступ в высший свет: эксцентричность одежды, необыкновенность поведения или социальное положение, или, наконец, другие обстоятельства, о которых глухо говорит проф. Зеленецкий? На этот вопрос мы ответить не можем. Поклонники ее собирались в доме Ризнич. Их было не мало: среди них особенно настойчивым был Пушкин. По выражению мужа Ризнич, Пушкин увивался около Амалии, как котенок (као маче, — по-сербски). Одесские старожилы передавали проф. Зеленецкому, что Пушкин встретил соперника в польском шляхтиче Собаньском. Иван Ризнич называет князя Яблоновского. Пользовался ли Пушкин взаимностью Амалии Ризнич? Молва утверждает, а Ризнич, приставивший к жене для наблюдения старого своего

¹ В 1927 году появилась статья А. А. Сиверса «Семья Ризнич» (Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII, стр. 85—104). Автор ознакомился с письмами И. С. Ризнича к П. Д. Киселеву и извлек не мало любопытных данных для нашей темы. Между прочим Сиверс пишет здесь: «Следует также если не отвергнуть, то значительно ограничить утверждение, что «в высшем кругу тогдашнего Одесского Общества... г-жа Ризнич принята не была». Такому категорическому утверждению противоречит известный отзыв о г-же Ризнич В. И. Туманского [письмо 16 января 1824 г.], но лучшим доказательством его неправильности служит личное знакомство ее с Софией Станиславовной Киселевой. В больших провинциальных городах, как Киев, Одесса, в особенности с разноплеменным населением, общество обычно разбивается на определенные, довольно обособленные кружки. Мне думается, что если Ризнич не бывали в интимном обществе графини Е. К. Воронцовой, то из этого не следует, чтобы они совсем не были приняты в высшем обществе». (Назв. статья, стр. 93).

слугу, отрицает. Ризнич пробыла в Одессе недолго; муж говорит, что она расстроила свое здоровье и уехала лечиться. 30 апреля 1824 года, из одесского городского магистрата было выдано свидетельство на право выезда за границу г-ну Ивану Ризничу с семейством, а в первых числах мая г-жа Амалия Ризнич, вместе с маленьким сыном Александром, слугою и двумя служанками выехала в Австрию, Италию и Швейцарию. 30 июля Пушкин уехал в Михайловское. В Одессе рассказывали, что вскоре после отъезда Ризнича выехал и соперник Пушкина, Собаньский; за границей он догнал ее, проводил до Вены и бросил. Муж Ризнич говорит, что за Ризнич последовал во Флоренцию князь Яблоновский и здесь добился ее доверия. Ризнич недолго прожила на родине. По всей вероятности, в начале 1825 года, она умерла, «кажется, в бедности, призренная матерью мужа», как говорили в Одессе. Но, по словам мужа, она не получала от него отказа в денежных средствах во время жизни в Италии. Этим ограничивались все наши фактические сведения об Амалии Ризнич. В 1927 году Сиверс опубликовал письмо Ризнича от 7/19 июня 1824 года, содержащее следующее любопытное сообщение об Амалии Ризнич:

«У меня тоже большое несчастье со здоровьем моей жены. После ее родов ей становилось все хуже и хуже. Изнурительная лихорадка, непрерывный кашель, харканье кровью внушали мне самое острое беспокойство. Меня заставляли верить и надеяться, что хорошее время года принесет какое-нибудь облегчение, но к несчастью случилось наоборот. Едва пришла весна, припадки сделались сильнее. Тогда доктора объявили, что категорически и не теряя времени она должна оставить этот климат, так как иначе они не могли бы поручиться за то, что она переживет лето. Само собой разумеется, я не мог выбирать и стремительно решился на отъезд. Действительно я отправил ее вместе с ребенком и проводив ее до Броды, вынужден был вернуться сюда из-за моих дел, а она отправилась своей дорогой. Она поедет в Швейцарию, а осенью я присоединюсь к ней и отправлюсь с ней в Италию провести зиму. Лишь бы только бог помог ей восстановить здоровье!»

Амалия Ризнич имеет все права на внимание по тому влиянию, которое оказала она на душу поэта и, следовательно, на его творчество. Быть может, когда-нибудь мы будем иметь биографию поэта, — не фактическую только историю внешних событий его жизни, а историю движений его души, ее жизни. И будущий биограф должен будет определить, что внесла в эту жизнь Ризнич, и выяснить, в чем была индивидуальность этой любви Пушкина. Первый вопрос, на котором нужно остановиться — вопрос о том, какие же произведения Пушкина вызваны этой женщиной. Тут царит большая путаница: с именем Ризнич связывают различные стихотворения, иногда прямо противоположные по содержанию: Анненков создал даже «трех-

членную лирическую песнь» из стихотворений: Элегия 1825. («Под небом голубым»), «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней» — и связал эту песнь с именем Ризнич. Впрочем, он осторожно заметил, что трехчленная лирическая песнь обращена к одной или двум особам, умершим за границей. Осторожные замечания Анненкова были расширены и перетолкованы позднейшими исследователями, и Амалия Ризнич получила исключительное значение в жизни Пушкина; комментаторы и биографы стали принимать ее за ту таинственную женщину, которая внушила Пушкину вечную любовь к ней. Для решения поднятого в начале нашей заметки вопроса о том, можно ли отнести к Ризнич отрывок «Все в жертву памяти твоей», — необходимо разобратся в путанице различных приурочений поэтического материала к Амалии Ризнич. Нам представляется далеко не лишней попытка определить характер отношений поэта к жене одесского негодянта и выяснить, какие именно стихотворения Пушкина запечатлены ее влиянием.

III

Нам кажется, что внимательный анализ стихотворений Пушкина поможет нам разобраться в биографических вопросах, вызываемых ими. Начнем с элегии «Под небом голубым»; относительно этого стихотворения можно с достоверностью сказать, что оно относится к Амалии Ризнич. Обратим внимание на обстоятельства, при которых оно написано.

Амалия Ризнич выехала из Одессы за границу в первых числах мая 1824, а Пушкин отправился в ссылку 30 июля, — должно быть, раньше, чем распространились слухи о том, что вслед за Ризнич отправился его соперник. Последние месяцы своего пребывания в Одессе мысли Пушкина были заняты другой женщиной. В стихотворении «К морю», написанном непосредственно перед отъездом, в июле поэт обращается к морю:

Ты ждал, ты звал... Я был окован,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

Эти строки никак нельзя считать свидетельством отношений Пушкина к Ризнич, которая в это время была за границей: если бы он был окован могучей страстью к Ризнич, — незачем было бы оставаться у берегов! Из этого можно было бы сделать следующий вывод: увлечение Ризнич нужно отнести к начальному периоду пребывания Пушкина в Одессе. В стихотворениях 1830 года «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальней» поэт рисует следующими чертами разлуку с неизвестной нам женщиной, в которой комментаторы видят Ризнич.

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой. («Заклинание».)

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой,
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал над тобой;
Мои хладеющие руки
Тебя старался удержать;
Томленья страстного разлуки
Мой стон молил не прерывать.
Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала:
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала, и т. д.

Но если принять во внимание, что поэт в это время был очарован могучей страстью, приковывавшей его к берегам Черного моря, если вспомнить, что вслед за Ризнич уезжал и соперник поэта, то придется усомниться в том, что оба эти стихотворения вызваны воспоминанием о разлуке с Ризнич.

Если бы момент расставания поэта с Ризнич соответствовал описанному в этих строках, то мы в праве были бы предположить, что и в Михайловском в своих воспоминаниях поэт обращался все к той же Амалии Ризнич, страсть в которой была так могуча. Но в это время, — пишет Анненков, — настоящая мысль поэта постоянно живет не в Тригорском, а где-то в другом — далеко, недавно покинутом крае. Получение письма из Одессы всегда становится событием в его уединенном Михайловском: после XXXII строфы 3 главы «Онегина» он делает приписку: «5 сентября 1824 года — Une lettre de***. Сестра поэта, О. С. Павлищева, рассказывала Анненкову, что когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата, — последний запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе.¹ Памятником его благоговейного настроения при таких случаях осталось в его произведениях стихотворение «Сожженное письмо» 1825 года. К первым месяцам пребывания в Михайловском относится элегия «Ненастный день потух». Она и самим поэтом отнесена, в издании стихотворений 1826 года, к 1823 году — и всеми издателями печатается под этим годом, но анализ содержания дает несомнен-

¹ Совершенно не понятно, на основании каких данных В. Я. Брюсов в своей статье «Из жизни Пушкина» («Новый Путь», 1903, июнь) сообщает: «Когда в Михайловском приходили письма от Ризнич, Пушкин запирался у себя в кабинете и старался весь день не видаться ни с кем».

ные указания на то, что элегия написана в Михайловском. В первых четырех стихах поэт рисует обстановку, которая окружает его:

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой,
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит.

Пейзаж, несомненно, северный, и в 1823 году поэт не мог видеть его перед своими глазами. Этому пейзажу поэт противопоставляет следующую картину.

Далеко, там, луна в сиянии восходит,
Там воздух напоен вечерней теплотой,
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот в ремя: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами,
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна...

Некоторые комментаторы относили эти стихи к Ризнич, но это неверно, потому что Ризнич в это время была в Италии, в стране, в которой не было для Пушкина «заветных» скал. Речь идет, конечно, об Одессе, и под скалами тут нужно понимать не скалы гор, а скалы гротов. П. О. Морозов делает совершенно неосновательное предположение, что «она» — это Мария Николаевна Раевская, та Раевская, о которой 18 октября 1824 года кн. Сергей Григорьевич Волконский, декабрист, писал из Петербурга Пушкину: «имев опыты вашей ко мне дружбы и уверен будучи, что всякое доброе о мне известие будет вам приятным, уведомляю вас о помолвке моей с Марией Николаевной Раевскою. Не буду вам говорить о моем счастье». Вряд ли может быть отнесено к М. Н. Раевской это стихотворение, в особенности заключительные его строки:

Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна...
Одна... Никто пред ней не плачет, не тоскует.
Никто ее колен в забвеньи не целует;
Одна... Ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных,
.....
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда-ль: ты одна? ты плачешь? я спокоен.
.....
Но если.....»

Точки поставлены самим Пушкиным; рукопись этого стихотворения нам неизвестна. Итак, этой элегии нельзя отнести ни к М. Н. Раевской, ни к Амалии Ризнич. Не относится ли она к той особе, о которой так туманно говорит Анненков?

Среди стихотворений, написанных в Михайловском, мы встретили еще одно, которое также дает доказательство того, что не Ризнич владела мыслью поэта в его уединении, что не она была могучей страстью Пушкина в Одессе. Это — «Желание славы» (7 июля 1825 года); лицо, к которому обращено это стихотворение, опять-таки мы должны искать не в Тригорском, а там, где поэт был до ссылки в Михайловское; стихотворение заключает, по нашему мнению, важное автобиографическое свидетельство, указание на обстоятельства, сопровождавшие разлуку поэта с этой особой, и намек на какую-то связь этой любви поэта с его высылкой из Одессы.

Когда, любовью и негой упоенной,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным призыванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры,
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: «Скажи, ты любишь, ты счастлив?»
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчанье хранил;
Я наслаждением весь полон был; я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда.. И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, — все на главу мою
Обрушилось вдруг.. Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно; чтоб ты мною
Окружена была; чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне;
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

О минуте разлученья идет речь и в отрывке, который находится в одесской тетради Пушкина.

2

Все конечно: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени
Произношу я горестные пени.
Все конечно, я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану,
Тебя (роптанием) преследовать не буду
(И невозвратное), быть может, позабуду.
(Я знал: не для меня) блаженство,
Не для меня сотворена любовь...
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты...

И в этом, и в предыдущем стихотворении любовная связь превращается в силу каких-то неясных для нас, внешних обстоятельств. «Последние моления в саду, во тьме ночной, в минуту разлученья» первого стихотворения («Желание славы») напоминают «горестные пени» отрывка. В стихотворении взаимная горячая любовь гибнет от неожиданных внешних событий... «Слезы, муки, измены, клевета», все вдруг обрушилось на голову поэта. В отрывке, по неясным причинам, любимая поэтом приходит к мысли о необходимости разорвать свои интимные отношения с ним.

Наблюдения над рукописями этих пьес могут при дальнейшем расследовании истории увлчений Пушкина, дать материал для любопытных выводов. Отрывок по положению его в тетради (2369-ой) датируется 1824 годом: если от датировки требовать точности, то его можно было бы отнести и к 1823 году, но во всяком случае его не должно относить ко времени позже 8 февраля 1824 года, ибо на той странице тетради, где он вписан, сейчас же вслед за ним находится несомненно писанный позже отрывок черновик письма к Бестужеву, которое в беловом помечено 8 февраля 1824 года. Следовательно, то действительное событие, о котором идет речь в отрывке, случилось до 8 февраля 1824 года.

«Желание славы» напечатано в издании 1826 года под 1825 годом, в беловом автографе стоит помета «7 июля». В тетради 2369 на об. 39 листа сохранился черновик, вверху, перед этим находим черновик к 39-й строфе 2-й главы «Онегина», которая, как известно, дописывалась в конце ноября, в начале декабря 1823 года; а на следующей 40-й странице тетради черновик письма к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года. Таким образом, если только конец страницы 39-й об. не был заполнен как-нибудь случайно позже, если на этих страницах Пушкин пользовался своей тетрадью систематично, то время появления черновика относится к декабрю 1823 года. Обращаясь к перечеркнутому тексту, мы должны считать набросок на стр. 39-й об. не столько черновой редакцией элегии «Желание славы», сколько первоначальной редакцией иного замысла, редакцией, которая послужила потом для обработки элегии в позднейшее время, именно в 1825 году. Фактические обстоятельства в это время даже изменились. И если вступительные стихи наброска в 1823 году говорили о настоящем времени: «когда [любовию] желанием и [щастьем] негой упоенный Я на тебя гляжу коленопреклоненный», то в 1825 году поэт пользуется уже прошедшим временем. Самое содержание первоначальной редакции очень любопытно. Набросок читается с большим напряжением и вот что можно разобрать среди полузачеркнутых и под зачеркнутыми строками

желаніемъ нѣгой [врзб]
 Когда [любовію] и [щастьемъ] [утомленный]
 Я на тебя гляжу колѣбнопреклоненный
 мнѣ главу [врзб] [врзб] уста
 И ты [мнѣ] [вр] обнимешь, и [врзб] въ уста
 И лечишь [врзб]
 [Цалуешь] подалуемъ —
 Дыханье жар-
 кихъ усть [За чѣмъ тогда] [мрачить?]
 [съ любовію] мы
 вливаешь [Мы] [ждемъ тоскуемъ]
 [И] [на гла-
 захъ] Свое дыханье вливаешь
 [И имъ] [ты дум] я
 Щастливъ ли [я].

Я не завидую богамъ

В пушкинской литературе укрепилось предположение, что та особа, к которой летела мысль поэта в Михайловском и о которой так туманно говорит Анненков, — жена начальника по одесской службе Пушкина, графиня Елисавета Ксавериевна Воронцова; отношения ее к Пушкину совершенно не обследованы биографами поэта. Такому расследованию долго мешало, конечно, то обстоятельство, что графиня была жива и умерла только в 1880 году. «Предания эпохи, — писал в 1874 году Анненков, — упоминают еще о женщине, превосходившей всех других по власти, с которой она управляла мыслью и существованием поэта. Пушкин нигде о ней не упоминает, как бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головки, спокойного, благородного, величавого типа, которые идут почти по всем его бумагам из одесского периода жизни». К сожалению, до сих пор мы не имеем критического расследования отношений Пушкина к княгине Е. К. Воронцовой, которое дало бы нам право притти к определенному на этот счет мнению. ¹

IV

Одесские новости доходили до Пушкина очень туго; он постоянно жалуется в своих письмах из Михайловского на их отсутствие и просит их. Не много знал он и о Ризнич. 21 августа 1824 года А. Н. Раевский сообщал Пушкину о муже Ризнич, о том, что он «опять принял бразды театрального правления, и актрисы ему одному повинуются». Профессору Зеленецкому рассказывали люди, близкие к Ивану Ризничу, что он был в переписке с Пушкиным; трудно поверить этому известию:

¹ Сравни. выше примечание на стр. 240.

что же было общего между обманутым мужем и любовником его жены? Вряд ли к кому другому, а не к Амалии Ризнич, может быть отнесен отрывок из описания Одессы в «Евгении Онегине»:

А только ль там [в Одессе] очарований?
А розыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima donna? а балет?
А ложа, где, красой блистая,
Негодиантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет, и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью попадам...
А муж — в углу за нею дремлет,
В просонках «фора!» закричит,
Зевнет — и снова захрапит.

С этим-то мужем вряд ли бы стал переписываться Пушкин, и не из его писем узнал Пушкин о смерти Амалии Ризнич за границей. Ризнич умерла в первой половине 1825 года. Муж Ризнич, по крайней мере, получил известие о ее смерти 8—9 июня: 8 июня в письме к П. Д. Киселеву он сделал приписку: «я сейчас только получил печальную весть о смерти моей бедной жены». ¹ И так 8—10 июня 1825 года в Одессе уже знали о ее смерти и об обстоятельствах, предшествовавших смерти: говорили и о том, что Иван Ризнич предоставил ей умереть в нищете (мы видели, что сам Ризнич, в разговоре с Сречковичем, отрицал это). Подпись: «июль 1825», мы встречаем под сонетом одного из поклонников Ризнич, В. И. Туманского: «На кончину Р». Этот сонет напечатан в альманахе Раича и Ознобишина: «Северная лира на 1827 год» (цензурное разрешение на печатание дано 1 ноября 1826 года) с посвящением А. С. Пушкину. Трудно допустить, чтобы Пушкин прочел этот сонет только в печати. Пушкин переписывался с В. И. Туманским: до нас дошло по несколько писем того и другого, между прочим, и письмо Пушкина к Туманскому, от 13 августа 1825 года. Анализируя содержание этого письма, мы не найдем в нем ни одной фразы, которая обнаруживала бы, что это письмо Пушкина к Туманскому — не первое, им писанное. Между прочим, Пушкин писал в нем:² «Об Одессе, кроме газетных известий, я ни-

¹ Названная статья Сиверса, стр. 93.

² Первые строки этого письма (Письма Пушкина, ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 151—152) для нас не совсем понятны: «буря, кажется, успокоилась, осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда». Любопытно, что эти строки дословно совпадают с началом чернового наброска письма к Княжевичу, написанного в конце ноября, в начале декабря 1824 года. Это письмо там же, стр. 102. И в этом наброске поэт жадно просит вестей из Одессы: «Об Одессе — ни слуху, ни духу. Сердце вести просит, — [но ни] — с пр. не смел затеять переписку с оставленными товарищамп» и т. д.

чего не знаю, напиши мне что-нибудь». Последняя фраза дает основание думать, что ответ Туманского был первым его письмом к Пушкину. Вполне естественно предположить, что Туманский поделился с Пушкиным своим стихотворением, написанным на смерть Ризнич и посвященным Пушкину. Свое стихотворение он должен был сопроводить некоторыми фактическими разъяснениями, без которых не все в нем было бы понятно Пушкину. Вот что писал Туманский о Ризнич:

Ты на земле была любви подруга:
Твои уста дышали слаще роз,
В живых очах, не созданных для слез,
Горела страсть, блистало небо юга.
К твоим стопам с горячностью друга
Склонялся мир — твои оковы нес,
Но Гименей, как северный мороз,
Убил цветок полуденного луга.
И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? Где страстные рыдания?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,
Уж новый огонь волнует души их;
И для тебя сей голос струн чужих —
Единственный завет воспоминанья!

Посвящая Пушкину это стихотворение, не думал ли о нем Туманский, когда писал о рассеявшихся поклонниках, которых уже к другим красавицам влекут желанья, и души которых волнует новый огонь? Если думал, то ведь он разумел под новыми увлечениями поэта не увлечения сельца Михайловского, а одесские увлечения, которые одни только и могли быть ему известны. В стихах Туманского необходимо отметить легкий оттенок сожаления, укора, обращенного к умершей.

Ответом на известие о смерти Ризнич, полученное поэтом или от Туманского или от кого-либо другого (мы больше склонны к первому предположению), была известная элегия: «Под небом голубым страны своей родной она томилась, увядала». Уже первые строки показывают, что поэту была известна одесская версия рассказа о смерти Ризнич, в бедности, брошенной и любовником, и мужем.

Увяла, наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть;
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.

Нам необходимо запомнить то впечатление, с которым поэт принял известие о смерти когда-то любимой им женщины. Он был равнодушен; в его сердце уже не было любви к ней. В этих стихах обращает внимание выражение; «из равнодушных уст я слышал смерти весть»; эти слова хочется сопоставить с той характеристикой, которую дает своему сонету

Туманский: «сей голос струн чужих». Но откуда же такое полнейшее равнодушие у Пушкина, который когда-то был страстно увлечен Ризнич? Ее образ запечатлелся в его представлении; не затмили ли его те сведения, которые сообщили ему или Туманский, или кто-нибудь из одесских приятелей, по слухам, циркулировавшим в Одессе?

Так вот кого любил я пламенной душой,
С таким тяжелым напряженьем,
С такую нежною томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

Какое тяжелое осужденье тому, кто был так любим прежде! Бедная легковерная тень! Легковерная, потому что легко верила в клятвы любви... Трудно поверить, что на Пушкина так подействовало только одно сообщение о том, что его соперник уехал вслед за Ризнич: было что-то и другое, для нас исчезнувшее.

Итак, эта элегия, несомненно относящаяся к Ризнич, дает немногочисленные, правда, но определенные указания на характер увлечения Пушкина Амалией Ризнич и свидетельство о судьбе его отношений к ней после отъезда из Одессы. Опираясь на эти данные, можно уже прямо выбрасывать из дикла Ризнич те стихи, в которых мы найдем противоречащую характеристику Ризнич; но прежде чем перейти к дальнейшему разбору, остановимся еще на разобранный элегии. Когда написана она? В издании 1829 года элегия отнесена самим поэтом к 1825 году, но автограф элегии, вновь найденный в 1899 году, дает указание на 1826 год, как на год создания этой пьесы.¹ В этой рукописи вверху перед стихотворением имеется помета «29 июля 1826 года. Кроме того, под стихотворением читаем еще следующие пометы.

Усл. о см. 25.

У. о с. Р. П. М. К. Б. 24.

Пока этот автограф считался утерянным и мы знали о нем только по неточным сообщениям Анненкова, можно было толковать о том, что помета «Усл. о см. 25», содержит указание на год (1825), в который Пушкин услышал о смерти Ризнич. Но теперь, когда мы можем прочитать пометы на ново-найденном автографе, мы, кажется, не должны сомневаться, что «Усл. о см. 25» означает «услышал о смерти [Ризнич] 25 июля», а «У. о с. Р. П. М. К. Б. 24, «услышал о смерти

¹ Д. Сапожников, Цепная находка. Вновь найденные рукописи Пушкина. СПб. 1899, стр. 34—35.

Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 [июля].¹ Чтобы покончить с историей этого стихотворения, нужно указать, что Пушкин в рукописи сообщил его Туманскому; по крайней мере, в письме от 2 марта 1827 года, В. И. Туманский писал Пушкину: «Одна из наших новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнич на сестре Собаньской, Виттовой любовнице. В приданое за ней получил Ризнич в будущем 6000 черв., а в настоящем—Владимирский крест за услуги, оказанные одесскому лицу. Надобно знать, что он в лицее никогда ничего не делал. Новая м-м Ризнич, вероятно, не заслужит ни твоих, ни моих стихов по смерти: это—малютка с большим ртом и с польскими ухватками». ² Очевидно тут говорится об элегии «Под небом голубым», потому что никаких других мы не знаем. А эта элегия появилась в печати лишь в «Северных Цветах на 1828 год». Пушкин отослал ее Дельвигу только при письме от 31 июля 1827 года.

V

Еще раз остановимся на той строфе элегии, которая рисует характер увлечения Пушкина Ризнич. В 1828 году Пушкин писал о себе:

Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья,
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой!

Но всякая любовь индивидуальна.

Какой же характер имела любовная схватка Пушкина в 1823 году? Страсть к Ризнич оставила глубокий след в сердце Пушкина своею жгучестью и муками ревности.

Так вот кого любил я пламенной душой,
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!

Тяжелое напряженье любви, нежная томительная тоска, безумство и мученье—вот характерные признаки увлечения Пушкина, его страсти.

Последнее—вернее. Современники рассказывали проф. Зеленецкому, что Ризнич любила быть окруженной толпой поклонников, что Пушкину приходилось соперничать из-за ее любви. Яркое изображение своих мук Пушкин оставил в элегии: «Про-

¹ Они были повешены в С.-Петербурге 13 июля 1826 года. К такому толкованию помет присоединяется в В. В. Вересаев в своей любопытной статье «К психологии Пушкинского творчества» сначала в Красной Нови, 1923, кн. 5, авг.—сент., и затем в книге «В двух планах». М. «Недра» 1929.

² А. С. Пушкин. Изд. Бартенева, вып. 2. М. 1885, стр. 127.

стишь ли мне ревнивые мечты». Многочисленные намеки на действительность объясняются только при предположении, что элегия обращена к Ризнич; проф. Зеленецкий в своей статье доказал это вполне убедительно.¹

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волнение?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображение?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мой разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседе чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда ... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с болезнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая

Это стихотворение было написано в 1823 году² и напечатано в Полярной Звезде на 1824 год, с многочисленными

¹ П. О. Морозов} (Соч. Пушкина, 1903, т. I, стр. 652) отказывается признать это стихотворение относящимся к Ризнич на том основании, что в нем говорится о матери той особы, к которой обращено стихотворение, а г-жа Ризнич жила в Одессе не с матерью, а с мужем. Как раз это обстоятельство и дает лишний мотив отнести элегию к Ризнич, потому что, как указывает проф. Зеленецкий, первые шесть месяцев по отъезде в Россию при Ризнич находилась ее мать. Кстати, это сообщение дает указание и на время страсти Пушкина к Ризнич.

Двусмысленный со мною разговор,
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще; соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?
Что ж он тебе? Скажи: какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час, меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим ... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

² Можно датировать еще точнее: стихотворение написано не раньше 14 октября 1823 года, так как черновик его написан на л. 16 тетради 2319 сейчас же вслед за черновиком письма к Вяземскому от 14 октября 1823 года.

опечатками, заставившими Пушкина напечатать его вновь у Булгарина, в Литературных Листках (февр. 1824 г. № 4, стр. 134). Здесь были исправлены ошибки, но зато исчезли строки, имеющие автобиографическое значение и набранные у нас разрядкой. В черновой рукописи подробнее обрисован соперник:

Предательски тобой ободренный
Соперник мой надменный,
Всегда, всегда преследует меня,
Он вечно тут, колено преклоня.
Являюсь я — бледнеет он ...
Иль иногда предупрежденный мной ...

И в самом стихотворении, и в набросках — яркая картина мук ревности, мук томительной и жгучей чувственной любви... Эта картина и изображение страсти в элегии «Под небом голубым» набросаны одними и теми же красками. В нашем воображении вырисовывается образ обольстительной женщины, которая приковывала к себе властью своей красоты и чувственного влечения. Она умела возбуждать чувства ревности, могла измучить человека и хотела овладеть всеми. Первые месяцы пребывания Пушкина в Одессе ознаменовались «безумными волнениями» любви к Амалии Ризнич, и только под конец его пребывания новая страсть, не похожая на эту, вытеснила образ Ризнич из сердца Пушкина. Но период увлечения Ризнич остался памятным. В 1826 году Пушкин окончил в Михайловском шестую главу «Онегина»; в ней мы находим следующие строфы, в печати выброшенные. XV строфа ясно рисует отношение Пушкина к чувству ревности:

Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно, как чума,
Как черный сплин, как лихорадки,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, признаки свои.
Помилуй Бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых.
Поверьте мне, кто вынес их,
Тот уж, конечно, без боязни
Войдет на пламенный костер,
Иль шею склонит под топор.

Это описание ревности говорит о том, что поэту были хорошо знакомы ее муки. Следующая строфа посвящена памяти той, которая заставила поэта перенести все терзания, всю болезнь ревности:

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя уж нет, о, ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая мигом сладострастным!..

Как учат слабое дитя,
Ты, душу нежную мутя,
Учила горести глубокой;
Ты негой волновала кровь,
Ты воспала в ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но он прошел, сей тяжкий день:
Почий, мучительная тень.

Эта строфа является как бы комментарием к элегии 1823 года: «Простишь ли мне ревнивые мечты». Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что эти строфы вызваны воспоминаниями о Ризнич.

VI

К Ризнич принято относить стихотворение «Иностранке» (В альбом):

На языке, тебе невятном,
Стихи прощальные пишу, и т. д.

Под этими стихами в рукописи стоит следующая помета: «Veux-tu m'aimer? 18, 19 mai 1824 Pl. s. D'». Ризнич получила заграничный паспорт 30 апр. 1824 года и, по справке проф. Зеленецкого, выехала в первых числах мая. С некоторой натяжкой можно было бы первые числа мая дотянуть до 18, 19 мая, для того чтобы иметь возможность относить эти стихи к Ризнич. Но этому мешает, главным образом, то, что первый его набросок мы находим в записной книжке 1820—22 года, т. е. того времени, когда о Ризнич Пушкин не имел никакого представления. Другой черновой набросок этого стихотворения мы встречаем в кишиневской тетради 1822 года. Во всяком случае, первоначально Пушкин предназначал стихи для иностранки, нам неизвестной; быть может, в окончательной редакции он посвятил его Ризнич, но тогда, конечно, на это стихотворение можно смотреть только как на альбомную заметку, не более, а не как на искреннее выражение глубокого чувства; в последнем случае поэт не стал бы приспособлять к моменту свои старые стихи. Вернее всего относить эти стихи не к Ризнич, а к особе, имя которой нам неизвестно.¹

¹ Соч. Пушкина, ред. П. О. Морозова, 1903, т. I, стр. 656—58. В сборнике материалов Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина «Декабристы» на стр. 18 (и 27) напечатано письмо К. Ф. Рыльева к В. И. Туманскому, в котором он говорит, что слово „боготворить“ в стих. „Иностранке“ не будет пропущено цензурой и просит, чтобы Пушкин „пожертвовал“ его для „Полярной Звезды“; но стихотворение это в „Полярной Звезде“ напечатано не было и появилось в печати только в „Стихотворениях Пушкина“ изд. 1825 г.; таким образом наше предположение о том, что оно не относится к Ризнич, подтверждается.

Нам кажется, что после всего сказанного характер увлечения Пушкина Амалией Ризнич определенно ясно. Можем ли мы относить к Ризнич стихотворения 1830 года: «Закливание», элегию «Для берегов отчизны дальней» и «Расставание»? Все эти произведения закончены Пушкиным осенью 1830 года, когда поэт сидел, окруженный карантинными, в своем Болдине, вдали от своей невесты, Н. Н. Гончаровой. Настроение Пушкина в этот период было тревожное; для характеристики интимной жизни поэта важно то, что перед свадьбой он обращался мыслью не к будущей своей жене, а к памяти другой, умершей женщины. Можно предполагать, по психологическим соображениям, что все три стихотворения обращены к одному лицу и в таком случае составляют превосходную лирическую трилогию. «Закливание» написано 17 октября; элегия — 27 ноября; «Расставание», представляющее по содержанию своему как бы эпилог к двум первым, имеет помету 5 октября 1830.¹ Первая строфа «Расставания» рисует отношение поэта к неизвестной нам женщине, вдохновившей его на трилогию:

В последний раз твой образ милый
 Держаю мысленно ласкать,
 Будить мечту сердечной силой,
 И с негой робкой и унылой
 Твою любовь вспоминать.

Нечего и говорить о том, что тут поэт говорит не о Ризнич. Никким образом не мог Пушкин вспоминать с негой робкой и унылой опустошительную страсть к Ризнич. «Закливание» и элегия — изображение мистической, загробной любви Пушкина:

О, если правда, что в ночи
 Когда покоятся живые,
 И с неба лунные лучи
 Скользят на камни гробовые,

О, если правда, что тогда
 Пустеют тихие могилы —
 Я тень зову, я жду Лейлы:
 Ко мне, мой друг, сюда, сюда!
 . . . . .
 Зову тебя не для того,
 Чтоб укорять того . . . . .
 . . . . .
 . . . . . но, тоскуя,
 Хочу сказать, что все люблю я,
 Что я все твой.

(«Закливание».)

¹ Автографы «Закливания» и «Расставания» в Пушкинской коллекции, принесенной в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой. См. описание В. И. Срезневского (отд. и в изд. «Пушкин и современники» вып. IV).

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
Исчез и поделуй свиданья...
Но жду его: он — за тобой!..»

(«Для берегов отчизны дальной».)

Возвышенный и мистический оттенок этой любви Пушкина никак не подходит к той совершенно определенной характеристике отношений Пушкина к Ризнич, которую мы выше сделали. Кроме того, признание этих стихотворений за посвященные Ризнич прямо противоречит тем данным, которые мы получили на основании анализа элегии «Под небом голубым». В последней поэт говорит о своем равнодушии к памяти этой женщины, а в стихах 1830 года — о своей любви, которой не уничтожила сама смерть. Наконец, мы уже указывали, что описание разлуки в «Заклинании» и элегии «Для берегов отчизны дальной» совершенно не соответствуют моменту расставания в действительных отношениях Ризнич и Пушкина. Если верно предположение, что заметка «Иностранке» находится в альбоме Ризнич, то это только подкрепляет наше мнение. Все эти соображения заставляют нас отрицать мнение об отношении этой поэтической трилогии 1830 года к Амалии Ризнич.¹

После всего сказанного о характере отношений Пушкина к Ризнич, без дальнейших рассуждений, мы можем притти к тому выводу, что и стихотворение, которым начинается наша статья, «Все в жертву памяти твоей», написанное в 1825 году, никоим образом не может быть отнесено к Амалии Ризнич.²

Остается еще сказать об одном стихотворении, которое связывают с именем Ризнич. Это — известное «Воспоминание» (1828), доставляющее много хлопот биографам поэта. Поэт с грустью и тоской вспоминает свои «утраченные годы»:

---

¹ Некоторое основание относить к Ризнич элегию «Для берегов отчизны дальной ты покидала край чужой» дают первые строки стихотворения. Известно, что Пушкин, отдавая в печать свои стихи, всегда стремился уничтожить все намеки, которые могли бы помочь добраться до действительности. Поэтому чрезвычайно любопытно указание Анненкова на то, что рукопись элегии начинается так: «Для берегов чужбины дальной ты покидала край родной».

² В своих замечаниях об этом стихотворении П. А. Ефремов (Соч. Пушкина, 1903 г., т. VII, стр. 150) пишет: «мое будто бы «падающее» мнение основано на замечаниях Анненкова, знавшего дату 1825 (а не 1826 г.) и, тем не менее, отнесшего стихи в трилогии: «Под небом голубым», и т. д. Тут кроется недоразумение: Анненков не высказывался по поводу отрывка «Все в жертву памяти». На стр. 347 первого издания «Материалов», на которую ссылается П. А. Ефремов, Анненков предположительно относит к трилогии не этот отрывок, а другой (XII): «Все кончено», и т. д. Мы видели насколько справедливо мнение Анненкова.

Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наносит холодный свет
Неотразимые обиды.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младае,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые,
Но оба с крыльями и с пламенным мечем,
И стерегут ... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах вечности и гроба!

Биографам поэта хочется во что бы то 'ни стало разузнать, кто эти две тени. Если понимать стихотворение, как поэтическую метафору, то, пожалуй, поиски за мстящими тенями оказываются лишними. Анненков считает весьма правдоподобным, что под одной из этих оскорбленных теней Пушкин подразумевал А. Ризнич. Мы знаем, чему научила Ризнич поэта; ее — то он уж ни в коем случае не мог взять в ангелы-хранители. Но кто же все-таки, спросит читатель, если не эти тени, то та умершая особа, которая вдохновила Пушкина на трилогию 1830 года и которая за гробом овладела мыслями поэта? При современном состоянии наших данных о Пушкине, мы не можем ответить на этот вопрос. Впрочем, это далеко не единственный вопрос в истории внутренней жизни поэта, который мы не можем решить.

Подводя итоги нашим разысканиям, мы можем утверждать, что цикл Ризнич в творчестве Пушкина обнимает следующие произведения поэта: элегию 1823 года («Простишь ли мне ревнивые мечты»); элегию 1825 или 1826 года («Под небом голубым») и XV — XVI строфы шестой главы «Онегина», оставшиеся в рукописях. Все же остальные стихотворения, связывавшиеся с именем Ризнич, не могут быть относимы к ней.

С.-Петербург. 1903 г.

II
ВЪ БИОГРАФИИ ПУШКИНА
ЗАМЕТКИ И МАТЕРИАЛЫ

Приводим со всевозможной точностью «Дело о замечании, сделанном коллежскому секретарю Александру Пушкину в неприличном поступке в Каменном театре», на 3 листах. Дело хранилось до революции в Государственном С.-Петербургском главном архиве министерства иностранных дел (ныне в Центральном архиве).

Дело состоит всего из двух бумаг.

Первая адресована петербургским обер-полицеймейстером Иваном Савичем Горголи, впоследствии сенатором и даже членом Российской Академии, к Петру Яковлевичу Убри, непосредственному начальнику Пушкина по службе, советнику государственной коллегии иностранных дел, управлявшему в это время коллегией.

Вторая бумага представляет ответ Убри обер-полицеймейстеру.

Первое отношение находится в «деле» в подлиннике, второе — в так называемом «отпуске» или черновике.

Дело о неприличном поступке Пушкина — прекрасный комментарий к бытовой истории молодости Пушкина с ее проказами и буйством. И с этой точки зрения биограф Пушкина воспользуется материалом этого дела.

Объект буйства Пушкина в этом деле — коллежский советник Перевощиков. Трудно доискаться, кто это Перевощиков, но, кажется, не из братьев Перевощиковых, Василия и Дмитрия Матвеевичей, выдвинувшихся впоследствии по литературной и ученой части.

I

Милостивый государь мой

Петр Яковлевичь!

20-го числа сего месяца служащий в Иностранной Коллегии Переводчиком Пушкин был в каменном театре в Большом Бенеуаре во-время Антракту пришел из оногo в креслы и проходя между рядов кресел остановился против сидевшего Коллежского Советника Перевощикова с женою, почему Г. Перевощиков просил

---

¹ Эта статья впервые напечатана в «Былом» 1906 г., № 11, стр. 28—29.

его проходить далее, но Пушкин приняв сие за обиду наделал ему грубости и выбранил его неприличными словами.

О поступке его уведомляя Ваше превосходительство, — с истинным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорный слуга

Иван Горголи

№ 15001
23 Декабря 1818 г.
Его Пре-ву П. Я.
Убри.

Вверху, карандашом, рукою Убри написано:

«J'ai parlé à M. Pouschkin et je l'ai pressé de se moderer à l'avenir se qu'il a promis».

II

От П. Я. Убри.

Горголи.

М. Г. мой Иван Савичь!

В следствие отношения Вашего Превосходительства от 23-го минувшего декабря под № 15001. Я не оставил сделать строгое замечание служащему в Государственной Коллегии Иностранных дел Коллежскому Секретарю Пушкину на счет неприличного поступка его с Коллежским Советником Переводчиковым, с тем, чтобы он воздержался впредь от подобных поступков; в чем и дал он мне обещание.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть
вашего Превосходительства
покорнейшим слугою

Петр Убри.

№ 64.
Генваря 9 дня
1818 г.

К ИСТОРИИ ПУШКИНСКОЙ МАСОНСКОЙ ЛОЖИ ¹

«Я был масон кишиневской ложи, т. е. той, за которую в России уничтожили все ложи» — писал А. С. Пушкин В. А. Жуковскому в 1826 г. Весьма долгое время все наши сведения об этой ложе ограничивались этой фразой Пушкина. Не так давно — год или полтора тому назад — исследовательница русского масонства Т. О. Соколовская на страницах «Русской Старины» ставила вопрос об источниках и материалах, из которых можно было бы почерпнуть сведения об этой ложе. А материалы хранились в Военно-ученом архиве, и только часть их, менее важная, была опубликована в начале 80-х годов в той же «Русской Старине». Наконец, Н. К. Кульман использовал их в 1907 г. в своей статье «К истории масонства в России. Кишиневская ложа». ² Пользуясь в архиве теми же материалами, что были под рукой Н. К. Кульмана, и прибавив к ним кое-что из списанных Н. Ф. Дубровиным документов, рассказал историю этой ложи и В. И. Семевский на страницах «Минувших Годов» (1908 г. март, стр. 162—170). ³

Нельзя сказать, чтобы материалы и рассуждения, представленные Кульманом и Семевским, хоть сколько-нибудь разъяснили мотивы остро подозрительного отношения правительства к деятельности пушкинской ложи, получившей название «Овидий», и к роли самого Пушкина. В первом документе, которым открылось наступление правительства на кишиневских масонов, — в письме князя Волконского, начальника главного штаба, к генералу Инзову, читаем: «до сведения е. и. в. дошло, что в Кишиневе открыта масонская ложа князем Судцо, при котором Пушкин, состоящий при вашем превосходительстве». Волконский предлагает Инзову «касательно г-на Пушкина также донести е. и. в. в чем состояли и состоят его занятия со времени определения его к вам, как он вел себя и почему

---

¹ Эта статья впервые напечатана [в «Минувших Годах» 1908 г. № 5—6, стр. 517—520.

² В «Журн. Мин. Нар. Просв.» и отд. СПб. 1907 г., стр. 37.

³ Материалами Военно-ученого архива не исчерпываются архивные источники об этой ложе. Кое-что, дополняющее данные дела В.-у. архива попало нам и в других архивах.

не обратили вы внимания на занятия его по масонским ложам». И сам Пушкин придавал особенное, нами не расшифрованное пока значение кишиневской ложе.

Не пересказывая истории этой ложи и предполагая ее известной, остановимся на одном обстоятельстве, которое повергает в недоумение исследователей и читателей. Основатель ложи генерал П. С. Пушкин дал совершенно противоречащие показания об этой ложе. Инзов с его слов донес, что в Кишиневе ложа и не открывалась, а Киселев тоже с его слов донес, что Пушкин «изъявил готовность свою отказаться от всякого участия в учреждении или существовании сих лож и обещал без потери времени спе исполнить». Это противоречие в невыгодном свете рисует личность П. С. Пушкина — и не только в невыгодном, а и в несоответствующем тому представлению, которое есть у нас. Помянутые исследователи не останавливались на разъяснении этого противоречия, а прямо, на основании архивной переписки ложи Астрей с братьями кишиневской ложи, изложили историю этой ложи, сообщили даты возникновения, учреждения и т. д.

Следует подчеркнуть запись Пушкина в дневнике: «4 мая [1821 года] я был принят в масоны». ¹

Но возникает вопрос, была ли открыта ложа к Овидию № 25, и не прав ли был Инзов, утверждая, что в Кишиневе ложа не существует? Этот вопрос кажется парадоксальным после заявления Пушкина, после публикаций и статей Кульмана и Семева. Но тут нужно войти в подробности масонской техники, оставшейся неизвестной исследователям.

Дело в том, что новая ложа фактически и юридически правильно действующей считалась в масонстве только после ее принятия, после ее инсталляции. Принятие же было формальным обрядом, который должен был совершаться в присутствии делегатов, командированных на этот случай главной ложей из ее членов. В виду крайней невозможности разрешалось поручить открытие кому-либо на месте из бывших уже членами другой ложи, но к этому масоны прибегали крайне неохотно, в особенности потому, что обряд инсталляции был очень ценным ими, ибо он символизировал действительность их работ.

Была ли принята или инсталлирована кишиневская ложа? Принимая во внимание объяснения Пушкина и Инзова, а также документ, о котором мы сейчас скажем, мы должны на этот вопрос ответить отрицательно. Действительно, вся процедура, предшествовавшая принятию, была выполнена: позволение открыть ложу дано, было принято постановление о посылке

---

¹ См. «Из дневника Пушкина». Неизданный отрывок». В «Ниве» 1912, г. № 5, стр. 93; Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. «Атеней» 1922 г., стр. 225.

патента и самое наименование ложи; генеральный секретарь Астреи даже почел своим долгом уведомлять о заседаниях Астреи; наконец — с некоторым нарушением устава — ложа № 25 была даже занесена в списки Астреи. Но инсталляции совершенно не было. Исследователи, изучавшие архивный материал, отнеслись к нему без должного внимания и не прочли до конца всех бумаг этого архивного дела или просто просмотрели самый интересный документ. Это тем удивительнее для Кульмана, в приложениях к своей статье перепечатавшего ряд документов и среди них сообщение генерального секретаря Астреи от 20 сентября 1821 г.¹ Ни Кульман, ни Семевский ни одним словом не обнаруживают знакомства с находящимся в том же деле официальным письмом того же секретаря Вевеля от 13 октября 1821 года.²

А из всех его писем, хранящихся при этом деле, это — самое интересное и важное как вообще для истории масонства, так и специально для истории кишиневской ложи. При этом письме секретарем был отправлен ряд документов, необходимых для возникающей ложи, и целая «литература», которой должна была она руководствоваться. В самом письме секретарь обращал внимание новых братьев на особенно важные пункты «Уложения ложи Астреи», подчеркивал необходимую формальную обрядность и, наконец, давал счет тем денежным уплатам, которые должна была сделать новая ложа. Уже из этого краткого перечисления можно видеть, как любопытно это письмо, сохраняющее для нас столько живых данных для бытовой истории масонства. Но кроме всех этих подробностей, мы читаем следующее:

«Принимая во внимание, что работы ложи, только что учрежденной, до ее инсталляции, почитаются, согласно § 154 Уложения, как временные и остаются таковыми до тех пор, пока инсталляции не будет иметь места. Великая ложа Астрея назначила бы уже в собрании своем 17 сентября брата для выполнения обряда инсталляции вашей ложи, если бы звала, на ком остановился ее выбор. По уполномочию Великого мастера я приглашаю вас указать несколько достойных братьев, — все равно будут ли они членами вашей ложи или другой регу-

¹ Кульману нужно было бы принять во внимание скудость наших сведений о масонстве и не скупиться на перепечатку всех находящихся в деле и немногочисленных писем из ложи Астреи в Кишиневе. Кстати отметим, что документы изданы Кульманом в общем исправно, но ошибки и пропуски все-таки есть. Так, напр., на письме Инзова от 15 января 1822 года положена резолюция, в тексте издателем не приведенная.

² Кульман напечатал только одно письмо великого секретаря — первое от 20 сентября, № 1116, — а в деле, кроме этого, еще четыре: три — от 10 октября за №№ 1143, 1144, 1145, и четвертое — от 13 октября за № 1156. Письмо за № 1143 Кульман цитирует, остальные же остались, очевидно, даже не прочитанными ни Кульманом, ни Семевским.

лярной, признаваемой вами за таковую — для выполнения этой почетной обязанности, с тем чтобы Великая ложа могла бы без проволочки оформить назначение вашего инсталлятора, пошлав ему полномочия и необходимые инструкции. По §§ 151 и 153 достаточно одного брата, для того чтобы представлять Великую ложу на этой церемонии.

«Великий мастер предлагает вам кандидатами в представители вашей ложи уважаемых братьев Августина Прево де Люмиана, Шарля Риттера, Ромена Муэна и Жоржа Годениуса. Из них вы могли бы сделать выбор. Все они — достопочтенные братья, заслуживающие вашего доверия»...¹

Параграф 154 Уложения, на который ссылается секретарь, гласит следующее: «Прежде нежели которая Ложа будет таким образом принята, производимые ею работы почитаются временными и остаются недействительными, если принятие не совершится, потому что каждая ложа уже после принятия своего вносится в список Великой Астреи».

Таким образом 13 октября 1821 года у ложи Овидия не было еще ни представителя в совете Великой ложи, ни инсталлятора.

На это письмо от 13 октября кишиневские братья должны были ответить указанием того брата или братьев, которые должны были инсталлировать ложу; на их ответ Великая ложа должна была прислать или самих лиц из Петербурга или же полномочия и инструкции бывшим на месте. Нужно сообразить, сколько времени потребовали бы эти сношения, а в конце ноября Пущина уже потянули к докусам и Инзов и Киселев. При отсутствии дальнейшей переписки и, приняв в соображение вышеуказанное, можно с достоверностью заключить, что так инсталляции и не произошло. Следовательно, Инзов имел право донести, а Пущин утверждать, что масонской ложи в Кишиневе открыто не было. Записка его к Киселеву, в которой он объясняется по поводу своего масонства, нам неизвестна, но уже из того изложения, которое дает Киселев в своем доне-

---

¹ «Les travaux d'une Loge nouvellement fondée faits avant son installation ne pouvant être regardés d'après le № 154 du Còde que comme provisoirs et restant seuls lorsque l'installation n'a pas lieu, la Grande Astrée aurait déjà dans sa séance du 17 septembre nommé un frère pour effectuer l'installation de Votre atelier, si elle aurait su sur qui fixer son choix; je suis par conséquent autorisé le Très Ill. Gr. Maître de Vous inviter à nous indiquer quelques frères distingués soit de Votre atelier, soit de quelque autre régulière reconnue par Vous Comme telle, pour cette honorable charge afin que la Grande puisse sans délai procéder à la nomination de Votre installateur en lui envoyant les pleinpouvoirs et les instructions nécessaires. D'après les §§ 151 et 153 un seul frère pourra suffire pour représenter la Grande Astrée pour cet acte.

«Le Très Ill. Gr. Maître Vous fait proposer comme Candidats pour Représentant de votre atelier les T.T. R.R. ffs Augustin Prévôt de Lumian, Charles Ritter, Romain Mouin et George Hodenius parmi lesquels Vous pourrez choisir ; ce sont tous des frères très respectables qui sont bien dignes de Votre confiance...»

сении П. Х. Витгенштейну, можно видеть, что Пущин изъявлял готовность свою отказаться от всякого участия в учреждении и или существовании сих лож. У Пущина с Киселевым речь, очевидно, шла о приготовлениях к открытию, а не об открытой уже ложе.

Конечно, то или иное решение этого вопроса имеет больше цены для историка масонства, чем для историка общности. Для последнего то же значение сохраняют и бывшие предварительные совещания и собрания кишиневских братьев, хотя бы, по Уложению Великой ложи Астрея, они и почитались временными. Но дело в том, что пока, кроме выяснения фактических дат и фактических событий истории кишиневской ложи (а для этого то или иное решение верно приобретает известную цену), исследователи ничем другим не занимаются. Догадки о том, что именно в этой ложе казалось столь антиправительственным Пушкину, остаются только догадками: разгадку же свою они найдут в изучении чрезвычайно пестрого состава ложи; для этого же изучения материалы найдутся и в наших архивах, и в источниках западных.

В письме, из которого мы извлекли сведения об инсталляции, Великий секретарь, исполняя поручение Великого мастера, предлагает довести до сведения местного начальства об открытии ложи. «Хотя — пишет Вевель — Великая ложа Астрея учреждена и работает с позволения правительства и имеет дело исключительно с министром внутренних дел, вы должны употребить все старания, чтобы расположить ваше начальство в пользу вашей ложи, сообщив, если нужно, начальству вашей области патент на учреждение ложи и Уложение». 13 октября 1821 года предупреждал из Петербурга Вевель кишиневских братьев о необходимости искать мира с начальством, а 21 ноября тоже из Петербурга князь Волконский в письме к Инзову открывал войну с кишиневской ложей.

Задача нашей заметки — остановить внимание исследователей на материалах, от которых оно могло бы ускользнуть по тем простым соображениям, что эти материалы могли показаться уже использованными после работ Кульмана и Семевского.

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О КИШИНЕВСКОЙ ЖИЗНИ ПУШКИНА ¹

«Все, что я лично знаю о жизни великого русского поэта, относится к 1820—1823 годам и пересказано мне моей тетушкой, покойной Екатериной Захарьевной Стамо, родной сестрой моего отца Константина Захарьевича Ралли, который умер, когда мне едва минуло 7 лет и которого я очень мало знал.

— Твой отец, передавала мне тетушка, — был близок к Александру Сергеевичу, и в свою бытность в Кишиневе Пушкин проводил целые дни в доме твоего отца. Там я и познакомилась с ним. Мы с мужем жили в доме генеральши Грабовской, который наняли тотчас после свадьбы; в этом же доме потом, много позже, жил и твой отец. Дом Грабовской был на спуске к Фонтану, а сзади его, на взгорье стоял дом генерала Иззова, где жил Александр Сергеевич, так что сад иззовского дома приходился смежным с задним двором нашего дома. Отец твой в молодости был чист, как невинная девушка; он много читал, и любимыми его писателями были Вольтер, Жан Жак Руссо, Кондильяк и Байрон, которого он знал наизусть и любил декламировать; отец твой говорил прекрасно по-французски и по-гречески и всегда очень сожалел, что не знает по-немецки. В доме твоего отца никогда не играли в карты, отец этого не выносил; зато по вечерам гости занимались политикой или музыкой, так как твой отец играл на мелиодуме, и я с Александром Сергеевичем зачастую готовы были слушать его по целым часам...

— Пушкин был большой повеса, — прибавляла после небольшой паузы тетушка, — а я к тому еще на беду считалась в молодости красавицей. Большого труда мне стоило сдерживать молодого человека в его годы. Я всегда была самых строгих правил, — такое нам всем было дано воспитание, — ну, а Александр Сергеевич имел взгляды на женщину довольно-таки легкие, и потом все же, надо принять во внимание, что среда наша для него, русского, была совершенно чужда. Благодаря, с одной стороны, моему личному такту, с другой, благодаря

---

¹ Впервые напечатано в журнале «Минувшие Годы», 1908, № 7.

влиятельно твоего отца, я сумела в конце концов поставить себя с Александром Сергеевичем так, что он не повторял более своей *déclaration*, которую сделал раз мне, замужней женщине. Мы считались приятелями, и наша дружба длилась даже после отъезда его в Одессу.

Такова в общих чертах характеристика отношений моей семьи к А. С. Пушкину по словам моей тетушки, которая имела обыкновение в разговоре пересыпать свою речь целыми французскими фразами. Конечно, я передаю здесь лишь скелет всего слышанного мною и за давностью лет во многом перебытого.

— Однажды, — рассказывала мне тетушка Катерина Захарьевна, — твой отец собрался посетить одно из отцовских имений — Долну. Между этим имением и другим, Юрченами, в лесу находится цыганская деревня. Цыгане этой деревни принадлежали твоему отцу. Вот, помню, однажды, Александр Сергеевич и поехал вместе с твоим отцом в Долну, а оттуда они потом поехали лесом в Юрчены и, конечно, посетили лесных цыган. Табор этот имел старика булибашу (старосту), известного своим авторитетом среди цыган; у старика булибаша была красивая дочь. Я прекрасно помню эту девушку, ее звали Земфирой; она была высокого роста, с большими черными глазами и вьющимися длинными косами. Одевалась Земфира по-мужски носила цветные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Была она действительно настоящая красавица, и богатое ожерелье из разных старых серебряных и золотых монет, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даром не одного из ее поклонников. Александр Сергеевич до того был поражен красотой цыганки, что упросил твоего отца остаться на несколько дней в Юрченах. Они пробыли там более двух недель, так что отец мой даже обеспокоился и послал узнать не приключилось ли чего с молодыми людьми. И вот, к нашему общему удивлению, пришло из Долны известие, что отец твой и Александр Сергеевич ушли в цыганский табор, который откочевал к Варзарештам. По получении такого известия отец мой послал тотчас другого нарочного с письмом к брату Константину, и мы ждали с нетерпением ответа, который, помню, долгою — таки запоздал. Наконец, пришло письмо от брата к отцу, — оно было писано по-гречески, — и отец, прочитавши его, объявил нам, что ничего особенного не случилось, но что Александр Сергеевич просто-напросто сходит с ума по цыганке Земфире. Недели через две наши молодые люди, наконец, вернулись. Брат рассказал нам, что Александр Сергеевич бросил его и настоящим-таки образом поселился в шатре булибаша. По целым дням он и Земфира бродили в стороне от табора, и брат видел их держащимися за руки и молча сидящими среди поля. Цыганка Земфира не знала по-русски, Александр Сергеевич не

знал, конечно, ни слова на том цыганско-молдавском наречии, на котором говорила она, так что они оба, по всему вероятно, объяснялись более пантомимами. Если бы не ревность Александра Сергеевича, который заподозрил Земфиру в некоторой склонности к одному молодому цыгану, — говорил брат нам, — то эта идиллия затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конец. В одно раннее утро Александр Сергеевич проснулся в шатре булибаши один-одинешенек, Земфира исчезла из табора. Оказалось, что она бежала в Варзарешты, куда помчался за нею и Пушкин; однако, ее там не оказалось, благодаря, конечно, цыганам, которые предупредили его. Так-то окончилась эта шалость Пушкина.

— Потом, когда Александр Сергеевич уехал от нас, — передавала мне после небольшой паузы тетушка, — он прислал мне своих «Цыган» — прекрасно написанную поэму, и мы все много смеялись над пылкой фантазией поэта, создавшего из нашей Земфиры свою свободолюбивую героиню; что же касается неисправимого эгоиста Алеко, то, по-моему, он был не прав; такому эгоисту вовсе не следовало идти в цыганский табор наших бедных юрченских дикарей. С Александром Сергеевичем я не говорила об этой его *amourette*, да и он по приезде из деревни не промолвился ни одним словом про всю свою эскапад с цыганкой Земфирой. Отец твой писал Пушкину в Одессу про дальнейшую судьбу его героини; дело в том, что Земфиру зарезал ее возлюбленный цыган, и бедная его героиня действительно трагически покончила свою короткую жизнь.

На мои расспросы о политическом образе мыслей Пушкина тетушка всегда отвечала мне на эти мои вопросы французской фразой: «*Oh, il était tout-à-fait rouge!*» Когда затевался какой-либо вопрос политического характера, Александра Сергеевича просили говорить по-французски. «*Pour que les domestiques ne comprennent pas*», — прибавляла Екатерина Захарьевна, так как в нашем доме была привычка говорить про все вещи по-гречески, но при Пушкине, который по-гречески не знал, все из вежливости говорили по-французски».

— Александр Сергеевич был человек, скомпрометированный политически; он сам любил всегда, говоря о себе, цитировать следующую фразу какого-то французского поэта, которая *à la longue* была известна всем в нашем обществе и всегда повторялась, лишь только зайдет речь о Пушкине. Вот это двустишие, запиши его:

*Il m'a dit: choisis d'être oppresseur ou victime.
J'embrassai le malheur et lui laissai le crime!*

— Тогда это двустишие у нас долго повторялось всеми. Неблагонамеренность Пушкина и его дружба с твоим отцом, — говорила мне тетушка, — была причиной тому, что твой отец

был не на хорошем счету у правительства, и поэтому по службе он не пошел далеко; при губернаторе Федорове о нем даже был запрос официальный, в котором указывалось на вредный образ мыслей бывшего друга Пушкина.¹ Вследствие всего этого отец твой уехал потом за границу, где прожил много лет.

Таковы вкратце все те отрывки воспоминаний, которые сохранились в моей памяти из рассказов моей тетушки о великом русском поэте».

З а м ф и р Р а л л и - А р б о р е .

Автор этих воспоминаний, Замфир Константинович Ралли, имеет крупное революционное имя; он принимал деятельнейшее участие в революционном движении 70-х годов, был ближайшим приверженцем Бакунина, состоял членом редакций издававшихся за границей русских газет «Работник» (1875—76 гг.) и «Община» (1876—1879 гг.). Просматривая воспоминания З. К. Ралли о М. А. Бакунине,² которые были присланы им в 1907 г. в редакцию журнала «Былое», я встретил упоминание о том, что Бакунин интересовался рассказами З. К. из семейной хроники Ралли. Одна из двоюродных сестер М. А. Бакунина, Анна Павловна Полторацкая, вышла замуж за дядю З. К. — Ивана Ралли и с мужем уехала в Кишинев, где в это время жило все семейство Ралли. В двадцатых годах жил в этом городе и А. С. Пушкин. Вот рассказы о Пушкине, сохранившиеся в семье Ралли, и интересовали в высшей степени Бакунина. «Пушкин — пишет в своих воспоминаниях о М. А. Бакунине З. К. Ралли — был очень дружен с моим отцом, Константином Ралли, и много хлопот наделал моей тетушке, Екатерине Стамо, в которую вздумал влюбиться. Тетушка Екатерина Захарьевна была, однако, женщиной строгих нравов и до конца жизни своей не согласилась отдать мне сохранившиеся у ней два письма поэта, в которых Пушкин lui a fait sa déclaration. Моя старая тетушка до своей смерти так и не читала иных книг, кроме старых французских романов, рекомендованных ей для прочтения еще Пушкиным. Рассказы мои, даже анекдотического характера про Пушкина, сохранившиеся в семье нашей, утешали Бакунина и Зайцева в отшельнической жизни в Локарно». Полагая, что рассказы эти могут представлять интерес и иметь ценность для биографии поэта, мы обратились к З. К. Ралли с просьбой сообщить все, что удержала его память из рассказов его тетки Е. З. Стамо, а также

¹ Павел Иванович Федоров (1791—1855) был в 1834 году назначен бесарабским гражданским губернатором, а в 1836 году военным. На этой должности он оставался до 1854 года.

² Эти воспоминания увидели свет на страницах журнала «Минувшие годы» (1908 г. август) и в сборнике «О минувшем». П. 1909.

поискать эти письма. 10 апреля 1908 г. в ответ на обращение З. К. Ралли сообщил: «я написал дочери тетушки Екатерины Захарьевны Стамо, которая живет в Париже—и если существуют еще какие-либо письма, то вы их, по всему вероятно, получите; написал я также и в другое место в Черновцы, где я отыскал тому назад более 35 лет старое издание Ж. Ж. Руссо, принадлежавшее покойному поэту, там его рукою на полях существуют заметки, писанные то по-русски, то по-французски. Книжки эти лежат или, лучше сказать, лежали на полке в имении моей двоюродной сестры вместе с другими книгами моего отца. — Но я не удосужился никогда проехать туда, чтобы взять этот старый сундук с старым хламом. Что сундук существовал тому назад еще несколько лет, об этом писали мне. — Во всяком случае сделаю все зависящее от меня,— и напишу вам несколько страниц про Пушкина в нашей семье». З. К. любезно отозвался на нашу просьбу и прислал свои семейные воспоминания о Пушкине, напечатанные в «Минувших годах».

Не противореча достоверно известному нам из кишиневской жизни поэта, эти записки сообщают несколько новых подробностей о Пушкине и, между прочим, новую версию вопроса о происхождении «Цыган». Новая версия выгодно отличается от других известных нам, весьма удаленных от действительности и дающих простор для фантазии автора. Вот факт, пмевший место: «однажды Пушкин исчез и пропал несколько дней. Дни эти он прокочевал с цыганским табором, и это породило впоследствии поэму «Цыгане» (Воспоминания брата Пушкина, Льва Сергеевича). А в эпилоге к «Цыганам» читаем:

За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил,
И засыпал пред их огнями;
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы,
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Из всех известных рассказов о том, как Пушкин бродил среди цыган, только от рассказа Е. З. Стамо веет жизненной правдой.¹

Об авторе рассказа Екатерине Захарьевне Стамо сохранились упоминания и в пушкинской литературе. Если она до самой смерти упоминала о поэте, то и Пушкин, много лет спустя после своего отъезда из Кишенева, вспоминал о ней, как о женщине, «близкой его воспоминанию». Именно такой эпитет находим в письме Пушкина к своему кишиневскому приятелю

¹ Рассказ Францовой неопозволительно фантастичен; версия, приводимые Л. С. Мадевичем, тоже не внушают доверия.

Н. С. Алексееву от 26 декабря 1830 года. В этом письме Пушкин настоятельно просит Алексеева сообщить ему о кишиневских событиях и лицах и в том числе о Стамо. 14 января 1831 года Алексеев отвечал поэту, что «мадам Стамо овдовела и на конед свободна от мужа». Память о Е. З. Стамо сохранилась и в следующих современных кишиневских куплетах, которые приписывались Пушкину:

Музыка Варфоломея
Становись скорей в кружок,
Инструменты строй живее,
И играй на славу джок.
Наблюдая нежны связи,
С дамой всяк ступай любой,
В первой паре Катакази
С скромной Стамовой женой.¹

Любопытные сведения о семействе Ралли сообщил И. П. Липранди. «Из других семейных домов Пушкин довольно часто посещал семейство Ралли. У Ралли, или Земфираки [прозвище, произведенное от Земфир], кроме трех сыновей (из коих в особенности один был очень порядочный молодой человек) было две дочери: одна Екатерина Захарьевна, лет 22, была замужем за коллежским советником Апостолом Константиновичем Стамо, имевшим более 50 лет. Пушкин прозвал его «*béllier conducteur*» и действительно физиономия у него как-то схожа была с бараньей, но он был человек очень образованный, всегда щеголевато одетый. Жена его очень малого роста с чрезвычайно выразительным смуглым лицом, прекрасными большими глазами, очень умная и начитанная и резко отличалась от всех своими правилами: была очень любезна, говорлива и преимущественно проповедывала нравственность. Пушкин любил болтать с нею, сохраняя приличный разговор. Сестра ее Марья (Мариола) была девушка лет 18, приятельница Пульхерицы [Варфоломей], но гораздо красивее последней и лицом, и ростом, и формами, и к тому двумя или тремя годами моложе. Пушкин в особенности любил танцевать с ней. У Ралли танцевали очень редко, но там были чаще музыкальные вечера».²

Но любопытство, раззадоренное сообщением о двух письмах Пушкина к Е. З. Стамо, осталось неудовлетворенным, и я вновь просил З. К. Ралли поискать эти письма. В начале 1909 г. я получил следующий ответ: «Относительно Ал. Сер. Пушкина ничего пока не могу вам сказать, т. к. только летом будущим надеюсь побывать в старом замке в Красне, что в Буковине. Дело в том, что все старики перемёрли, а мой

¹ Другой вариант — Скиновой; основания, приводимые Липранди в пользу этого чтения, незначительны. Если Скино отличалась скромностью, то и скромность Е. З. Стамо тоже засвидетельствована.

² «Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди» — «Русск. Арх». 1866, ст. 1231 — 1233.

племянник, будучи австрийским посланником в Венецуэле, живёт за океаном; в Красне же никого нет, кто бы мог перерыть весь тот хлам книг и бумаг, что находится там, я писал уже туда и мне прислали целый сундук старого журнала «Москвитянин» вместо того, что я требовал. Без меня лично следовательно нельзя ничего сделать; относительно писем Пушкина я писал своей двоюродной сестре Марии Зиллоти, дочери Кат. Захар. Стамо, но получил ответ, что кузина живет в Париже опять, а адреса мне не прислали. Будем надеяться, что в конце концов найдем письма Пушкина». На новое мое обращение З. К. Ралли отвечал 27 мая 1909 года: ... в июле месяце этого года я еду специально на родину в Буковину, для того чтобы разобрать весь тот старый хлам книжный и бумажный, который лежит в кладовых старого замка села Красны со смерти моих родителей. Не был я там вот уже более 40 лет. Все, что найдется интересующего Вас, буду иметь особенное удовольствие переслать Вам заказной посылкой».

Но тут оборвалась моя переписка с З. К. Ралли. Судьба его поисков мне неизвестна.

ДЕКАБРИСТ И. И. ГОРБАЧЕВСКИЙ О ПУШКИНЕ

Фактическая поправка.

Иван Иванович Горбачевский — один из самых замечательных людей, выдвинутых революционным движением 20-х годов. Член самого радикального в то время Общества Соединенных Славян, он присужден к смертной казни через отсечение головы. Это наказание было заменено пожизненной каторгой. Когда, по коронационному манифесту имп. Александра II, отбывшим наказание декабристам было разрешено вернуться в Россию, И. И. Горбачевский не воспользовался милостью и остался в месте своей ссылки — в Петровском заводе. Здесь он и умер в 1869 году. Долгие годы каторги и ссылки не сломили его характера. В то время, как его товарищи из революционно настроенных людей превратились в культурных обывателей, Ив. Ив. остался верен мятежному настроению юности и сохранил непримиримость и резкость, характерные свойства захваченных движением. Из всех декабристов, пожалуй, только он один мог настроиться сочувственно передовой молодежи шестидесятых годов, тогда как остальным его товарищам эта нигилистическая молодежь внушала чувства отвращения. Горбачевский оставил любопытнейшие записки об Обществе Соединенных Славян, записки, занимающие одно из первых мест в литературе мемуаров участников декабрьского движения.¹ Немногочисленные, опубликованные доселе его письма также выделяются из груди декабристских писем какой-то особой порывистостью, определительностью, страстностью тона и серьезной важностью содержания. Долгое время оставались неизданными его замечательные письма к другу его и товарищу по судьбе, декабристу Михаилу Александровичу Бестужеву (1800—1871). Впервые одно из этих писем, самое большое в этой переписке, но в то же время и самое значительное по содержанию, было опубликовано мною в 1913 году.² Несмотря

¹ Напечатаны впервые в Русском Архиве за 1882 год. Отдельное издание — «Записки декабриста И. И. Горбачевского». Изд. «Задруги» Москва 1916. Переизданы в 1925 году.

² В приложениях к газете «День» № 306, 313, 319, 327, 334. Вслед за тем письма Горбачевского были напечатаны в отдельном издании записок И. И. Горбачевского.

на почтенные размеры, письмо читается с неослабевающим интересом. Написано оно 12 июня 1861 года и адресовано в Селегинск, где жил в то время М. А. Бестужев.

Минувшее проходило перед И. И. Горбачевским, когда он стремительно страница за страницей набрасывал свое письмо. Воспоминания теснились в его голове, и он мог только дать их беглую схему. Когда читаешь теперь эту схему, охватывает чувство острого сожаления о том, что Горбачевский не написал полных воспоминаний о своей жизни. Письмо Горбачевского дает, на ряду с ценными, фактическими сведениями об отдельных декабристах, ряд любопытнейших исторических подробностей, совершенно новых.

С точки зрения фактической достоверности записки Горбачевского выгодно отличаются от многочисленных мемуаров своей точностью, но некоторые припоминания Горбачевского нуждаются в значительных исправлениях, а иные и прямо не соответствуют действительности. К сообщениям последнего рода относятся и его утверждения о Пушкине.

В письме к М. А. Бестужеву, И. И. Горбачевский делает весьма любопытное отступление по поводу воспоминаний И. И. Пушина о Пушкине. Это те «Записки о Пушкине», которые появились в печати в 1859 году в журнале «Атеней», впоследствии были перепечатаны Л. Н. Майковым в его книге «Пушкин» (СПб., 1899) и вышли в отдельном издании в 1907 году.¹ Горбачевский делает выпад против Пушкина, и строки, им писанные, содержат тяжелое, оскорбительное для памяти поэта подозрение. По легкомысленному сообщению Горбачевского, Пушкин мог быть доносчиком, и от Верховной Думы было запрещено с ним знакомиться.

Вот слова Горбачевского: «Я не могу забыть этой брошюрки, которую я у тебя читал, сочинение нашего Ивана Ивановича Пушина о своем воспитании лицейском и о своем Пушкине, о котором он много написал. Бедный Пушин, — он того и не знает, что нам от Верховной Думы было даже запрещено знакомиться с поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, когда он жил на юге; — и почему? Прямо было сказано, что он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни, сделает донос тотчас правительству о существовании тайного общества». На полях против этих строк М. А. Бестужев приписал: «Совестно было ему об этом сказать, — но знаю, он догадался, — я часто говорил с ним о Пушкине, сидевши вместе в 3-м отделении Петропавловского каземата».

Продолжаем текст письма самого Горбачевского.

«И теперь я в этом, — и он сам при смерти это подтвердил, сказавши Жуковскому, — скажи ему, если бы не это, я бы

¹ Переизданы С. Я. Штрайхом в 1925 году.

был весь его». — [Речь идет об известной предсмертной фразе Пушкина. II. III.]. Что это такое? И это сказал народный поэт, которым именем все аристократы и подлипали так называют. Прочти со вниманием об их воспитании в лицее; разве из такой почвы вырастают народные поэты, республиканцы, патриоты? [Бестужев на полях прибавил: «Можно прибавить, и историки»]. Такая ли наша жизнь в молодости была, как их? Терпели ли они те нужды, то унижение, — те лишения, тот голод и холод, что мы терпели? А посмотри их нравственную сторону; — мне рассказывал Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что уши и теперь краснеют».

Против этого места Бестужев добавил на полях: «его прогнал от себя Давыдов, его прогнал от себя Раевской. Его прогнал от себя Воронцов; его прогнал от себя и генерал Инзов».

Горбачевский продолжает:

«Ты скажешь, а Пущин Ив. Ив. разве худой человек? я скорее скажу, чудо человек, — что хочешь, так он хорош; но я тебя теперь спрошу, республиканец ли он, или нет? Способен ли он кверху дном все переверотить? Нет, и нет, — ему надобны революции деланные, чтобы на розовой воде: они все хотели все сделать переговорами, ожидая, чтобы сенат к ним вышел и, поклонившись, спросил, что вам угодно, — все к вашим услугам!»

Строки в письме Горбачевского, содержащие его мнение о Пушкине, известны в литературе о Пушкине. Из всего обширного письма только эти строки и были оглашены Н. О. Лернером.¹ Н. О. Лернер сопроводил эти строки обширным комментарием. Исходил он из принятия сообщения Горбачевского. Между тем, несмотря на положительность Горбачевского, несмотря на почти безукоризненную достоверность его рассказов — в этом случае приходится заподозреть верность его сообщения по следующим фактическим основаниям. Горбачевский пишет: «нам от верховной думы было запрещено знакомиться с поэтом Пушкиным, когда он жил на юге». Необыкновенно точная память на этот раз изменила Горбачевскому. Соединение Общества соединенных славян с Южным обществом состоялось только в сентябре 1825 г., и только после соединения могло быть передано постановление верховной думы (т. е. главной управы южного общества), запрещающее знакомство с Пушкиным во время его жизни на юге. Но Пушкин, как известно, уже в августе 1824 года проживал в ссылке, в своем Михайловском Псковской губ. Факт высылки Пушкина из Одессы в Михайловское был в свое время широко известен, и, конечно,

¹ «Декабристы о Пушкине. Новые данные». «Речь» 24 марта 1912 г.

в сентябре 1825 года южное общество не могло запрещать знакомства с Пушкиным членам общества соединенных славян. Явно, что Горбачевскому изменила память, и в форму фактического утверждения он облек свое несочувственное отношение к Пушкину. О причинах несочувствия можно сделать заключение по характерному тону его отзывов о Пушкине. Главная причина — органическая противоположность характеров Горбачевского так же, как и Бестужева, характеру Пушкина.

ПУШКИН И Н. М. РЫЛЕЕВА ¹

(Письмо бар. А. А. Дельвига к А. С. Пушкину)

В 1904 году С. Н. Шубинский передал в мое распоряжение неизданное письмо барона А. А. Дельвига к Пушкину. Письмо это, переданное мной в Пушкинский дом, следующего содержания:

«Здравия желаю Александру милому и поздравляю с новым годом. Цыганы твои пропущены цензурою до чиста и мною доставлены Бенкендорфу, выйдут от него и будут печататься. Рылеевой я из своего долга заплатил 600 рублей. В остатке у меня осталось 1600 р., которые при появлении Цветов сполна заплатятся. За 19-е Октября благодарю тебя с Лицейскими скотами и братьями вместе. Пиши ради бога ко мне, ты ни на одно письмо мое не отвечаешь. Странно для меня, как ты не отвечал на последнее. Оно заключало другое письмо, которое, если не тронуло Тебя, то ты не поэт, а камень. Осипова тебе кланяется, я с ней часто говорю о тебе и вместе грустим. Нынче буду обедать у ваших, провожать Льва. Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Керн, которая (между нами) вскружила совершенно голову твоему брату Льву. Ты, слышу, хочешь жениться, благословляю — только привози сюда жену, познакомься с моею. Прощай.—Дельвиг».

Дельвиг представил «Цыган» вместе с четырьмя другими пьесами Пушкина графу Бенкендорфу 23 февраля 1827 г. «А. С. Пушкин — писал Дельвиг Бенкендорфу — убедительно просит ваше превосходительство скорее решить, достойны ли они и могут ли быть пропущены». Так говорил Дельвиг о «Цыганах», уже пропущенных 4 марта. Бенкендорф возвратил рукописи Дельвигу при следующем письме: «Возвращая при сем доставленные Вами ко мне сочинения А. С. Пушкина, долгом считаю присовокупить, что я ответ мой отправил прямо к Александру Сергеевичу. Сколько меня ни удивило посредничество Ваше в сем деле, но мне приятно Вас уверить в чувствах почтения, с коими честь имею быть» и т. д. ²

¹ Впервые напечатано в «Былом» 1906, № 5, стр. 139 — 140 под заглавием: «Письмо А. А. Дельвига к А. С. Пушкину».

² «Дела Третьего Отделения... о А. С. Пушкине», изд. С. Сухониним, СПб. 1906, стр. 44.

Эти данные позволяют датировать письмо Дельвига. Оно написано в 1827 году, не раньше 23 февраля и не позже 4 марта.

П. А. Плетнев, заведывавший изданием «Стихотворений Александра Пушкина» (вышли из цензуры 9 октября 1825 года), сообщал, 21 января 1826 года, своему доверителю о том, что из имевшихся в его распоряжении денег поэта Дельвиг выпросил на некоторое время 2000 рублей.¹

Около 15 февраля 1826 года Пушкин писал Дельвигу: «ты взял 2000 у меня и хорошо сделал, но сделай так, чтоб прежде великого поста они находились опять у Плетнева». ² А 7-8 марта того же года Пушкин наказывал Плетневу: «деньги мои держи крепко, никому не давай. Они мне нужны. — Сдери долг и с Дельвига». ³ Дельвиг 7 апреля отвечал Пушкину: «Деньги твои я взял, как хороший министр финансов, т. е. назначил Плетневу источник уплаты. Я купил у Баратынского «Эду» и его сочинения, и «Эда», продаваясь в скором времени, погасит совершенно мой долг». ⁴ А в письме кн. Вяземского к Пушкину от 12 июня 1826 года Дельвиг сделал приписку 14 июня и относительно денег сообщал своему другу: «От «Эды» деньги скоро накопятся. Отдам их Плетневу или кому велишь». ⁵

Но деньги накопились не так скоро. 18 января 1827 года Плетнев, давая Пушкину хозяйственный отчет по его делам, указывал, что от Дельвига он не получил еще данных ему в долг из денег поэта 2200 рублей. ⁶ Значит, кроме 2000, Дельвиг успел взять или взял раньше еще 200 рублей.

Но Пушкин уже придумал назначение части своих денег. 13 июля 1826 года был казнен Кондратий Федорович Рылеев и Пушкин пожелал помочь его жене. В не дошедшем до нас и не полученном Плетневым письме Пушкин просил его выдать вдове Рылеева 600 руб.; потом он напомнил об этом в письме, не дошедшем до нас. 2 января 1827 года, Плетнев писал Пушкину: «о выдаче 600 рублей вдове Кондрат. никогда ты мне не писал и только в первый раз я это вижу в последнем твоём письме. След. эта статья не числится у меня ни в расходе, ни в долгу». ⁷ Когда Плетнев отправил Пушкину это письмо, он получил от него новое послание, опять таки до нас не дошедшее, в котором поэт запрашивал его, почему не вручены деньги Н. М. Рылеевой. 18 января 1827 года Плетнев должен был сообщить Пушкину: «В последнем к тебе письме своем от 2 января

¹ Переписка, т. I, № 230, стр. 320.

² Письма, т. II, № 196 стр. 5.

³ Там же, № 202, стр. 9.

⁴ Переписка т. I, № 247, стр. 339.

⁵ Там же, № 261, стр. 357.

⁶ Там же, т. II, № 299, стр. 4.

⁷ Там же, т. II, № 296, стр. 1.

1827 года (которого, кажется, еще ты не получил) я объяснил, почему не мог ни в Псков послать 2000 рублей, ни доставить 600 рублей вдове Кондр.»¹ В этом письме Плетнев сделал подсчет всех сумм Пушкина и выслал ему все бывшие у него на руках деньги. Тогда Пушкин, в письме, до нас не дошедшем, просил Дельвига вручить 600 рублей Н. М. Рылеевой. Дельвиг исполнил просьбу поэта, или, вернее, поручил ее выполнение О. М. Сомову. Сомов выплатил 300 рублей Прасковье Михайловне Бестужевой, матери А. А. Бестужева, и 300 рублей Анне Федоровне Федоровой, побочной сестре Рылеева. Какие деньги выплачивались по настойчивому требованию Пушкина, ясно видно из той расписки, которую должна была дать О. М. Сомову, Н. М. Рылеева: «Я, нижеподписавшаяся, дала сию расписку О. М. Сомову в том, что получила я чрез него от Александра Сергеевича Пушкина денег шесть сот рублей, возвращенные им за взятые обратно его стихотворения, кои должны были помещены быть в Альманахе Звездочка. Из сих денег г. Сомов по поручению моему доставил триста рублей Прасковье Михайловне Бестужевой, следовавших на часть сына ее Александра Александровича; а другую половину, по моему же назначению, г. Сомов доставил девице Анне Федоровне Федоровой. В чем и подписуюсь».²

Альманах «Звездочка» должен был продолжать «Полярную звезду», по мысли ее редакторов и издателей К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева, но после событий декабрьской революции 1825 года альманах «Звездочка» уже не мог увидеть света.

---

¹ Переписка, т. II, № 299, стр. 4.

² См. Н. В. Измайлов. «Из бумаг К. Ф. Рылеева», «Памяти декабристов. Сборник материалов». Ленинград (Академия наук СССР), т. I, стр. 146—147, 149—150.

СВАДЬБА ПУШКИНА И МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ¹

I

В конце 20-х и начале 30-х годов XIX столетия Московский университет находился в незавидном положении. Административные порядки были крайне плохи. Лекции большинства профессоров мало кого из студентов могли удовлетворить; на многих кафедрах доживали свой век старики, целиком выхваченные из XVIII века и совершенно не затронутые грандиозными движениями первой четверти XIX века. Среди профессоров было немало монстров; их университетские похождения, о которых рассказывают современники, кажутся нам прямо баснословными. Но в это время уже появляются признаки оживления, обозначаются новые веяния — предвестники возрождения Московского университета конца 30-х годов. Это оживление в значительной мере объясняется тем, что университет в лице некоторых своих представителей сохранял живые связи с литературой. Профессора университета Каченовский, Погодин, стояли во главе важнейших журналов того времени: «Вестника Европы» и «Московского Вестника»; Надеждин принимал деятельнейшее участие в литературной жизни, сначала, как сотрудник «Вестника Европы», и затем — издатель «Телескопа». Это обстоятельство немало, конечно, содействовало тому, что литературные интересы в московском студенчестве были живы и сильны. В 1829 — 1831 году в Московском университете был Беллинский; он жил на казенном кошту «в 11 номере». Его товарищ по университету и 11-му номеру, Прозоров, передает следующие подробности о литературных интересах современного ему студенчества: «Умственная жизнь в студенческом кругу особенно в 11-м номере шла бойко, спор о классицизме и романтизме еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее решение этого вопроса Надеждиным, в его докторском рассуждении о происхождении и судьбах поэзии романтической...

---

¹ Первоначально в журнале «Исторический Вестник», 1904 г., апрель стр. 207—222. Здесь статья исправлена и дополнена.

И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшие между собою на словах. Некоторые из старых студентов, слушавшие теорию красноречия и поэзии Мерзлякова и начитанные его переводами из греческих и римских поэтов, были в восторге от его перевода Тассова «Иерусалима» и очень неблагосклонно отзывались о «Борисе Годунове» Пушкина, только что появившемся в печати, с торжеством указывая на глумливые о нем отзывы в «Вестнике Европы». Первогодичные студенты, воспитанные в школе Жуковского и Пушкина и не заставшие уже в живых Мерзлякова, мало сочувствовали его переводам и взамен этого знали наизусть прекрасные песни его и беспрестанно декламировали целые сцены из комедии Грибоедова, которая тогда еще не была напечатана: Пушкин приводил нас в неописанный восторг». ¹

В атмосфере литературных интересов и споров возникают и зреют попытки самостоятельной литературной работы, которые обычно находят себе место в рукописных юношеских журналах. И в Царскосельском лицее времен Пушкина, и в Нежинском училище высших наук времен Гоголя процветала журнальная деятельность. Не боясь ошибиться, мы в праве предположить, что и среди московских студентов в отмеченный период оказались издатели и журналисты. К сожалению, юношеские журнальные опыты не долговечны и редко сохраняются, а они имеют несомненный интерес, свидетельствуя о литературных симпатиях и антипатиях их авторов, о степени распространения и значения современных литературных деятелей. В настоящей статье мы намерены познакомить читателей с одним из таких рукописных журналов, пока единственным, дошедшим до нас из периода начала тридцатых годов. Этот журнал в свое время был предоставлен в наше распоряжение П. А. Ефремовым, а теперь находится в Пушкинском Доме.

Этот журнал был приобретен П. А. Ефремовым вместе с другими бумагами Вас. Фед. Щербакова, знакомого Д. А. Ровинского, К. П. Победоносцева, А. Н. Афанасьева и М. П. Погодина, с которым был знаком еще отец В. Ф. Щербакова. ² Этот Щербаков, по словам П. А. Ефремова, был страстным любителем книг; у него была обширная библиотека, заключавшая в себе порядочное количество рукописей. У П. А. Ефремова находится замечательная тетрадь, писанная Щербаковым в Москве на бумаге 1818 года. В этой тетради выписаны,

¹ А. Н. Пыпин, «В. Г. Белинский, его жизнь и переписка». СПб. 1876, т. I, стр. 49. Из других воспоминаний, относящихся к 1828—1832 гг., укажем: «Воспоминания К. Аксакова» («День», 1862, № 39--40), и отдельно, изд. «Огни». «Воспоминания студенческой жизни» Г. Г. «День» 1863, № 42), Я. И. Костенецкого («Русский Архив», 1887, т. I и II) и, конечно, воспоминания А. И. Герцена в «Былом и думах» и И. А. Гончарова в «Сочинениях».

² Сведения о Щербакове извлечены из сообщений П. А. Ефремова в примечаниях на сочинения Пушкина (изд. А. С. Суворина, т. VIII. 1904).

главным образом, стихотворения Пушкина, большей частью, из числа не попавших в печать, и притом в сравнительно полном и верном тексте. П. А. Ефремов делает предположение, что Щербаков получил стихи Пушкина или от Погодина или от кого-нибудь из близких знакомых Пушкина. Но в тетради оказались не только стихи, но и еще листки с заметками о пребывании Пушкина в Москве в 1826 — 1827 годах и с рассказами о нем. Все это указывает на то, что Щербаков очень интересовался личностью поэта и был близок, если не к нему, то к окружавшим его.

В бумагах Щербакова нашлось приглашение подписаться в складчину в 1831 году на журналы. «В следующем 1831 году — так начинается это приглашение — будут выходить в Москве два литературно-ученые журналы 1-й — «Телеграф», издатель его опытный человек, закаленный в бурях прошедшего двадцатипятилетия; 2-й — «Телескоп» с прибавлением «Молва», издатель доктор изящных наук и автор диссертации о романтической поэзии Н. Надеждин. Гг. желающие обеспечить себя литературными новостями с меньшими для кармана издержками благоволят на подписку упомянутых журналов согласиться на следующих условиях». Далее изложены правила подписки и чтения для «акционеров предприятия»: так назвали себя участники общей выписки журналов. На приглашении можно разобрать следующие подписи изъявивших желание участвовать в сем общепольном предприятии: В. Давыдов, А. Недремский, В. Щербаков, Л. Ребинченков, Сорохтин и Б. Берс. Можно с большим вероятием предположить, что эти лица составляли ближайший круг знакомых Щербакова и принимали участие в журнальной деятельности.

Рукописный журнал, найденный в бумагах Щербакова, называется «Момус». При номерах журнала оказалось и объявление о журнале следующего содержания:

«В 1831 году будет издаваться газета литературы и новостей «Момус». Формат газеты *in folio*; выходит каждую неделю по пятницам. План ее следующий: I. Изящная словесность. Проза: повести, сказки, извлечения из путешествий и пр. Стихотворения: отрывки из романтических и классических поэм, элегии, послания, баллады, песни, эпитафии и сатиры. II. Нравы. Наблюдения по примеру Жуи и Ружмона. III. Критика: разборы сочинений словесных, письменных и печатных. IV. Новости: происшествия, случившиеся в кругу редакторов и читателей Момуса, эстетические анализы модных московских костюмов, модные обычаи и книжные известия. V. Смесь: пародии, шутки, карикатуры, анекдоты, острые слова, скороговорки, обмолвки и недомолвки. К некоторым номерам будут прилагаться портреты, карикатуры, чертежи, очерки и снимки (*facsimile*) с почерков великих в своем муравейнике. Эту часть принял на себя известный рисовщик Э. Фаев.

Наружное выполнение газеты будет производиться в стенографии г. Н. «Nota bene. Эпиграф газеты. Брось взгляд на Момуса с противоположной точки — и ты увидишь, что он с умом. *Аноним*».

Понятно, журнал распространялся, главным образом, в тесном товарищеском кружке. Журнал печатался или, как выражалась редакция, стенографировался всего на всего... в одном экземпляре. Объявляя подписную цену по шесть листов белой и по шесть серой бумаги, издатели заявили, что «так как будет выходить только по одному экземпляру газеты, то гг. подписчики будут ее получать последовательно по старшинству подписки и внесения установленной цены». Вышло всего пять номеров «Момуса»: издание было прервано, так как сохранился лист с началом № 6 — 13 за март и апрель 1831 года. Экзамены, а, быть может, и известная демонстрация на лекции профессора Малова, бывшая как раз весной 1831 года, прекратили деятельность юных журналистов. На каждом номере имеется предупреждение: «по прочтении отдать редакторам». Так как не только все вышедшие номера, но и не вышедший номер оказались в бумагах Щербакова, то можно думать, что Щербаков и его ближайшие друзья и знакомые были редакторами и издателями «Момуса».

Впрочем, журнал был известен и за пределами кружка: в первом же номере редакторы просили «особ, имеющих до них надобность, оставлять письменные требования в прихожей, в ящике стола». Любопытно, что пример «Момуса» вызвал даже подражания. По крайней мере, в 4 номере «Момуса» встречаем следующее объявление с эпиграфом: «Ах, урод! ах, урод! Не берись за перевод (хвалебная песнь переводчику Шиллера). — Недолго Момус прыгал один по пустынному полю скорописной журналистики; недолго обращал он нераздельно внимание читателей своих. Чу! издали едет на долгих урод! Да, мм. гг., урод! так, по крайней мере, по слухам звали до крещения единственного нашего соперника. Но говорят, что восприемники назвали его Люцифером (по последним известиям Мефистофелем) и повили, вместо пелен, обертками эфемерного Альманаха. Милости просим, незваный гость! Не смеем назвать тебя братом: ты, кроме чернил, переводишь повести, а мы помещаем, хоть дурное, свое. Ждем с нетерпением, которое верно разделят с нами читатели наши — 1 февраля: тогда только увидим мы чорта, которого до сих пор знаем по слуху. Момус до того самолюбив, что приписывает себе рождение Мефистофеля. Не знаем, кто был его матерью; боимся, чтобы не зависть разделяла ложе с насмешливым нашим божком. Во всяком случае мы твердо уверены в успехе новых листков: печатная известность одного из редакторов ручается за достоинство скорописного журнала».

В пятом номере помещен отрывок из письма в редакцию

от 10 февраля. В нем сообщены следующие подробности о судьбе «Люцифера»... «Вероятно, вы не знаете, что в пустопорожней голове одного долговязого юриста зачал враг Момуса — Люцифер. Этот враг вследствие сильного испуга был выкинут прежде времени, и, разумеется, несовершеннолетним. Родитель его... кажется, Фаев... в подражание громовержцу Зевесу, который донашивал своего Диониса в лядвее, пригреб бедненького чертенка Люцифера близ своего сердца в широком раздолье бокового кармана. Зародыш, проникнутый родительской теплотой желтого жилета, видимо, стал принимать формы чудных жителей фантастического мира, существующего в пьяных головах многих немецких трансцендентальных идеалистов: уже сквозная головка маленького Люцифера качалась по воле посторонних причин на маленькой шейке; уже он с приметным плачем пробовал питательных соков — сиречь материалов, — которые иссякли в головах его кормильцов; уже когтистые рученки его не раз драли за нос родителя и сдергивали золотые очки его; уже зародыш чертенка стиснул кулачек для нанесения удара веселому богу шуток и смеха Момусу... как от чрезвычайного напряжения еще не развившихся сил он испустил дух, не дождавшись образования своих ножек, своего хвостика»...

Редакторы присоединили к письму свой ответ: «Чувствительно благодарим г. корреспондента за доброе мнение о нашем Момусе и за доставление чувствительного описания смерти Люцифера, который вышел бы весь в родителя и силами телесными и... но de mortuis aut bene aut nihil».

II

Обратимся к содержанию «Момуса». Нечего, конечно, говорить о том, что редакторы «Момуса» во всем подражали современным журналам: «Московскому Телеграфу» и «Телескопу». В «Момусе» мы найдем отдел «изыщной словесности» со стихами и прозой, критики, нравов, библиографии, смеси, анекдотов и объявлений.

В отделе критики встречаем подражание критическим рассуждениям Надеждина — рассуждение о «предмете и вещи». В результате исследования автор статьи дает следующее определение вещи и предмета: «вещию, не трогая Юстиниана, называется все то, что занимает место в пространстве; а предметом — все, что подлежит умственному или чувственному зрению». В отделе библиографии, в 5 №, Клим Букинистов дает следующий легко написанный, любопытный «Взгляд на альманахи 1834 года».

1. Северные цветы нынешнего года вялы и бесцветны, в них попрежнему вполетен обзор русской словесности, сплетенный Сомовым, который заступил место обзоров художе-

ственных произведений Плетнева. Жаль, что сам издатель не подарил нас лебединой песней.

2. Невский альманах более, чем прежде, отзывает невской водой.

3. Альманах анекдотов. Сбор иноземных и родных ошибок, простодушных ответов и вопросов, глупостей, насмешек, иногда довольно смешных. Число подписчиков громко говорит, что труды Зейделя приняты публикою радушно; и не мудрено: публика есть автор большей части этих анекдотов, а когда же авторы были не самолюбивы?

4. Метеор напечатан на весьма мягкой бумаге, за что издатель имеет полное право требовать благодарности от любителей, если не приятного, то, по крайней мере, полезного чтения.

5. Северное сияние. Громкий титул! Мы посоветовали бы издателю быть поскромнее и назвать свой сборник просто мышинным огнем.

6. А ль ц и о н а...

... я покидал верхушку Геликона.
Он в альманахах, мне казалось, утонул;
За мной и надо мной стенала Гальциона,
Но я ее, признаться, не видал.

В отделе изящной словесности «Момуса» помещено пять стихотворений: две элгии, стансы, эпиграмма и куплеты на 1831 год. Для характеристики поэтических талантов сотрудников достаточно привести одно стихотворение, полное намеков, для нас неясных: «Куплеты на 1831 год».

Что меж нами изменилось,
Поглядим скорей, друзья:
Сердце чье сильней забилось,
А чье сжалось стена?
Любовь Фаева манила,
Обещала вкусный плод,
Но Лизета изменила ...
Фаев грустен в новый год.
К награжденью представляли
З в о н о в а е t c e t e r a ;
Все заслуги вычисляли:
И достоинство пера,
И исправность в исполненьи,
И бесчисленность забот;
Но что толку в представленьи —
Обманул их новый год.
Наш потомок знаменитый
Все о предках толковал,
И свой род преиженный
Выше десарей считал.
Все о вотчинах старался,
Лбом ломился в знатный род;
Но попрежнему остался
С позументом в новый год и т. д.

Художественная проза «Момуса» представлена двумя рассказами, написанными Простодушным: Шапка Невидимка и Злая хозяйка квартиры. Эти рассказы не представляют ничего интересного, и потому мы проходим их молчанием.

Студенты-литераторы подметили все характерные особенности современных журналов и не забыли в своем журнале воспроизвести обычные в тогдашних «толстых» журналах отделы анекдотов, смеси, объявлений и корреспонденций. При втором номере была приложена карикатура, изображавшая редакторов «Момуса», при следующем объявлении: «Мы обещали читателям нашим осмеивать странности не в одних нравонаблюдениях и эпиграммах, но и в карикатурах, почему манием жезла Момуса, олицетворяем прежде всего редакцию наших листов. Надеемся, что после такого самоотвержения читатели не оскорбятся, ежели встретят иногда некоторые черты нравственного и физического своего лица в живописных погрешках патрона нашего еженедельника». При третьем номере была приложена другая карикатура, очевидно, изображавшая всем известное событие и известные лица и, быть может, имеющая отношение к содержанию этого номера, о чем скажем ниже. Объяснением карикатуры служит письмо к редакторам: «Мм. гг. Я уже послал в редакцию Момуса одно из произведений рисовального искусства моего приятеля Х... а... должен еще препроводить к вам, мм. гг., карикатуру, полученную мною от него при следующей записке: «Любезный друг! так как ты их корреспондент что ли, или фактор, или собиратель, или просто знакомец, или... уж бог тебя знает что... газеты Момус их издателей, то я посылаю к тебе картинку (примечание: он называет это карикатурою, хотя имя у журавля на лбу написано! Злодей... но кто эта сошка и прочие, сколько ни думал и не догадывался, не знаю). Ты верно догадываешься, для чего (?) не станешь держать ее у себя и любоваться ею (примечание: Злодей, злодей!..), а тотчас пошлешь к Момусу, — который с...». Здесь я должен прекратить выписку, ибо тут следуют слова, кои я решился не писать по весьма законной причине!.. Итак, исполняя желание моего приятеля, посылаю к вам карикатуру, с кою можете делать все, что вам угодно; но я однакож (признаюсь вам откровенно) желал бы лучше, чтобы вы ее порвали. Вы спросите: почему? Не скажу, мм. гг., ибо я не прошу вас об этом, а только желаю... Н. Н.»

Редакторы сделали примечание к этому письму: «Мы рвем только дурные стихи; дурную прозу жжем; а все хорошее гладим по головке. Ваши карикатуры так милы, что и на дурную рука не поднимется». ¹

¹ Воспроизведение этих карикатур см. в «Историческом Вестнике» 1904 г. № 4, стр. 209 и 213.

Когда пересматриваешь анекдоты Момуса, то приходишь к убеждению, что анекдоты и остроты современных нам юмористических листков совсем не далеко ушли от остроумия тридцатых годов прошлого века. Вот типичный образец остроты, которая варьируется на разные лады вплоть до нашего времени.

«В непродолжительном времени будет разыгрываться лотерея, состоящая из нижеследующих вещей: обруч с бочки Диогена, туфли Конфуция, соль Аристофановых комедий, несколько пены, из которой композировалась Венера, хохол Магомета, голос Демосфена, закупоренный в оловянную банку, последний вздох лорда Байрона, остов Шекспирова Духа, улыбка Ниноны Ланкло» и т. д.

Живее и интереснее всех этих произведений отдел, озаглавленный «Нравы». В первом номере в этом отделе помещен очерк «Первый день нового года», во втором — «День извозчика», в третьем — «Два разговора об одном предмете». Все эти очерки написаны недурно, легко и занимательно. Наше внимание привлекает главным образом третий очерк, на котором мы и остановимся подробнее.

III

«Два разговора об одном предмете» помещены в третьем номере «Момуса». Он появился в феврале 1831 года. Открывается он «Элегией», которую мы приведем деликом, потому что она, быть может, является комментарием к «Двум разговорам».

Мне предпочла она другого;
Другой прижмет ее к груди!..
Былое, возвратися снова
И сердцу счастье возврати!
Нет! невозвратно... Боже! Боже!
Не мне судьба ее хранит:
Другой ей пояс в брачном ложе
От груди полной отрешит;
Она другого в час желанья
Рукой лилейной обовьет
И с стоном, с пламенным лобзаньем
Души любимцем назовет!..
А я? меня пожрет страданий пламень!..
Быть может, раннею весной
Гуляя с ним она отыщет камень —
Друзья! могильный камень мой!..

Эраст Фаев.

2 января 1831.

Гранатный переулок.

Вслед за этим стихотворением идут

ДВА РАЗГОВОРА ОБ ОДНОМ ПРЕДМЕТЕ.

(Лето. Бульвар. Фарсин подбегает к Иксину.)

Фарсин. Видел ли ты ее?

Иксин. Кого?

Фарсин. Профан! Ее: Надежду Изразцову?

Иксин. Видел. Что ж дальше?

Фарсин. Не правда ли, что она более, нежели божественна?

Иксин. Неправда. Она хороша и только.

Фарсин. Вандал! Готтентот! Можно ли так относиться о лучшем произведении природы! О перле всего прекрасного, существующего на этой уродливой глыбе! Самый идеал красоты не может стоять выше Надежды. Ежели этот идеал чужд твоего воображения, обратись к творениям Тициана, которыми он стяжал себе бессмертие; смотри на них... Впрочем они так далеки от совершенства: портреты кухарок, прачек... А моя Надежда? О! какое сравнение!

Иксин. Фарсин! Фарсин! Ты ли это? Что за энтузиазм! растолкуй ради бога!

Фарсин. Ты просишь многого, но так и быть: я люблю Надежду, — и она меня любит.

Иксин. А! теперь понимаю.

(Семейство Израздовых приближается; к ним подходит поэт Фузеин.)

Иксин. Фузеин знаком с Изразцовыми?

Фарсин. Да, они его принимают. И есть за что: он вчера читал новую свою поэму — чудо! Все поэты от Музея и до Мицкевича включительно ничто перед Фузеиным.

Иксин. Ежели ты решил импровизировать панегирики всем и каждому, то не забудь о добром Увыхалкине, который так много страдал от тебя!

Фарсин. Теперь не до него: спешу к ней. Прощай. (Уходя). Ах, как она прекрасна!

(Зима. Гулянье на набережной. Фарсин и Иксин.)

Иксин. Вот и семейство Израздовых. Фузеин рядом с Надеждой. Правда ли, что он на ней женится?

Фарсин (протяжно). Говорят... (Со смехом.) Поддели молда!..

Иксин. Как хочешь, думай обо мне, Фарсин, а я по-старому не нахожу ничего сверхъестественного в особе Надежды Петровны.

Фарсин. Признаюсь тебе, я сам тоже думаю.

Иксин. Например, что за глаза, что за колорит?

Фарсин. О! что до глаз так они просто косые; лицо же спорит с цветом светло-оранжевой шляпки ее возлюбленной сестрицы.

Иксин. Ну, а Фузеин-то — каков?

Фарсин. Сатир! Обезьяна!

Иксин. Зато любимец Феба.

Фарсин. Прочти-ка его новую трагедию, посвященную Израздовым, — не то заговоришь. Это — велепость невиданная, неслышанная! Планы трагедий Сумарокова гораздо слабее, версификации Тредьяковского благозвучнее.

(Налетевшая пара бешеных лошадей помешала разговаривать.)

Простодушный.

Место действия сценки — бульвар, конечно, Тверской бульвар — в то время самое популярное место гулянья в Москве. Московские обыватели встречали здесь нередко Пушкина, который пользовался большою известностью в Москве.

И. Щербаков в первый раз встретил Пушкина на Тверском бульваре. Памятную встречу он занес в памятную книжку: «Март. В субботу на Тверском [бульваре] я в первый раз увидел Пушкина; он туда пришел с Корсаковым, сел с несколькими знакомыми на скамейку и, когда мимо проходили советники Гражданской Палаты Зубков и Данзас, он подбежал к первому и сказал: «Что ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу». Зубков поцеловал его». ¹

В «Московском Калейдоскопе» — прибавлении к «Молве», подписанном в цензуре 21 апреля 1831 года, находим обширную статью о «Тверском бульваре». Статья — в прозе и стихах, с упоминанием о Пушкине. Вот стихи:

Здесь и педант учено-важный,
И франт паркетный записной,
Член клуба Англии вальяжный,
И член немецкого простой.

Здесь много милого, смешного:
Сюда, спрятав свой галун,
От душной лекции Пустова
Пришел спастись студент-шаун.

Здесь и романтик полупьяный,
И классицизма вождь седой,
Певдом ругавшийся Татьяны
И сам певец с своею женой.

Здесь и торговка в душегрейке,
И дерзкий враль, и злой нахал,
И много пищи для статейки —
В уютный княжеский журнал.

Не трудно догадаться, кто действующие лица этой сцены. Поэт Фузеин, — конечно, Пушкин; семья Израздовых — семья Гончаровых, и красавица Надежда Петровна, конечно, Наталья Николаевна Гончарова, которая стала женой поэта 18 февраля

¹ Пушкин — Ефремов — Суворин, т. VIII, стр. 111.

1831 года. Этот наивный разговор рисует нам ту атмосферу, в которой протекала девичья жизнь Гончаровой, атмосферу обычного еще накануне революции в провинции флирта, ухаживаний; показывает тот уровень, на котором находилась барышня Гончарова в тот момент, когда она готовилась стать на всю жизнь подругой великого поэта. «Соперниками» Пушкина были молодые студенты — обожатели Натальи Николаевны.

Известно, что у Пушкина с женьбой дело не ладилось. Один раз, перед отъездом на Кавказ в мае 1829 года, Пушкин на свое предложение получил отказ. В начале марта 1830 г. Пушкин даже думал, что Гончарова совсем ушла от него: он спрашивал у Вяземского: «правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мецгерского?» 6 апреля на пасху Пушкин сделал новое предложение Н. Н. Гончаровой; на этот раз оно было принято. Но еще много неприятностей и огорчений пришлось пережить до женьбы. Письма ярко рисуют положение Пушкина в 1830 году. Оставалось несколько дней до свадьбы, и вот что писал 16 февраля 1831 года из Москвы А. Я. Булгаков своему брату в Петербург... «В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходитя. Это скоро должно открыться. Середа — последний день, в который можно венчать. Невеста, сказывают, нездорова. Он был на бале у наших, отличался, танцовал, после ужина скрылся. — Где Пушкин? — я спросил, а Гриша Корсаков серьезно отвечал: «Il a été donc ici toute la soirée, et maintenant il est allé trouver sa promise». Хорош визит в 5 часов утра и к большой! Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась».¹

Слухи о том, что свадьба могла разойтись, имели основание, так как Пушкин за восемь дней до свадьбы, 10 февраля, писал из Москвы своему другу Н. И. Кривцову: «Я женат. Женат — или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies comunes. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся. Я поступаю, как люди, и, вероятно не буду в том раскаиваться. К тому же, я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой нагоде своей. Горести не удивят меня. Они входят в мои домашние расчеты. — Всякая радость будет мне неожиданностью».

Очевидно, в отношениях Пушкина было уже мало страст-

¹ «Русск. Арх.», 1902 г., кн. I, стр. 52.

ности и влюбленности. Брак казался ему чем-то прозаическим. «Итак свершилась эта свадьба, которая так долго тянулась, — писал Булгаков 19 февраля. — Ну, да как будет хороший муж! То-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову: быть ей *milady Byron*. Он пересказал Пушкину, который смеялся только. Он жене моей говорил на бале: «Пора мне остепениться, ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня». ¹ Впрочем, тот же Булгаков, побывав 27 февраля на балу Пушкина, выражается несколько мягче о супружеской жизни Пушкина: «Пушкин славный задал вчера бал — пишет он на другой день брату —. И он и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они, как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцовали, и так как общество было небольшое, то я также танцевал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старика Юсупова: *et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force*, говорил он. Ужин был славный: всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство».²

Но возвратимся к любопытному разговору, помещенному в «Момусе». Кто же такой — Фарсин, оказавшийся счастливым соперником Пушкина? К сожалению, мы не можем ответить на этот вопрос. В письмах Пушкина найдутся некоторые намеки, которые можно связать с «Двумя разговорами об одном предмете».

В мае 1831 года Пушкин с молодой женой выехал из Москвы в Царское Село, а в декабре этого же года он один приехал в Москву. 10 декабря Пушкин рассказывал в письме к жене, как он провел предыдущий день: «Вечер провел дома, где нашел студента-дурака, твоего обожателя. Он поднес мне роман «Теодор и Розалия», в котором он описывает нашу историю. Умора! Все это, однако ж, не слишком забавно, и меня тянет в Петербург. Не люблю я твоей Москвы». Пушкину, очевидно, было неприятно вспоминать о студенте-обо-

¹ «Русск. Арх.», 1902 г., кн. I, стр. 54.

² «Русск. Арх.» 1902 г., кн. I, стр. 56. На другого очевидно жизнь Пушкина в первые недели после свадьбы произвела несколько иное впечатление. Вот что писал 16 марта 1831 года, по выезде из Москвы, Василий Иванович Туманский: «Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня со своею пригожею женою. Не воображайте, однако ж, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина беленькая, чистенькая девочка, с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна, а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду; что у нее нет ни опрятности, ни порядка — о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды». В. И. Туманский. «Стихотворения и письма», под ред. С. Н. Браиловского, СПб. 1912, стр. 310 — 311.

жатеде. ¹ Такой роман нашелся. Полное его заглавие — «Неведомые Теодор и Розалия, или высочайшее наслаждение в браке. Нравоучительный роман, взятый из истинного происшествия». (М. 1832. Ценз. разр. 23 окт. 1831 г.). Сочинителем его оказался Федор Фоминский. Кто такой Фоминский, установить не удалось, но роман не единственное его произведение, и он больше поэт, чем прозаик. Он печатал статьи в «Дамском журнале» князя Шаликова и выпустил даже целый сборник: «Новая Аглая или юные чувства души и сердца». (М. 1831. Ценз. разр. 23 сент. 1831 года.) Поэт он никакой, его образец — сентиментальнейший Шаликов. Книжка стихов посвящена О. Л. Турчаниновой и Александре Николаевне Неведомой. Последняя и является предметом обожания.

Фантазия своей мечтой
Всечасно сердцу создала
Небесной милой образ твой,
Которые душа жаждала.
Ее в природе я искал,
Но покушенья зрел напрасным:
Лишь мысленно я к ней пылал,
Лишь сердце в тайне было страстным
Напрасно зрел я красоты,
Все сердце мрачным пребывало:
Но вдруг глазам явилась ты,
И сердце вдруг грустить престало!

А вот и «портрет красавицы», посвященный [«Неведомой»]:

Розы на щеке прелестной
Полной красою цветут,
Очи лазури небесной
Пламень любви лют;
Зыблюща грудь белоснежна,
Всех вмещение зараз,
Ангельски чувства и глас:
Вот твой портрет, любезна.

Книжка стихов свидетельствует о домогательствах, пока не получивших удовлетворения, а роман рисует венец сбывшихся надежд и необычайно счастливую жизнь в браке Неведомых Теодора и Розалии. Цель романа простодушно указана в предисловии автора.

«Приходите ко мне, благословенные мужья и жены, обретающие высокое наслаждение в браке! Да сопроводят меня опыты ваши по всем тем восхитительным зрелищам, кои я здесь для вас описать хочу. Вы увидите здесь упоенными

---

¹ Я не мог разыскать этого романа и только после появления моей статьи Ф. А. Витбергу удалось установить автора и найти роман. См. его статью «Предполагаемый литературный источник для биографии А. С. Пушкина» в «Пушкин и его современники» вып. II, стр. 50—64. Были и отдельные оттиски.

нектарною сладостью любящихся, если я точно то изображу, и тем умножите и усовершенствуете утехи ваши.

Я не намерен здесь (как иной мог бы подумать) распалать страстей; нет, сей призрак не есть души моей кумир. Любезные читатели, милые читательницы, дождитесь только до конца с терпением — и тогда увидите изящество и пользу сего начертания. Я буду восхищаться и в полной мере вознагражден буду за свой труд, если удастся мне иную мечтательную девицу, любви достойную, решившуюся по каким-нибудь побуждениям остаться на всегда в одиночестве, покорить ее приятной власти брака; или иного состаревающегося холостяка склонить от его затей».

Роман состоит из четырех глав — первая в форме письма Теодора к Карлу — описание бала и встреча невесты; вторая — брак; третья — утехи отца и матери; величайшее удовольствие в браке; четвертая — жизнь холостого — письмо Карла к Теодору. Роман — на редкость пресное воспевание прелестей брачной жизни, безупречной и безукоризненной. Если, описывая безбрежно счастливую жизнь Теодора и Розалии, Фоминский думал, что он изображает нечто похожее на брак Пушкиных и этим изображением он угодит Пушкину, то можно представить возмущение Пушкина: и автор дураком оказался, и роман — уморным. Никаких иных точек соприкосновения с действительностью в романе Фоминского нет. Впрочем, может быть в романе Фоминского все начало от свадьбы, зрителем которой был Теодор: «С приезда моего — так начинается роман — в здешнюю столицу М. я никогда еще не бывал на свадьбах; надежда увидеть там что-либо необыкновенное, заставила меня с удовольствием согласиться на приглашение Г. К., который отдавал дочь свою в замужество. Бьет 8 пополудни и я прямо отправляюсь в церковь В..., где должно было происходить бракосочетание. Яркий свет пылал, проникая сквозь стекла, и отражался на бесчисленном множестве блестящих экипажей; народ на паперти столь сильно толпился, что мне стоило не малого труда пробраться в церковь; вхожу и — изумляюсь от стечения множества моих знакомых. Под конец священного обряда один из зрителей, более мне знакомый, упросил меня отправиться вместе с ним в дом невесты, дабы выгоднее видеть церемонию, происходящую в сем случае. Мы почти первые приехали, где уже отец и мать ожидали новобрачных. Я не успел еще взойти в залу, как вдруг раздался сильный стук карет; хозяин стал о дверях для принятия новобрачных и гостей, а я с прочими здесь присутствующими отошел немного в сторону и любовался сею приятною церемониею до конца оной. Гости все уселись по местам, музыка загремела, величественный полонез зашумел и — все в движении. Польский утих; начались другие танцы». Но не был ли сам студент Фоминский свидетелем бракосочетания Пушкина в церкви Вознесенья? Тогда

только в этом описании и надо искать отражения действительности. Не лишнее упомянуть, что в романе есть и прямое обращение к Пушкину в следующей тираде: «Бесподобный автор Онегина! Ты превосходно изобразил Истомину, но живописующая кисть твоя должна упасть к ногам моей богини! Едва танцующие успели обойти первый круг, как Р..., бросив на меня взор, сделала такую улыбку, что я затрепетал от удовольствия; за сей последовала другая, и я чуть, чуть не закричал: умру от восхищения! Не вообразимы восторг, когда она, приближаясь ко мне, танцуя поднесла милые пальчики к ангельским устам своим, напечатлевшим на оных поделуи и послала ко мне, боже милосердный! Только теперь я чувствую какое неизреченное блаженство ожидает в будущей жизни! Какой смертный мог сравниться со мною, в благополучии? Нет! Молодой автор не с таким удовольствием видит еще в первый раз отпечатанным свое произведение».

В числе обожателей Натальи Николаевны был некий Давыдов; в письмах из Москвы к жене Пушкин не раз упоминает о нем. 16 декабря 1831 года он пишет жене: [Видел] я «твоего Давыдова — не женатого (утешься)». Любопытные сведения находим в письме Пушкина к жене от 25 сентября 1832 года: «Твой Давыдов, говорят, женится на дурнушке. Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю. В 1831 году, февраля 18, была свадьба на Никитской, в приходе Вознесения [Пушкин говорит о своей свадьбе]. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть и пр. пр. Княжны Вяземские слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов. А я так думаю, Петушков или Буянов, или паче Сорохтин. Ты как? не правда ли, интересный анекдот?» В письме от 27 сентября Пушкин опять вспоминает Давыдова: «Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник».

Мы не знаем, о каком Давыдове идет речь. Но на том найденном в бумагах Щербакова подписном листе на журналы, о котором мы говорили в начале статьи, среди подписей участников предприятия находятся подписи В. Давыдова и Сорохтина. Как раз эти имена мы встречаем в письме Пушкина. Является предположение, что ухаживатели и обожатели Гончаровой были как раз из кружка Щербакова. ¹

---

¹ И Б. Л. Модзалевский не установил этого Давыдова: «Какого Д. имеет в виду Пушкин, неизвестно... Несомненно одно — что это был какой-нибудь молодой богатый москвич, не из семьи Давыдовых, родственников Раевским или поэту партизану Денису Давыдову». — Письма Пушкина. Ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 481.

Ш

ПУШКИНСКИЕ ТЕКСТЫ

В настоящей статье собраны напечатанные мной впервые на страницах разных изданий стихотворные наброски Пушкина. Из моих публикаций я заключил сюда только те, которые могут иметь по тем или иным соображениям значение и в настоящее время. Затем мне казалось, что современному читателю интересно будет заглянуть в текстологические дебри, в которых бродят пушкинисты—издатели текстов.

Наброски под №№ 1—4 опубликованы мной впервые в газете «Русское Слово», 6 августа 1911 года, № 181; № 5—в журнале «Вестник Литературы», 1922 года, № 2—3. Тексты вновь сверены по рукописям и комментарии просмотрены и дополнены. № 7—эпиграмма на Б. М. Федорова — появляется впервые.

Со смерти Пушкина прошло девяносто три года, а мы до сих пор не имеем законченного издания сочинений нашего первого поэта, — издания, которое удовлетворяло бы требованиям научным и представляло бы действительно полное собрание его сочинений.

Не изучены до сих пор в полном объеме известные нам рукописи поэта, не исчерпаны до конца черновики появившихся в печати произведений, таящие немало новых стихов. А, ведь, каждый стих Пушкина, — даже одинокий, не связанный с другими, — необычайно значителен и ценен, ибо он написан Пушкиным. Не надо говорить уже о том, что и изучение вариантов и разночтений в рукописях Пушкина имеет особое значение для уяснения смысла и процесса художественного творчества.

Но в неизвестности остаются не только варианты и разночтения к напечатанным уже произведениям поэта, но и целые стихотворения, и отдельные наброски, свидетельствующие об особых, неведомых для нас замыслах Пушкина.

Не мало поэтических и прозаических текстов Пушкина, не бывших в печати, находилось в собрании А. Ф. Онегина. Это собрание в 1909 году было приобретено Академией Наук и только

в 1922 году было, наконец, издано трудами Пушкинского Дома. Но до сих пор остается неизданной в полном виде так называемая Майковская коллекция. Происхождение ее таково. Редактируя сочинения Пушкина, П. В. Анненков получил от вдовы Пушкина, Н. Н. Ланской в пользование рукописи поэта. Надо сказать попросту, что ни один из редакторов, которым предоставлялись для издания пушкинские автографы, не мог, буквально не имел силы оторваться от бесценных рукописей, и, возвращая их, оставляя частицу в своем владении, присваивал. Особенно много рукописей присвоил Анненков; не мало П. И. Бартенев. Анненковские «приобретения» тоже разошлись по рукам, попали, между прочим, и академику Л. Н. Майкову. Майков, редактируя академическое издание, также усвоил себе часть рукописей и стал считать их своей собственностью в такой мере, что счел возможным частицу уделить великому князю Константину Константиновичу, а последний на правах владельца преподнес несколько автографов своему родственнику Николаю II. После смерти Майкова, вдова его пожертвовала усвоенные Майковым рукописи Пушкина в Академию Наук с весьма курьезным условием: рукописи должны были быть закрыты для общего пользования и могли увидеть свет только на страницах академического издания сочинений Пушкина. Академия Наук долго охраняла нелепую и лишнюю всяких оснований волю жертвователя, и только после революции запрет был снят для исследователей, но и по сие время полностью майковское собрание не издано. А академическое издание сочинений Пушкина, задуманное Академией в 1887 г., остановилось на четырех томах поэзии, томе «Истории Пугачевского бунта» и томе критической прозы.

Но не только в таких недоступных собраниях, какими являлись онегинская и майковская коллекции, находятся не бывшие в печати новые стихи и новые наброски. Как это ни удивительно, но не издававшие печати, не известные и неразобранные исследователями наброски и стихотворения можно находить и открывать в богатейшем собрании рукописей Пушкина, хранящихся в б. Румянцовском музее (ныне Всесоюзная Библиотека им. В. И. Ленина). В 1881 году эти рукописи были пожертвованы в общее пользование.

Сын Пушкина, Александр Александрович, поручил передачу рукописей отца в Румянцовский Музей П. И. Бартеневу. Он передал их, но к рукам его прилипло не мало автографов. Положение было такое, что ему пришлось «умалчивать» о факте нахождения у него пушкинских рукописей. В силу доверия, в которое вошел у Бартенева В. Я. Брюсов, последний также стал обладателем кое-каких автографов.

В 1884 году в «Русской Старине» появилось подробное описание пушкинских рукописей, поступивших в Румянцовский Музей, составленное В. Е. Якушкиным и являющееся одной

из капитальных работ в области пушкинского текста. С тех пор не было ни одного серьезного редактора сочинений Пушкина, который бы не прибегал к пушкинским материалам Румянцовского музея: и П. А. Ефремов, и П. О. Морозов, и Л. Н. Майков, и С. А. Венгеров изучали для своих изданий эти рукописи. И все же изучение этих специалистов и знатоков не оказалось исчерпывающим: от их взоров ускользнули не только многочисленные варианты и самостоятельные наброски, но и целые стихотворения. Объясняется это обстоятельство тем, что все названные издатели не изучали рукописного текста от строки к строке, от страницы к странице, а обращались к рукописному тексту всякий раз *ad hoc*—для того или иного произведения поэта—пользуясь описанием В. Е. Якушкина. Но конечно труд В. Е. Якушкина, весьма замечательный и ценный, и до сих пор ничем не замененный, не мог быть свободен от недостатков и пропусков; немудрено, конечно, что первый исследователь и описатель пушкинских черновых тетрадей, который должен был прочитывать и пробегать сотни страниц исчерканных и трудно читаемых черновых тетрадей поэта, мог пропустить в описании страницы и листы, мог не разглядеть на странице с перечерканным черновиком известного стихотворения набросков и стихов, имеющих самостоятельное значение. Но пропуски В. Е. Якушкина уводили эти новые стихи с поля зрения остальных исследователей, опиравшихся в своей работе на сделанное им описание. Для того чтобы восстановить эти пропуски и спасти от неизвестности новые стихи, необходимо пристальное и последовательное изучение тетрадей Пушкина, слово за словом. Такое изучение действительно может повести к открытиям в области пушкинского текста.

В 1911 году при систематическом изучении трех тетрадей Пушкина из числа хранящихся в Румянцовском Музее (№№ 2364, 2370 и 2371) мне посчастливилось открыть несколько новых поэтических набросков Пушкина. Эти «новые стихотворения А. С. Пушкина» были напечатаны мной в «Русском Слове» 6 августа 1911, № 181, а в приложении к этой газете—«Искрах» (1911 № 30) были даны факсимиле.

Самое любопытное открытие было сделано мной в черновой тетради поэта, хранящейся в Румянцовском музее под № 2371. В. Е. Якушкин, описывая по листам эту тетрадь, упустил из внимания 71-й лист и не упомянул о нем в своем описании («Русская Старина» 1884 г., июль, стр. 48). И вот эта страница пропала для исследователей и издателей; все они пользовались этой тетрадью по разным поводам, и никто до сих пор не доглядел этого 71-го листа, а на нем помещено довольно большое стихотворение Пушкина, весьма любопытное и богатое прекрасными стихами. Но и в других тетрадях нашлось немало пропущенных исследователями стихов. Особенно инте-

ресной оказалась в этом отношении тетрадь за № 2370: из нее я сообщил три самостоятельных наброска. Наконец, несколько новых стихов я воспроизвел и из тетради № 2369.

Печатая в «Русском Слове» открытые мной стихи Пушкина, я желал обратить на них внимание специалистов и привлечь их ко всестороннему обследованию и изучению новых набросков. Мои ожидания не оправдались и специальных изучений эти наброски не вызвали. Из двух изданий сочинений Пушкина, вышедших до революции, которые могли ввести в текст открытые мной наброски, воспользовалось ими только одно—академическое. Редактор академического издания, руководствуясь хронологическими соображениями, включил в Собрание пока три из пяти набросков—из тетради № 2370:—«Заступники кнута и плети» (т. IV, стр. 295), «Тебя зову! Морей красавец» (т. III, стр. 482) и «Тебя любить! Холодную луну» (т. III, стр. 487). Два отрывка пока не дождались включения в академическое издание. Нельзя не подивиться тому, что ни один из открытых мной отрывков не удостоился воспроизведения на страницах полного собрания сочинений Пушкина, выпущенного изд-вом Брокгауз-Ефрон под редакцией С. А. Венгерова. В VI томе этого издания есть специальная статья Н. О. Лернера «Новые приобретения пушкинского текста». Автор этой статьи тщательно воспроизводит в своей статье даже мнимо пушкинские произведения, но не дает места таким подлинным стихам, как открытые мной.¹

Только В. Я. Брюсов включил все опубликованные мной отрывки в вышедший под его редакцией первый том сочинений Пушкина, выпущенный Госиздатом в 1920 году. Но и после этого издания самый большой и значительный текст остается почти неизвестным широким читательским кругам. Я говорю о наброске «В прохладе сладостных фонтанов».

I

Это стихотворение занимает весь забытый в описании В. Е. Якушкина 71-й лист тетради за № 2371. На предшествующих листах находится черновик «Посвящения» к «Полтаве», который воспроизведен в моих «Разысканиях» (см. выше стр. 249), а на оборотной стороне листа 70-го, т. е. как раз против неизвестного стихотворения, находится выпись английских стихов из «Мазепы» Байрона. Вслед же за стихотворением с оборота 71-го листа продолжают наброски к последним

---

¹ К величайшему моему изумлению, моя публикация вызвала даже нападки на меня со стороны неизвестного пушкиниста, обозначившего себя инициалами «Л» в «Русском Библиофиле» (1911 г., сентябрь, № 5, стр. 95). Этот «Л» дошел до такого цинизма, что высказал мнение о справедливой необходимости игнорирования неизвестных стихов Пушкина. Пристрастную необоснованность этих нападок отметил В. Я. Брюсов в «Русской Мысли» 1912, кн. III в его «Новости пушкинской литературы».

~~Handwritten scribble~~

~~Handwritten text at the top of the page, including the word "Handwritten" and other illegible characters.~~

~~Handwritten text in the upper middle section, including the word "Handwritten" and other illegible characters.~~

~~Handwritten text in the middle section, including the word "Handwritten" and other illegible characters.~~

71

~~Handwritten text in the middle section, including the word "Handwritten" and other illegible characters.~~

~~Handwritten text in the middle section, including the word "Handwritten" and other illegible characters.~~

~~Handwritten text in the lower middle section, including the word "Handwritten" and other illegible characters.~~

~~Handwritten scribble~~

~~Handwritten text at the bottom of the page, including the word "Handwritten" and other illegible characters.~~

строфам седьмой главы «Онегина», прерванные на оборотной стороне листа 69-го. И «Полтава», и конец седьмой главы писались в 1828 году; если бы Пушкин пользовался своими тетрадами в хронологическом порядке, то и неизвестное стихотворение можно было бы отнести к этому же году, но вполне достоверным такое приурочение не может быть.

Стихотворение окончательно не отделано, но если для нас исчезли некоторые слова и стихи, все же можно говорить о целом характере стихотворения. Текст поддается разбору с величайшим трудом, и читателю самому представляется возможность по факсимиле поработать над разбором рукописи с установкой текста. Кроме меня, кажется, только В. Я. Брюсов изучал подлинный автограф. Прочитанный им текст напечатан, чтение Брюсова кажется мне не совсем правильным так же, как и мое собственное чтение в 1911 году. После нового обращения к факсимиле, считаю приемлемым такое чтение.

1. Въ прохладѣ сладостной фонтановъ
И стѣнь обрызганныхъ кругомъ
Поэтъ бывало тѣшилъ хановъ
Стиховъ гремучимъ жемчугомъ, —
5. На пирѣ празднаго веселья
Низалъ онъ хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой —
9. Любили Крымъ птенцы Саади
Порой восточный краснобай
Здѣсь развивалъ свои тетради
И удивлялъ Бахчисарай
13. Его рассказы разстилались
Какъ эриванскіе ковры
И ими ярко украшались
Гиреевъ ханскіе пиры
17. Но ни одинъ волшебникъ милой
Владѣтель умственныхъ даровъ
Не вымышлялъ съ такою силой
Такъ хитро сказокъ и стиховъ
21. Какъ прозорливый и крылатый
Поэтъ той чудной стороны —
Гдѣ мужи грозны и косматы
А жены гуріямъ равны.

Необходимы некоторые пояснения к этому тексту.

Стихи 2—4, 7, 8, 10, 14, 17, 19—20, 22—24 не допускают иного чтения.

Стих 1. Пушкин написал сначала «в прохладе», зачеркнул и заменил словами «при шуме»; эти слова он тоже зачеркнул, но потом восстановил, подчеркнув их, а затем написал рядом новую их редакцию, оставшуюся незачеркнутой и плохо разбираемую. Кажется, можно читать опять «в прохладе». Никак не

могу считать правильным чтение М. А. Цявловского в новейшем издании сочинений Пушкина.¹ Читая «при шуме», он вынужден поставить совершенно отсутствующее в рукописи слово «меж». А зачем это?

Стих 5. «На пире легкого» зачеркнуто, но затем слова «на пире» восстановлены, а вместо «легкого» написан новый эпитет, не поддающийся разбору. Следует читать «праздного». Не вижу никаких оснований для искусственного чтения М. А. Цявловского «на нити праздного веселья». На нити веселья никакое ожерелье не вяжется.

Стих 6. Конед стиха, написанный явственно, решительно не разбираем: несмотря на все усилия, я не мог прочесть этих слов или этого слова, рифмующегося со «златой». Предлагаемое чтение «хитрою рукой» подсказывается не столько внешним видом этих слов, сколько смыслом и присутствием подходящих к нему слов в зачеркнутых вариантах. В. Я. Брюсов оставляет в своей транскрипции мое чтение.

Стих 9. Все слова в рукописи имеются, но не зачеркнуты только два слова «Крым» и «Саади». В. Я. Брюсов читает «Недаром Крым любил Саади», но слово «недаром» никак не вычитать в автографе, нет ничего даже подходящего. М. А. Цявловский считает возможным обойтись такой транскрипцией этого стиха «Крым любил» [Саади]. Это мало утешительная транскрипция сообщает новый биографический факт о Саади—посещение им Крыма.

Стих 11. «Свои»—в рукописи зачеркнуто.

Стих 12. Чтение «Бахчисарай» единственно возможное, но в рукописи второй половиной этого слова разобрать нельзя.

Стихи 13—18 потребовали от Пушкина продолжительной работы целого ряда зачеркиваний; не удовлетворившись частичными поправками, Пушкин зачеркивает все, относящиеся к этим стихам.

Стихи 13—14 прочитаны приблизительно. Повидимому, сначала было написано: «Его рассказам»; затем конец второго слова зачеркнут и вверху поставлено «ы».

Стих 14. Первоначально: «как царградские», затем: «как наши пестрые».

Стих 15. Пробел, оставленный в стихе, Пушкин заполнил над строкой двумя вариантами, но потом зачеркнул их. Ни зачеркнутые варианты, ни оставшееся незачеркнутым слово над ними не могли быть разобраны. Не зачеркнуто «ярко».

Стих 16. «Ханские» зачеркнуто и заменено «тихие», но и это чтение два раза зачеркнуто.

Стих 17. Вместо «волшебник» первоначально было «обманщик», «рассказчик». «Милой»—зачеркнуто.

¹ Изд. Госиздата при «Красной Ниве», 1930, кн. 3, стр. 175-176,

Стих 18. Первоначально «Небесных сеятель даров». Мое чтение оправдывается рукописью, но Брюсовское «Беспечной сеятель даров» оправдания не находит. Ничего похожего на «беспечной» нет.

Стих 21. Я беру чтение Брюсова, но совсем не уверен в его правильности. Стих складывался так: «Как ты сын

богатый». «Сын» зачеркнуто два раза; за «сын» следовало в первом случае первая буква какого-то слова, во втором две буквы, в роде «та»: все зачеркнуто. За зачеркнутым «богатый» написано и зачеркнуто «крылатый». Слово «прозорливый» вычитано Брюсовым строчкой выше и соединено с «крылатый» произвольно.

Стих 22. Брюсов читает «девы», но первоначально было «жены», потом зачеркнуто и заменено «девы» и, наконец, «девы» зачеркнуто и опять «жены».

Публикуя впервые это стихотворение в 1911 году, я писал: это стихотворение, конечно, вызовет со стороны исследователей целый ряд попыток выяснить его происхождение, объяснить его смысл и связи с другими произведениями Пушкина. Можно было бы высказать предположение, что оно написано не в 1828 году как это кажется по положению его в тетради, а в 1829 году и имеет отношение к совершенному Пушкиным в этом году путешествию на Кавказ. Но такое предположение все же мало разъясняет дело.

Прошло 17 лет со времени первой публикации, и ни один пушкинист не обмолвился ни одним словом по поводу этого стихотворения, в основе которого лежит обращение к реальному лицу, поэту той страны, «где мужи грозны и косматы, девы гуриям равны».

II

На листах 59 об. — 64, тетради № 2370 находятся сильно исчерканные черновые наброски к «Андрею Шенью в темнице». Стихотворение это написано в начале 1825 года. До сих пор недостаточно оценено все значение его для истории развития политического миросозерцания поэта. Образ Шенью был близок душе Пушкина: личная история французского поэта сливалась в воображении поэта с его собственной историей. В стихотворение Пушкин вложил свои сокровенные мысли и свои переживания. Не только о Шенью хотел говорить Пушкин, но и о современных ему. Недаром Пушкин в июле 1825 года спрашивал в письме у князя П. А. Вяземского: «Читал ты моего А. Шенью в темнице? Суди о нем как езуит — по намерению».

Черновики этой пьесы совершенно не привлекли внимания исследователей, а поэтому от них ускользнули и находящиеся среди них стихи, не относящиеся к «Андрею Шенью».

На листе 62 об. и 63 идут наброски той части стихотворения, которая читается в печатной редакции так.

В предсмертном монологе у Пушкина Шенье обращается к самому себе:

Ты, слово, звук пустой...

О, нет!

Умолкни, ропот малодушный!

Гордись и радуйся, поэт:

Ты не поник главой послушной

Перед позором наших лет,

Ты презрел мощного злодея,

Твой светоч, грозно пламенел,

Жестоким блеском озари

Совет правителей бесславных.

Твой бич достигнул их, казнил

Сих палачей самодержавных;

Твой стих свистал по их главам;

Ты звал на них, ты славил Немезиду;

Ты пел Маратовым жрецам

Кинжал и деву — Эвмениду!

Когда святой старик от плахи отрывал

Венчанную главу рукой одепенелой, —

Ты смело им обоим руку дал,

И перед вами трепетал

Ареопаг остервенелый.

Гордись, гордись, певед. А ты, свирепый зверь,

Моей главой играй теперь:

Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!

Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный

И час придет... И он уж недалек:

Падешь, тиран!

Не передавая черновой, не можем все-таки, не отметить следующих выразительных, зачеркнутых в черновике определений:

Тебя губитель роковой

Тебя пигмей самодержавный

Завистник гения.

Вслед за этими стихами тем же приемом пера, теми же чернилами набросаны стихи, которые нельзя считать вариантом к «Андрею Шенье»: они лишь выросли из настроения, владевшего поэтом во время работы над этим стихотворением и ярко очерченного в приведенной цитате. В «Андрее Шенье» он говорил иносказательно о себе и своем времени; но здесь, на самом конце листа, поэт отбросил иносказания и дал волю негодованию, душившему его. Перед ним была уж не французская обстановка, а русская действительность.

Эти новые для нас стихи важны, как свидетельство о существовании особого творческого замысла, нам неизвестного. Целного стихотворения не получилось, но и отдельные стихи

замечательны по необычайной силе выражения и глубине сатирической проны. Сатирический бич, поистине, настигает современников поэта.

Но восстановить стихи в полном объеме нет возможности: слишком много зачеркнутого и слишком много незачеркнутого, писанного пушкинской скорописью. Вот что можно разобрать:

1. Заступники кнута и плети.
.....
2. За васъ молитъ я Бога буду
3. И никогда не позабуду,
4. Когда дѣлу позовуть.
5. За ваше здравіе и славу
6. Влетитъ мой первый кнутъ

В стихе 4-м оставленный в строке пробел заполнен сверху строки словами, неразбираемыми.

Под зачеркнутыми словами разбирается и первоначальная редакция. Привожу и ее. По поводу этого текста необходимо сказать, что в предпоследнем стихе первоначально было «о вашем»; затем выправлено «за ваше». Слово «кривлянье» прочитано приблизительно.

Заступники кнута и плети
О благодѣтели мои
    жена моя и дѣти
Вамъ благодарны
Не позабудемъ никогда
За ваше свѣтское кривлянье
Ударъ послѣдняго кнута.

Даже при поверхностном ознакомлении с рукописью (см. факсимиле) ясно, что больше ничего не выжмешь из этого черновика. Самостоятельного стихотворения из него не сделаешь. Но поучительна судьба транскрипции этого наброска. П. О. Морозов ввел черновик в примечания под 1825 годом в следующей транскрипции:

Заступники кнута и плети
(Щастливый)
(О благодетели мои)
    (Семья и) (жена моя и)
(за) Все наши женщ и дети
(Вам благодарны) навсегда
(Благодарят) вас
Не позабудем никогда
(За) (О вашем светлом нрзб.)
(Вам заключенные)
Удар последнего кнута

Рядом с приведенными стихами в виде второго столбца, написано еще:

As acceptationis
L'apostolice...
Nomen...
Hic...
Hic...

Et...
C...
K...
K...

Hic...
K...
K...
K...
K...

B...
B...
B...

Hic...
Hic...
Hic...
Hic...

Vertical text on the right side of the page.

Vertical text on the right side of the page.

Vertical text on the far right side of the page.

За вас молить я бога буду
 (О) И¹ никогда¹ не позабуду
           ак   расправы
 К (огда) (для) делу позовут
 Меня на   расправу
 За ваше¹ здравие¹ и¹ славу
 (Взлетит) (первый кнут)
                           мой первый

Можно спорить, правильно ли прочитаны отдельные слова, но должно признать, что Морозов отнесся к делу добросовестно и беспристрастно. Но вот Брюсова тенденциозное стремление революционизировать Пушкина завело очень далеко. Брюсов предлагает следующее чтение:

Заступники кнута и плети
 О благодетели мои!
 Все наши женщины и дети
 (Семья, жена моя и дети)
 Вам благодарны навсегда
 Благодарить вас . . . . .
 Не позабудем никогда
 . . . . .
 За вас молить я бога буду
 И никогда не позабуду,
 Когда для дела позовут
 Меня на дарскую расправу.
 За ваше здравие и славу
 Взлетит дарю мой первый кнут!

Категорически можно утверждать, что царь тут не причем: ни слова «дарскую», ни слова «царю» в рукописи нет. Предлагаем читателю проверить это утверждение по воспроизведению.

III

Описывая оборот 7-го листа в тетради № 2370, В. Е. Якушкин перечисляет содержание листа так: «XXXII строфа третьей главы «Онегина»; между прочим, есть стих: «Татьяна, сидя на постели». Потом неразборчивая черновая какого-то стихотворения: обращение к морю и к ветрам по поводу ее отъезда. Еще рисунки лица». («Русск. Стар.» 1884 г., июль, стр. 3-я).

На эту неразборчивую черновую, вслед за В. Е. Якушкиным, не обратили внимания и остальные исследователи, а она весьма любопытна, ибо во-первых, мы имеем тут дело не с вариантами к известным пьесам, а с самостоятельным замыслом, а во-вторых этот неотделанный набросок имеет несомненно биографическое значение и связан с неизвестными нам действительными обстоятельствами в жизни поэта.

Уезжает морем кто-то дорогой поэту, уезжает «она». Нежными стихами поэт призывает благословение на ее путешествие.

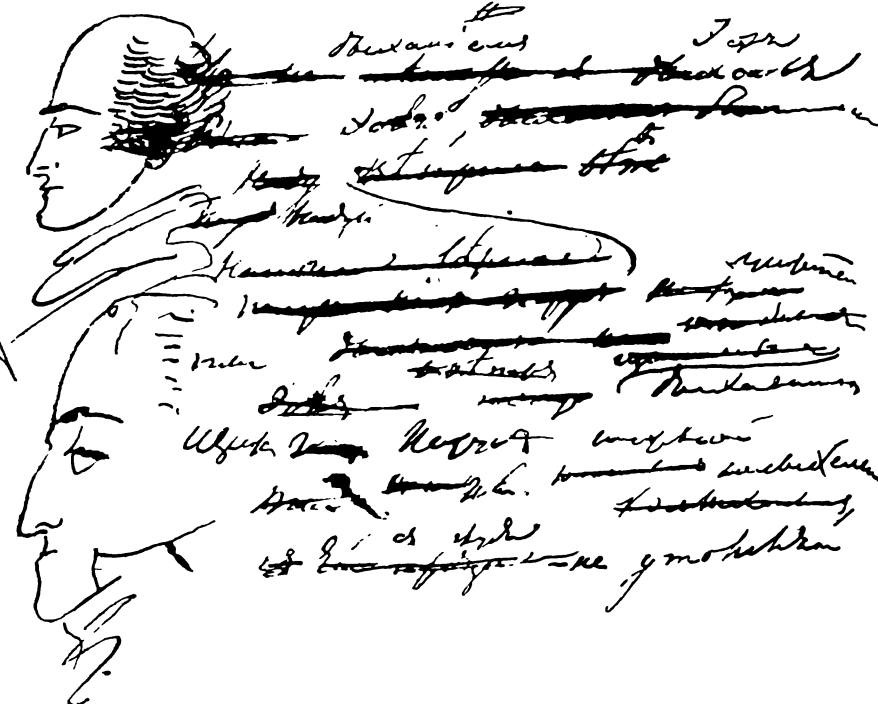
¹ Зачеркнуто и восстановлено.

~~Handwritten text at the top of the page, partially obscured by a horizontal line.~~

Handwritten text in the upper right section, including the word "Медведев" and other illegible words.

Handwritten text in the middle right section, including the word "Медведев" and other illegible words.

Надо добавить, что, если судить по чернилам и почерку, стихи эти, написанные на нижней половине страницы, появились тут в одно приблизительно время со стихами из «Евгения Онегина», занимающими тут верх страницы, т. е. в 1824 году.

Морей (красавецъ)
Тебя зову — плыви плыви
И сохрани залогъ бездѣльный
Мольбамъ, надеждамъ и любви

5. Ты вѣтръ ускореннымъ дыханьемъ
Щастливый парусъ напрягай,
Но колыханьемъ
Ея груди не утомляй

Перед первым стихом находится незачеркнутое и подчеркнутое слово (а, может быть, и два), которое, повидимому, является заглавием; к сожалению, разобрать его не было возможности.

Стих 1. Слово «красавец» зачеркнуто, но заменяющее его и незачеркнутое слово не поддается разбору. Морозов и Брюсов слово над первым стихом прочли, как «наперник», а неразобранное мной слово в первом стихе «окрыленный». Получился складный стих.

Морей наперник окрыленный

Но для меня такое чтение остается сомнительным: уже наперник никак не прочесть.

Стих 5 первоначально имел такую редакцию:

Да не теснит ее дыханья.

Этот стих зачеркнут и над ним читается:

Дыханьем   Эол

А стих 6 строился первоначально так:

Эол дыханьемъ благостнымъ
Надуй
Наполни верное ветрило

Остались незачеркнутыми в этой редакции только слова дыханьем, Эол, надуй.

В стихе 5 один из зачеркнутых эпитетов к слову дыханьем — «западным».

Стих 7. Слово, определяющее «колыханьем», зачеркнуто и разбору не поддается. Никак нельзя согласиться с Брюсовым, читающим «нечестивым».

IV

В той же тетради № 2370, на обороте листа 68-го, находится, по словам описания В. Е. Якушкина («Русск. Стар.»),

1884, июль, стр. 33) «вся исчерканная черновая какого-то стихотворения о луне и заре». Этой черновой тоже никто не пытался разбирать и вводить в текст сочинений Пушкина. Тема наброска: аналогия двух моментов — встречи луны с зарей и встречи мужчины с женщиной. Изображение встречи луны с зарей потребовало от Пушкина большого напряжения, как об этом можно судить по виду рукописи. Особенно не давался поэту приступ; несколько раз он начинает и зачеркивает.

Я привожу не все, а только некоторые из зачеркнутых чтений исключительно в целях уяснения смысла всего наброска.

Тебя любить!
Холодную луну
Видали ль вы
На небѣ ясномъ
Предъ утромъ

Когда по утра
Видали вы закатъ луны
Намъ небесахъ печальная луна
Встрѣчается съ веселою зарею
Одна горить, другая холодна

Повидимому, должны были, в конце-концов, остаться стихи:

На небесахъ печальная луна
Встрѣчается съ веселою (зарею).

А затем Пушкин набрасывает и зачеркивает

Заря горить, луна блѣдна

Незачеркнутыми остаются стихи:

Одна горить, другая холодна.
Заря блеститъ [?] невѣстой молодой
Луна грядетъ [?] какъ мертвая, блѣдна
Такъ встрѣтился, Эльвина, я съ тобой

В последнем стихе слово «Эльвина» читается только по догадке. Кажется, что во 2-м стихе нужно читать именно «блестит», а в 3-м — «грядет». Впрочем, настаивать на этих чтениях не следует.

Предположительное цельное чтение:

На небесахъ печальная луна
Встречается с веселою зарею
Одна горит, другая холодна
Заря блестит невестой молодой
Луна грядет, как мертвая, бледна
Так встретился, Эльвина, я с тобою.

Брюсов принимает такое же чтение.

V

Во вступлении к «Медному Всаднику» Пушкин перебирает все приманчивые особенности Петрограда, которые так любы

поэту: белые ночи, бег санок вдоль Невы широкой, парады на Марсовом поле, наконец, канонада с верхов Петропавловской крепости в ознаменование торжественных событий.

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная дарица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой спящий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

В окончательной редакции поэт опустил упоминание еще об одном примечательном и обычном петербургском событии, в его честь также раздавались пушечные выстрелы со стен крепости. В отлаженной редакции «Медного Всадника», сохранившейся в черновой пушкинской тетради № 2375 (б. Румянц. Музей), последние три стиха приведенного отрывка окончательной редакции читались первоначально так:

Или крестит средь Невских вод
Меньшого брата русский флот
Или Нева весну пирует
И к морю мчит разбитый лед.

Картина спуска корабля тронула поэтическое воображение Пушкина, и он пробовал ее разработать. В черновой пушкинской тетради № 2374 (б. Румянц. Музей) находятся среди других и черновые наброски к «Медному Всаднику», отразившие творческую работу поэта в ее первой, начальной стадии и далеко еще не изученные. Здесь на листах 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об., 10 читаются наброски к вступлению «Медного Всадника». В непосредственной связи с ними находятся на л. 10 и ускользавшие до сих пор от внимания исследователей стихи Пушкина, посвященные теме — спуску корабля. Вот их точная транскрипция. — Зачеркнутые поэтом слова поставлены в прямых скобках; точно под строкой поставлены им же и означают восстановление зачеркнутых слов

Чу пушки грянули — [привѣтствуетъ] кораблей
[крылатая станица]
[его привѣтствуетъ]
[Покрылась облакомъ] крылатая станица
[съ неразб.] корабль вбѣжалъ въ Неву Неразб.
[Корабль] [сбѣжалъ сбѣжалъ] корабль — средь зыбей
Качаясь, плаваетъ какъ птица —
=
ликуетъ русскій
[Его привѣтствуетъ] флотъ
[Такъ]

В собрании А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме имеется подметка почтовой бумаги большого формата, с водяными знаками:

[W]atman, у Mill, 24 (часть листка оборвана). На этом листке тема о спуске корабля получила дальнейшую обработку. Этот листок, как и все собрание Онегина, был недоступен исследователям. Вот как читается здесь интересующий нас отрывок

Чу пушки грянули! Крылатыхъ кораблей
[станция боевая].
 Покрылась облакомъ [крылатая] [станция]
 Корабль вбѣжалъ въ Неву — и вотъ среди зыбей
 Качаясь, плаваетъ какъ [лебедь молод]ая
 Ликуетъ русскій флотъ — широкую Неву
[нрзб.] [нрзб.]
[встревож... бур...] [нрзб.]
 Безъ вѣтра, въ ясный день глубоко взволновав. [нрзб.]
 Нрзборч. нрзб. нрзб. нрзб.

V

С давних времен находится в моем распоряжении переданный мне П. Я. Дашковым любопытный листок почтовой бумаги малого формата, с водяным знаком G. Jeelies — 1820, заполненный стихотворениями Боратынского и Пушкина. На первой странице — стихотворение Боратынского «Очарованье красоты» (А. А. Воейковой) — автограф самого поэта; на второй, третьей, четвертой рукой Льва Сергеевича Пушкина записано шесть эпиграмм Пушкина и одна — Боратынского. Тексты Боратынского были сообщены мною для издания сочинений Боратынского под редакцией М. Л. Гофмана; здесь и была напечатана впервые до тех пор неизданная эпиграмма:

Так, он ленивец, он негодник пустой,
 Он только что поэт, он человек
 А ты, ты ябедник, шпион, торгаш и сводник...
 О! человек ты¹

Пушкинские эпиграммы копировал Лев Сергеевич в следующем порядке:

1) «Жив, жив курилка» и пр. Текст этой эпиграммы сообщен Пушкиным в письме к брату от начала апреля 1825 г. В печати появляется впервые в статье Лонгинова в 1857 году. В конце есть разночтения, не заслуживающие внимания при наличии автографа Пушкина; известно, что Лев Сергеевич читал наизусть стихи и записывал их тоже, конечно, по памяти.

2) «Лечись—иль быть тебе Панглоссом». Текст сообщен Пушкиным в письме к кн. Вяземскому от конца декабря 1822 — начала января 1823 гг. Впервые появился в «Русском Архиве» в 1881 году. Есть два разночтения, не заслуживающие внимания по тем же вышеприведенным причинам.

¹ См. «Полн. собр. соч. Е. А. Боратынского. Под ред. и с примечанием М. Л. Гофмана» СПб. 1914—1915, т. I, стр. 85, 101, 264; т. II, стр. 278 (здесь неверно указание на то, что листок идет из бумаг М. Н. Лонгинова, хранящихся у меня: у меня никаких бумаг Лонгинова не хранилось).

Како браво мист неводто:
Во время каромая мач до жабн.
Уч маа в мрассеа, & бес
А ми десотрохитеря отховен'
Нужа.

Почахуи, Федорова, ко бут не
Нужа оден;
Жеучебникми! мича — убв нос-
итв не бугеа.
Нужа.

Мача, оуа ктнмвсез, оуа керодник,
Оуа жобтска. Ур носм, оуа реховтска,
Нужа.
А ми, ми & бедник, мича оуа,
Могачеа и сводник.
" реховтска ми, урховен'
Нужа.

3) «В Элизии Василий Тредьяковский» — напечатано впервые в альманахе «Подснежник» на 1829 год. Есть разночтения, которые приводим в виду отсутствия автографа.

- Ст. 4 Ему помочь усердно рад Поповский
5 Свои стихи Захаров обещал
7 в копии Л. С. Пушкина отсутствует
9 Благословен, свой преполезный труд

4) «У Клариссы денег мало». Напечатано в издании 1826 г.; есть одно ничтожное разночтение (вместо печатного иди рукописное иди ж).

5) «Как брань тебе не надоела». Напечатано в издании 1826 года; разночтений нет. Есть подпись «Пуш.».¹

6) За такой же подписью «Пуш» идет неизвестная, еще не бывшая в печати эпиграмма

Пожалуй, Федоровъ, ко мяѣ не приходи;
Не усыплай меня — иль послѣ не буди.

В виду авторитетности переписчика Л. С. Пушкина вряд ли приходится сомневаться в принадлежности Пушкину этой безделки.

Борис Михайлович Федоров — весьма посредственный литератор-поэт, прозаик и издатель. Сохранился его дневник за 1827—1828 гг., в котором отмечен целый ряд его встреч с Пушкиным.² К этому времени, очевидно, надо относить и эту эпиграмму.

---

¹ На 4-й страничке листка помещены две эпиграммы за подписью «Пуш» и одна за подписью «Барат».

² «Русский Библиофил» 1911 г. № 5, сентябрь, стр. 31 — 35.

1

Мы живем в пору оживления пушкинских изучений, мы близки к осуществлению удовлетворяющего требованиям научной критики издания Пушкина. Но установление и критическое изучение пушкинского текста выдвигает необходимость воспроизведения цинкографическим или фототипическим путем черновых тетрадей Пушкина. Я думаю, что до издания факсимиле пушкинских черновиков мы не будем иметь в руках ни абсолютно правильного текста, ни транскрипций, исчерпывающих содержание черновиков. Ведь только по рукописям или по их факсимиле мы можем проверять работу издателей, а восстановление всех строк и слов, написанных Пушкиным, не под силу одному исследователю, хотя бы и наметавшемуся в чтении пушкинских рукописей. Необходима совместная работа многих чтецов и разбираателей почерка Пушкина, сопровождающаяся взаимной проверкой.

Действительно, мы неоднократно можем видеть, как прочтенное в первый раз неправильно слово именно в силу этой первой неправильности передавалось в неизменной ошибочности от одного поколения специалистов к другому. Я могу привести два любопытнейших примера влияния первоначальной неправильности. Специалисты долго ломали голову (в последнее время Н. О. Лернер) над стихотворением «Зачем безвременную скуку...». Между прочим, указание на это загадочное стихотворение видели в сохранившемся в черновой тетради (№ 2365, л. 53) пушкинском списке пьес, написанных в 1821 г. Тут, по указанию В. Е. Якушкина («Русск. Стар.» 1883, апр., стр. 103), значится «Плещеву». Значит, или указанное мною стихотворение и есть послание к «Плещеву», или, в противном случае, существовало недошедшее до нас произведение, адресованное «Плещеву» или, правильное (с общего согласия исследователей), Плещеву. Но тут вышла смешная ошибка.

---

¹ Заметки I — III напечатаны впервые в издании «Пушкин и его современники», в. XIII, стр. 163 — 174.

ервая буква этой фамилии под пером Пушкина сначала пришла - было форму П, но он, тотчас перерезав ее горизонтальной черточкой, переделал ее на А и написал: «Алексёву». Послание же Алексеёву, как известно, печатается под 1821 годом.

Другой пример не менее интересен. Известны попытки специалистов примирить показания Пушкина о том, в какой день начат «Онегин». В составленном им хронологическом листке четко написано «9 мая 1823 года Кишинев», а в черновой рукописи, как раз перед популярным стихом «Мой дядя самых честных правил», находится помета, по обозначению исследователей: «9 июня 28 мая ночью». Выходит, следовательно, что роман начат 28 мая, а 9 июня, по мнению, например, П. О. Морозова, могло бы означать новый стиль. Но Пушкин не ошибся в своей хронологии, а ошиблись исследователи, прочитав 9 июня вместо, в сущности, довольно явственного 9 мая. В рукописи эти пометы расположены так:

9 мая.

28 мая ночью.

Первая помета есть главенствующая, и, конечно, бесспорно, роман начат 9 мая.

В этих двух случаях мы имели дело со словами, написанными без перечеркивания; гораздо хуже обстоит дело со словами, перечеркнутыми или даже весьма основательно зачеркнутыми. Но ведь исследователи не могут счесть свою задачу конченной до тех пор, пока не исчерпают всего содержания пушкинских черновиков. Тут опять нужны совокупные усилия многих занимающихся. Наконец, по отношению к пушкинским рукописям нужно сказать, что решительно не существует такого метода транскрипции, который упразднил бы необходимость обращения к рукописям. Самые совершенные транскрипции пушкинских черновиков были даны В. Е. Якушкиным в академическом издании сочинений Пушкина, но они не дают того представления о работе поэта, которое дает факсимиле. Справедливость моего мнения о транскрипции пушкинских черновиков разделяют, конечно, все видевшие и изучавшие пушкинские рукописи. Издание факсимиле, несомненно, мощно двинуло бы вперед критическую разработку черновых поэта. Понятно, для строгих исследователей и факсимиле не устранят подлинных рукописей, ибо, как бы ни было совершенно воспроизведение, цинкографически или фототипически, все же и оно не уловит всех оттенков рукописи и почерка, разобраться в которых было бы иногда чрезвычайно полезно. Мне кажется, что Пушкинская комиссия при Академии Наук могла бы взять на себя задачу такого издания.¹

¹ Эти строки писаны мной в 1910 году, но и в настоящий день я поддерживаю со всей силой заключения, мной высказанные.

А черновики иногда дают возможность установить некоторые факты, имеющие значение для пушкиниста. Вот примеры.

Черновой набросок, по первому своему стиху носящий название: «Кто, волны, вас остановил», был впервые разобран В. Е. Якушкиным в описании пушкинских рукописей («Русск. Стар.» 1884 г., июнь, стр. 555). П. О. Морозов, П. А. Ефремов, С. А. Венгеров воспроизвели в своих изданиях без изменений текст, данный В. Е. Якушкиным, и отнесли отрывок к 1822 году. Исследователи цитируют обыкновенно этот отрывок, когда приходится говорить об эволюции политических воззрений Пушкина. Грозы и бури, к которым взывает поэт, понимаются ими аллегорически, как явления порядка социального, характера революционного. Все эти утверждения касательно интересующего нас наброска — сплошное недоразумение.

Набросок находится в тетради № 2366, на передней странице 9 листа. Из 51 листа, находящегося в этой тетради, львиная доля приходится на черновики 1-й, 2-й и 3-й (начало) глав «Евгения Онегина». На указанной странице, с самого ее верха, карандашом записаны следующие четыре стиха:

Но был ли щастлив наш Евгений
Среди блистательных побед
Среди вседневных наслаждений
Во двете юных пышных лет.

Эти стихи с небольшими переменами появились в XXXVI строфе (стихи 9—12) I главы. За ними в черновике начат, карандашом же, занимающий нас набросок, но докончен он и исправлен уже пером. На левом поле страницы, сбоку последних стихов отрывка, можно разобрать: «вотще ли былъ — душа ... умень, — безпечень и здоровъ, среди пировъ, въ пирахъ». Все это, очевидно, материалы для 13 и 14 стихов печатной XXXVI строфы

Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

Сейчас же за наброском, после тире, была начата нынешняя строфа I главы:

Едва проснется он, бывало,
Ему несут записок ряд
Зовут на бал зовут на

Но это начало зачеркнуто, и на его перечеркнутых строках Пушкин начал набрасывать вошедший в нынешнюю XXXVII строфу ответ на вопрос, был ли счастлив Евгений. Ответ этот здесь в первоначальной редакции:

Нет рано чувства охладели
Измены сердцу надоели
И в 20 лет
Уж он оставил модный свет.

После этого стиха Пушкин поставил свой обычный заключительный знак ~ и занялся опять нынешней XV строфой:

[Бывало] [в полдень]

Бывало — [полдень лишь настанет] $\frac{\text{в постеле}}{\text{он еще}}$

К нему записочки несут

и т. д. На этой странице черновики по содержанию своему охватывают стихи 1—8 строфы XV.

Из этого описания 9 страницы очевидно, что набросок никоим образом нельзя относить к 1822 году. Он находится, так сказать, в сердце I главы «Евгения Онегина», а известно, что она начата 9 мая 1823 года и кончена 22 октября того же года. Если бы он еще был записан с самого верха страницы, то тогда можно было бы все-таки думать, что он мог быть в тетради и до начала «Онегина», но при действительном его положении на странице такое заключение недопустимо; следовательно, даты начала и окончания I главы «Евгения Онегина» являются предельными для нашего наброска: он написан не ранее 9 мая и не позже 22 октября 1823 года. Можно было бы определить время создания наброска еще более точно: строфа XXXIII помечена 16 августа; следовательно, к этому времени надо приурочить и наш отрывок.

Но не случайно наш отрывок набросан после вопроса, являющегося в конце XXXVI строфы и перед ответом на него, который находится в XXXVII строфе. Совершенно очевидна внутренняя (по содержанию) связь отрывка с вопросом, была ли счастлив Онегин, и с отрицательным ответом, указывающим на его охладевшие, остывшие чувства. Отрывок этот запечатлел один из моментов творческой работы поэта: он, в сущности, и заключает ответ на поставленный вопрос, сохраняя следы размышлений Пушкина на любезную ему одно время тему об омертвелости чувств. Ясно, что в этом наброске и помину нет о революционных грозах и бурях. Поэт говорит исключительно о явлениях в области сердца, о сердечных грозах и бурях. Обычное толкование наброска, как призыва к революции, опиралось на 7 стих:

Где ты, гроза, символ [свободы].
Промчись поверх невольных вод.

Но издатели осторожно заключали слово «свобода» в скобки. Действительно, в рукописи после слова символ стоит с трудом разбираемое слово, но оно ни в коем случае не может читаться, как «свободы». Я склонен прочесть тут стихи. Правда «стихии» не рифмуют с словом «вод», но на то ведь и отрывок-то только черновой. Нельзя же, в самом деле, ради рифмы вычитывать несуществующие в рукописи слова. Я уже заметил, что отрывок написан частью карандашом;

фотография плохо передает карандаш, и поэтому я, к сожалению, не могу дать полную транскрипцию отрывка, но я могу все же привести два стиха, непонятным образом скрывшиеся от внимания изучавших рукопись. Они написаны пером с правого бока страницы и должны быть вставлены после 4 стиха на место теперешних точек.

Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость?

Относительно слова «скорбь» у меня небольшое сомнение, верно ли я прочел его. Добавлю, что стихи эти не зачеркнуты.

Эти ускользнувшие стихи еще более утверждают нас в мнении, что в отрывке идет речь о бурях сердца, а не о бурях общественных.¹

III

1. Завидую тебе, питомец моря смелый,
2. Под сенью парусов и в бурях поседельи!
3. Спокойной пристани давно ли ты достиг,
4. Давно ли тишины вкусил отрадный миг?
5. И снова ты бежишь Европы обветшалою:
6. Ищи стихий других, земли жилец усталый!
7. Приветствует тебя свободный океан ...

(По изданию С. А. Венгерова, т. II, СПб. 1908, стр. 81.)

П. В. Анненков, говоря в своих «Материалах для биографии Пушкина» (в изд. соч., т. I, стр. 343, и отд. изд., стр. 344) об оставшихся после Пушкина черновых, неотделанных набросках стихотворений, в примечании добавляет: «В бумагах Пушкина сохранилось еще несколько отрывков из посланий к друзьям, нигде не напечатанных... Мы не имеем возможности приводить здесь урывки, которые, статья может, совсем не похожи на настоящие стихотворения». И, «как пример такого послания к одному из товарищей поэта», Анненков привел стихи 1—5 наброска, приведенного мною, с заглавием «К М*». В указателе же он раскрыл этот инициал, назвав Матюшкина (т. VII, стр. 166). Этот набросок известен нам ныне по черновой тетради № 2369, л. 12, но без заглавия. Не совсем ясно, по этой ли тетради напечатал его Анненков (в таком случае, усвоение его Матюшкину — только предположение Анненкова), или по другой рукописи, нам неизвестной, в которой было уже обозначение «К М.*» (в таком случае, Анненкову принадлежит только предположительное истолкование значения инициала). Но, так как Анненков говорит о черновом, неотделанном виде наброска, а как раз такой набросок мы и имеем

¹ Мне не кажутся убедительными возражения П. О. Морозова, направленные против моего толкования, см. Соч. Пушкина, Изд. Академии наук, т. III. СПб. 1912, стр. 238—240.

в тетради № 2369, то скорее всего придется заключить, что у Анненкова другого списка и не было, и что отнес он набросок к Матюшкину по собственному предположению. Непосредственно по этой тетради сообщил этот отрывок впервые П. И. Бартенов. Так как тетрадь заключала и стихотворения Кишиневского периода, то набросок отнесен к 1821 году, и неизменно во всех изданиях поэта (так же, как и в «Материалах» Л. Н. Майкова) печатается под этим годом. Но вместе с тем, так как, по замечанию П. А. Ефремова, в 1821 году 20-летний Ф. Ф. Матюшкин никак не мог быть назван «в бурях поседелым» (Соч. II, изд. 8-е, Анского, 1882 г., т. 2, стр. 23), этот отрывок уже не усвоится Матюшкину. П. И. Бартенов присоединил к 5 стихам, данным Анненковым, еще и 6-й стих, а Л. Н. Майков в «Материалах для Академического издания сочинений Пушкина» (СПб., 1902, стр. 141) прибавил и 7-й стих.

Последний издатель Пушкина С. А. Венгеров напечатал этот отрывок среди черновых набросков 1821 года, но автор данного в этом издании примечания к этому отрывку, Н. О. Лернер (стр. 583), присоединяясь к указанию П. А. Ефремова на невозможность относить эти стихи к Матюшкину, говорит: «Может быть, Пушкин сам относит их не к определенному лицу, а к типу старого моряка, «морского волка». Они находятся среди черновики первой главы «Евгения Онегина», начатой в 1823 году, и, может быть, их с большим основанием можно датировать 1823 годом, чем 1821 г.».

Оставляя в стороне «морского волка», которым Н. О. Лернер пополнил и без того чрезмерно обильный материал предположений вокруг и около пушкинского творчества, оставляя-ваюсь на его указании хронологическом. Это указание ошибочно с методологической точки зрения. Н. О. Лернер сам знает, что Пушкин пользовался своими рукописями вне всякого порядка и системы, и заключения об одновременности создания разных стихотворений, записанных на одной и той же странице, должны приниматься после осторожного критического разбора. Как раз в данном случае оказывается не приемлемым это правило. Из описания этого листа тетради (см. «Русск. Стар.» 1884 г., июнь, стр. 556) Н. О. Лернер мог бы узнать, что этим отрывком занято начало страницы, а за ним уже идут черновые наброски к I главе «Онегина». Следовательно, такое положение отрывка в рукописи не дает нам права заключить, что отрывок написан в одно время с I главой «Онегина»: весьма вероятно, что это начало страницы было уже им занято, когда Пушкин стал набрасывать на ней строфы I главы. Это положение отрывка может дать нам только одну достоверную дату, позже которой он не был написан, — а дату, раньше которой он не был написан, придется уже разыскивать по другим данным. Так как в этой тетради есть и произведения 1822 года, то, следовательно, можно относить отрыв-

вок и к этому году, но для отнесения его к 1821 году не годится и эта аналогия совместности.¹ Произведений 1821 года нет совсем в этой тетради. На внутренней стороне передней крышки переплета есть помета руки Пушкина «27 мая 1822. Кишинев». И положение, и самый вид этой пометы не позволяют ли думать, что она означает тот день, в который заведена эта тетрадь?

Так как положение отрывка в рукописи не дает нам определенных оснований для хронологии, то надо искать их при помощи иных приемов. Отрывок, действительно, писан в 1823 г., в Одессе, в период создания последних строф I главы «Онегина», особенно ее строфы 2-й.

Если только в распоряжении Анненкова не было другого, неизвестного нам списка этого отрывка, то можно с достоверностью утверждать, что Пушкин никогда не видел перед собою такого наброска, который мы читаем в наших изданиях. Он в действительности исчеркан, не закончен и не отделан, а ежели о стихах 1 — 4 можно сказать, что их можно извлечь из черновика, то для редакции стихов 5 — 7 не найдется достаточных оснований. Нынешний 5-й стих вовсе не следует в рукописи за 4-м; «две строки, как заметил еще Л. Н. Майков (Матер., 141), после стиха 4-го в рукописи сильно перечеркнуты и не поддаются разбору». Я не имею в виду дать точную транскрипцию, но не могу не указать, что из этих двух полужа черкнутых строк можно разобрать:

Дай руку — для тебя [меня?] насталь ...
Для неба дальняго, для новыхъ странъ.

Для моей цели самое интересное и главное — это чтение нынешнего 6-го стиха.

Ищи стихій другихъ, земли жидецъ усталой!

Такого стиха в рукописи нет. Первоначально этот стих был написан Пушкиным так:

Стихій другихъ ищу — земли жидецъ усталой,

затем Пушкин зачеркнул в нем слово *ищу* и написал это же слово в начале стиха; кроме того, он зачеркнул слово *усталой* и заменил его не совсем разборчивым словом, которое я читаю *остылой*. С этими исправлениями стих читается так:

Ищу стихій другихъ — земли жидецъ остылой.

---

¹ Явное недоразумение, не требующее даже разъяснения, в мотивировке приурочения у Л. Н. Майкова (Мат., 141). «К 1821 году отнесено потому, что находится в Музейной рукописи между черновыми строфами 1-й главы «Онегина».

7-й стих также прочитан неверно; для нынешнего чтения нет оснований; скорее его надо прочесть:

Привѣтствую тебя свободный Океань.

Но не буду настаивать на предлагаемых мной чтениях конца 6-го стиха и 7-го стиха. Нет никакого сомнения, что 6-й стих надо читать «Ищу стихий других», а не «Ищи» и т. д. Следовательно, в этом стихе Пушкин говорит о себе. Весь отрывок освещается светом внутренней, интимной жизни поэта и представляется лишним свидетельством о намерении «начать вольный бег по вольному распутью моря». При внутренней же связи этого отрывка с 11 строфой 1-й главы «Онегина», можно, пожалуй, обратить внимание и на положение его в тетради, которое весьма правдоподобно может объясняться одновременностью возникновения тем.

Выводы из сделанных наблюдений: отрывок 1) писан в 1823 году и 2) требует еще известной работы по установлению транскрипции и текста. ¹

IV²

Отрывок «На холмах Грузии лежит ночная мгла» написан Пушкиным во время путешествия на Кавказ в 1829 году. Он находится в рукописной тетради, заведенной поэтом во время этого путешествия и наполненной, главным образом, произведениями, относящимися к этому путешествию. В этой тетради отрывок датирован 15 мая и находится рядом со стихотворением «Калмычке», имеющим помету 22 мая 1829. Таким образом дата устанавливается точно и несомненно. И. А. Шляпкин напечатал этот отрывок по черновой музейной тетради и по автографу, который он нашел в Берлинской королевской библиотеке. ³ И. А. Шляпкин пытается ввести нечто новое по поводу этого стихотворения: во-первых, он подрывает хронологию стихотворения, а во-вторых, объявляет окончательной берлинскую редакцию.

Мы видели, что известная нам дата не допускает сомнений, а между тем Шляпкин вносит свои подозрения: перед стихотворением он ставит «май 1829?», а заканчивая комментарий, сообщает, что оно вошло в издания «с пометой 15 мая 1829 года—не 1830 ли?» Всякое предположение должно иметь какие-либо, пусть даже ошибочные основания для своего возникновения,

¹ В III томе академического Пушкина П. О. Морозов дал транскрипцию (не совсем удовлетворительную) и по соображениям, совсем не убедительным, отнес отрывок все же к 1822 году.

² Эта заметка впервые напечатана в «Известиях Отд. рус. яз. и слов. имп. Акад. Наук» 1903 г., т. VIII, кн. 4, стр. 376—379.

³ И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг Пушкина. СПб. 1903 г., стр. 7—8.

но Шляпкин не дает никакого ключа к своей догадке. Мы совершенно отказываемся понять мотивы предположения Шляпкина и думаем, что издателю не следовало бы плодить недомыслий в своем читателе. Еще одно соображение: в мае 1830 г. Пушкин был в Петербурге. Отрывок имеет, несомненно, автобиографическое значение. Вряд ли Пушкин, находясь в 1830 г. в Петербурге, стал писать: «Шумит Арагва предо мною»? Этим стихотворением поэт запечатлел совершенно определенный момент своей жизни.

Отрывок напечатан при жизни Пушкина в «Северных Цветах» на 1831 год. Эту редакцию, единственную напечатанную поэтом при жизни и вошедшую в наши издания, мы должны принимать за окончательную. Шляпкин предлагает считать окончательной берлинскую редакцию; такое мнение, если бы оно оказалось верным, должно бы повести к важным изменениям в тексте сочинений Пушкина. Издатели Пушкина обязаны были бы вместо печатаемого ныне текста печатать берлинскую редакцию. Подобное заявление должно иметь за собой веские основания в особенности потому, что мы имеем печатный текст, установленный самим поэтом. К сожалению, в подтверждение своего мнения Шляпкин опирается только на результаты произведенного им эстетического анализа стихотворения. Эстетический анализ — дело трудное, требующее особых дарований, художественного чутья в том, кто к нему приступает. Нужно сознаться, что анализ совершенно не удался Шляпкину и не обнаружил наличности художественного понимания. Для того чтобы читатель мог в совершенстве оценить этот анализ, приведем параллельно обе редакции: на левой стороне — берлинскую, на правой — печатную:

На холмы Грузии ночная тень легла,

Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя
светла,

Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой! ... мечтанья моего

Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце живо вновь и любит —
от того,
Что не любить оно не может.

На холмах Грузии лежит ночная
мгла ...

Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль
моя светла;

Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья
моего

Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит —
от того,
Что не любить оно не может.

В печатной редакции вполне выдержан основной тон стихотворения. Поэт необыкновенно тонкими штрихами рисует один момент — печаль любви, неразделенной или неудавшейся. Это — особая печаль, светлая и легкая; ничто не мучит, не развлекает этого состояния печали — уныния; и именно потому, что не мучит и не развлекает, сердце вновь горит и любит. И вот что нашел возможным написать Шляпкин: Слова печатной редакции:

«Мне грустно и легко» как-то не ладит со словами: «Унынья моего ничто не мучит, не тревожит». Унынье — такая вещь, которая не легко переносится. Слова «Не мучит, не тревожит» нейдут к дальнейшим: «И сердце вновь горит». Вот почему нам лично берлинская редакция кажется лучшей». Что же сказать о таком анализе? Остается только удивляться, почему Шляпкин не продолжал анализа и не укорял Пушкина в бессмысленном сочетании двух противоречивых понятий: «мне грустно и легко» и «печаль моя светла»? Ну, в самом деле, печаль не такая вещь, которая бы заключала в себе свет, а в грусти нет ничего легкого! Думаем, что соображения И. А. Шляпкина не доставят хлопот издателям Пушкина; по-прежнему мы будем читать, как окончательную, нынешнюю печатную редакцию, а берлинская редакция поместится в примечаниях, как первоначальный набросок.

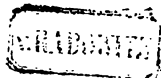
К кому относится это стихотворение? Издания относят его к жене поэта Н. Н. Гончаровой (см. изд. 1882, т. II, стр. 412; литер. фонда, т. II, стр. 66). Это — одно из тех предположений, которые не имеют за собой фактических подтверждений. Черновые наброски стихотворения, напечатанные Шляпкиным по рукописи Всесоюзной библиотеки им. Ленина (б. Румянц. Музея) № 2382 т. 107₂, позволяют нам окончательно исключить возможность приурочения стихотворения к жене поэта.¹ За известными нам восемью строками идут следующие наброски (в скобках зачеркнутое):

Прошли забытые
 Дни   многих лѣтъ
 Гдѣ вы [знакомы] бездѣвныя созданья
 Иные далеко, иныхъ ужъ въ мѣрѣ нѣтъ
 [Вновь, я снова] Я твой по ... я вновь тебя люблю.
 И безъ надеждъ и безъ желаній
 [Безъ темной ревности]
                   Чистая моя любовь
 И [тихой жаръ моихъ] пышность дѣвственныхъ мечтаній

Со мной одни воспоминанья.

Эти фразы о возрождении прежней любви, связанные с воспоминаниями о прошлом («я твой по... я вновь тебя люблю» —), не могут относиться к Н. Н. Гончаровой; в отношениях Пушкина к ней еще не было прошлого. Пушкин был в это время страстно влюблен в нее; перед отъездом на Кавказ в 1829 году он сделал через Ф. Толстого ей предложение и получил отказ. Вот уж о любви своей к Н. Н. Гончаровой поэт не мог сказать, что он любит «без желаний»! Но к кому же

¹ Кстати, почему Шляпкин, точно воспроизводящий черновую, привел даты «15 мая», которая совершенно определенно дана в «Описании пушкинских рукописей» Якушкина, «Русск. Стар.», 1884 г., ноябрь, стр. 371.

549000

На холмах Грузии порой жав леба,
 Улыбка и Арсва, предо мною
 Мил дружно в лево, переломе ст же,
 Миром моя поика जो saw...
 Мудои, адной ⁺ стоеи — ^{имманте} ~~приветствую~~ моею
 Кемто не мучил, не тревожил.
 И ^{любю,} ~~люблю~~ ^и ~~люблю~~ ^{ор} ~~люблю~~
 Это милостив оне милостив

Пушкин

Автограф Пушкина (из Берлинской Публичной библиотеки).

тогда можно отнести это стихотворение? Вопрос остается открытым, и, по всей вероятности, представит не мало затруднений для биографов. Во всяком случае, наш отрицательный вывод дает биографическую черточку и имеет значение.

В 1903 году я находил невозможным идти дальше отрицательного вывода. В позднейших работах этот вывод был принят исследователями. Н. О. Лернер в комментарии к стихотворению писал: «Вопреки давно укоренившемуся мнению, что Пушкин обращался в этом стихотворении к оставленной в Москве Н. Н. Гончаровой, П. Е. Щеголев основательно указал, что находящиеся в окончательном тексте и в музейной рукописи «фразы о возрождении прежней любви, связанные с воспоминаниями о прошлом («я твой по ... я вновь тебя люблю»), не могут относиться к Н. Н. Гончаровой; в отношениях Пушкина к ней еще не было прошлого... Но к кому же тогда можно отнести это стихотворение?»¹ Поставив этот вопрос, Лернер легко отражает приурочение Ефремовым наброска к одной из сестер Ушаковых указанием на то, что в их отношениях к поэту было еще менее «прошлое». Затем Лернер обращается к соображениям, высказанным Е. Г. Вейденбаумом. Вот они:² «Было высказано предположение, что стихотворение это относится или к Н. Н. Гончаровой, или к Ушаковой, предгончаровскому увлечению поэта. Мне кажется, что источника его надо искать во времени еще более отдаленном. Посещение Горячих вод живо напомнило Пушкину 1820 год, когда он жил там с семейством Раевского. Вот что пишет он о впечатлении, произведенном на него Пятигорском в 1829 году: «С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд; я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сживал со мною Ал. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...» Нарисованная здесь картина наступающей ночи повторена почти теми же словами в «Отрывке» первой редакции: «Все тихо; на Кавказ идет ночная мгла; восходят звезды предо мною». Пушкин, под влиянием воспоминаний о 1820 г., с грустью оставил воды. «Отрывок» также проникнут грустным настроением.

Черновые наброски к этому стихотворению показывают, что воспоминания поэта относятся к давнему времени. Так в одном из них сказано: я снова юн и твой. В другом поэт говорит о забытых днях, о многих годах. Нако-

¹ Пушкин — Венгеров, т. V, стр. XXVIII.

² «Русс. Арх.», 1905 г., кв. I, стр. 676.

нец, стода же, кажется, следует отнести и черновой набросок, помеченный 25 Мая (1829) К о б и :

Благословен и день и час,
Когда в горах ... Кавказа
Судьба соединила нас.

Итак, «отрывок» навеян посещением Кавказских вод. В первой редакции набросан он Пушкиным 15 мая 1829 г. немедленно после возвращения с вод в Георгиевск. Поэт вспоминает о женщине, владевшей его сердцем много лет назад, когда он был еще юношей, и благословляет день и час, когда судьба соединила его с предметом любви в горах Кавказа. Надежды, желания и ревность, когда-то волновавшие поэта, давно оставили его, и в сердце сохранились только чистая, девственная любовь и светлая печаль о прошлом.

Все это дает основание заключить, что стихотворение внушено воспоминанием об Елене Николаевне Раевской, с которою Пушкин в 1820 г. провел несколько месяцев на Кавказских водах и в Крыму».

Цитируя рассуждения Вейденбаума и, между прочим, опуская последний их абзац, Лернер умозаключает: «Сравнивая эту любовь, без надежд, желаний, темной ревности, с другими увлечениями, предметы которых были далеко (напр., Воронцова), или уже в ином мире (намек на Ризнич), поэт переживает особое, просветленное чувство, — и только в такие моменты сознает себя достойным этой любви и скорбит, что его душа «не всегда чиста, печальна и спокойна». Такая любовь в его жизни была только одна, — и ее-то, вероятно, он и обозначил в своем «Дон-Жуанском списке» таинственными буквами NN. Лернер признает «ужасную» любовь Пушкина, считает предметом ее «NN» и около NN группирует решительно все те поэтические и прозаические признания Пушкина, которые, на основании пристального анализа в «Разысканиях» отнесены мной к М. Н. Раевской-Волконской. Но Лернер, не приняв моего вывода, предпочел остаться с таинственными знаками. Отрывок «на холмах Грузии» в «Разысканиях» остался вне поля моего зрения; при моем согласии с расценкой Вейденбаума, мне остается сделать логический вывод и приурочить его, конечно, к одной из Раевских, но по соображениям, развитым в «Разысканиях» отнести его не к Елене, а к М. Н. Раевской. Но если Лернер признает попытку Вейденбаума очень удачной, то и ему следовало бы сделать тот же логический вывод, а не дублировать предмет угаенной любви.

IV

P A 3 H O E

I

Читатели, конечно, знают и помнят стихотворение Пушкина:

У ЕДИНЕНИЕ.

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд,
Дни делит меж трудов и лени
Воспоминаний и надежд;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости Творца,
От усыпителя глуца,
От пробудителя нахала.

Никто из исследователей Пушкинского творчества не сомневался в оригинальности этого стихотворения. Делались даже попытки извлечь из него материалы биографического значения. А между тем, это произведение Пушкина является только близким переводом стихотворения пользовавшегося почтенной известностью автора ложно-классических трагедий и басен Антуана Венсана Арно (1766—1834). О нем Пушкин писал: «Арно сочинил несколько трагедий, которые в свое время имели большой успех, а ныне совсем забыты. Такова участь поэтов, которые пишут для публики, угождая ее мнениям, применяясь к ее вкусу, а не для себя, не вследствие вдохновения независимого, не из бескорыстной любви к искусству. Две или три басни, остроумные или грациозные, дают покойному Арно более права на титул поэта, нежели все его драматические творения».

Стихотворение Арно, привлекавшее творческое внимание Пушкина, помещено в собрании сочинений Арно, изданном под наблюдением автора, в томе, содержащем басни и стихотворения (*Oeuvres de A. V. Arnault. Fables et poésies diverses. Paris 1825, p. 518*), под заголовком.

---

¹ Первоначально в газете «День» — 11 декабря 1915 года, № 341.

Pour une cabane isolée
 Trop heureux dans la solitude,
 Qui peut partager son loisir
 Entre la paresse et l'étude,
 L'espérance et le souvenir,
 Qui, les yeux ouverts, y sommeille,
 Et surtout en ferme d'abord
 A l'ennuyeux qui nous endort,
 A l'importun qui nous réveille!

Близость восьмистиший Пушкина и Арно не требует доказательств. Можно подумать, что Пушкин, взяв целиком 5 стихов Арно, дал им свое заглавие. Но дело в том, что стихотворение Арно в других изданиях имело и другой заголовок, а именно «Solitude». Сочинения Арно в цитированном нами издании были в библиотеке Пушкина, но в этой библиотеке была еще и двухтомная антология, изданная в Париже, в 1816 году — «Antologie française, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits». (Том 2-й, стр. 10.) Очевидно, текст антологии и явился непосредственным источником вдохновения Пушкина.

II

Кто не вытердил на школьной скамье знаменитого четверостишия Пушкина.

ЗОЛОТО И БУЛАТ.

Все мое, сказала злато;
 Все мое, сказал булат.
 Все куплю, сказала злато;
 Все возьму, сказал булат.

По поводу этого стихотворения читаем следующий «комментарий» в известном венгеровском издании Пушкина (т. IV, стр. XLVIII—XLIX).

«В сборнике стихотворений лицейского товарища Пушкина А. Илличевского «Опыты в антологическом роде» СПб. 1827, стр. 87, есть четверостишие, чрезвычайно похожее на пушкинское и формой, и содержанием:

ЗОЛОТО И ЖЕЛЕЗО.

«Мое все! Золото кричало:
 За что ни вздумаю, плачу».
 — Мое. Железо отвечало:
 Я граблю, что ни захочу.

Трудно допустить возможность случайного совпадения. Известно, что в лицее устраивались иногда, если не поэтические, версификаторские состязания: так, однажды, по предложению Кошанского, ученики должны были описать розу сти-

хами. Известно также, что Пушкин и Илличевский не раз соперничали друг с другом в сочинении стихов, и какую-то недошедшую до нас «рыцарскую балладу» Пушкин написал по показанию товарищей, «состязаясь с Илличевским». Весьма возможно, что оба товарища написали по четверостишью на одну и ту же тему, состязаясь между собою—и четверостишие Пушкина, таким образом, относится к лицейскому периоду, быть может, даже к его первым годам».

Автору этого комментария Н. О. Лернеру нельзя отказать в живости воображения, и как не сказать вместе с городничим: «О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери, кто хочет!» Для объяснения близости четверостиший Илличевского и Пушкина Н. О. Лернеру понадобился даже поэтический турнир. А дело совсем простое: при такой близости и при недосказанности заимствования одним у другого надо предполагать не поэтическое состязание, а общий литературный источник. Так оно и есть в действительности. Этот общий источник можно указать.

В названной нами антологии, имевшейся в библиотеке Пушкина (том 1-й, стр. 289), помещено с подписью «Argnauld» следующее стихотворение.

Le Fer et l'Or
Tout est à moi, car je l'achète,
Et le paie en deniers comptans,
Disait l'Or, élevant sa tête —
Tout bas, dit le Fer je t'arrête
Tout est à moi, car je le prends. —

Илличевский и Пушкин переводили одно и то же стихотворение. Перевод Пушкина, конечно, оставляет далеко за собой и перевод Илличевского и самый оригинал.¹

---

¹ Дальнейшая разработка вопроса об источнике «Золота и булата» в статье Б. В. Томашевского в его «Заметках о Пушкине» (Пушкин и его современники, вып. XXVIII, 1916).

Оду «Клеветникам России» мы называли бы теперь «агиткой». По соглашению, быть может, и молчаливому, Пушкин выполнил заказ правительства, точнее заказ самого Николая. В этом ярком произведении барабанной поэзии нашли точное отражение империалистские и шовинистические взгляды русского правительства, но замечательно вот что: заказчик не дал широкого распространения оде Пушкина. Она была напечатана в военной типографии только по-русски, в ничтожном, сравнительно, количестве, но клеветники России по-русски не читали, и политические выступления Пушкина и Жуковского оказались только для внутреннего употребления. Гораздо дальше шла частная инициатива. Одним из первых в деле политического использования оды Пушкина оказался С. С. Уваров, президент Академии наук, пробиравшийся в это время к министерскому портфелю. В сентябре 1831 года он находился в Москве и здесь «вдохновился» одой Пушкина. 29 сентября А. Я. Булгаков писал из Москвы своему брату в Петербург: «Сергей Уваров читал прекрасно им сделанный на французский язык перевод Пушкина стихов: «Клеветникам России». Я не могу насытиться чтением прекрасного этого произведения: и стихи, и чувства прекрасные. Пушкин никогда не любил ляхов.² 8 октября Уваров переслал плод вдохновения Пушкину, при следующем письме: «Инвалид, давно забывший путь к Парнаусу, но восхищенный прекрасными, истинно народными стихами Вашими, попробовал на деле сделать им подражание на французском языке. Он не скрывал от себя всю опасность борьбы с вами, но вами вдохновенный, хотел еще раз, вероятно в последний, завинтить свой Европейский штык. Примите благосклонно сей опыт и сообщите оной В. А. Жуковскому». Пушкин ответил 21 октября Уварову письмом комплиментарным и исполненным иронии: «Князь Дундуков доставил мне прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было Вашей

¹ Первая часть этой статьи печатается здесь впервые, вторая — первоначально в «Пушкин и его современники», вып. VII, стр. 60—64.

² «Русск. Арх.», 1902 г., кн. 1, стр. 93.

скромности назвать подражанием. Стихи мои послужили Вам простою темою для развития гениальной фантазии. Мне остается от сердца Вас благодарить за внимание мне оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных Вами».

В академическом издании переписки Пушкина вслед за письмом С. С. Уварова напечатан и французский перевод «Клеветникам России» с заголовком «*Au salompiateurs de la Russie 16 Août 1831, trad. d'A. Pouchkine*». Обращаясь к переводу, мы должны констатировать, прежде всего, что мы имеем здесь дело именно с переводом, не везде точным, но только переводом, а отнюдь не «подражанием», как характеризовал свой опыт сам автор. И потому представляется весьма странным содержание отзыва Пушкина о стихах Уварова: Пушкин утверждает, что его стихотворение явилось лишь простой темой для Уварова, и что Уваров присвоил ему, Пушкину, свои мысли. В таком случае, письмо Пушкина к Уварову надо считать совершенно неприкрытой и дерзкой насмешкой над Уваровым, но в 1831 году в отношении Пушкина к Уварову еще не было никаких теневых сторон, никаких поводов к их обострению. Надо искать пных объяснений казусному несоответствию перевода оды отзыву Пушкина.

Наше недоумение умножается еще и следующим обстоятельством: второй том «Переписки» Пушкина, в котором напечатан перевод Уварова, появился в печати в 1908 году, а в 1915 году в вып. XXI-XXII «Пушкин и его современники» М. Л. Гофман напечатал найденный им во Вревском архиве французский перевод оды Пушкина, сделанный бароном П. А. Вревским. Но ни Гофман, и ни кто из исследователей не обратил внимания на то, что текст перевода Уварова совершенно тождествен с текстом перевода. Вопрос запутывается: принадлежит ли Уварову тот перевод, который напечатан в «Переписке» при письме Уварова к Пушкину, или он сделан Вревским и находился только в бумагах Пушкина.¹ Но перевод или именно подражание Уварова не исчезло для потомства. Труд Уварова обнаружился в секретной части архива III отделения.

В тот самый день, когда Уваров послылал свой опыт Пушкину, 8 октября 1831 года—он направил его и начальнику III отделения генералу А. Х. Бенкендорфу, при французском письме, которое мы даем в переводе:

«Прекрасные стихи Пушкина, озаглавленные «Клеветникам России», породили во мне желание дать им перевод или

---

¹ Письмо Уварова к Пушкину и перевод оды напечатаны впервые В. Я. Брюсовым в его книге «Письма Пушкина и к Пушкину» М. 1903 г., стр. 100—102. Но из описания Брюсова неясно, является ли перевод написанным на той же четвертке, на какой написано само письмо, или на отдельном листке. Где находится в настоящее время подлинник, неизвестно.

вернее подражание на французском языке: это единственный способ доставить их по адресу. Не придавая никакой важности этому опыту, я имею честь при сем препроводить его вам, мой дорогой генерал, предоставляя вам судить, заслуживает ли это подражание счастья быть представленным на воззрение его величества. Я не решился предать тиснению эти стихи, не зная, соответствует ли видам нашего кабинета оглашение довольно резкой пьесы; те, кто кричат на улицах Парижа: «смерть русским», не заслуживают особого внимания, это правда, но хотя подлинное произведение и было напечатано, я почел бы лучше впредь до нового повеления оставить перевод в рукописи. Примите уверение» и т. д.

Познакомимся и с подражанием сначала в подлиннике.

«AUX DÉTRACTEURS DE LA RUSSIE

Imitation libre de Pouchkine.

Tribuns audacieux, orateurs populaires,
Le colosse du nord excite vos fureurs;
Laissez là, croyez moi, vos absurdes clameurs,
Les Slaves opposés à des Slaves leurs frères
Ne vous demandent pas d'irriter leurs douleurs;
Au foyer paternel c'est un débat antique,
Issus de même race, ennemis dès longtems,
Les peuples divisés, tour à tour triomphans,
Combattent par instinct et non par politique.
Jamais sous un drapeau les a-t-on vus s'unir?
Le sarmate inquiet et le Russe fidèle
Ont à vider entre eux leur sanglante querelle;
S'il faut que l'un succombe, est-ce à nous de périr?
L'un perdra-t-il son nom, ou l'autre son Empire?
Pour que l'un d'eux triomphe, il faut que l'autre expire
Et le monde ébranlé ne peut les contenir;
Voilà tout le débat!—gardez donc le silence,
Etrangers à nos mœurs, entrangers à nos lois!
Dans ce drame imposant votre impuissante voix
N'est qu'une insulte à cette lutte immense;
Vous ne connaissez pas nos griefs, nos malheurs,
Nos fastes arrosés et de sang et de pleurs,
Nos triomphes d'un jour, nos haines séculaires;
Praga, Moscou muet et solitaires
Ne vous remplissent pas d'un morne et saint effroi...
Que sert de prodiguer à ce colosse-roi
Vos invectives surannées?
N'a-t-il pas dedaignant de lâches destinées
Aux flammes de Moscou répudié la loi
Du tyran qui foulait vos aigles enchaînées?

Serait-ce pour avoir naguère en vos remparts
 Respecté vos travaux, vos monumens, vos arts,
 De l'esprit et du gout merveilles éclatantes;
 Nous qui vainqueurs venus des bouts de l'univers
 Au pied de la Colonne établissant nos tentes
 Au prix de notre sang, avons brisé vos fers?
 Déclamateurs fougueux, descendez dans l'arène;
 Voyons, le vieux Géant est-il tout épuisé?
 Du glaive d'Ismayl le fer est-il brisé?

La voix du Tsar retentit-elle à peine

Dans le monde civilisé?

Avons nous donc perdu nos droits à la victoire?
 Comptons-nous peu de bras?—A l'appel de la gloire
 Savez vous que des flancs du Caucasse orageux
 Jusques aux bords glacés où la nature expire,
 Comme un seul homme armé, vingt peuples généreux

Vont s'élançer dans la carrière?

Franchissant des climats l'éternelle barrière,
 S'ils venaient vos guerriers, Rhéteurs ambitieux,
 S'ils venaient dans ces champs, où reposent leurs frères,
 Pres de leurs tertres funéraires
 Bientôt ils dormiraient comme eux.

Даем и точный (буквальный, не литературный) перевод подражания:

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Свободное подражание Пушкину

Смелые трибуны, народные ораторы,
 Северный колосс возбуждает вашу ярость;
 Оставьте, поверьте мне, ваши нелепые вопли,
 Славяне, спорящие со своими братьями славянами,
 Не просят вас усиливать их страданий;
 У отечественного очага это старый спор,
 Происходящие от одной расы, враги с давнего времени,
 Враждебные народы, поочередно торжествующие,
 Враждуют по инстинкту, а не из-за политики.
 Видели ли когда-нибудь, чтобы они объединились под одним
 знаменем?

Беспокойный сармат и верный русский
 Должны решить между собою свой кровавый спор.
 Если необходимо, чтобы один пал, нам ли придется погибнуть?
 Потеряет ли один имя, или другой свою власть?
 Для того, чтобы один из них восторжествовал, нужно чтобы
 другой умер.

И расшатанный мир не может их удержать.
 Вот весь вопрос! — храните же молчание,
 Чуждые нашим нравам, чуждые нашим законам,

В этой великой драме ваш бессильный голос
Только оскорбление этой безмерной борьбы;
Вы не знаете наших обид, наших несчастий,
Наших летописей, орошенных и кровью и слезами,
Наших мимолетных успехов, нашей вековой вражды.

Прага, Москва, немые и безмолвные,
Не наполняют вас угрюмым и святым ужасом.....
За что расточать этому колоссу-царю

Ваши старые поношения?

Не он ли, презирая злой рок,
Среди пламени Москвы, отверг закон
Тирана, который попирает ваших скованных орлов?
За то ли, что недавно в ваших владениях
Уважал ваш труд, ваши памятники, ваше искусство,
Блестящее умом и чудесным вкусом;
Мы, пришедшие победителями с концов вселенной,
У подножья Колонны устанавливая наши палатки,
Ценою нашей крови, разве не разбили ваши оковы?
Рьяные витии, выходите на арену;
Разве старый богатырь совершенно истощен?
Разве сломан железный меч Измаила?

Разве голос царя едва слышится

В цивилизованном мире?

Разве мы потеряли наши права на победу?

Разве у нас мало рук?—На призыв славы,

Знаете ли вы, что от границ грозного Кавказа

До ледяных берегов, где природа замирает,

Как один вооруженный человек, двадцать смелых народов

Кинутся в бой?

Преодолевая климатов вечную преграду,

Если бы пришли ваши войны, честолюбивые витии,

Если бы пришли они на эти поля, где покоятся их братья,

Около их могильных насыпей

Скоро уснули бы они, как и те.

Нет никакого сомнения, что перед глазами Пушкина находилось именно это свободное подражание, когда он в письме своем благодарил Уварова за присылку его стихов, «за силу и полноту великодушно присвоенных ему, Пушкину, мыслей», и выражал признание, что его ода послужила простой темой для свободного подражания Уварова. Не приходится удивляться тону легкой и злой иронии, которую не в силах сдержать Пушкин в ответе Уварову. Конечно, Пушкин мог быть только неприятно поражен теми результатами, к которым привело Уварова логическое развитие мыслей, прокламированных в оде: «Клеветникам России». «Для того, чтобы восторжествовал один из народов, нужно, чтобы погиб другой». Так далеко Пушкин не шел в своих «шинельных» стихах.

О свободном «подражании» Уварова Пушкин вспомнил 10 ноября 1836 года — в тот момент, когда он находился в сильном волнении после получения пасквильных писем, вызвавших роковой поединок. Князь Н. Б. Голицын прислал Пушкину свой перевод «Клеветникам России». ¹ Пушкин 10 ноября ответил ему: «Тысячу раз благодарю вас, любезный князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, брошенного в неприятелей нашего отечества. Я видел уже три перевода, из которых один принадлежит лицу высокопоставленному из моих друзей, но все не стоят вашего. Зачем не перевели вы этой пьесы более во-время; я переслал бы ее во Францию, чтобы дать щелчок всем возгласам палаты депутатов». ² В это время отношения Пушкина к un puissant personnage, т. е. к Уварову были уже безнадежно испорчены «одой к Лукуллу». ³ Но самое замечательное в истории перевода-подражания Уварова. — Генерал Бенкендорф ответил Уварову, что он не должен печатать своих стихов, а может ограничиться их распространением в частном кругу. Таким образом и политика Уварова не дошла до «Клеветников России».

II

Не столько интересен печатаемый ниже самый перевод «Клеветникам России», сколько обстоятельства, вызвавшие его появление в России. Он прислан был в начале 1832 года русским дипломатом графу Нессельроде, нашему министру иностранных дел, при следующем письме, на половину официальном, на половину частном. Письмо написано по-французски; ограничиваемся только переводом.

Его сиятельству господину графу Нессельроде.

Господин граф!

Вы найдете странным, без сомнения, что я осмеливаюсь заменить обычное содержание служебного рапорта портретным произведением, но мы так наводнены статьями, наполненными самой гнусной клеветой, выливаемой беспрестанно на Россию

---

¹ В печати этот перевод проявился уже после смерти Пушкина *Aux détracteurs de la Russie, trad. de Pouschkine par le traducteur du Гернад. Moscou 1839.*

² Письмо к Голицыну напечатано впервые в «Библиогр. Записках» 1858, т. I стр. 497. Ср. «Переписка» т. III, № 1098, стр. 406.

³ См. не очень точные соображения Н. В. Измайлова о трех известных Пушкину переводах, в книге «Письма Пушкина к Е. М. Хитрову». Ленинград 1927, стр. 132—133.

Кстати в моем распоряжении имеется находившийся в бумагах Пушкина прозаический перевод «Клеветникам России», анонимный и ничем не замечательный. Ср. также сообщения о переводах в книжке *Pouschkine A. S. Aux calomnieux de la Russie. Trad. par le Dr Alexis Lupus S. Pb. 1894.*

некоторыми-газетами и особенно зажигательным листком «West-Vote», печатаемом в Баварии, что с поспешностью набрасывается на каждое произведение, созданное, чтобы освежить сердце. Это произведение полно образов и вдохновения. Я не думаю, чтобы перевод был ниже оригинала; это противоядие против зловредных излияний (élucubrations) наших немецких якобинцев.

Как бы то ни было, решительное (présidiale) представление, сделанное в последних заседаниях сейма, по общему соглашению между Австрией и Пруссией, обуздает, наконец, я надеюсь, наглость прессы, которая не знает больше узды в большей части областей Союза. Первые постановления коснутся Бадена, который подал самый пагубный пример, декретировав законом неограниченную свободу печати, не обращая внимания на обязательства (obligations), которые правительство определенно заключило в 1819 году. Если постановления сейма будут приведены в исполнение, то великий герцог будет вынужден отменить упомянутый закон и этим поставит себя в трудное положение между страной и Союзом. Тогда он почувствует трудность того положения, в которое поставил его якобинский министр, которому он уступил скорее по робости, слабости и неопытности, чем по принципу.

Имею честь быть с глубочайшим уважением
господин граф,
вашего сиятельства
покорнейшим и почтительнейшим слугою

А н с т е т .

А вот и самый перевод, который должен был утешить русского министра.

An Rußlands Lasterer von Puschkin.

Was tobt Ihr auf den Rednerbühnen,
Woher der Groll, mit dem Ihr gegen Rußland schäumt?
Vielleicht, weil Litwa sich in wildem Aufstand bäumt?
Es ist der Clauen Fehde, überlaßt sie ihnen,
Sie ist verjät wie dieses Volks Geschichten;
Nicht Euch gebührt es sie zu schlichten;
Sie kündet schon der Vorzeit Cage,
Des Uterthumes Brüder Zwist,
Bald schwanfte so, bald so die Wage,
Bald siegte Tapferkeit, bald List,
Wen krönt am Ziel der blut'ge Kampfgewinn?
Des Polen Troß, des Russen treuen Sinn?
Coll aller Clauen Bächlein Heer
Den Weg zum Russen-Meere finden?

Wie? oder soll dies Riesen- Meer
 In einen Regen-Tropfen schwinden?
 Laßt uns! Euch wurden sie nicht kenntlich.
 Die Blut-Urkunden grauer Zeit
 Euch bleibt er fremd und unverständlich
 Der alternde Familien-Ctreit.
 Des Kreml's und Pragas stummes Mahnen
 Vernehmt ihr nicht. Vom Bürger-Krieg
 Berauscht, schwingt Ihr des Aufruhrs Fahnen,
 Sinnlos, und neidet uns den Sieg.
 Warum? Gesteht es! Ist's vielleicht,
 Weil wir auf Moskwas Brand-Ruine
 Nicht huldigten dem Mann, vor dessen bloßer Miene .
 Ihr schon gezittert und erbleicht?
 Weil wir mit nie gebeugtem Muth
 Den Gözen stürzten, der die Throne unterjocht,
 Und weit der Russe mit des Herzes-Blute
 Europa Freiheit, — Ehr und Frieden einst erfocht?
 Ihr dräut mit Worten uns! — Leihst Thaten Guerem Wiße,
 Ist etwa von der Rast des Ritters Arm erschlaßt,
 Ist stumpf des Ismailschen Bajonettes Spitze,
 Hat Rußlands Kaiser-Wort nicht mehr gewohnte Kraft?
 War mit Europa denn etwa der Kampf uns neu?
 Wie! oder ward der Sieg den Russen ungetreu?
 Sind wir zu schwach? — Von Perm zu Tauriens Gestaden,
 Von Finnlands Felsenhort, bis Kolchis Lorbeer Pfaden,
 Vom Kreml, der fest in Flammen stand
 Bis zu des starren Ghinas Wand,
 Wird nicht, von Waffenglanz umgeben
 Ruthenia sich jugendlich erheben?
 Entsendet Euren Redner Bühnen
 Der wuthentbrannten Jünger-Schaar!
 Gern bietet Rußland Stätten ihnen
 Im Kreise trauer Gräber dar!

Am August 1851.

Необходимо сделать некоторые пояснения. Автор письма — барон Иван Осипович Анстет (1770 — 1835), один из видных русских дипломатов, в начале тридцатых годов был нашим чрезвычайным посланником и полномочным министром при Германском Союзе, во Франкфурте на Майне, при дворе Штутгартском и, наконец, при Гессен-Кассельском дворе. Времена были трудные: русская дипломатия, следуя внушениям Меттерниха, вдохновляла и поддерживала западно-европейскую реакцию. После польского восстания рвение русских дипломатов еще более усилилось. Но революция 1830 года дала некоторый успех немецким либералам, и как раз в Бадене и Баварии обнаружилось даже оживление политической жизни, смягчение

цензурных строгостей. Радикальная пресса стала печатать многочисленные статьи, крайне враждебные русским и сочувственные полякам. С подавлением польского восстания союзный сейм вновь обрел силу бороться с печатью.

В июне-июле 1832 года сейм издал ряд постановлений, уничтожавших свободу печати. Эта перемена особенно тяжело отозвалась на Бадене. Великий герцог Баденский Леопольд 24 декабря 1831 года утвердил принятый палатой закон о свободе печати, но под давлением сейма 28 июля 1832 года объявил его недействительным. Те министры, которые больше других содействовали прогрессивным реформам (Велькер) должны были уйти. Об этом положении дел и упоминает Анстет.

Столь неприятный русскому дипломату листок «Westbote» издавал как раз один из якобинцев, по выражению Анстета, известный политический писатель и один из передовых бойцов в немецком победительном движении д-р Ф. Я. Зибенпфейффер (1789 — 1845), испытавший многочисленные преследования, в том числе и тюремное заключение. «Westbote» выходил с апреля 1831 года, подвергаясь неоднократным конфискациям, а 2 марта 1832 года союзным сеймом издание было запрещено, и Зибенпфейфферу на 5 лет было воспрещено заниматься редактированием подобных изданий. Правда, баварское правительство разрешило ему продолжать издание после его заявления о согласии подчиниться правительственной цензуре.

О самом переводе можно сказать только то, что он далеко не на высоте подлинника. Переводы этого же стихотворения, сделанные Боденштедтом и Фидлером, много лучше.

Павел Васильевич Анненков в 1857 году представил на рассмотрение с.-петербургского цензурного комитета рукопись дополнительного седьмого тома сочинений Пушкина. Анненков приложил в подлиннике следующее письмо вдовы Пушкина: «По смыслу условия, заключенного между нами, — право на напечатание седьмого последнего тома «Сочинений А. С. Пушкина» предоставлено мною издателю первых шести томов его, Павлу Васильевичу Анненкову. Марта 25 дня 1857 года. Наталья Николаевна Ланская».

Рукопись пошла на просмотр к Ивану Александровичу Гончарову, служившему с 19 февраля 1856 года цензором в с.-петербургском комитете. Гончаров представил комитету 6 апреля доклад о седьмом томе. Указывая сомнительные в цензурном отношении места, Гончаров все же полагал, что можно разрешить к печатанию весь 7 том без всяких изменений. С.-петербургский цензурный комитет, найдя донесение Гончарова «вообще заслуживающим уважения», представил и рукопись тома и донесение Гончарова на благоусмотрение главного управления цензуры. Главное управление постановило разрешить к печатанию седьмой том Пушкина с некоторыми исключениями. Доклад Гончарова подвергся рассмотрению по пунктам и против каждого из пунктов, признанных им сомнительным, положена была резолюция, а затем на основании этих резолюций была поставлена выписка мест, подлежащих исключению из рукописи седьмого тома.

Воспроизводим этот любопытный доклад И. А. Гончарова по списку, находящемуся в деле канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры (№ 151466, 1857 года). Список совершенно тождествен с подлинником, находящимся в соответственном деле с.-петербургского цензурного комитета.

---

¹ Настоящая заметка напечатана впервые в «Голосе Земли» 29 января 1912 г. № 20. В известном труде А. А. Мазона «Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. Paris. 1914» в главе о Гончарове-цензоре есть ссылка на эту заметку, но материалы, в ней использованные, остались не воспроизведенными.

«Представляя при сем VII том сочинений Пушкина в цензурный комитет, для препровождения на рассмотрение Главного управления цензуры, на основании высочайшего повеления, изъясненного в предложении министра народного просвещения, от 16 февраля 1852 года № 232, честь имею присовокупить следующие замечания:

В этом томе, разделенном на два отдела, стихотворный и прозаический, собраны целые сочинения и отрывки, большею частью напечатанные в разных периодических изданиях и альманахах, как видно из находящихся под каждой статьей заметок издателя. Некоторые же, хотя и не были напечатаны, но ходили по рукам в рукописях и давно известны в публике наравне с напечатанными.

Места, которые могут возбуждать сомнения в цензурном отношении, находятся в следующих пиесах:

В стихотворном отделе:

Исключить зачеркнутое черным карандаш.

1. В стихотворении *Вишня* (стр. 6) в последних двух строфах, в описании «раздавленной вишни» можно подозревать намек на другое, но намек это прикрыт свойственною Пушкину грациею и не оскорбляет приличия.

Позволить.

2. В послании к Князю Г. (стр. 15—16) есть несколько стихов, которые в цензурном отношении могут показаться сомнительными по выражениям: *украшенных глупцов, почетных подлецов*.

Исключить по черному карандашу.

3. Стихотворение «*Моя родословная*» (стр. 19) ходило в рукописи и известно было, как ответ Булгарину на его упрек в происхождении Пушкина: в предполагаемом издании Г. Анненкова многие стихи исключены и в таком виде стихотворение не противно правилам цензуры. Притом большая часть строф, как видно из примечания издателя, были уже напечатаны в «*Отечественных Записках*».

Позволить.

4. Два послания к Аристарху (стр. 28—34) заключают в себе сатиру на тупоумие не понимающего своей обязанности цензора и вместе с тем представляют идеал умного и благородного цензора, ревнителя просвещения. Личностей никаких нет. Воздерживаясь от всякого заключения об этих посланиях, имею честь представить их на усмотрение комитета.

5. *Стансы* (стр. 35) заключают несколько смелых стихов о вреде лести перед престолом. Невозможно сделать из этих стихов, заклю-

Позволить.

чающих сверх того величавую характеристику царствования государя императора Николая Павловича и излияние благодарного сердца поэта за оказанные ему благодеяния, какое-либо толкование не в пользу автора, или стихотворения.

Исключить.

6. На выздоровление Лукулла (стр. 40). При появлении этого стихотворения (в «Московском Наблюдателе» 1835) ходили толки, что оно заключало в себе личность: с тех пор это значение, если оно действительно было, утратилось и стихотворение само по себе не противно правилам цензуры.

Позволить за исключением шести стихов, зачеркнутых черным карандашом.

Позволить за исключением полу-стиха: «для власти, для ливрей».

7. В стихотворении: Когда великое свершилось торжество (стр. 43) обращают на себя внимание, смелостью, 12-й и четыре последних стиха, хотя стихотворение по мысли весьма благонамеренно. Точно так же могут показаться смелыми несколько выражений в следующем за тем стихотворении: Из VI Пиндемонта (стр. 44).

Позволить.

8. Сцена из Бориса Годунова (стр. 73—75). Разговор двух монахов о скуке монастырской жизни несколько не нарушает уважения к монашескому званию, ибо один из этих монахов Отрепьев, а другой такого же свойства — подает ему мысль назваться царевичем. Сцена эта, как видно из примечания, была напечатана три раза.

Сверх того исключить: «Цаплю» «Гостиная и салон» (как сочин. не Пушкин.) «Арзамас» (как не полное).

В заключение помещено несколько эпиграмм, направленных на некоторые известные лица, между прочим на Коченовского (стр. 97) и одного старого, еще существующего журналиста (стр. 99 и 101): но эти эпиграммы так известны всем, что всякое укрывательство их со стороны цензуры было бы совершенно бесполезно, тем более, что и они, как говорится в примечании, были напечатаны.

99 позволить.

101—исключить.

В прозаическом отделе:

В материалах для первой главы истории Петра Великого описываются Стрелецкие бунты, происки царевны Софии, Голицына, Щегловитова, Хованских и других лиц. Кроме того местами выражаются смелые исторические воззрения, например: энергическая защита молодым Петром семейства от стрельцов, названа

Позволить.

«скасской» и т. п.; наиболее резкие места находятся на стр. 11, 13, 15, 21, 23, 30 и 40. Кажется бы бесполезно теперь скрывать от публики как самые факты, не имеющие ничего общего с нашей эпохой, так и свет, проливаемый на них историком.

Позволить.

В статье Камчатские дела, заключающей в себе обзор исторических данных о приобретении русскими Камчатки, есть одно место (стр. 62), где описано, как казаки, ограбив церковь «плясали в поповских ризах». Голый факт приводится без всяких толкований и потому для сохранения исторической верности не должен подлежать исключению.

Позволить.

В статье Александр Радищев (стр. 67 по 97) представляется полный очерк известного вольнодумца времен Екатерины II, автора книги: «Путешествие из Петербурга в Москву», за которую он был сослан в Сибирь, потом возвращен. Пушкин описывает вступление его в существовавшее тогда общество Мартинистов, их дух и направление. Образ мыслей того времени, воспитание лица — все это не имеет никакого отношения к нашей современности и может разве только послужить материалом будущему историку нравов той эпохи, а потому вся статья могла бы быть без всякого вреда напечатана, как любопытный исторических эскиз. Места, над которыми могла бы задуматься цензура, если б они встретились в какой-нибудь современной статье, находятся на стр. 72 по 76, 80, 84, 95, 96 и 87.

Позволить.

Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов и несколько слов о мизинце Г. Б. (стр. 137 по 155) две полемические статьи, под псевдонимом Косичкина, против журнальной партии Греча и Булгарина. По тону и личностям, статьи эти несколько резки, но время притупило колючесть и статьи дороги только по памяти Пушкина. Вреда в цензурном отношении нет.

Позволить.

Мнение Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной. (Читано им 18 января 1836 года в императорской Российской Академии.) Пушкин в разборе своем оспаривает мнение Лобанова, находившего безусловный вред в новейшей, преимущественно французской литературе, и высказывает соб-

ственный, весьма благонамеренный взгляд на этот предмет. Стр. 160 по 165 и 172 по 176 заключают в себе между прочим суждения об обязанностях цензуры также благонамеренные. Статья оканчивается воззванием к Российской Академии.

Принимая в соображение:

1) что со времени кончины Пушкина прошло около двадцати лет и что эпоха его деятельности относительно современного литературного движения может считаться минувшею;

2) что большая часть из собранных в представляемом ныне томе его сочинений были уже напечатаны, а не напечатанные давно известны и ходят по рукам в рукописях; притом многие затронутые им лица или сошли со сцены, или скрыты под вымышленными именами, и личности и намеки поступили в число литературных преданий, и наконец

3) что уважение к памяти поэта требует всевозможной пощады и осторожности при цензурном рассмотрении его сочинений, которые и в этом отношении могли бы, до значительной степени, составить исключение противу других писателей, — я полагаю бы испросить разрешение главного управления цензуры на одобрение VII тома сочинений Пушкина в печать без всяких изменений, о чем и имею честь представить на усмотрение цензурного комитета. Цензор И. Гончаров. 6 Апреля 1857 г.

Согласно резолюциям была составлена выписка всех обреченных на исключение мест. Вот сей документ:

Выписка мест, по определению главного управления цензуры подлежащих исключению при допущении в печать рукописных сочинений А. С. Пушкина, представленных С.-Петербургским цензурным комитетом 11 апреля и 3 мая 1857 года за №№ 295 и 359.

В рукописи озаглавленной: Часть I. Стихотворения и поэтические отрывки.

В стихотворении «Вишня», на стр. 5, четверостишие:

Корсетом прикрыта
Вся прелесть груди,
Под фартухом скрыта
Приманка людей.

В том же стихотворении, на стр. 6-й:

И ветвь затрещала ...
Беда, смерть грозит.
Пастушка упала
Но, ах, какой вид ...
.....

Пастушку несчастну
С сучья тихо снял,
И грудь свою страстну
К красотке прижал.

Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.

Утеху страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий,
Супругам венед ...

И в миг зарезвился
Амур в их ногах,
Пастух очутился
На полных грудях.

И вишню румяну
В соку раздавил
И соком багряным
Траву окропил.

2. В стихотворении «Моя родословная», на стр. 20-й:

Его пример будь нам наукой:
.....
Не всяк князь Яков Долгорукой
Счастлив покорный мещанин.

3. На страницах 40-й, 41-й и 42-й:

«На выздоровление Лукулла»¹

4. В стихотворении «Когда великое свершилось торжество»,
на стр. 43:

.....
Или распятие — казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей.

И далее, там же:

Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ.

5. В стихотворении: «Из VI Пиндемонта», на стр. 44-й,
слова: «для власти, для ливреи».

---

¹ Далее выписано все стихотворение, которое мы не приводим, и следующее к нему примечание Анненкова: «Стихотворение появилось в Московском Наблюдателе» 1835 года, том IV, стр. 191. Современники поэта предполагали в основе этой пьесы эпиграммическую мысль, что и было причиной исключения стихов из издания «Сочинений Пушкина» 1837—1841 годов и из последнего издания 1895 г.

6. Эпиграмма и примечание к ней на стр. 101 и 102.

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях,
Мидкевич лях;

Пожалуй, будь себе татарин,
И в том не вижу я стыда.
Будь жид и это не беда;
Но то беда, что ты ...

Примечание. Эпиграмма эта была помещена в журнале «Сын Отечества» 1830 г. № 17, стр. 303, изд. гг. Греча и Булгарина. Ей предшествовало там объяснение редакции и заключалась она примечанием наборщика. Выписываем первое: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда, для раздачи любопытствующим, эпиграмма одного известного поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажения при переписке, печатаем его».

Примечание наборщика к последнему стиху эпиграммы тоже выписываем: «Правда, беда — по кому. Не литературным ли трутням, Цапхалкиным, Задушатиным и т. п. Примечание наборщика». Вообще далеко не все эпиграммы Пушкина собраны в нашем отделе. Мы приняли только те из них, которые, как видим, считались естественным обменом литературных нападок и не оскорбляли лиц, к которым относились; эпиграммы другого рода нами отстранены. Так исключили мы и стихи «На смерть А. Л. П.», хотя они и были напечатаны в журнале Современник 1854 г. № 9, стр. 18, отд. 3. Кстати скажем, для завершения отдела и для сообщения ему возможной полноты, что в журнале: «Москвитянин» 1849, № 4, стр. 85, «смесь» напечатан следующий экспромпт Пушкина:

Франдуз дитя:
О так, шутя,
Разрушит трон
И даст закон,
И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
И удивит
И насмешит.

Сообщающий этот экспромпт поэта прибавляет: «Пушкин сказал тогда несколько стихов и об англичанах, к сожалению, припомнить их трудно». Действительно, длинные строфы в этом роде об англичанах и немцах, которые теперь приписываются Пушкину, носят на себе признаки искажения и вряд ли могут ему принадлежать.

Выписка подписана за директора П. Новосильским и скреплена секретарем Л. Добровольским.

Об отношении Гончарова к памяти Пушкина можно судить по следующим строкам в его письме к М. А. Языкову от 15/27 декабря 1853 года:¹

«И Павлу Васильевичу [Анненкову] кланяйтесь: так он издает Пушкина! Как я рад, я, жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеича. Он с детства был моим идолом и только один он. Я было навязывался на подарок экземпляра, да Павел Васильич, уклончивый вообще, в этом случае уклонился с особенным старанием».

---

¹ Б. Л. Модзалевский. «Из переписки Гончарова», «Временник Пушкинского Дома», в. II, 1914 г., стр. 100.

Гершензон собрал в этой книжке статьи о Пушкине. Некоторые из них уже появлялись в сборниках его статей (напр. в «Образах прошлого»), другие появляются впервые в отдельном издании, и, наконец, одна из них — «Скрижаль Пушкина» — видит впервые свет печати.

Гершензон пользуется видной репутацией ученого исследователя русской литературы. Им опубликован ряд важнейших материалов для истории нашей культуры и литературы — здесь заслуги его непререкаемы. Главная ценность его историко-литературных работ создавалась обилием свежего и интересного материала. В разработке материала сказывались уже с первых работ субъективные особенности автора, его индивидуальность, своеобразие его общего мирозерцания. Но там, где между читателем и автором был новый и важный материал, там эти субъективные черты исследовательской работы отодвигались на второй план и не приносили особого ущерба, но там, где у Гершензона не оказывалось под рукой материала, — там выпирали наружу особенности гершензоновского метода работы: крайний субъективизм, чрезмерное доверие к собственной интуиции, пренебрежение к трудам других исследователей, своеобразный мистический подход к предмету исследования и мистическое углубление любой темы.

Работы Гершензона о Пушкине особенно типичны с этой точки зрения. Несколько лет тому назад (в 1911 г.) мне пришлось разобрать строку за строкой небольшой этюд Гершензона по запутанному и совершенно не освещенному вопросу пушкиноведения. («Северная любовь Пушкина».) Я вынужден был отметить ненаучные особенности его метода и констатировать их губительное влияние на результаты исследования. Исследование Гершензона оказалось с начала до конца чистой легендой, плодом не столько ученой рассудительности, сколько мечта-

---

¹ По поводу книги: М. О. Гершензона. «Мудрость Пушкина». Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве». Стр. 229. М. 1919. Ц. 40 р. Статья была впервые напечатана в журнале «Книга и революция». 1920 г. № 2 (август).

тельного воображения. Воспроизводя свою статью в отдельном издании в 1912 г., Гершензон перепечатал ее без изменений, как бы не признавая моей критики, но не без чувства удовлетворения я вижу, что, внося эту статью в рецензируемую книгу, автор, наконец, сдался на мои доводы и выбросил из нее не мало страниц, но у него не хватило решимости выбросить всю статью, которая не имеет ныне никакого научного значения.¹

С годами указанные особенности ученого метода, в особенности доверие к интуиции, завладевали Гершензоном все более и более, не оставляя места объективной ученой работе. Исчезла личность исследователя, и все ярче и ярче выступала личность мыслителя-мистика, писателя-публициста, который прислушивается к своему внутреннему голосу, а не к голосу объективных фактов (это в ученых работах-то!), стремится не столько к установлению объективной истины, сколько к назидательному поучению. Историко-литературные работы перестали быть самоцелью, а стали средством для выявления мистического мировоззрения автора. Статьи Гершензона из исследований, полных фактических наблюдений, мало по малу обращались в своеобразные публицистические опыты на историко-литературных дрожжах, в какие-то мистические манифесты, ставившие вещи вниз головой и объявлявшие интуитивное чувство источником знания. Гершензону стало казаться, что для того, чтобы понять и изучить писателя, надо в сущности только уметь читать его. Он пришел к заключению, что никто до него не умел читать, например, Пушкина и что ключ к Пушкину дан ему, Гершензону, в процессе мистического восприятия. Стремление отыскать «вещь в себе» пушкинского творчества заставляло Гершензона проявлять оригинальность, во что бы то ни стало (если все до Гершензона говорили так, а не иначе, то именно потому Гершензон должен сказать иначе!); самые простые вещи оказывались таящими необычайные глубины, непостижимые ни для кого и открывшиеся только ему, Гершензону. Например, повесть Пушкина «Станционный смотритель» для Гершензона похожа на загадочную картинку для детей: «нарисован лес, а под ним напечатано: где тигр?» «Очертания ветвей образуют фигуру тигра; однажды разглядел ее, потом видишь ее сразу и дивишься, что другие не видят». Гершензон разгадал идею «Станционного смотрителя»: «она вся налицо, так что всякий может ее видеть, и однако все видят только лес». Открытие Гершензона — наивная и милая натяжка, не лишенная забавного остроумия, и только. «Метель» Пушкина тоже оказалась преисполненной особого смысла, уловленного только Гершензоном: Пушкин изобразил жизнь-метель не только как властную над человеком стихию, но как стихию умную, мудрейшую самого человека». «Жизнь, метель — слуга Власть-имущего»

¹ См. выше «Из разысканий и т. д.», стр. 150—152 и след.

(так Гершензон и пишет с большой буквы: Власть-и-мушій). Таковы же рассуждения Гершензона о «Памятнике» Пушкина. Расходясь в толковании этого стихотворения со всеми и выдвигая свои толкования, Гершензон с самоудовлетворением объявляет, что именно так, как он, должен понять Пушкина всякий разумный человек. Читателю предоставляется сделать вывод, к какой же категории в умственном отношении могут быть причислены исследователи, не согласные с Гершензоном. А новое толкование Гершензона — тоже натяжка, на этот раз докучная и нудная. Таким же вымученным построением отличается исследование Гершензона о «мудрости» Пушкина. Если о чьей мудрости можно получить представление по этому исследованию, то, конечно, о мудрости Гершензона. Не хочется спорить, не хочется полемизировать с ним, и не надо делать этого, ибо можно спорить против аргументов, но нельзя спорить против откровений интуиции и вещавий.

Основная тема Пушкина, по Гершензону, — изображение неполноты и совершенства. Совершенство не желает и не действует, ущербность, взаикав совершенства, желает и действует и этим желанием и действием только глубже погружает себя в ущербность и т. п. Самому Пушкину не было дано полноты, совершенства; судьба повела его, по Гершензону, через страсти и душевный холод (это Пушкина-то!) и т. д. «Разумение Пушкина совершенно духовно, т. е. имеет своим предметом исключительно жизнь духа, так как в духе он видит не только единственное творческое начало и всеобщего двигателя, но и единственную реальность мироздания, веществу же приписывает лишь призрачное бытие, которое создается и определяется каждый раз данным состоянием духа». Стоит ли опровергать это утверждение? Не ясно ли, что оно вытекает из мировоззрения Гершензона и им навязывается Пушкину. Не ясна ли до очевидности, до бесспорности полная неприменимость его к Пушкину. Всякое время, всякая группа, всякий слой может по своему истолковывать такое огромное явление, каким остается Пушкин, и эти групповые истолкования могут быть ценны для характеристики эпохи, но в ученом расследовании, научном изучении Пушкина им не место: они висколько не обогащают наших знаний, наоборот, облакают густой пеленой и то немногое, что мы действительно знаем, становятся на пути объективному изучению. Для вещателя-мистика объективное наблюдение теряет свою нудящую силу, способности критического анализа подменяют игрой воображения, не лишенной известной доли занимательности, и только. Наконец, наступает момент, когда такой мистический исследователь, опрокидывающий действительность в мистические бездны, сталкивается с здравым смыслом и получает от него жестокий удар. Благо ему, если этот удар заставит его очнуться.

Так случилось и с Гершензоном. Его статья, появляющаяся

впервые в печати в новой книге, — «Скрижаль Пушкина», — наносит этот жестокий и беспощадный удар автору за то, что в своей работе над Пушкиным он совершенно удалился от Пушкина и занялся выявлением мистических глубин своего я в своих изучениях, яко бы, Пушкина. «Скрижаль Пушкина» — тоже манифест, несущий новое откровение всем жалким исследователям и ничтожным читателям Пушкина. Как и подобает манифесту, он выразительно краток. Его нельзя цитировать, а надо привести целиком. Вот возведенная новым Моисеем «Скрижаль Пушкина»:

«Самую поразительную из страниц, написанных Пушкиным, постигла и судьба поразительная. Ее никто не знает; ее нет, сколько мне известно, ни в одном собрании его сочинений; ее только раз, в деловом порядке, неточно напечатал В. Е. Якушкин в составленном им описании рукописей Пушкина. — На отдельном листке плотной шершавой бумаги, с обеих сторон, от верха лицевой до самого конца оборотной страницы написано его рукой следующее:

«Руссо сказал: *il n'y a de beau que ce qui n'est pas*. Это не значит: прекрасно только то, что не существует. Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам единственно для того, чтоб исчезнуть, чтобы нам сказаться, чтобы нам ожить, обновить душу; но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем. Оно не имеет ни имени, ни образа; оно посещает нас в лучшие минуты жития. Величественное зрелище природы, еще более величественное зрелище души человеческой, поэзии, счастье, несчастье дают нам сии высокие ощущения прекрасного — и весьма понятно, почему почти всегда соединяется с ними грусть... но грусть, не приводящая в уныние, а животворная, сладкая; какое-то смутное стремление... Это происходит от его скоротечности, от его невыразимости, от его непостижимости... прекрасно только то, чего нет. В эти минуты живого чувства, стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобой, — но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется и что для тебя где-то существует. И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия души: иначе отчего бы в минуту наслаждения не иметь полноты и ясности наслаждения. Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимопролетающий благовеститель лучшего... оно есть восхитительная тоска по отчизне, оно действует на нашу душу не настоящим, а темным, в одно мгновение соединенным воспоминанием всего прекрасного в прошедшем и тайным ожиданием чего-то в будущем.

А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду. —

«Важность этого призыва не умаляется тем, что семя его запало в душу Пушкина извне. Знающие, конечно, тотчас вспомнили стихотворение Жуковского «Лалла Рук». Действительно, Пушкин воспринял туманную мысль Жуковского, но углубил ее безмерно и выразил с такой несравненной четкостью, наглядностью, почти осязательностью, какие дает только глубокий личный опыт.

«Приведенная страница — ключ к пониманию Пушкина. Так вот каким светом светит его поэзия. Он в опыте твердо узнал небытие воплощенного мира и открытым взором созерцал проблески совершенной красоты сквозь земную явь: он не только видел иной мир, — он и сознавал, что видит его. И не случайно эта страница открылась впервые мне, от юных лет познавшему на земле одну эту правду: правду о лучшем мире».

Прочитав этот абзац статьи Гершензона, нельзя не подивиться искренности тона и наивной заносчивости. Недаром эта страница открылась ему, Гершензону, познавшему с юных лет одну правду: правду о лучшем мире. Просто неловко читать такую словесную дребедень. Но однакож, куда как далеко его метнуло! В своем беге за сокрытым ключом к пониманию Пушкина Гершензон оторвался от действительного Пушкина, так зарвался, так занесся, что прямо-таки забыл Пушкина, забывал его творчество, его поэзию. Не решаемся сказать: Гершензон не знал и не знает Пушкина, но уверенно говорим: Гершензон знал и забыл Пушкина, забыл настолько, что с полным убеждением выдал за новую неизвестную страницу Пушкина отрывок, принадлежавший перу Жуковского. Да, это так: скрижаль, которая, по мнению Гершензона, ни много, ни мало дает ключ к пониманию Пушкина, страница, в которой Пушкин выразил мысль о существовании прекрасного с такой несравненной четкостью, наглядностью, почти осязательностью, какие дает только личный опыт, эта скрижаль принадлежит именно Жуковскому. Для всякого исследователя, для всякого учителя словесности, наконец, для любого вдумчивого читателя ясно, что в этой скрижали нет ни пушкинского слога, ни пушкинкой мысли, что и по стилю и по содержанию скрижаль сильно напоминает Жуковского, даже если бы и не были процитированы стихи из его «Лалла Рук». Гершензон не почувствовал этого; он основательно забыл и Пушкина и Жуковского, и, найдя ключ к Пушкину, не дал себе труда даже посмотреть в издание сочинений Жуковского, где эта скрижаль полностью печатается в примечании к «Лалла Рук».¹

Если бы Гершензон следил за литературой своего предмета

---

¹ Сочинения Жуковского, изд. 7-е, под ред. П. А. Ефремова, СПб. 1878, т. II, стр. 327, или изд. 10-е, под ред. его же. СПб., 1901, стр. 213, или изд. Т-ва Сытина, под. ред. А. Д. Алферова, М., 1902, т. I, стр. 148.

(а ученому исследователю не мешало бы делать это!), то в 1916 году он мог бы прочесть в 6-й книге «Русского Библиофила» статью Б. Л. Модзалевского «Из альбомной старины», а в этой статье вписанный собственноручно Жуковским в альбом Е. Н. Мещерской, рожд. Карамзиной, текст рассуждения о прекрасном. Свернув пушкинский список с двумя текстами Жуковского по собранию сочинений и по альбому, Гершензон мог бы прийти к выводу, что пушкинский текст почти тождествен с текстом альбома, а от текста сочинений он отличается вариантами.

Вот тебе и ключ к пониманию Пушкина, вот тебе и самая поразительная его страница, которую постигла и судьба поразительная, — страница, свидетельствующая о глубоком личном опыте Пушкина, доказывающая, что он в опыте твердо узнал небытие воплощенного мира и т. д... Какой неслыханный пассаж для ученого историка, пушкиниста и критика и какой удар для верующего в интуицию мистика — прямо в роде открытия мощей в наше время. Итак, случайно или не случайно «открылась эта страница Гершензону, от юных лет познавшему на земле одну правду: правду о лучшем мире»? Хотелось бы думать, не случайно. Быть может, такой поразительный скандал образумит Гершензона, собьет с него спесь самолюбленности и с пути интуитивных откровений, которые не стоят ломаного гроша, повернет его на дорогу вдумчивой и внимательной работы над материалом, над изучением литературы предмета. Быть может, он бросит заумные речи и заговорит простым языком и перестанет пускать в публику манифесты об открытиях, совершаемых им в пустом пространстве. У нас так мало дельных исследователей литературы, что не хотелось бы окончательно потерять и Гершензона. Но, читая его новейшие изыскания, мы должны помнить о скрижали, вознесенной Гершензоном. На его опытах о мудрости Пушкина скрижаль ставит крест.¹

---

¹ Гершензон умер 20 февраля 1925 г.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Адлерберг**, гр. Амалия Максимилиановна, р. фон-Лерхенфельд, по 1 бр. бар. Крюденер — 141.
- Аксаков**, Константин Сергеевич — 301.
- Александр I**, имп. — 13, 52, 55, 129, 140, 142, 227.
- Александр II**, имп. — 9, 128, 132, 133, 293.
- Александра Николаевна**, велик. кн. — 163.
- Александра Федоровна**, им. — 134, 158, 253.
- Алексеев Александр Ильич** — 86, 87, 92—94, 98—108, 110—112, 115—118, 120, 121.
- Алексеев, Пля Иван** — 86, 87, 93, 100, 103, 106, 118.
- Алексеев, Николай Ильич** — 92.
- Алексеев, Николай Степан.** — 211, 231, 291, 336.
- Алексеева, Наталия Филипповна**, р. Вигель — 87, 93, 106.
- Алферов, Александр Данил.** — 373.
- Андро, Анна Алексеевна**, р. Оленина — 241.
- Анчкова, Ольга Леоновна**, р. кн. Грузинская, по 1 бр. Турчанинова — 312.
- Анна Федоровна**, вел. кн. — 161.
- Анненков, Павел Васильевич** — 17, 18, 24, 39—42, 49, 53, 77, 173, 174, 177—180, 191, 208—212, 216, 220, 240, 259—262, 265, 268, 274, 275, 318, 339—341, 361, 362, 366, 368.
- Анстет, бар. Иван Осипович**, — 357—360.
- Апраксина, гр. Мария Александровна** — см. кн. Долгорукова.
- Аракчеев, гр. Алексей Андреев.** — 55.
- Арендт, Николай Федорович** — 137, 146.
- Арина Родионовна**, няня Пушкина — 297.
- Арно, Антуан** — 349—351.
- Арсеньев, Дмитрий Васильев.** — 153.
- д'Аршиак, виконт** — 143.
- Афанасьев, Александр Никол.** — 33, 301.
- Багратион, кн. Екатерина Павловна**, р. гр. Скавронская — см. бар. Гоуден.
- Байрон, лорд** — 191, 192, 286, 307, 320.
- Бакунин, Михаил Александр.** — 289.
- Балашев, Александр Дмитриевич** — 82, 123, 125.
- Балашев, Иван Григорьевич** — 98.
- Балк** — 190.
- Баранова, Мария Трофимовна** — см. Пашкова.
- Барков, Дмитрий Николаевич** — 42, 44, 47, 48, 50.
- Барков, Иван (Семенович?)** — 18, 19, 27—31, 71, 73.
- Бартнев, Петр Иванович** — 15, 19, 39—41, 47, 53, 54, 144, 190, 199, 269, 318, 340.
- Бартнев, Юрий Никитич** — 199.
- Батюшков, Константин Никол.** — 22.
- Башмакова, Варвара Аркадьевна**, р. гр. Суворова-Рымнинская, кн. Итальянская — 181.
- Безобразов, Сергей Дмитриев.** — 134.
- Безобразова, Любовь Александр.**, р. кн. Хилкова — 134.
- Белинский, Виссарион Григорьевич** — 300, 301.
- Белосельская-Белозерская**, кн. Зинаида Александровна — см. кн. Волкопская.
- Бенкендорф, гр. Александр Христофорович** — 52, 69, 76, 81—83, 88—90, 92—94, 96—100, 108, 124, 135, 138, 143—145, 148, 297, 353, 357.
- Берс, Б.** — 302.

- Бертен, Антуан — 195.
 Бестужев, Александр Александрович — 54—56, 72, 73, 172, 177, 193, 200—205, 208, 239, 264, 299.
 Бестужев, Михаил Александров. — 293—296.
 Бестужев, Николай Александр. — 72.
 Бестужев, Петр Александр. — 72.
 Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович — 72—75, 268, 269, 295.
 Бестужева, Прасковья Мих. — 299.
 Бецкой, Иван Егорович — 155.
 Бечаснов, Владимир Александрович — 72.
 Bigkbeck, W. J. — 164.
 Бируков, Александр Степан. — 201.
 Бисмарк, кн. Отто — 9.
 Блудов, гр. Дмитрий Николаевич — 71, 79.
 Бобринская, гр. София Александровна, р. гр. Самойлова — 158.
 Бобринский, гр. Алексей Алексеевич — 136.
 Бобров, Семен Сергеевич — 30, 35, 199.
 Боденштедт, Фридрих — 360.
 Боратынский, Евгений Абрам. — 96, 177, 178, 185, 298, 332, 334.
 Боратынский, Петр Андреев. — 123.
 Борх, гр. Иосиф Михайлович — 140.
 Борх, гр. Любовь (Эмма) Викентьевна, р. Гольнская — 140.
 Бочелла, маркиз Чезаре — 162, 163.
 Бошняк, Александр Карлович — 77.
 Браиловский, Сергей Никол. — 311.
 Браницкая, гр. Елизавета Ксаверьевна — см. кн. Воронцова.
 фон-дер-Бригген, Александр Федорович — 63.
 фон-ден-Бринкен, Рихард Егорович — 132.
 Брозина, Мария Антоновна, р. кн. Четвертинская, по 1 бр. Нарышкина — 35, 140, 160.
 Брокер, Адам Фомич — 93.
 Брызгалов, двор. человек — 124.
 Брюсов, Валерий Яковлевич — 94, 261, 318, 320—322, 324, 328—330, 353.
 Булгаков, Александр Яковлев. — 93, 94, 100, 310, 311, 352.
 Булгаков, Константин Яковлевич — 310, 311, 352.
 Булгарин, Фаддей Венедикт. — 191, 208—206, 271, 362, 364, 367.
 Бурцев, Иван Григорьевич — 42, 43, 45.
 Бутурлин, Дмитрий Петрович — 73.
 Бутурлин, гр. Михаил Дмитрич. — 161, 162, 179.
 Бутурлина, гр. Екатерина Ивановна, р. Нарышкина — 162.
 Бутурлина Елизавета Михайловна, р. Комбурлей — 141.
 Буянов — 314.
 Быстрицкий, Андрей Андреев. — 101.
 Бычков, Иван Афанасьевич — 159.
 Вадковская, Елизавета Петровна, р. ~~Владимир~~^{Владимир} 110, 120.
 Варфоломей, Егор Кириллов. — 291.
 Варфоломей, Пульхерия Егоровна — см. Маю.
 Васильев, Иван Иванович — 98.
 Василий, двор. человек — 110.
 Введенский, Арсений Иванов. — 157.
 Вевель — 283, 285.
 Вейденбаум, Евгений Густавович — 345, 346.
 Велькер, Карл-Теодор — 360.
 Венгеров, Семен Афанасьевич — 9, 18, 21, 29, 40, 155, 166, 168, 169, 173, 175, 180, 184, 206, 210, 223, 233, 240, 319, 320, 337, 339, 340, 345.
 Венивитинов, Дмитрий Владимирович — 235.
 Вересаев, Викентий Викент. — 269.
 Веселовский, Алексей Никол. — 40.
 Вигель, Наталия Филипповна — см. Алексеева.
 Вигель, Филипп Филиппович — 87, 92.
 Вильон — 28.
 Виртембергская, герцогиня — 55.
 Виртембергский, герцог Ал-др — 55.
 Витберг, Федор Александр. — 312.
 Витгенштейн, св. кн. Петр Христианович — 285.
 Витт, гр. Иван Осипович — 77, 269.
 Wischnitzer, M. — 51.
 Воейков, Александр Федорович — 55, 171, 178, 204.
 Воейкова, Александра Андреевна, р. Протасова — 156, 157, 332.
 Волконская, кн. Зинаида Александровна, р. кн. Белосельская-Белозерская — 227, 234, 235.
 Волконская, кн. Мария Николаевна, р. Раевская — 205, 222—228, 232, 234—239, 242, 243, 254, 262, 346.
 Волконский, кн. Николай Серг. — 242.
 Волконский, св. кн. Петр Михайлович — 55, 144, 154, 281, 285.
 Волконский, кн. Сергей Григорьевич — 224, 225, 234, 262.
 Вольтер, Франсуа-Мари — 26—28, 31, 32, 72, 114, 286.
 Вольховский, Владимир Дмитриевич — 10.

- Воронцов, кн. Михаил Семенович — 153, 155, 181, 200, 265, 295.
- Воронцова, кн. Елизавета Ксаверьевна, р. гр. Браницкая — 160, 181, 240, 258, 265, 346.
- Воронцова-Дашкова, гр. Александра Кирилловна, р. Нарышкина — см. бар. де-Пойи.
- Врангель, бар. Александр Егорович — 37.
- Вревская, бар. Евпраксия Николаевна, р. Вульф — 256, 257.
- Вревский, бар. Павел Александрович — 353.
- Всеволожский — 47.
- Всеволожский, Александр Всеволодович — 50.
- Всеволожский, Никита Всеволод. — 39, 41—46, 48, 50, 56, 61, 62, 175, 176.
- Вунч, Александр Лазаревич — 102, 108.
- Вульф, Алексей Николаевич — 102, 256, 257.
- Вульф, Анна Николаевна — 87.
- Вульф, Евпраксия Николаевна — см. бар. Вревская.
- Вульф, Петр Иванович — 102.
- Вульф, Прасковья Александровна, р. Вындомская — см. Осипова.
- Вындомская, Прасковья Александровна по 1 бр. Вульф — см. Осипова.
- Вяземская, кн. Вера Федоровна, р. кн. Гагарина — 136, 144, 145, 240.
- Вяземские, княжны — 314.
- Вяземский, кн. Павел Петр. — 190.
- Вяземский, кн. Петр Андреев. — 13, 20, 21, 37, 71, 74, 80, 85, 144, 146, 156—160, 170, 181, 185, 190, 200—202, 204, 207, 216, 221, 235, 241, 242, 270, 298, 310, 324, 332.
- Гаврилов, Владимир — 110.
- Гагарина, кн. Вера Федоровна — см. кн. Вяземская.
- Гаевский Виктор Павлович — 18, 19, 23, 24, 26, 30, 31.
- Галли, Джузеппе — 154.
- Гастфрейнд, Николай Андреев. — 22.
- Гадиский, Александр Серафимович — 50.
- Геккерен, бар. Луи — 142—146.
- Геккерен-Дантес, бар. Екатерина Николаевна, р. Гончарова — 142, 143.
- Геккерен-Дантес, бар. Жорж — 140, 142, 143.
- Геннади, Григорий Николаевич — 30, 162, 174.
- Гернад, переводчик — 357.
- Герцен, Александр Иванович — 301.
- Гершензон, Михаил Осипов. — 64, 150—152, 166—168, 174, 181, 182, 186—188, 193, 194, 198, 202—204, 206—208, 210, 213, 225, 237, 240, 243—245, 250—254, 369—374.
- Гессенский, принц — 163.
- Глинка, Федор Николаевич — 45, 47, 48, 50—52, 62, 63, 170.
- Гнедич, Николай Иванович — 48, 50, 56, 199.
- Гоголь, Николай Васильевич — 301.
- Годениус, Жорж — 284.
- Голенищев-Кутузов, гр. Павел Васильевич — 77, 78, 125.
- Голенищева-Кутузова, Елизавета Михайловна, по 1 бр. гр. Тизенгаузен, — см. Хитрово.
- Голицын, кн. Александр Николаевич — 76, 77, 82, 125.
- Голицын, кн. Андрей Михайл. — 153, 155.
- Голицын, кн. Василий Васильевич — 363.
- Голицын, кн. Василий Серг. — 153.
- Голицын, кн. Владимир Вас. — 156.
- Голицын, кн. Михаил Мих. — 153, 155.
- Голицын, кн. Михаил Мих. — 151, 153—155, 161—165, 190.
- Голицын, кн. Николай Борис. — 357.
- Голицын, кн. Николай Николаевич — 153—155, 165, 190—191.
- Голицын, кн. — 191.
- Голицына, кн. Александра Михайловна, по 1 бр. кн. Долгорукова, — см. гр. фон-Мюнстер.
- Голицына, кн. Евдокия Ивановна, р. Измайлова — 190.
- Голицына, кн. Елена Александровна, р. Нарышкина, по 1 бр. гр. Суворова-Рымникская, кн. Итальянская — 153, 161.
- Голицына, кн. Елена Михайловна, р. кн. Голицына — 154.
- Голицына, кн. Елизавета — 141.
- Голицына, кн. Леонилла Михайловна — см. гр. Корниани.
- Голицына, кн. Мария Аркадьевна, р. гр. Суворова-Рымникская, кн. Итальянская — 151 — 166, 168, 172 — 175, 178—182, 184 — 186, 188—191, 198, 207, 213, 244, 252—254, 256.
- Голицына, кн. Прасковья Андреевна, р. гр. Шувалова — 190.
- Голицыны, княжны, дочери кн. М. А. Голицыной — 163, 164.
- Головкин, гр. Юрий Александр. — 159.

- Голынская, Любовь (Эмма) Викентьевна — см. гр. Борх.
- Гончаров, Иван Александр. — 301, 361 — 368.
- Гончарова, Екатерина Николаевна — см. бар. Геккерен-Дантес.
- Гончарова, Наталия Николаевна, по 1 бр. Пушкина — см. Ланская.
- Горбачевский, Иван Иванович — 101, 293 — 296.
- Горголи, Иван Саввич — 279, 280.
- Горчаков, св. кн. Александр Михайлович — 9 — 38, 362.
- Горчаков, кн. Дмитрий Петров. — 35, 73.
- Горчаковы, св. князья, потомки св. кн. А. М. Горчакова — 22.
- Гоуден, бар. Екатерина Павловна, р. гр. Скаронская по 1 бр. кн. Багратион — 152.
- Гофман, Модест Людвигович — 332, 333.
- Грабовская, домовладелица — 286.
- Грабовский, гр. Стефан Фомич — 144.
- де-Граммон, герцогиня Аглая Антоновна, по 1 бр. Давыдова, — см. Себастиани.
- Греч, Николай Иванович — 364, 367.
- Грибоедов, Александр Сергеевич — 57, 190, 193, 301.
- Громницкий, Петр Федорович — 74.
- Грот, Константин Яковлевич — 23, 51, 158, 159, 163.
- Грот, Яков Карлович — 10, 15, 16, 18 — 20, 22, 23, 78, 163.
- Грузинская, кн. Ольга Леоновна по 1 бр. Турчанинова — см. Аничкова.
- Губер, Петр Константинович — 254.
- Давыдов, В. — 302, 314.
- Давыдов, Василий Львович — 295.
- Давыдов, Денис Васильевич — 74, 314.
- Давыдов, Иван Иванович — 314.
- Давыдова, Аглая Антоновна, р. герцогиня де-Граммон — см. Себастиани.
- Давыдова, София Андреевна — см. Козлова.
- Данзас, Борис Карлович — 309.
- Дашков, Павел Яковлевич — 332.
- Декандоль, Огюст — 160.
- Деларю, Михаил Данчлович — 134.
- Дельвиг, бар. Антон Антонович — 11, 42, 44, 47, 48, 50, 55, 74, 96, 173, 198, 201, 205 — 208, 214, 269, 297 — 299.
- Депрерадович, Николай Иванович — 118, 120, 121.
- Дибич-Забалканский, гр. Иван Иванович — 55, 76, 78, 86, 93, 94, 100, 101, 107.
- Дивов, Василий Абрамович — 72.
- Добровольский, Лаврентий Львович — 367.
- Довнар-Запольский, Митрофан Викторович — 75.
- Долгоруков, кн. Алексей Алексеевич — 125.
- Долгоруков, кн. Дмитрий Иванович — 48.
- Долгоруков, кн. Дмитрий Николаевич — 155.
- Долгоруков, кн. Яков Федор. — 366.
- Долгорукова, кн. Александра Михайловна, р. кн. Голицына — см. фон-Мюнстер.
- Долгорукова, кн. Мария Александр., р. гр. Апраксина — 141.
- Дондуков-Корсаков, кн. Михаил Александрович — 352.
- Дубровин, Николай Федоров. — 281.
- Дурасов, Николай (Егор Александрович ?) — 123.
- Дурново, Николай Николаевич — 33, 35.
- Евдокимов, Е. издатель — 96.
- Екатерина II, имп. — 116, 364.
- Елагина — 110.
- Елагина, Елизавета Петровна — см. Вадковская.
- Елена Павловна, вел. кн. — 159.
- Ершова — 11, 37.
- Ефремов, Петр Александрович — 16, 30, 31, 40, 47, 48, 97, 98, 122, 123, 155, 175, 177, 179, 180, 188, 189, 253 — 257, 274, 301, 302, 309, 319, 337, 340, 345, 373.
- Жадовский, Анастасий Евстафьевич — 51.
- Жадовский, Иван Евстафьевич — 46, 50, 51, 62.
- Жуков, Иван Петрович — 74.
- Жуковский, Василий Андреевич — 55, 71, 72, 78 — 80, 91, 128, 129, 138, 146, 156 — 160, 163, 181, 185, 281, 294, 301, 352, 373, 374.
- Завалишин, Ипполит Принархович — 85.
- Зайдель, Григорий Соломонович — 61.
- Зайцев, Варфоломей Александрович — 289.
- Закревская, гр. Аграфена Федор., р. гр. Толстая — 241.
- Закревский, гр. Арсений Андреевич — 82.

- Захаров, Иван Семенович — 334.
 Зейдель, Карл Иванович — 305.
 Зеленецкий, Константин Петрович — 257, 258, 265, 269, 270, 272.
 Зелинский, Василий Онисим. — 203.
 Земфира, дыганка — 287, 288.
 Зибенпфейфер, Ф. Я. — 360.
 Зилоти, Мария Апостоловна, р. Стамо — 292.
 Зубков, Василий Петрович — 42, 45, 309.
- Иванов, обер-аудитор — 102, 115, 117.**
 Иванов, Илья Иванович — 74.
 Ивановский, Андрей Андреев. — 77.
 Измайлов, Николай Васильевич — 299, 357.
 Измайлова, Евдокия Ивановна — см. Голицына.
 Игличевский, Алексей Демьян. — 10, 18, 23, 24, 350, 351.
 Ицзов, Иван Никитич — 281—286, 295.
 Иоанн, архиепископ Новгородск. — 32—35.
 Исаков, Яков Алексеевич — 162, 175, 180.
 Истомина, Евдокия Ильинич. — 314.
- Иверин, Петр Павлович — 40, 50, 51, 177, 178.**
 Кантемир, кн. Антиох Дмитр. — 36.
 Капнист, гр. Петр Иванович — 171, 175—178, 187, 197, 200, 226.
 Капнист, Семен Васильевич — 62.
 Карамзин, Николай Михайлович — 47, 55, 80, 91.
 Карамзина, Екатерина Николаевна, — см. кн. Мещерская.
 Карл X, король Франции — 154.
 Кардев, Яков Иванович — 10.
 Катакази, Константин Антон. — 291.
 Катенин, прапорщик — 62.
 Каховский, Петр Григорьевич — 268, 269.
 Каченовский, Михаил Трофимов. — 300, 363.
 Кашкин, Сергей Николаевич — 47.
 Кешпен, Петр Иванович — 155.
 Керн, Анна Петровна, р. Полторацкая, — см. Маркова-Виноградская.
 Киселев, гр. Павел Дмитриевич — 144, 258, 266, 282, 284, 285.
 Киселева, Елизавета Николаевна, р. Ушакова — 188, 345.
 Киселева, гр. София Станиславовна, р. гр. Потодкая — 258.
 Ключевский, Василий Осипов. — 32.
- Княжевич, Дмитрий Максим. — 266.
 Ковалевский, М. — 98.
 Козидкая, Александра Григорьевна, — см. гр. Лаваль.
 Козлов, Василий Иванович — 200.
 Козлов, Иван Иванович — 156—159, 162, 163, 166, 181.
 Козлова, София Андреевна, р. Давыдова — 156.
 Кокешкин, Сергей Александр. — 145.
 Комбурлей, Елизавета Михайл. — см. Бутурлина.
 Кондильяк, Этьен — 286.
 Коноплев, Василий Гаврилович — 84, 88, 90, 92, 96, 99, 100, 109, 117, 121, 126.
 Константин Константинович, вел. кн. — 318.
 Константин Павл., вел. кн. — 161.
 Копылов, Адриан Федорович — 222.
 Корняни, гр. Леонилла Михайл., р. кн. Голицына — 154, 156, 163.
 Корф, гр. Модест Андреевич — 10, 51, 97, 146.
 Корф, Федор Христианович — 102.
 Костенецкий, Яков Иванович — 301.
 Костомаров, Николай Иванов. — 33.
 Костюшко, Тадеуш — 367.
 Кочубей, кн. Виктор Павл. — 125, 132, 133.
 Кошанский, Николай Федор. — 10, 350.
 Красный, С. — 61.
 Кривцов, Николай Иванович — 27, 310.
 фон-Кронек, Адам Адамович — 102.
 Крылов, Иван Андреевич — 55, 86.
 Крюденер, бар. Амалия Максимилиановна, р. фон-Лерхенфельд — см. гр. Адлерберг.
 Кубасов, Иван Андреевич — 82, 201.
 Кузмин, Н. — 236.
 Кульман, Николай Карлович — 159, 281—283, 285.
 Куракин, кн. Алексей Борис. — 125.
 Кюхельбекер, Вильгельм Карл. — 55.
- Лабзин, Александр Федоров. — 45.**
 Лаваль, гр. Александра Григорьевна, р. Козидкая — 190.
 Лавуазье, Антуан — 160.
 Ланге, Петр Иванович — 199.
 Ланская, Наталия Николаевна, р. Гончарова, по 1 бр. Пушкина — 135, 138, 140, 142, 143, 146, 148, 273, 309—314, 318, 344, 345, 361.
 Ланская, Ольга Степановна — см. кн. Одоевская.
 Ларош, Герман Августович — 50.

- Лабрен, Понс-Дени-Экушар — 183, 193.
- Левашев, гр. Василий Васильевич — 43, 75, 77.
- Ледникий, Вацлав — 254.
- Лемке, Михаил Константинович — 52, 97.
- Леопольд, вел. герц. Баденский — 360.
- Леопольдов, Андрей Филиппович — 84, 87—90, 92, 95, 99, 100, 104, 105, 107—110, 113, 116—126.
- Лернер, Николай Осипович — 21, 22, 31, 166—168, 174, 175, 178—180, 185, 188, 189, 199, 210—212, 230, 233, 235, 237, 240, 241, 295, 320, 335, 340, 345, 346, 351.
- Лерхенфельд, Амалия Максимилиановна, по 1 бр. бар. Крюденер — см. гр. Адлерберг.
- Лескомб, Матвей — 165.
- Ливен, графиня — 152.
- Липранди, Иван Петрович — 222, 291.
- Лисовский, Николай Федоров. — 74.
- Лобанов, Михаил Евстафьев. — 364.
- Лобанов-Ростовский, кн. Дмитрий Иванович — 125.
- Лобода, Андрей Митрофанов. — 206.
- Лонгинов, Михаил Николаевич — 50, 332.
- Лонгинов, Николай Михайл. — 144.
- Lurus, Alexis — 357.
- Мазон, Андрей — 361.
- Майков, Леонид Николаевич — 51, 97, 168, 170, 171, 176, 178, 187, 196, 197, 209, 211, 214, 215, 221, 226, 240, 294, 318, 319, 340, 341.
- Майкова, Александра Алексеевна, р. Трескина — 273, 318.
- Макарий, митрополит — 33.
- Малов, Михаил Яковлевич — 303.
- Мано, Пульхерия Егоровна, р. Варфоломей — 291.
- Мансуров, Павел Александр. — 123.
- Мансуров, Павел Борисович — 41, 42, 46, 50.
- Марин, Сергей Никифорович — 153.
- Маркова-Виноградская, Анна Петровна, р. Полторацкая по 1 бр. Керн — 240, 255, 256, 297.
- Мартынов, Павел Петрович — 145.
- Мартынова, Елизавета Соломон. — см. Шереметева.
- Марченко, Василий Романович — 125.
- Матюшкин, Федор Федорович — 339, 340.
- Мацевич, Лев Степанович — 290.
- Мерзляков, Алексей Федор. — 301.
- Мертенс, Вилим Федорович — 123.
- Меттерних, кн. Клеменс Лотарь — 359.
- Мецкерская, кн. Екатерина Николаевна, р. Карамзина — 374.
- Мецкерский, кн. Платон Алексеевич — 310.
- Миклашевский, Александр Михайлович — 63, 65, 68.
- Мильвуа, Шарль — 195.
- Мирабо, гр. Огюст Габриэль — 114.
- Митьков, Михаил Фотиевич — 57—59, 63, 75.
- Михаил Павлович, вел. кн. — 55, 69, 76, 94, 95, 101, 102, 106—108, 111, 118, 119, 121, 131—133, 136, 155.
- Михайловский-Данилевский, Александр Иванович — 48.
- Мицкевич, Адам — 136, 190, 222, 367.
- Модзалевский, Борис Львович — 22, 40, 42, 45, 48, 50, 56, 59, 61, 73, 77, 81, 110, 126, 127, 162, 163, 173, 191, 201, 223, 240, 266, 314, 368, 374.
- Модзалевский, Лев Борисович — 5, 46.
- Мозалевский, Александр Евтихиевич — 101.
- Мокульский, С. С. — 31.
- Молчанов, Дмитрий (Александрович?) — 87.
- Молчанов, Лев Александрович — 87, 92, 93, 96—110, 116—118, 120, 121, 124.
- Мольер, Жан Баптист — 14, 20.
- Мордвинов, гр. Николай Семенов. — 82, 123, 125.
- Морозов, Петр Осипович — 21, 40, 173, 174, 184, 189, 192, 211, 233, 254, 262, 270, 272, 319, 326, 328, 329, 336, 337, 339, 342.
- Модарт, Вольфганг Амадей — 50.
- Муравьев, Артамон Захаров — 74.
- Муравьев, Николай Назарьев. — 123.
- Муравьев-Апостол, Матвей Иванович — 75.
- Муравьев-Апостол, Сергей Иванович — 74, 75, 268, 269, 295.
- Муравьева, Александра Григорьев., р. гр. Чернышева — 228, 235.
- Муэн, Ромен — 284.
- фон-Мюнстер, гр. Александра Михайловна, р. кн. Голицына, по 1 бр. кн. Долгорукова — 154—156, 163—165.
- Надеждин, Николай Иванович — 300, 302, 304.
- Наполеон I, имп. — 168, 170.
- Нарышкин, Дмитрий Львович — 140.

- Нарышкин, Кирилл Александрович — 141.
- Нарышкин, Михаил Михайл. — 53.
- Нарышкина, Александра Кирилловна, по 1 бр. гр. Воронцова-Дашкова, — см. бар де-Пойли.
- Нарышкина, Екатерина Ивановна — см. гр. Бутурлина.
- Нарышкина, Елена Александровна, по 1 бр. гр. Суворова-Рымникская, кн. Итальянская — см. кн. Голицына.
- Нарышкина, Мария Антоновна, р. кн. Четвертинская — см. Брозина.
- Наталия, актриса — 23—26, 36, 37.
- Наумова, Екатерина Николаевна, р. Ушакова — 345.
- Недельский, В. Л. — 254.
- Недремский, А. — 302.
- Незленов, Александр Ильич — 152, 180—182, 186, 188.
- Некрасов, Николай Алексеевич — 224, 226, 236.
- Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович — 73.
- Нессельроде, гр. Карл Васильев. — 80, 89, 132, 144, 145, 357.
- Никитенко, Александр Васильевич — 134.
- Николай Михайлович, вел. кн. — 153, 155.
- Николай I, имп. — 42, 45, 59, 61—64, 69—96, 100—102, 119, 122, 125—149, 153, 155, 164, 253, 352, 363.
- Николай II, б. имп. — 318.
- Новосильский, Павел Михайл. — 367.
- Newman, Cardinal — 164.
- Оболенский**, кн. Евгений Петрович — 47, 52—54, 57, 59, 60, 62, 63.
- Одоевская, кн. Ольга Степановна, р. Ланская — 190.
- Ознобишин, Дмитрий Петров. — 266.
- Оксман, Юлиан Григорьевич — 15, 100.
- Оленин, Алексей Николаевич — 74, 123, 125.
- Оленина, Анна Алексеевна — см. Андро.
- Олизар, гр. Густав Филиппович — 222, 223.
- Олин, Валерьян Николаевич — 173, 179.
- Онегин (Отто) Александр Федорович — 191, 317, 331, 332.
- Опперман, гр. Карл Иванович — 125.
- Орлов, Александр Анфим. — 364.
- Орлов, кн. Алексей Федоров. — 102, 107.
- Орлов, Григорий Федорович — 162.
- Орлов, Михаил Федорович — 43, 73, 206, 207, 222, 238.
- Орлова, Екатерина Николаевна, р. Раевская — 192, 193, 205—207, 222, 237, 238.
- Осипова, Прасковья Александровна, р. Вындомская, по 1 бр. Вульф — 297.
- Павел I**, имп. — 48.
- Павлищев, Лев Николаевич — 87.
- Павлищев, Николай Иванович — 87, 102.
- Павлищев, Павел Иванович — 87, 102.
- Павлищева, Ольга Сергеевна, р. Пушкина — 87, 102, 261.
- Павлов-Сильванский, Николай Павлович — 44.
- Палицын, Александр Борис. — 30.
- Пальмер, Вильям — 163—166.
- Панина, София Федоровна, р. Пушкина — 249.
- Панчулидзе, Сергей Алексеев. — 47.
- Парри, виконт Эварист — 56, 182—184, 195.
- Паскевич, Михаил — 74.
- Паскевич-Эриванский, гр., св. кн. Варшавский, Иван Федор. — 69.
- Паулуччи, маркиз Филипп Осипович — 14, 77, 80, 89.
- Пашкова, Мария Трофимовна, р. Баранова — 141.
- Перевозищев, колл. сов. — 279, 280.
- Перевозищев, Василий Матв. — 279.
- Перевозищев, Дмитрий Матв. — 279.
- Пестель, Павел Иванович — 42—44, 57, 74, 268, 269.
- Петр I, имп. — 133, 139, 363.
- Петр III, имп. — 132.
- Петрарка — 200, 238.
- Петушков — 314.
- Пешуров, Алексей Никитич — 13, 14.
- Пиледкий-Урбанович, Мартын Степанович — 10.
- Пиндемонте — 363, 366.
- Пирожков, М. В., изд. — 73.
- Пирон, Алексис — 31.
- Плетнев, Петр Александрович — 71, 77, 78, 163, 176—178, 298, 299, 305.
- Победоносцев, Конст. Петр. — 301.
- Погодин, Михаил Петрович — 300—302.
- Поджо, Александр Викторович — 75, 77.
- де-Пойли, бар. Александра Кирилловна, р. Нарышкина, по 1 бр. гр. Воронцова-Дашкова — 141.

- Полежаев, Александр Иванов. — 85.
 Поливанов, Лев Иванович — 229, 230.
 Полторацкая, Анна Павловна — см. Ралли.
 Полторацкая, Анна Петровна, по 1 бр. Керн. — см. Маркова-Виноградская.
 Полье, гр. Варвара Петровна, р. кн. Шаховская, по 1 бр. гр. Шувалова — 160.
 Попов, Михаил Максимович — 97.
 Потапов, Алексей Николаевич — 76, 78, 86, 94, 100, 107, 118.
 Потоцкая, гр. Мария — 200.
 Потоцкая, гр. Софья Станиславовна — см. гр. Киселева.
 Поццо-ди-Борго, гр. Карл Осипович — 56.
 Прадт, Доминик-Дюфур — 73.
 Приво-де-Люмиан, Августин — 284.
 Пресняков, Владимир Владимирович — 5.
 Прозоров, П. — 300.
 Протасова, Александра Андреев. — см. Воейкова.
 Пугачев, Емельян Иванович — 135, 137, 228.
 Пушкин, Александр Александрович — 318.
 Пушкин, Алексей Михайлович — 87.
 Пушкин, Василий Львович — 18, 202.
 Пушкин, Лев Сергеевич — 50, 175 — 178, 183, 188, 192, 200, 204, 221, 237, 239, 290, 297, 332, 334.
 Пушкин, Сергей Львович — 88.
 Пушкина, Анна Львовна — 367.
 Пушкина, Наталия Николаевна, р. Гончарова — см. Ланская.
 Пушкина, Ольга Сергеевна — см. Павлищева.
 Пушкина, София Федоровна — см. Панина.
 Пушин, Иван Иванович — 11, 53, 294, 295.
 Пушин, Павел Сергеевич — 282, 284, 285.
 Пыпин, Александр Николаев. — 301.
 Пыхачев, Матвей Иванович — 74, 75, 77.
 Радищев, Александр Николаевич — 27, 128, 130, 364.
 Раевская, Екатерина Николаевна — см. Орлова.
 Раевская, Елена Николаевна — 203, 205, 223 — 224, 237, 346.
 Раевская, Мария Николаевна — см. кн. Волконская.
 Раевская, София Николаевна — 205, 227, 237.
 Раевские, семья — 192, 200, 203, 205 — 207, 213, 221, 223, 237, 238, 256, 314, 345.
 Раевский, Александр Николаевич — 193, 205, 265, 345.
 Раевский, Владимир Федосеев. — 199.
 Раевский, Николай Николаевич старший — 207, 222, 225 — 227, 237, 295.
 Раевский, Николай Николаевич младший — 110, 205, 213, 221.
 Раич, Семен Егорович — 266.
 Ралли, Анна Павловна, р. Полторацкая — 289.
 Ралли, Екатерина Захарьевна — см. Стамо.
 Ралли (Арборе), Замфир Константинович — 285 — 292.
 Ралли, Захарий — 287, 291.
 Ралли, Иван Захариевич — 289.
 Ралли, Константин Захариевич — 286 — 290.
 Ралли, Мария (Мариола) Захарьевна — 291.
 Ребинченков, Л. — 302.
 Ренне, бар. Егор Карлович — 102.
 Ренненкампф, Антон Александрович — 108.
 Ржевуская, гр. Каролина (Розалия) Адамовна — см. Собаньская.
 Ржевуская, гр. Полина Адамовна — см. Ризнич.
 Ризнич, Александр Иванович — 259.
 Ризнич, Амалия, р. Риппа — 202, 240, 255 — 275, 346.
 Ризнич, Иван Степанович — 257 — 259, 265, 266.
 Ризнич, Полина Адамовна, р. гр. Ржевуская — 269.
 Римский-Корсаков, Григорий Александрович — 309 — 311.
 Рингер — 55.
 Риппа, банкир — 257.
 Риппа, Амалия — см. Ризнич.
 Риттер, Шарль — 284.
 Робеспьер, Максимилиан — 86, 114.
 Ровинский, Дмитрий Александрович — 301.
 Родзянко, Аркадий Гаврилович — 42, 44, 48, 50.
 Розен, бар. Андрей Евгеньев. — 225.
 Рославлев, Александр Петрович — 74.
 Россети, Александра Осиповна — см. Смирнова.
 Ростопчина, гр. Евдокия Петровна, р. Сушкова — 140, 141.
 Румфорд, графиня — 160.
 Руссо, Жан-Жак — 114, 286, 290, 372.

- Рылеев, Кондратий Федоров. — 54—56, 72, 75, 79, 84, 88, 96, 99, 101—104, 109, 117, 120, 121, 200, 201, 268, 269, 272, 298, 299.
 Рылеева, Наталия Михайловна, р. Тевяшева—297—299.
 Рязановский, Федор Алексеев. — 34.
 Саади — 321, 322.
 де-Сад, маркиз — 29.
 Садиков, Петр Алексеевич — 32.
 Саитов, Владимир Иванович — 21, 155, 158.
 Сакулин, Павел Никитич — 128.
 Самойлова, гр. Софья Александровна — см. гр. Бобринская.
 Сапожников, Дмитрий Никол. — 268.
 Сербеев, Дмитрий Николаев. — 161.
 Свечина, Софья Петровна, р. Соймаконова — 152.
 Себастиани, Аглая Антоновна, р. герцогиня де-Граммон, по 1 бр. Давыдова — 236.
 Селезнев, Иван Яковлевич — 10.
 Семевский, Василий Иванович — 53, 223, 281—283, 285.
 Семевский, Михаил Иванович — 19, 20, 47, 92.
 Семенов, Алексей Васильевич — 52.
 Семенов, Степан Михайлович — 47, 60, 62, 63, 65—67.
 Сент-Мор, — 56.
 Сен-При, гр. Эммануил Франц. — 154.
 Сиверс, Александр Александрович — 42, 73, 258, 259, 266.
 Сиповский, Василий Васильев. — 40.
 Сиркур, Анастасия Семеновна, р. Хлюстина — 152.
 Сисмонди — 162, 166.
 Скавронская, гр. Екатерина Павловна, по 1 бр. кн. Багратион, — см. бар. Гоуден.
 Скино, Севастидя, р. кн. Суддо — 291.
 Скобелев, Иван Никитич — 82—84, 88—90, 92, 96, 98, 99.
 Скотт, Вальтер — 56.
 Слатвинский, Петр Иванович — 118, 120.
 Слезкинский, А. Г. — 97, 98, 100.
 Сленин, Иван Васильевич — 55.
 Смирдин, Александр Филиппович — 134, 135.
 Смирнова, Александра Осиповна, р. Россети — 79, 140, 141.
 Собаньская, Каролина (Розалия) Адамовна, р. гр. Ржевуская — 269.
 Собаньский, Александр — 258, 259.
 Соймонова, Софья Петровна — см. Свечина.
 Соколов, Борис Матвеевич — 254.
 Соколовская, Тира Оттовна — 281.
 Соллогуб, гр. Владимир Александрович — 142—145.
 Соловьев, бар. Вениамин Николаевич — 101.
 Сомов, Орест Михайлович — 299, 304.
 Сорохтин — 302, 314.
 Софья Алексеевна, царевна — 363.
 Сперанский, гр. Михаил Михайлович — 125, 191.
 Спиридов, Михаил Матвеевич — 74.
 Срезневский, Всеволод Измайлович — 209, 210, 273.
 Сречкович — 257, 258, 266.
 Сталь, ш-ше — 160.
 Стамо, Апостол Константинович (Иванович) — 291.
 Стамо, Екатерина Захариевна (Земфирина), р. Ралли — 286—292.
 Стамо, Мария Апостоловна — см. Зиллоти.
 Станевич, Евстафий Иванович — 99, 100.
 Stevens — 191.
 Стремоухов, Александр Васильевич — 102.
 Строганов, гр. Григорий Александрович — 125.
 Суворин, Алексей Сергеевич — 30, 48, 57; 97, 122, 123, 189, 301, 309.
 Суворов-Рымникский, гр., кн. Итальянский, Александр Васильевич — 151, 153, 163.
 Суворов-Рымникский, гр., кн. Итальянский, Аркадий Александрович — 153, 163.
 Суворов-Рымникский, гр., кн. Итальянский, Константин Аркадьевич — 163.
 Суворова-Рымникская, гр., кн. Итальянская, Варвара Аркадьевна — см. Башмакова.
 Суворова-Рымникская, гр., кн. Итальянская, Елена Александровна, р. Нарышкина — см. кн. Голицына.
 Суворова-Рымникская, гр., кн. Итальянская, Любовь Васильевна, р. Ярцова — 134, 141.
 Суворова-Рымникская, гр., кн. Итальянская, Мария Аркадьевна — см. кн. Голицына.
 Суздалев, Александр Дмитр. — 32.
 Сукин, Александр Яковлевич — 125.
 Сухинов, Иван Иванович — 101.
 Сухозанет, Иван Онуфриевич — 132.
 Сухонин, С. С. — 89, 98, 297.
 Суддо, кн. Михаил — 281.
 Суддо, кн. Севастидя — см. Скино.

- Сушков, Николай Васильевич — 16.
 Сушкова, Евдокия Петровна — см.
 гр. Ростовчина.
 Сытин, Иван Дмитриевич — 373.
- Тассо**, Торквато — 301.
 Татищев, гр. Александр Иван. —
 77.
 Тевяшева, Наталия Михайловна —
 см. Бессужкова Родоска.
 Тизенгаузен, гр. Елизавета Михай-
 ловна, р. Голенищева-Кутузова —
 см. Хитрово.
 Тихонравов, Николай Саввич — 34.
 Токарев, Александр Андреевич —
 45—48, 50—52, 62.
 Толстая, гр. Аграфена Федоровна —
 см. гр. Закревская.
 Толстой, гр. Варфоломей Василье-
 вич — 23, 24.
 Толстой, гр. Петр Александрович —
 118, 125, 126.
 Толстой, гр. Федор Андреевич — 123.
 Толстой, гр. Федор Иванович — 344.
 Толстой, гр. Федор Петрович — 57.
 Толстой, Яков Николаевич — 40—68.
 Томашевский, Борис Викторович —
 26, 31, 32, 351.
 Тредьяковский, Василий Кирилло-
 вич — 334.
 Трескина, Александра Алексеевна —
 см. Майкова.
 Трубедкой, кн. Сергей Петрович —
 42—45, 47, 50, 51, 53, 57, 59, 63.
 Туманская, София Григорьевна. — 223.
 Туманский, Василий Иванович —
 200, 222—224, 258, 266—269, 272,
 311.
 Тургенев, Александр Иванович —
 20, 21, 60, 61, 64—68, 156—161,
 181, 190, 200, 201, 207, 235, 241,
 264.
 Тургенев, Николай Иванович — 12,
 53, 59, 60, 63—68, 161.
 Туркул, Игнатий Лаврентьев. — 144.
 Турчанинова, Ольга Леоновна, р.
 кн. Грузинская — см. Аничкова.
 Тютчев, Алексей Иванович — 74.
- Убри**, Петр Яковлевич — 279, 280.
 Уваров, гр. Сергей Семенович — 123,
 352, 353, 356, 357.
 Улыбышев, Александр Дмитрие-
 вич — 42, 44, 48, 50.
 Урусов, кн. Александр Иванович —
 14, 19.
 Ушакова, Екатерина Николаевна —
 см. Наумова.
 Ушакова, Елизавета Николаевна —
 см. Киселева.
- Феев**, Эраст, псевд. — 302, 304—305,
 307.
 Федоров, Борис Михайлович —
 317, 334.
 Федоров, Павел Иванович — 289.
 Федорова, Анна Федоровна — 299.
 Феоктистов, Евгений Михайл. — 15.
 Фидлер, переводчик — 360.
 де-Фово — 162.
 Фоминский, Федор — 312—313.
 Фонвизин, Денис Иванович — 73.
 Фонвизин, Михаил Александр. — 52.
 Францева, М. Д. — 290.
 Фрейганг, Карл Матвеевич — 83.
 Фус, Павел Николаевич — 10, 18, 23.
- Жаланский**, Михаил Георгиев. — 257.
 Хвостов, гр. Дмитрий Иванов. — 30.
 Хилкова, кн. Любовь Александров-
 на — см. Безобразова.
 Хитрово, Елизавета Михайловна, р.
 Голенищева-Кутузова, по 1 бр.
 гр. Тизенгаузен — 357.
 Хлюстина, Анастасия Семеновна —
 см. Сиркур.
 Хованские, кн. — 363.
 Хованский, Николай Федорович — 99.
 Хомяков, Алексей Степанович — 161.
- Цявловский**, Мстислав Александро-
 вич — 31, 254, 322.
- Чаадаев**, Петр Яковлевич — 170,
 172—173, 192.
 Чайковский, Модест Ильич — 50.
 Чебышев, Александр Александро-
 вич — 50.
 Чернышев, св. кн. Александр Ива-
 нович — 77, 125, 144.
 Чернышева, гр. Александра Гри-
 горьевна — см. Муравьева.
 Четвертинская, кн. Мария Анто-
 новна по 1 бр. Нарышкина — см.
 Брозина.
 Чечупин, Николай Дмитриев. — 22.
 Чириков, Сергей Гаврилович — 10.
 Чичерин, Петр Александрович —
 118, 120.
 Chichester, lord Edward — 163.
- Шаликов**, кн. Петр Иванович — 30,
 200, 312.
 Шапсен, Жан — 27, 28.
 Шатобриан, виконт Франсуа — 160,
 161, 166, 191, 192.
 Шаховская, кн. Варвара Петровна,
 по 1 бр. гр. Шувалова — см. гр.
 Полье.
 Шаховской, кн. Александр Алексан-
 дрович — 33, 56.

- Шаховской, кн. Константин Яковлевич — 55.
 Шекспир, Вильям — 14.
 Шенье, Андрей — 84—86, 95—97, 99, 100, 114, 115, 121, 203, 324, 325.
 Шереметев, Василий Васильев. — 193.
 Шереметев, гр. Сергей Дмитриевич — 190.
 Шереметева, Елизавета Соломоновна, р. Мартынова — 162.
 Шиллер, Фридрих — 303.
 Шплов, Алексей Алексеевич — 77.
 Шильдер, Николай Карлович — 77, 80, 81.
 Schieman, Th. — 88.
 Ширинский-Шихматов, кн. Платон Александрович — 30.
 Шляпкин, Илья Александрович — 98, 209, 229, 255—257, 342—344.
 Штейнгель, бар. Владимир Иванович — 52, 73.
 Шторх, Николай Андреевич — 16.
 Штрайх, Соломон Яковлевич — 294.
 Шубинский, Сергей Николаев. — 297.
 Шувалова, гр. Варвара Петровна, р. кн. Шаховская — см. гр. Полье.
 Шувалова, гр. Прасковья Андреевна — см. кн. Голицына.
 Шульгин, Александр Сергеевич — 112, 113.
 Щеглова, София Алексеевна — 61.
 Щегловитов — 363.
 Щеголев, Павел Елисеевич — 256, 345.
 Щербаков, Василий, Федорович — 301 — 303, 309, 314.
 Щербаков, Федор — 301.
 Щербатова, кн. Прасковья Павловна — см. кн. Юсупова.
 Щербачев, Юрий Николаевич — 51.
 Щербинин, Михаил Андреевич — 42, 50, 51, 176, 178.
 Энгель, Федор Иванович — 125.
 Энгельгардт, Василий Васильевич — 41, 50.
 Эссен, гр. Петр Кириллович — 145.
 Эфрос, Абрам — 36.
 Юдин, М. Л. — 99.
 Юрьев, Федор Филиппович — 41, 50.
 Юсупов, кн. Николай Борис. — 311.
 Юсупова, кн. Прасковья Павловна, р. кн. Щербатова — 141.
 Яблоновский, кн. — 258.
 Языков, Михаил Александр. — 368.
 Яковлев, Василий Алексеевич — 257.
 Яковеев, Михаил Лукьянович — 18.
 Якубович, Александр Иванович — 50, 193.
 Якушкин, Вячеслав Евгениевич — 21, 168, 169, 172, 173, 175, 185, 189, 209—213, 217, 229, 230, 240, 241, 318—320, 328, 329, 335, 337, 344, 372.
 Ярцева, Любовь Васильевна — см. гр. Суворова-Рымникская, кн. Итальянская.
 Ясвижский (?) — 73.
 Яшвиль, кн. Владимир Владимирович — 156.

СОДЕРЖАНИЕ.

От автора	5
Сокращения	6

I. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ.

Пушкин и князь А. М. ² Горчаков	9— 17
Поэма «Монах»	18— 38
«Зеленая Лампа»	39— 68
Пушкин и Николай I	69—149
1. Первая встреча в 1826 году	69— 95
2. Пушкин в политическом процессе 1826 — 1828 года	95—126
3. Николай I в дневнике Пушкина	126—140
4. Последнее свидание в 1836 году	140—149
Из разысканий в области биографии и текста Пушкина	150—254
Амалия Ризнич в поэзии Пушкина	255—275

II. К БИОГРАФИИ ПУШКИНА, ЗАМЕТКИ И МАТЕРИАЛЫ.

Неприличный поступок Пушкина	279—280
К истории пушкинской масонской ложи	281—285
Из семейных воспоминаний о кишиневской жизни Пушкина	286—292
Декабрист И. И. Горбачевский о Пушкине. Фактическая справка	293—296
Пушкин и Н. М. Рылеева	297—299
Свадьба Пушкина и московские студенты	300—314

III. ПУШКИНСКИЕ ТЕКСТЫ.

Поэтические тексты	317—334
Заметки к тексту Пушкина	335—346

IV. РАЗНОЕ.

Пушкинское	349—351
Два перевода «Клеветникам России»	352—360
И. А. Гончаров — цензор Пушкина	361—368
Мудрость Пушкина	369—374
Указатель личных имен	375—385

Цена 5 руб.

